Огни Кузбасса

№ 4 / 2019

Поезд «Фёдор Достоевский»

В Кузбассе запущен электропоезд «Фёдор Достоевский». Литературно-познавательный проект реализовался по инициативе Союза писателей Кузбасса, отделения Западно-Сибирской железной дороги и агентства по туризму Кемеровской области. В рейсе-открытии выступили писатели, музыканты, артисты и библиотекари.

Начальник департамента культуры и национальной политики администрации Кемеровской области М. А. Евса и и. о. начальника Кемеровского отделения Западно-Сибирской железной дороги Н. Г. Милонов

Б. В. Бурмистров

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель Союза писателей России

М. А. Евса,
г. Кемерово, начальник департамента культуры и национальной политики Кемеровской области

И. Ф. Фёдорова,
г. Кемерово, председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики Совета народных депутатов Кемеровской области

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат Государственной премии им. М. Горького, главный редактор журнала «Наш современник»

В. И. Лихоносов,
г. Краснодар, лауреат Государственной премии им. М. Горького, главный редактор журнала «Родная Кубань»

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии «Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним связям и имущественным отношениям Кузбасского филиала ООО «Сибирская генерирующая компания»

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 4 / 2019

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА,
Вера ЛАВРИНА,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Марина ЧЕРТОГОВА,
Евгений ЧИРИКОВ

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Виктор Брюховецкий. Неровное дыхание любви 3
Глеб Михалёв. Завтра будет снова 56
Алексей Бурко. В одиночку и парами 58
Андрей Расторгуев. Время наше – и бремя наше 67
Михаил Базилевский. Девочка играет на песке 70
Сергей Озеров. Предъявляю жизни счёт! 77
Юлия Веретенникова. Крапивная рубашка 78

ПРОЗА

Даниэль Орлов. День шахтёра. Повесть 6
Анатолий Кирилин. Злое дитя. Рассказ 60
Татьяна Конева. Три рассказа 72

ПУБЛИЦИСТИКА

Борис Дюкин. Диалог 80

ОЧЕРК

Эдуард Анашкин. Содержать себя в нравственной чистоте и правде 124

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Людмила Чидилян. Встречи в хосписе 131

КНИГА ПАМЯТИ

Елена Трухан. Искренне, Ничик... 149
Светлана Старовойтова. «Ни слова без души...». К 85-летию Виктора Баянова 154
Владимир Шумилов. Мечта всей жизни – жить среди живых 156
Игорь Мангазеев. Рождение поэта. Владимир Матвеев на пути от Волги до Томи 158

РУССКАЯ ШКОЛА

Галина Карпова. В поисках высшей Истины 161
Тамара Рубцова. Аз есмь и я люблю 163
Виктор Чурилов. Две встречи 166

СВЕТЛИЦА

Вера Сандакова. Стихи 167
Мария Дорохова. Алиса. Рассказ 167

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Екатерина Тюшина. Непохожая на всех. Анна Дронова 168

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин** 170

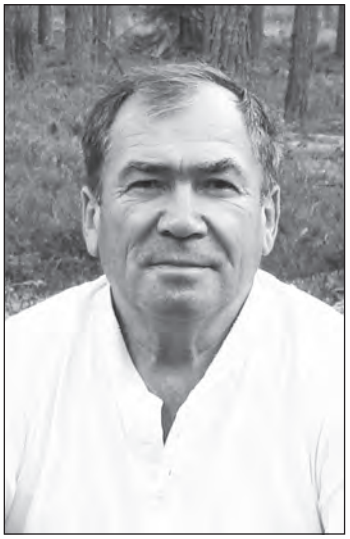
Русскому писателю Василию Макаровичу Шукшину – 90 лет

(1929–1974)

* * *

Ещё ни холодов, ни льдин,
Земля тепла, красна калина.
А в землю лёг ещё один
На Новодевичьем мужчина.
«Должно быть, он примет не знал, –
Народец праздный суесловит, –
Смерть тех из нас всех прежде ловит,
Кто понарошку умирал».
Коль так, Макарыч, не спеши,
Спусти колки, ослабь зажимы.
Пересними, перепиши,
Переиграй – останься живым.
Но, в слёзы мужиков вгоняя,
Он пулю в животе понёс,
Припал к земле, как верный пёс…
А рядом куст калины рос –
Калина красная такая.
Смерть самых лучших намечает –
И дёргает по одному.
Такой наш брат ушёл во тьму!
Не буйствует и не скучает.
А был бы «Разин» в этот год…
Натура где? Онега? Нарочь?
Всё – печки-лавочки, Макарыч, –
Такой твой парень не живёт!
Ты белые стволы берёз
Ласкал в киношной гулкой рани,
Но успокоился всерьёз,
Решительней, чем на экране.
Вот после временной заминки
Рок процедил через губу:
«Снять со скуластого табу
За то, что он видал в гробу
Все панихиды и поминки.
Того, с большой душою в теле
И с тяжким грузом на горбу,
Чтоб не испытывал судьбу,
Взять утром тёпленьким в постели!»
И после непременной бани,
Чист перед Богом и тверёз,
Взял да и умер он всерьёз –
Решительней, чем на экране.
Гроб в грунт разрытый опуская
Средь новодевичьих берёз,
Мы выли, друга отпуская
В загул без времени и края…
А рядом куст сирени рос –
Сирень осенняя, нагая…

Ольга ФОКИНА



Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ

НЕРОВНОЕ ДЫХАНИЕ ЛЮБВИ

* * *

... И постучишься в дверь. И не спеша
Войдёшь в мой дом и грустно улыбнёшься.
Рукою бережно волос моих коснёшься.
И нежностью наполнится душа.

И спросишь, словно о своём скорбя:
– Ну как ты жил один все эти годы?
– А я не жил. Я просто ждал тебя,
Как вечный пленник ждёт глоток свободы.

* * *

Какие тёплые глаза...
Какие горестные руки...
Смотрел задумчивый вокзал
На скромный ритуал разлуки.
Она и он.
Банально?
Да.
И неуютно, как в ненастье...
Но вот поделена беда
На две примерно равных части.

...Она вошла в вагон. Присела.
Какое крохотное тело!
Затем она сняла кольцо,
В ладони спрятала лицо,
И всё. Ни вздоха и ни стона,
Ни капли лжи, ни капли зла...
И долго жители вагона
Смотрели, как она везла
Свою беду, свою вину
В ладонях через всю страну.

* * *

На каждом крестатом столбе – по орлу,
Гудят провода, и Руслановой голос
Из чёрной тарелки плывёт по селу...

Берёзовый лес, обнажённый по пояс,
Раскрыт и распахнут до самого дна.
Немые курганы седы и суровы,
Ни зверя в степи, ни крыла, ни подковы,
И только отвесно стоит тишина,
Да густо шуршит золотая пшеница,
Да всполохи блещут, как росчерк ножа.
Земля пахнет хлебом при слове «зарница»,
Земля пахнет кровью при слове «межа».
Прислушаюсь к небу – как чисто оно!
Конечно, зарница. Конечно, зарница!
И колос усат, и пролётная птица
Вот-вот и опробует это зерно.

БРЮХОВЕЦКИЙ Виктор Васильевич *родился в городе Алейске Алтайского края в 1945 году. В 1962 году переехал в Ленинградскую область, в посёлок Кузьмоловский. Служил три года в Советской армии, в ракетных войсках, под Плесецком. Окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения, работал инженером на Опытном заводе Государственного института прикладной химии. Лауреат таких литературных премий, как: Пушкинская (Нью-Йорк, 1994), Всероссийская им. А. Прокофьева (СПб., 2012), Губернаторская им. Р. Рождественского (Барнаул, 2014), Всероссийская православная им. св. влк. кн. Александра Невского (СПб., 2016), журналов: «Нева» (2004), «Москва» (2004), «Наш современник» (2011). Автор пятнадцати книг. Публиковался в журналах: «Сибирские огни», «Подъём», «Огни Кузбасса» и также многих других. Член Союза писателей России. Живёт в посёлке Кузьмоловском.*

* * *

Я, конечно, умру.
Хорошо б – на миру.
Хорошо бы, чтоб речка и крест на юру!

Чтоб зимой чистота,
Чтоб весной пестрота,
Чтоб под осень калина в крови у креста.

Друг придёт навестить,
Враг – прощенья просить,
Незнакомый зайдёт постоять, погрустить.

Ни о чём не ропщу.
Всех приму и прощу...
Я с весёлым – весёлый, я с грустным – грущу.

На тропе межевой
Стану просто травой…
Положите меня на закат головой!

Пусть плывут сквозь века
Надо мной облака,
Удивляясь и плача – как жизнь коротка.

* * *

Дома пусты, и улица пустынна,
Проносит ветер соль солончака,
Над крышей почерневшего овина
Отарой кучерявой облака,
Вскипая по краям, отходят к югу,
Теснятся и, грузнея изнутри,
Роняют дождь...
Всё движется по кругу...
Что, Господи, творишь, то и твори!
Плещи крылом в черёмухах зелёных,
Верши зароды, бей копытом шлях,
Коси хлеба и охраняй влюблённых,
Звездой падучей грохочи в горах;
Детей расти! Сверкающую ленту
Гни в радугу, разрядами сверкай...
Что хочешь делай,
Но планету эту –
Прошу! – из рук своих не выпускай.

* * *

Гром прокатился по затылку,
Затем за ворот – по хребту,
И где-то под коленом жилку
Нашёл единственную ту,
Что в пот бросает.
И противен
Стал самому себе. Тоска…
А через миг ударил ливень
В созвездье левого виска,
И окропило с ног до нитки,
И врос я в чёрный слой земли…
А рваных туч кривые слитки
Из преисподней шли и шли.

И думалось – достало б силы
Остаться ровным и притом
Не знать, что вот сейчас хлыстом
У края собственной могилы

Из чёрной тучи, свысока,
Ударит молния отвесно,
И я войду, как гвоздь железный,
В планету эту
На века.

* * *

Упиралась вода...
О. Мандельштам

То не выпь на Тоболе трубит – плотогон!
В связке сосны и ели. Раздрай и разгон.

Ствол восходит свечой в серых брызгах воды –
Берегись, человек, далеко ль до беды!

На Тоболе темно и на Каме темно.
Золотою корою бревно о бревно

Мягко трётся, и берег, незримый в ночи,
Дышит синим и белым, кричи не кричи.

А над скопищем брёвен, над прорвою вод
Чёрным платьем в горошек трясёт небосвод.

Пена бьётся у ног, влага рвётся с ковша...
И Воронеж хорош, и Сибирь хороша!

* * *

Тихим светом наполнились окна,
Сумрак кошкой ползёт от двери,
Старый тополь, притихший и мокрый,
Греет листья в ладонях зари.

Первый луч пробежал по деревьям,
Глянул в окна и брызнул – в поля!
И ослабла на шее деревни
Горизонта тугая петля.

Рукомойник гремит. Пахнет мылом.
Слышен скрип дергача на лугу...
Вспоминаю – когда ж это было? –
И припомнить никак не могу.

СВАРЩИК

Здесь пахнет железом, здесь пахнет тавотом,
Здесь воздух пропитан и гарью, и потом!
Здесь Славка Данилов, закрытый забралом,
Как Бог-громовержец, играет с металлом.
«Четвёркою» чёрной в своём «держаке»
Он радугу держит в спокойной руке.
И швы боковые, и швы потолочные
Из-под электрода – красивые, точные...

Я в Славку влюблён, и тому ли виною,
Что голодом бит он и стрелян войною,
Что Славка – старик, что у Славки – беда,
Что Славка меня понимает всегда...

Он маску отложит, такой угловатый,
Закурит, потом улыбнётся щербато,
Мол, вот – проверяйте, всё точно, как задано...
Лицо его клеено, штопано, латано!
И метки войны, кем-то сшитые в линии,
Как швы на металле – бугристые, синие...

* * *

Всё тусклей становилась небес бирюза,
Всё темнее тревожные мысли,
И когда глаукома доела глаза,
Он купил себе краски и кисти.

Он садился к столу, он свечу выключал
И на чистом четвёртом формате
В правом верхнем углу звёздный свет намечал,
И светлело от звёздного в хате.

И ложились мазки, и яснел его взор,
И по древним оврагам и склонам
Краски жизни текли, заполняя простор
Голубым, золотым и зелёным.

ЛЕБЕДИНОЕ ПЕРО

Закат погас. Луна сквозь листья сада
Роняет на тропинку серебро.
Со мною – ты, и ничего не надо...
Очиним лебединое перо!
Гусиным можно, можно ястребиным, –
Их, перьев этих, столько на лугу! –
Но о любви нельзя нелебединым:
Любым иным я просто не смогу.
Я напишу: «Как пахнут Ваши плечи!..»
Я прикоснусь губами к завитку,
И загорятся, засверкают свечи
В зрачках твоих, читающих строку.
– Так просто всё?..
– Конечно, очень просто...
Ведь это лебедь...
Небо...
Перелёт...
По этому перу стекали звёзды,
По этому крылу стреляли влёт!
Оно стонало, билось и плескалось,
Кипело страстью, рвало небосвод,
Оно такой любовью пропиталось!

...И не заметим мы, как перейдёт –
Под занавесок лёгких колыханье,
Под шум листвы – попробуй, улови! –
Поэзии неровное дыханье
В неровное дыхание любви.

Даниэль ОРЛОВ

ДЕНЬ ШАХТЁРА

Повесть

В День шахтёра в Инте били таксистов. Это была старая, привычная забава. Им припоминали всё за истекший год: и несданную с рубля сдачу, и маршруты в объезд, потому что «там ремонт», и тройные тарифы новогодней ночи. Но главное, им припоминали водку, ту, которой таксисты торговали круглый год, водку-самокатку, водку-палёнку, водку по тройной цене, какую даже на пьяном углу никто не ломил, опасаясь, что шахтёры, не найдя на троих, от жажды спалят весь квартал.

Таксистов вылавливали у вокзала, где они, подняв стёкла и не выключив двигатели, ёжились от страха, но ждали пассажиров с пассажирского Котлас – Воркута. Те, кто сидел в машинах, ещё успевали дать по газам, не обращая внимания на колдобины и ямы в асфальте, цепляя днищем об их острые края с жестяным скрежетом и отчаянно давя на гудок. Но тех, кто беспечно или, хуже того, в надежде на пруху оставляли таксомотор на площади, а сами шли на перрон поближе к прицепным ленинградским вагонам, где пассажир пожирнее, потому и навар с такого гуще, тех били сладостно.

Их забирали с перрона, клали ладони на плечи и с обеих сторон сжимали мускулистыми пальцами засунутые в карманы руки. Их вели за здание вокзала, на заплёванный пятачок в зарослях каких-то кустов, и там молча проводили краткую красивую расправу, лупя по шее, отрывая рукава у кожаных курток и вороты крепкой фланели клетчатых пакистанских рубах. Что говорить-то? И так всё понятно. Понятно за что, понятно почему. Напоследок таксист получал по носу и потом, отплёвываясь, сморкаясь кровью и сопя, долго топтался на небольшом пятачке в запахе мочи, собирая выпавшую из карманов мелочь, ключи и ломаные сигареты. Зачастую таксисты сами были бывшими шахтёрами, вышедшими на пенсию или ушедшими с шахты по состоянию здоровья. Потому всё понимали. И прощали. И зла на своих не таили. Об одном лишь они сожалели, что пока они приводили себя в порядок и шарили среди мусора в поисках ключей от машины, по перрону, шаркая, прошли с тяжёлыми чемоданами пассажиры прицепных ленинградских вагонов поезда Котлас – Воркута. Пассажиры прошли по перрону, скрылись в здании вокзала, появились из здания вокзала уже со стороны площади и сели в подошедший автобус.

1

Андрей попал в Инту в конце восьмидесятых и остался теперь уже, как думал сам, навечно.

ОРЛОВ Даниэль Всеволодович *родился 18 июля 1969 года в Ленинграде. Прозаик. Геофизик по образованию. Работал в экспедициях на Полярном Урале. Автор сборника рассказов «Офис-Дзен», романов «Долгая нота», «Саша слышит самолёты», «Чеснок». Рассказы и повести печатались в журналах «Дружба народов», «Зензивер», «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Наш современник» и других. Лауреат премии им Н. В. Гоголя. Лауреат международного драматургического конкурса «Автора на сцену!». Лауреат премии журнала «Дружба народов» за 2018 год. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и международного PEN-клуба. Президент фонда «Русский текст». Живёт в Кронштадте.*

Северное небо врачевало, как врачевало до того сотни других несчастных. Оно буднично собирало молитвы, запечатывало в шершавые наощупь конверты из крафтовой бумаги и отправляло дальше, туда, где если и жил адресат, то никак не проявлял своё существо.

На зоне он провёл только год, потом был переведён в колонию-поселение, в которой по попустительству времени, потерявшему власть над людьми, жил вовсе уже вольно.

Наслушавшись рассказов «бывалых», начитавшись ещё за время службы статей в «Огоньке», ждал он от заключения лютого человеческого бесстыдства. И когда на этапе попал под горячую руку мальчишек-конвойных, получается, что всего-то на полтора года младше его призывом, и лежал в проходе, в луже собственной мочи из лопнувшего полиэтиленового пакета, прижав локти к животу и вжав голову в плечи, пока били пахнущей гуталином кирзой, думал, что это только начало, и был готов смириться и уйти в такую глубину своей души, куда не долетают даже звуки орущих за сопками гусей. Но на зоне ему, против всех ожиданий, показалось спокойно и както справедливо. Эта почти математическая модель мироустройства, когда от каждого поступка протянута ниточка к последствию. И ниточки те видны, и морозным утром они блестят от инея, и на них, как на провода, может сесть малая таёжная пичуга, чтобы чирикнуть что-то напоследок, перед тем как вовсе пропасть.

Бог милостив. Не подцепил он в колонии никакой лагерной бактерии, никакой болячки на душу, никакой подлости не совершил и по отношению к себе подлости не запомнил. Только когда уже выписали ему подорожные и шёл Андрей на станцию, чтобы взять билет до Пскова, лопнул внутри него маленький кулёчек со слезами. Шёл, наступая на тонкие прутики карликовой берёзки и прошлогодние метёлки иван-чая, напрямик по насыпи старой узкоколейки, проложенной от одного заброшенного лагеря до другого и пятый десяток лет после того дышащей в тундру разогретым дёгтем. Шёл и плакал. Должно было распирать его от лёгкости и счастья долгожданной свободы, ан нет, кололо и мешало дышать шершавое и неуютное нечто под подкладкой куртки. И в том неуютном и маятном копилась не то самая жестокая казнь, не то будущая сила. За два часа дороги сказал он себе то, о чём последний год всё чаще думал и на что никак не мог решиться. А перевалив через водораздел, посмотрев сверху на размазанный между сопок белёсый плевок крыш Харпа, вместо станции спросил дорогу в здешнюю геологическую контору и договорился на сезон рабочим. И когда договаривался, уже знал, что сезоном дело не ограничится. Похоже, что придумывал он себе тогда новую жизнь, да и придумал.

После четырёх месяцев работы «на камнях», как тут называли добычу поделочного камня для ювелирного и кустарного производства, Андрей получил щедрый расчёт. Послушав других бичей, прыгнул в еле колготящийся мимо сопок дизель-подкидыш и отправился на сто десятый километр, откуда стартовали вездеходы, забрасывавшие буровиков в лесотундру, в долину Макар-Рузь, надеялся уговорить начальника отряда взять рабочим на буровую. Но все буровые расчёты оказались укомплектованными даже сверх штата. Бичи, те, кто порезвее да поопытнее, успели столковаться ещё весной. По всему Полярному Уралу в этом году партий на зимник отправлялось мало, а лимит на буровые работы срезали ещё год назад, когда Андрей был «на химии». Бурили только на алмазы, но на алмазы сидельцев вроде как не брали. Многие подумывали о том, чтобы переплыть Обь и «забросится» с Салехарда с местными партиями по востоку Сибири и на Ямал. Рассказывали, что тамошнее управление получило квоту на сгущение сети и привлекает рабочую силу со всего Союза. Андрею идея не нравилась. Решил он всё же попытать счастья в Кожыме, небольшом рабочем посёлке на участке дороги от Сейды до Котласа, возникшем, как и многие другие, на месте бывшего лагеря. Там, в Кожыме, располагалась база ВоГЭ, Воркутинской горной экспедиции, самой богатой и влиятельной конторы на всей этой огромной территории от Печоры и до Воркуты, от Усы и до Лабытнанг. Рассказывали, что раньше в Кожыме добывали кварц для отечественной электронной промышленности, но теперь промышленность пришла в упадок, а вместе с ней и посёлок.

Андрей переночевал в котельной, куда его устроили случайные знакомцы, и на следующий день, не дожидаясь котласского, сел в дизель Лабытнанги – Сейда, полный такого же, как и он, кочевого народа, перемещающегося по кромке полярного круга в поисках где бы чего заработать. В том поезде и поджидал его великий северный фарт. Чудом ли, Господним ли провидением, но оказался он в одном вагоне с

самим начальником ВоГЭ, Егором Филипповичем Теребянко, возвращавшимся из инспекционной поездки по дальним отрядам, работавшим на западных склонах хребта Рай-Из.

Не случилось на северах человека более известного и уважаемого, нежели Теребянко. В ту пору ему только исполнилось тридцать шесть, но по хваткости, крутости нрава, а главное, по вдохновляемому постоянным трудом научному таланту походил он не на ровесников или коллег из других управлений, а скорее на легендарных покорителей Севера, именами которых названы улицы в городах вдоль полярного круга. Да и сам он любил повторять на собраниях коронную фразу-девиз: «Для Севера нужен человек, умноженный на два, и чтобы всё остальное, кроме работы, торчало за скобками. Или так, или берите расчёт и отправляйтесь в Крым сажать патиссоны». Эти патиссоны в Крыму появлялись в его речи то и дело и служили символом никчёмной жизни никчёмного человека. Сама максима среди народа сжалась до лаконичного: «Или умножайся, или патиссоны сажай».

«Вы там про борт ничего не слышали? Нам перебрасываться надо. Третий день сидим, патиссоны сажаем, как тут умножишься», – скрежетало в рации, висевшей на столбе в балке начальника отряда на горе Чёрной, где колол камень Андрей в своё первое вольное лето.

Андрей никогда раньше Егора не видел, но едва состав заскрежетал тормозами на станции Полярный, следующей за Сто десятым километром, в вагоне зашептались: «Теребянко!», «Мужики, Теребянко к нам грузится».

А когда по проходу пошёл высокий, светлоглазый и светловолосый человек, не по-северному гладко выбритый, с аккуратно постриженными висками, в выгоревшей до белого цвета куртке-энцефалитке с шевроном Мингео СССР, называемом в народе поплавком, к нему потянулись со всех купе.

– Здравствуйте, Егор Филиппович!

– Наше почтение, начальник.

– Товарищу Теребянко привет, милости просим к нам.

Приглашали все. Теребянко протянутые руки не пожимал, кивал сухо, иногда ронял «здравствуйте» и бу́хал по проходу закатанными «под манжет» болотными сапогами, отыскивая купе посвободней.

Андрей ехал один. Он сидел у прохода, где гулял ветерок, и читал книжку, обёрнутую в газету, прислонившись к блестящей штанге для ступеньки.

– Не помешаю? – Теребянко, не дожидаясь ответа, снял с плеча звякнувший чем-то металлическим рюкзак и положил на верхнюю полку.

– Да, пожалуйста, – Андрей потянулся и переставил на свою часть стола открытую банку «Завтрак туриста» и бутылку лимонада «Дюшес».

Теребянко покосился на банку, на лимонад, потом перевёл взгляд на Андрея, потом на книжку, протянул руку и поманил пальцем. Андрей отдал книгу.

– Ричард Диксон? «Пособие по английскому языку для начинающих»?

– Ез ыт ыз, – угрюмо ответил Андрей.

– Сидел?

– Год на зоне и два химии.

– Статья?

– Сто шестая. Убийство по неосторожности. Условно досрочное.

– Дорожно-транспортное? – Теребянко сощурился.

Андрей кивнул.

– Образование?

– Среднее техническое.

– Специальность?

– Механизатор-тракторист, – чётко выговорил Андрей и добавил: – Четвёртый разряд.

– Сейчас куда?

– Отработал лето на Рай-Изе, теперь домой, к родителям, в Псковскую область, – зачем-то соврал Андрей. Он вдруг застеснялся своей неустроенности и того, что нет работы.

– Могу предложить ко мне помбуром на зимний сезон. У меня некомплект. Пойдёшь?

– Я на буровой не работал, думал, если устраиваться, разве что рабочим.

– Разберёшься, если механизатор. Идёшь?

– Иду, – улыбнулся Андрей.

– Ну и молодец! – Теребянко рассмеялся и протянул ладонь: – Егор, начальник здешней экспедиции.

С лёгкой руки начальника все стали называть Андрея Англичанином. Прозвище прилипло так крепко, что даже в табеле, в который тот сунул нос, чтобы посмотреть, сколько ему полагается отгулов, не смог найти своей фамилии и лишь потом в самом верху увидел: «Англичанин».

Проработал Андрей у Теребянко три сезона подряд, почти не вылезая из тайги. В общежитие для сезонников не устраивался. В короткие про-

межутки между вахтами жил в Интинской гостинице со случайными людьми в номере на четыре человека, по два раза в день балуя себя раскалённым душем. Почти всё, что зарабатывал, отправлял родителям почтовым переводом. Оставлял себе по пятнадцать рублей в месяц, что хватало как раз на гостиницу да на сигареты. Выпивку Андрей не жаловал, потому на вахтах не страдал, а в промежутках не экономил. Ходил в экспедиционном облачении – энцефалитке с чужого плеча, ладных рабочих брюках джинсового покроя из палаточной ткани и туристических ботинках, из которых торчали полосатые гетры. Зимой добавлялись ватник-бушлат с воротником искусственного сизого меха и вязаная шапочка с козырьком, которую здесь почему-то называли «шлема», с ударением на последний слог.

Осенью следующего года, в конце сезона, когда начался массовый исход ленинградских и сыктывкарских партий геофизиков, Теребянко поймал Андрея на вертолётной площадке в Кожиме, где тот помогал выгружать ящики с керном из пузатого, воняющего горелым керосином Ми-8.

– На вахту не намыливайся. Этот сезон пропустишь вчистую. Сейчас собирай манатки и рысью на дизель до Инты, я договорился, тебя берут в тамошнее училище при комбинате. Документы твои уже прислали. Часть предметов зачтут плюс дадут общагу, стипендию. Весной выпустишься, оформлю тебя в ВоГЭ в постоянный штат буровым мастером по пятому разряду.

– Так, а как же ребята без помбура?

– Не твоего ума дело.

Андрей замялся, вспомнив, что денег у него совсем не осталось, позарился давеча в универмаге на транзистор.

– Может быть, ещё одну вахту? Я все деньги домой отослал, и вот, – Андрей показал на «Альпинист», висящий на ремне. – Не удержался, купил себе музыку.

– Не обсуждается. У меня бичей хватает, мне специалисты нужны. Ерундой заниматься да музыку слушать всякий мечтает.

«Для этого на Севере делать нечего, езжай поливать патиссоны в Крым», – мысленно продолжил Андрей за Теребянко.

– Север такого не терпит, для этого вон – Крым. Хочешь безделить, езжай патиссоны поливать. Понял?

– Так точно, – по-военному ответил Андрей.

– Давай, Англичанин, успехов тебе, – Теребянко стукнул его легонько кулаком в грудь и широко зашагал в сторону балков, где жили ожидавшие заброску на гряду шурфовики. Он прошёл по деревянным мосткам через ржавую грязь, изборождённую вездеходами до края вертолётки, повернулся и крикнул:

– Зайди в бухгалтерию, скажи, что я просил тебе матпомощь на сорок рублей выписать.

– Не поверят, – прокричал в ответ Андрей.

Но Теребянко уже не слышал, борт завёл двигатель, и шум винтов разметал слова по тундре.

2

Секретарша, принимавшая от Андрея анкету, которую тот заполнил аккуратным мелким почерком, таким же, как у отца (он усиленно копировал этот почерк ещё в школе), покачала головой:

– Если бы не Егор Филиппович, тебя бы не взяли. У нас ясное указание – с судимостью не брать. Мы подобный контингент стараемся спровадить с Севера, а вам здесь словно повидлой намазано. Готовы прямо у ограды лагеря поселиться. Это зачем? Чтобы время на дорогу потом не тратить, когда опять подсесть решите?

Андрей молчал.

– Или ты какой особенный, что сам Теребянко хлопочет? Родители, поди, важные? Из партийных секретарей? Номенклатура?

– Нет. Обычные родители.

– Отец – механизатор, мать – служащая, – прочитала секретарь в анкете. – Что значит «служащая»? Где служит? Кем?

– В совхозном правлении, экономистом. Это важно?

– Всё важно, когда абитуриент с судимостью. Борис Борисыч говорит…

Но что говорит Борис Борисович по этому поводу, Андрей уже не узнал. Дверь приёмной отворилась, и вошёл он сам, плотный, начинающий некрасиво лысеть чернявый мужчина в сером немодном костюме.

Он бросил взгляд на Андрея и заулыбался:

– Краснов?

Андрей кивнул и встал.

– Прекрасно! Раечка, – он осёкся, – Раиса Евгеньевна, выписывайте Краснову талон на поселение в общежитие и сами позвоните Семёну, чтобы не дурил и не совал парня на первый этаж, пока трубы не починит. Скажите, что я лично проверю, это теребянковский кадр.

И уже опять обращаясь к Андрею:

– Как там тебя зовут? Аргентинец?

– Англичанин, – выдавил Андрей неожиданно склеенным голосом.

– Что за прозвище такое? В Англии был?

– Собираюсь, – Андрей прокашлялся. – Если пригласят.

– Ну ладно. Экзамен по иностранному языку сдашь, может, и пригласят, – директор хохотнул, – по обмену опытом. Ну, будь здоров! И да, вот ещё. В комнатах чтобы не курили там! Спалите общежитие, нам новое строить не на что.

В училище Андрей оказался самым старшим на курсе. Учебный год месяц как начался, и первокурсники успели друг с другом перезнакомиться. Многие и без того были знакомы, ходили в одну школу и жили по соседству. О его судимости, как и о том, что за него хлопотал сам Теребянко, прознали быстро. Сперва сторонились как чужого, старшего и «с биографией», приглядывались, не станет ли буреть. Но Андрей держался с достоинством, на рожон не лез. Тогда местная шпана попыталась ради самоутверждения позадирать новичка, Андрей не реагировал. Лишь однажды поймал в узком коридоре возле столовой за локоть самого рьяного, сжал так, что у того слёзы на глазах выступили, и тихо, уверенно произнёс: «Хватит». От него отстали.

Учился Андрей, как он сам это называл, «между этажами». Посещал какие-то уроки с первого, какие-то со второго курса, а всё равно оказывалось, что возникает, откуда ни возьмись, свободное время, когда ни на одном, ни на другом курсе нет предметов, которые ему поставили в индивидуальный план. В такие дни шёл Андрей в библиотеку училища, брал книжки по истории или журналы «Наука и религия» и проводил целый день за столом, пока библиотекарша не начинала греметь ключами и щёлкать выключателями.

Библиотека занимала сдвоенный класс на первом этаже и тут, как и в общаге, почти не топили. Горячая вода из котельной подавалась сначала на чердак, а только потом разливалась по ржавым, забитым окалиной трубам вниз по классам и мастерским. Библиотекарша сидела за своим столом в закутке, огороженном стеллажами, в куртке и пуховом платке. Против всех норм пожарной безопасности по несколько раз на дню на тумбочке бурлил кипятильник, опущенный в литровую банку. Библиотекарша заливала кипяток в резиновую грелку, заворачивала её в вафельное полотенце и так согревалась.

То и дело он чувствовал на себе её щекотное внимание, но поймать его не удавалось. Девушка успевала отвести взгляд за вздох до того, как поднимал голову он. Андрей вроде бы не нарочно (или он только не признавался себе), но садился так, чтобы она могла его видеть или он её. Хотя разглядеть-разобрать что-то из-за очков в широкой оправе, пухового платка было сложно, почти невозможно. Казалось, что библиотекарша прячется. Но он видел кисть её руки с пальцами-веточками, запястье в веснушках, слышал голос, такой, как у одной актрисы в телевизоре, не то хрипловатый, не то мягкий. Такой голос, что хочется кино то досмотреть до титров в самом конце. И уже не важно, что голос произносит лишь формулу-заклятие: «Заполните формуляр», совсем неважно.

Что до неё, то ей казался интересным этот долговязый, островатый взглядом и жестом парень или вовсе и не парень, а молодой мужчина. «Мужчина с биографией», как тут говорили.

Только стало известно, что в училище появился бывший зек, она никак не могла представить, что увидит его у себя в библиотеке, куда и обычные ученики захаживали исключительно за учебными пособиями да, может быть, за детективными романами, вырванными и переплетёнными из «Иностранки». А этот выбирал книги тщательно, словно бы учился по некой сложной программе, какая подходила бы скорее столичному университету, а никак не скромному ПТУ шахтёрского городка. Читал, сидя за столом, закладок не делал, но всякий раз (она замечала это) перед тем, как закрыть книгу, записывал в блокнотик номер страницы, на которой остановился.

Андрей делил комнату с тремя ребятами со станции Сыня. Это был небольшой посёлок, застрявший между сопок южнее Кожыма, но севернее Печоры. Посёлок образовался, как и многие подобные на северах, на месте железнодорожного узелочка, зачатого одновременно с управлением пятьсот первой магистрали в системе ГУЛАГа. От Сыни отходила одноколейка на Усинск. Потом в отдельных бараках тут же поселились конвойные, охранявшие здешние лагеря, и железнодорожники, обслуживающие участок уже построенной трассы от Печоры до Инты. Со временем большинство лагерей закрылось, а бараки по досочкам и кирпичикам растащили жители для собственного строительства кособоких сараюх, толпящихся почти у каждого дома. В посёлке жили отставники, те, кто после службы

по разным причинам не захотел уезжать на материк, их дети и даже уже внуки. К внукам как раз и относились соседи Андрея по комнате.

Почти все на северах так или иначе кормятся либо с зон, либо с лесосплава, либо с железной дороги. Уголь южнее Инты не добывают, потому с шахт жили от Инты и до Воркуты, да и то, пока те не стали массово закрываться. Все ребята выросли в одном дворе, учились в одном классе, а их отцы гоняли молевый сплав Ижемского леспромхоза по Усе и Печоре от начинавшего то и дело присаживаться на стариковские коленки бывшего всесильного Печорлесосплава. Лес, ещё несобранный в плоты, шёл по Усе до впадения в Печору. Там его уже вязали и гнали дальше аж до Архангельской области, где в Нарьян-Маре сползал с берега в пенную воду экспортный завод. От Сыни до Усинска тошнил дизельный рабочий поезд, на котором вначале отцы, а во время летних каникул и пацаны ездили на смены. Работа эта считалась почётной, денежной. Но который год ходили слухи, что сплав скоро запретят, а весь лес станут вывозить железной дорогой. Да и самого леса с закрытием большого количества зон становилось всё меньше. Раньше вырубки происходили планово, теперь всё более хаотично. Что-то трескалось, хрустело по дальним станциям, что-то неуловимое происходило со всем Севером, а то и с целой страной. Увидеть и понять что, со склонов Уральских гор не получалось, но общее ощущение тревоги и перемен, которые для этих редко посещаемых Господом мест особо мучительны, передавалось от посёлка к посёлку.

Отцы ребят покумекали, обмозговали меж собой, посовещались с соседями и, отвесив отпрыскам звонких подзатыльников, отправили учиться на буровиков в Инту – «чтобы всё нормально было». Они и стали единственными друзьями Андрея. Иначе и быть не могло, если живёшь в одной комнате и кипятишь один запрещённый электрический чайник на четверых.

Разница с ребятами в годах сказывалась. Андрей ощущал ответственность за «пионеров», так он их называл. Пионеры, по их понятиям и чувству вожака, старались старшему товарищу угождать, учитывая возраст того и отсидку, но Андрей заискивания сразу пресёк и был им пусть командир и старший товарищ, но так, словно выпало им одно сражение на всех. Мальчишкам предстояло учиться два года, тогда как Андрею (по индивидуальному плану) в мае назначили выпускные экзамены. Приглядевшись к ребятам (а показались они ему хоть и отчаянными матершинниками и дуралеями, но никак не бездельниками), решил Андрей, что на следующий год сможет убедить Теребянко тоже взять их в ВоГЭ.

Индивидуальному плану Андрея многие завидовали. Шутка ли сказать, бывший урка, а учится как министр, даже на обществоведение не ходит. Весной, перед самыми экзаменами, обязали Андрея ответить у доски на вопросы по апрельскому пленуму партии. Но это было единственное исключение. Все контрольные писал Андрей на пятёрки, так легко, словно было это для него делом привычным. Впрочем, не велика и наука тут преподавалась. Ничего сложного не было ни в тампонажных материалах, ни в организации устья скважин, ни в технологии бурения. Многое он уже постиг на собственном опыте за те три сезона, что работал на гряде.

В первый же день, ещё в Кожыме, буровой мастер Максим Фёдорович Алимов, в бригаду которого Теребянко зачислил Андрея, критически оглядел новичка, хмыкнул и достал из вьючника потрёпанную книжку без обложки семьдесят шестого года издания «Бурение скважин с целью разведки и поиска полезных ископаемых».

– Изучай, Англичанин. Послезавтра буду гонять по всему материалу. Посмотрим, что за кадра мне Егор подсунул.

Весь вечер и всю ночь просидел Андрей за книжкой в вагончике-балке, где его поселили, жёг электричество настольной лампы, читал и время от времени вставал, чтобы подкинуть в печку дров. Октябрь случился холодный, с морозными яркими утренниками. Бичи, соседи по балку, проснулись рано, разворчались, что Андрей всю ночь не давал нормально спать своим светом и шелестом страниц, но ворчали беззлобно: это же как приятно встать, когда в балке натоплено. Сходили на завтрак в столовую рудника, вернулись. Бичи засели играть в буру, а Андрей вновь уткнулся в книгу.

– Эй, профессор, глаза попортишь, ты лучше нюхай страницы или лижи их, больше проку будет, – отпускал кто-то шутку.

– Лучше, конечно, пожевать, но тогда тебя Алимов уконтрапупит, – вторили первому шутнику, но Андрей не обращал внимания. К вечеру он дошёл до последнего параграфа и принялся читать по новой.

– Чувствую, сегодня тоже не достанет нам покоя, – рассмеялся краснолицый, сухощавый,

лет сорока пяти рабочий Сергей Сергеевич, по прозвищу Трилобит, старый теребянковский кадр. – Молодец, Анличанин, Максим таких любит, упорных. Давай грызи науку, я бы и сам чего такое полистал, да после первых строчек засыпаю. Ничего с собой поделать не могу, потому вся моя работа – это поднимай, тащи да картами шлёпай. А ты далеко пойдёшь.

По второму разу учебник Андрей проглядел за пару часов. Все уже спали, когда он отложил книгу на стол, накинул на плечи бушлат, взял пачку «Астры» и вышел из балка.

Нигде небо так крепко не прилипает к горизонту, как на Севере. И только здесь оно, расцвеченное зеленоватыми сполохами сияния, спекается за долгий полярный день в одно целое с тундрой. Пойдёшь далеко-далеко в осеннюю тундру, если повезёт – дойдёшь до Большой Медведицы, а оттуда и до Оби рукой подать. Чиркнула по небу падающая звезда, и Андрей, стесняясь своего порыва, загадал, чтобы всё было хорошо. Что имел в виду, спроси его, наверное, и сказать бы не смог, но ощущение правильности происходящего, знание пути – это чудесная смесь звериного чутья, нутряного голоса и шёпота всех неназванных духов места.

После завтрака Андрей поторопился к персональному балку Алимова. Тот встретил его на ступеньках приставной лестницы. Сидел в распахнутом бушлате, курил и грелся на осеннем солнце.

– Готов?

– Готов, – улыбнулся Андрей и протянул мастеру книгу.

– Ну пошли тогда.

Они встали и по пружинящим деревянным мосткам словно затанцевали в сторону реки, где, сшитые стальными скобами, жухли на солнце берёзовые брёвна вертолётной площадки. Возле площадки громоздились разномастные трофеи бурового скарба. Рядом стояли тягачи и передвижные буровые установки на полозьях с мачтами в походном положении.

– Это что? – Алимов указал рукой на один из прицепов.

– Эм-эр пять а, – уверенно отрапортовал Андрей.

Мастер посмотрел на него пристально и покачал головой,

– Надо было просто сказать «буровая установка», но так, конечно, правильно. Хорошо. А, скажем, это что такое? – Алимов пнул носком ботинка ржавую трубу.

– Обсадная, – с достоинством ответил Андрей, подошёл ближе и добавил: – Для колонкового бурения, на замке.

– На замке… – повторил мастер задумчиво и вдруг резко, словно вёл допрос: – Диаметр инструмента при забуривании?

– Сто двенадцать миллиметров.

– Длина направляющей обсадной?

– Шесть, реже четыре метра.

– От чего зависит?

– От разрушаемости верхних пород.

– Диаметр скважины при бурении алмазной коронкой?

Андрей замялся, мучительно вспоминая. Почему-то эти числа показались ему важными, и он постарался их запомнить.

– Ладно, не старайся. Вижу, что прочитал, – Алимов достал из мятой пачки сигарету «Космос» и чиркнул зажигалкой, выдавшей коптящий язык пламени.

– Пятьдесят девять миллиметров, – выпалил Андрей, и губы его растянулись в счастливой улыбке.

– Да ты уникум, – присвистнул мастер. – Я это, наверное, только через год работы запомнил, всё в справочник подглядывал.

Алимов подошёл ближе и протянул Андрею сигареты, тот взял одну, поблагодарил, прикурил от той же бензиновой коптилки.

– Ладно, Англичанин, похоже, сработаемся. Но у меня закон такой – пока план по метражу не выполнили, вахта домой не возвращается. И никаких вариантов, только санборт, если аппендицит. С больными зубами тоже сидят на вышке, плачут, но работают. Идёт?

– Идёт, – улыбнулся Андрей.

– И ещё: чтобы одеколон не пить! Унюхаю – оштрафую на полевые. Понятно?

Андрей хотел сказать, что он вообще непьющий, но вместо этого опять просто улыбнулся.

3

Бурили по всей гряде. Казалось, что точки, на которые их забрасывали и где они начинали монтировать установки, никак не связаны, но Андрей видел, что есть во всём этом строгая (только лишь на первый, непосвящённый взгляд – неведомая) система, согласующаяся с геологической картой и той наукой, что правили здесь ленинградские и сыктывкарские геофизики.

Любопытства ради он засматривался из-за плеча Максима Фёдоровича в карту, которую раскладывал на столе в вагончике геолог Дейнега, приписанный к тому же отряду, что и их буровой расчёт. Видел изогнутые синие линии с цифрами, а в крест им параллельные линии с номерами скважин. Те, которые уже были отработаны, Дейнега обводил красной тушью и писал рядом какие-то одному ему понятные значения. Дейнега числился у Теребянко по договору с ВоГЭ, состоял в штате Сыктывкарского института геологии, где и получал официальную зарплату и полевые. Среди полевых имел кличку Тёзка из-за того, что звали его, как и начальника, Егором.

Оказались они с Егором ровесниками, оба июльские, потому быстро сдружились. Балагур и хохотун Дейнега легко сходился с людьми, легко приятельствовал, так же легко командовал. На второй точке, куда перебросил их в конце октября вертолёт, поселились поперёк субординации уже в одном балке. И вечерами Егор, отодвинув в стороны полевые журналы, пикетажки, карты, доставал из вьючника пошарпанную шахматную доску и расставлял фигуры. Белой и чёрной ладьи не хватало. Вместо белой кто-то уже очень давно вырезал из подходящей по размеру чурочки неровный цилиндр с зазубринами бойниц на оголовке. А вместо чёрной ладьи стукала туда-сюда по клеткам пустая склянка от корвалола, тёмно-коричневого стекла, с голубой крышкой.

Чаще выигрывал Егор, Андрей совсем редко, лишь тогда, когда Егор, что называется, «отпускал», задумавшись о чём-то своём, помимо шахмат. Но Андрею играть нравилось. Нравилась стройность и логичность пешечного гамбита, эпическая фатальность эндшпиля, когда, загнанный в угол, его король оставался один на один с конницей Дейнеги.

Когда не играли в шахматы, читали под шипенье качающейся волны из транзистора. В углу под нарами стоял коричневый вьючник, набитый книгами и журналами, – полевая библиотека, которую Егор выпросил до весны у Фёдора, начальника пятьдесят второй партии. Вьючник этот, как и огромная алюминиевая фляга, на тридцать литров, с аккуратным круглым отверстием в крышке, составляли главное богатство ленинградцев. Всякий раз, когда пятьдесят вторая грузилась по весне на борт, бортмеханик, наблюдающий за тем, чтобы не было перегруза, цокал языком и качал головой, показывая явное одобрение хозяйственности и предусмотрительности ленинградцев. На Севере со спиртным всегда тяжело, так что собственная самогонная установка могла в случае чего привлечь оказию хитроватого негоцианта из интинского лётного отряда, готового сменять на трёхлитровую банку первача бочку с керосином для ламп или какую иную твёрдую валюту вечного северного натурального обмена: сахар, рыбу, лосятину, порох. На флягу многие, как тут говорилось, «делали стойку», но её геофизики увозили с собой каждую осень и хранили где-то чуть ли не в казематах Петропавловской крепости, тогда как библиотека зимовала на полевом складе вместе со старыми палатками и ржавыми чугунными печками.

– Зачем тебе это? Книги сделают тебя несчастным, – говорил Трилобит, когда заставал Андрея с книжкой в руках. – Ладно, если за науку, но вот так себе душу рвать чужой болью.

Впрочем, Трилобит при внешней колючести оказался добрейшим человеком, вовсе даже и не бичом, а постоянным сотрудником на ставке рабочего-бурильщика шестого разряда. Семья Трилобита, жена и две взрослые дочери, жила в Воркуте, куда тот отбывал между вахтами, всякий раз тщательно выскоблив щёки и отгладив рубашку.

Мог Сергей Сергеич работать и за помбура, поскольку из года в год, из сезона в сезон наблюдал он одни и те же операции, случаясь всякий раз на подхвате. Его добродушный матерок поначалу сопровождал суету Андрея на буровой, пока тот не обвыкся. Одно дело – книжка, другое дело – настоящий запах горячего железа и солидола, визг лебёдки, лязг молотка о сталь и стон натянутого троса.

– Наголовник вначале, мать твою! А потом уже элеватор, – орал Трилобит, – не снимешь со свечи!

И Андрей, пачкаясь в смазке и глине, натыкаясь на всякое на нужном месте находящееся железо, сам, словно единственная лишняя среди этого порядка деталь, мало-помалу, но обретал собственный законный этому оркестру ритм, в какую-то особую долю согласующийся с ритмом работы людей и механизмов.

Когда же впервые самостоятельно, открепив патроны станка и подняв ведущую трубу до выхода из скважины бурильного замка, держащего всю бурильную колонну, заколотив наконец подкладную вилку и уже зафиксировав снаряд на

корпусе труборазворота, Андрей вместе с Трилобитом отвинтил ведущую от колонны и аккуратно, нежно придерживая тяжёлое железо, отвёл станок от устья, услышал он одобрительное карканье Алимова: «Шарит Англичанин».

И в каждом тяжёлом визге-скрежете труборазворота, когда свечу за свечой поднимали на поверхность, мерещилось теперь Андрею это «шар-р-р-рит».

В училище практические свои умения привёл он в стройную систему. И лишь скрепив знаниями из методичек с картонными обложками и потрёпанных учебников, полных подчёркиваний прошлых учеников, почувствовал себя в самом затворе, пусть в малой, но важной детали огромного механизма, крутящего само северное небо над цветной тундрой и чахлой тайгой.

На девятое мая, когда Андрей уже вовсю готовился к экзаменам, а кривляющаяся полярная весна ещё не определилась, пришла она или нет, хотя пэтэушная шпана уже ходила без шапок, заехал к нему в общежитие по дороге из Сыктывкара в Воркуту Дейнега. Привёз малосольного хариуса и полотняный мешочек сушёных подосиновиков.

– А я, брат, женился, – продемонстрировал Егор новенькое, ещё блестящее колечко на безымянном пальце, как только они нахлопались друг друга по плечам. – Красавица, сил моих нет. Тоже из Инты. В нашей лаборатории трудится.

Егор рассказывал про свадьбу, про молодую жену, про то, как они целый год присматривались друг к другу и впервые потанцевали только на институтский Новый год в Доме культуры, а Андрей, слушая и кивая, неожиданно, супротив своего привычного лада, вдруг ощутил одиночество. Захотелось ему обратно, в домик, крашенный синей краской, и чтобы была весна, чтобы аисты сидели на гнёздах, чтобы стучал вдалеке товарный состав, а в воздухе пахло медовым маем и маминым блинами.

Свою личную жизнь, а вернее, планы на таковую Андрей ни с кем не обсуждал, да и не было у него никаких планов. Промеж мужиков такие откровения были не приняты, а с пацанами и говорить не хотелось. Те, напротив, не особо стесняясь присутствия Андрея, полоскали на языках своих одноклассниц, оставленных за сотню километров отсюда, в Сыне. Они скабрезили, похохатывали, но писали письма, старательно выводя слова, и юношеская влюблённость трогательно окрашивала их уши.

Посещали его иной раз ночами фантазии, в которых виделась ему рядом с собой некая женщина, но никого конкретного представить он не мог. То фантом походил на его первую любовь Людку, то на проводницу Ларису из поезда Котлас – Воркута, то на фельдшерицу в лагерной санчасти, жену прапорщика Мирзоева. Который год жил он в каком-то особом мужском мире, куда женщины попадали по случайности или чьему-то (не то Господнему, не то мужнину) недогляду. Попадали парфюмерным облаком, оставшимся в длинном коридоре училища, окрашенным помадой окурком в пепельнице в комнате завхоза или хрипотцой голоса библиотекарши в телефонной трубке, когда он звонил из общежития, чтобы спросить, до которого часа открыто.

– А тут сестра жены, кстати, живёт, на углу Социалистической и Жданова. Один раз её видел, на свадьбе. Красивая. – Егор мечтательно поднял глаза к потолку и поцокал языком. – Такая вся тонкая, волосы вьются, чёрные-чёрные, но, словно прутики, жёсткие. Мы когда танцевали на свадьбе, они щеку мою щекотали. И голос какой-то потусторонний. Но я женат, а это освобождает меня от страданий. Знаешь, чем прекрасно, как оказалось, положение женатого человека?

Андрей пожал плечами.

– Никогда не догадаешься! Прекрасно оно тем, что все остальные женщины теперь для тебя только товарищи и предмет абстрактного искусства. И в том есть единственное, что хорошего сделал человек супротив Создателя. Человек освободил себе время на работу и совершенство мира. Некоторые, правда, используют его на пьянство и безделье, но тех Создатель отличает от остальных людей красным носом и огромным животом.

Егор сидел на кровати Андрея, прислонившись к стенке, и прихлёбывал из большой эмалированной кружки.

– Сейчас чайку выпьем и оставлю тебя наедине с твоими учебниками. Надо ещё к ней забежать, гостинцы передать. У меня целый мешок солонины и письмо. А через пару часов поезд, как раз только доехать до вокзала.

Андрею не хотелось расставаться с приятелем, и он предложил составить компанию. Они вышли из общаги. У дверей курили, щурясь на солнце и то и дело сплёвывая, с десяток парней в синих пэтэушных куртках. Привычный матерок отражался от глухой стены трансформаторной будки и возвращался обратно скабрезным эхом.

Хотя вдоль улиц ещё громоздились не успевшие почернеть сугробы, пахло в воздухе окончанием долгой зимы. Солнце светило как-то особенно лихо, ныряя в уголки глаз, уже не боясь, что загонят его прямо сейчас за горизонт. И в свете этого солнца далёкая водонапорная башня, сторожевой форт состарившейся в грехе тщеславия империи, казалась ярко-красной. Берёзы вдоль улицы Жданова уже не пушились морозом, а чиркали по небу сухой тушью.

По случаю праздника по дороге попадалось много отчаянно пьяных, много сильно поддатых. Пьянство здешнее такое же чёрное, как уголь, такое же злое, как долбёж пневмомолотка в очистном забое. Но в таких местах нет ему упрёка. Если не завалило, не сожгло изнутри угольной пылью, пей и не требуй себе иного счастья, как только и жить.

Мимо, стараясь никого не задавить в праздник, прокрался непривычно пустой Восьмой автобус, на котором ездили на смену. Дружинники, сердито трезвые, ходили по трое: к кинотеатру «Мир» со всех сторон стекались компании. Сегодня там устраивали концерт.

Они свернули и подошли к трёхэтажному дому. Дейнега сверился с запиской, посмотрел на список квартир в парадной и уверенно указал на среднюю:

– Сюда. Ты как, поднимешься со мной?

Андрей уже было решил распрощаться и вернуться к учебникам, но то ли весенний ветер, то ли музыка, которая играла из репродукторов-колокольчиков на столбах, привели его в приподнятое настроение, и вдруг захотелось в гости.

Они поднялись на второй этаж. В подъезде ярко пахло щами. Егор позвонил.

За тонкой филенчатой дверью, приличной скорее какому-то учреждению, а не жилой квартире в городке у полярного круга, послышались шаги и стал различим звук снимаемой цепочки.

Дверь отворилась.

– Дарья, принимай гостей. Я к тебе с подарками и с товарищем. Телеграмму получила?

На пороге, без очков и вечного пухового платка, распахнув огромные изумлённые глаза, стояла библиотекарша.

4

После выпускных экзаменов Андрей впервые за пять лет съездил домой. Дома его ждали. Устроили стол, позвали родственников, братьев с жёнами и детьми. Сестрёнка Лизавета приехала из Ленинграда на каникулы с подружкой. И соседей набилось в дом тьма. Пришли сами, без приглашения, как принято у деревенских, если случается важное событие вроде свадьбы, поминок или возвращения издалека. Многие хотели посмотреть на Андрея. Про тюрьму разговор, однако, не заходил. Расспрашивали про работу его на Севере, громко хвалили за то, что получил новую профессию, вспоминали его и двоюродных братьев общее детство. Словно и вправду это были поминки, когда о покойном только хорошо. Но нет-нет да поглядывали соседи исподтишка на Андрея, ища подтверждение слухов, что ходили о Краснове-младшем по деревне.

За годы, проведённые Андреем на Севере, о случае том, как он ни надеялся, не забыли. Напротив, история обросла постыдными и лживыми подробностями. По дворам обсуждали беспробудное его, Андрея, пьянство после армии, чего, конечно, не было. Сожалели о Людке, которая, дескать, сделала аборт, потому что «подлец» не хотел жениться, что тоже, конечно, было чьей-то жестокой выдумкой. Да и вообще, промеж сельчан стало имя его нарицательным, символом наказанной разгульной беспутности. Теперь даже жизнь его и работа на невообразимо далёком Полярном Урале виделась деревенскими какой-то фартовой колымщиной, карикатурой на кино про гангстеров, с картёжными играми, драками на ножах и гульбищами в ресторанах. Андрей хорошо представлял себе, как эта дура Симагина, мать Людки и дочка бабы Шуры, работавшая у них почтальоншей, приносит письмо родителям, а потом обязательно сворачивает к магазину, где на пыльном, с горбылями старого асфальта, пятачке сортируются новости со всей деревни. И вот она стоит, поставив толстую дерматиновую сумку наземь, и, кивая головой в сторону дома Андрея, говорит что-нибудь вроде: «От уголовника давеча перевод был, а теперь письмо пришло. Пишет, грехи замаливает».

Людка, успевшая схоронить мужа-дальнобойщика, их общего одноклассника, вторично вышла замуж и переехала в Струги Красные, за железную дорогу. Замужество, как и прежнее, бездетное, тем не менее казалось счастливым. Муж был сильно старше и заметно уверенней любого из местных пацанов. Людка ходила гордая, в заграничных шмотках, кожаном белом плаще. Мужа привозил шофёр. Он выходил из белого, в цвет плаща жены, «мерседеса», с круглыми, словно выпученными от удивления на россий-

ские дороги фарами, доставал с заднего сидения портфель, клал внутрь документы, которые, видимо, просматривал в дороге, клацал замком и захлопывал дверь. Андрей видел это, сидя за пластмассовым столиком в тени сирени, бурно разросшейся вдоль магазина по краям канавы.

Он не ревновал. Упаси Бог! Ему только было любопытно. Казалось, Андрей не мог вспомнить, как любил эту женщину. Не мог представить себе вновь того, что клокотало внутри, что сжимало и покалывало сердце. А ведь было что-то, что-то от пятого класса до выпускного, от проводов в армию до увольнения на трое суток, когда она приехала к нему в точно такое же, как их собственное, но белорусское село. И был лейтенант Тихонович, который отвёз его к ней на уазике. И была хозяйка дома, деликатно ушедшая по своим делам, и была тонкая ситцевая занавеска, в голубой цветочек, от печи до гвоздя в стене, и было лоскутное одеяло в ветхом, но пахнущем дымом и мылом пододеяльнике, и липкая горячая страсть, сотрясавшая и выгибавшая их неумелые тела.

После службы Андрей лишь одно лето провёл в Пятчино и уехал поступать в Псковский техникум на механизатора. Они вновь писали друг другу письма. И было в тех письмах меньше влюблённой истерики и больше уверенности, что ещё вот-вот и станут жить вместе, не расстанутся уже никогда, и если и не умрут, как принято в мечтаниях, в один день, то уж точно в один год, прожив долгую и радостную жизнь.

«Москвич» был первой машиной Андрея. Он вообще оказался первой машиной в семье. Отец, хотя и имел права всех категорий, ездил на совхозной технике, личного автотранспорта не приобретя. Этот же небесно-голубого цвета автомобиль Андрей купил в Пскове через автокомиссионку по объявлению, сразу после практики, когда, сам того не ожидая, заработал за лето огромные деньги. После оформления в ГАИ Андрей пригнал машину в гараж училища, где вместе с однокурсниками они перебрали двигатель, сменили кольца, сняли и промыли карбюратор, заменили трамблёр и свечи, переварили выхлопную трубу и только после этого отшлифовали и вновь покрасили кузов. Андрей тщательно вымыл яичным шампунем салон автомобиля, высушил феном и, переодевшись в новые гэдээровские джинсы и рубашку, сел за руль и покатил в деревню, предвкушая близкий триумф среди соседей и знакомых. Мечтал он, что посадит Людку рядом и поедут они купаться на Хмёр, а может быть, даже махнут в Лугу, благо не так далеко.

И вот уже «москвич» стоит на лесной опушке, а в кассетном магнитофоне – Джо Дассен и Et si tu n'existais pas, которая запускается снова и снова. И только ради того, чтобы нажать кнопку, перемотать пленку и вновь включить песню, они отрывались друг от друга. И пока Андрей наклонялся над магнитофоном, Людка стояла рядом, не обронив ни слова, обхватив себя руками за предплечья, покачиваясь на носках своих кроссовок.

Они танцевали, нет, они осторожно переступали, оборачиваясь вокруг невидимой оси под звуки французского оркестра, и он шептал и шептал ей на ухо: «Если бы не было тебя, скажи, для чего мне жить? Если бы тебя не было, я хотел бы попробовать изобрести любовь, как художник, который видит пальцами…». И Андрей касался Людкиной шеи, и Людка прижималась к нему сильнее.

Нет-нет. Он лукавил. Конечно, Андрей помнил, как любил эту женщину. Так любят только один, самый первый раз, когда ещё не знают, что делать с чувствами, когда кажется, что самое большое, что можешь ты совершить для любимой, – это дать ей в руки ружьё и попросить выстрелить тебе в грудь, чтобы умереть ради неё. Глупость, конечно, и книжная романтика, но так бывает с мальчиками, а потом и с юношами.

А под утро, перед рассветом, когда пришла пора возвращаться, потому что позже возвращаться уже было бы невозможно, они поехали по короткой дороге, выехали у самого поворота на Струги и, конечно же, не могло быть иначе, увязли в чёртовой луже.

Андрей усадил Людку за руль, показал, что надо нажимать, как переключать передачи с передней на нейтраль, на заднюю, опять на первую, а сам, подтянув джинсы выше щиколоток, вышел из машины и упёрся руками в багажник. «Москвич» газанул и довольно легко выскочил из жижи, обдав Андрея фонтаном камней и грязи. Людка смеялась. Андрей смеялся.

– Дай я поведу дальше, мне понравилось, – попросила она, но Андрей не разрешил.

Людка надула губы, попыталась обидеться, но у неё не получилось.

– Потом разрешишь, не сейчас, потом? Мне понравилось.

– Разрешу, а сейчас поздно. Ты перегазовками полдеревни разбудишь. И так уже слухи о нас идут.

Андрей лукавил. Они считались женихом и невестой с самой школы. Он с пятого класса дрался из-за Людки, с которой пытались заигрывать все более-менее решительные парни. Андрей дрался со всеми. Не разговаривал, не пытался выяснять отношения, отбрасывал школьный портфель в сторону, скидывал куртку и бросался в атаку, не представляя себе, как может иначе защитить свою любовь. Иногда ему доставалось, иногда сильно, но побеждал всегда Андрей. Всегда. В девятом и десятом классе, когда из некрупного паренька Андрей вырос в высоченного мускулистого парня, надежду районной секции бокса, охотников погулять с Людкой сильно поубавилось. Иногда на танцах пришлые из соседних деревень, чудом не знакомые с Андреем, или городские, приехавшие на лето, приглашали красивую, тоненькую, в серых обтягивающих джинсах и белой блузке с застёгнутым под самый подбородок воротником-стоечкой девушку на медленный танец, иногда даже на два танца подряд. Людка не отвечала отказом. Она была принцесса. Ей нравилось, что Андрей дерётся из-за неё, раз за разом доказывая свои чувства и своё право гулять с ней. И вот Андрей подходил к танцующим, трогал парня за локоть и кивал головой в сторону выхода. А потом повторялось всегда одно и то же. Короткий прямой джеб в голову и нокаут. Один удар. Андрей бил в лоб, чтобы вывести противника из игры, но не разбить нос или глаз.

Она ждала его из армии. Это вообще очень сложно – ждать два года в восемнадцать лет, когда гормоны не знают милосердия и сутками кипятят кровь, усиливая огонь к вечеру. Но Людка ждала. Он знал о том, чувствовал, что ждёт. Да и ребята передавали, что да, ни с кем не гуляет, на танцы ходит раз в месяц и танцует только быстрые танцы. И ещё она писала письма. По два-три в неделю. И в каждом письме она писала только о них двоих и ни о чём другом. Конечно, это была его девушка, только его девушка.

Через неделю была свадьба двоюродного брата Андрея. Он женился на их общей с Людкой однокласснице и подруге. Готовились, как всегда, несколько дней. Возили продукты из Струг и Луги. И праздновали два дня шумно, пьяно, как принято. На свадьбу «москвич» украсили лентами. Ехал Андрей на нём сразу за чёрной «Волгой» с молодожёнами, бибикал от души. На пассажирском сидении – Людка, сзади – их одноклассники. Третьим в кортеже – отец на совхозном уазике-буханке, а замыкал – дальний родственник невесты из Ленинграда, моряк загранплавания, на настоящем длинном сером «Форде» с правым рулём. В «форде» ехали родители жениха и невесты. От загса в Стругах отправились к Вечному огню, а потом уже в Пятчино. Ехали медленно, километров сорок в час, растворив окна в аромат мая, гомоня гудками, стрекоча на разные лады музыкой из автомобильных приёмников и кассетных магнитофонов, пытаясь составить конкуренцию заливистым «Арабескам» из мощной стереосистемы «форда». Уже в деревне доехали до магазина, где все высыпали из машин, стали открывать дефицитное шампанское и кричать: «Горько!». Потом был огромный стол в доме, стол под навесом во дворе. Шум. Радость. Людка пьяная, но оттого ещё более прекрасная и желанная, лезла целоваться. Андрей стеснялся, но нет-нет да и слегка обнимал девушку, чувствовал на своей верхней губе щекотку от нежного Людкиного пушка. А Людка запрокидывала голову так, что её волосы струились волнами, хохотала, а ему хотелось целовать её шею, сквозь кожу которой просвечивали голубые венки.

Второй день – продолжение застолья, потом в клубе, где уже дискотека, танцы и молодёжь из окрестных деревень. Накануне Андрей выпил на свадьбе самую малость, а уже после обеда успел съездить в Струги за диск-жокеем, погрузившим на крышу его «москвича» огромные чёрные колонки, а в багажник – смотанные бухты проводов. Под тяжестью музыки автомобиль прижало к земле, и Андрей боялся, что на переезде стукнет поддоном картера об рельсы. Однако обошлось.

Он пообещал диск-жокею, что отвезёт его после танцев обратно. Машина стояла за клубом, припаркованная возле трансформаторной будки, освещённая светом фонаря.

Майский вечер, когда уже почти тепло, когда ночь неуверенно начинается лишь к двенадцати часам, а до того долгое закатное зарево в стёклах всех домов, а потом белёсый, почти северный сумерек. Суббота грохочет музыкой из открытой двери клуба. Гости, высыпавшие покурить на воздух. Сигаретный дым над головами. Дети, затеявшие между взрослыми беготню и игру в догонялки.

Людка увлекла его за клуб. Андрей бросился целовать девушку, но та показала рукой на машину.

– Ты обещал!

Он помог ей сесть за руль, аккуратно прихлопнул дверь, обежал машину и сел на пассажирское сиденье. Людка завела двигатель и, лихо выкрутив руль, дала задний ход, разворачиваясь.

– Где научилась? – удивился Андрей.

– Есть учителя, – лукаво улыбнулась девушка, переключилась на первую передачу и, не отпуская ноги со сцепления, поглядела на себя в зеркало заднего вида.

– Ну, поехали, – сказала она и резко надавила на газ.

«Москвич» рванул с места и скоро доехал до магазина. Там Людка притормозила, развернулась и поехала в обратную сторону, набирая скорость.

– Люд, осторожней, там люди. Не гони так, – Андрей видел, как стрелка спидометра дошла до пятидесяти километров в час.

– Не суетись. Всё осторожничаешь, а с машиной, Андрейка, надо, как с девушкой, – Людка чуть притормозила на повороте и вновь выехала на серый потрескавшийся асфальт, ведущий к клубу. – Смотри, как надо!

…Вину Андрей взял на себя полностью. Сказал, что за рулём был он, что не справился с управлением, отвлёкшись на что-то постороннее: не то окрик, не то смех. Про Людку вообще не упомянул. Да и что бы ей? Положа руку на сердце, знал Андрей, что виноват только он один. Что из-за его уступчивости, желания угодить девушке случилось непоправимое. И готов был к самому строгому наказанию, желал его. Когда же судья, зачитывая приговор, наконец, произнёс: «…к четырём годам лишения свободы в колонии общего режима», то захотелось ему закричать: «Мало! Почему так мало?! Девочки больше нет, а я живу. Мало четыре года!». И тогда же это «Мало!» он прочёл в глазах Алёнкиной матери, впервые найдя в себе силы посмотреть на неё не украдкой, а прямо. И это «Мало!» загудело в зале, и это «Мало, тебе, собака, дали, видать, пожалели» лязгнуло задвижкой в милицейском уазике. И потом оно же долго барабанило в дно машины камнями, жахало чугуном и сталью на сцепке вагона, лопалось алюминиевой фольгой полярного дня. И уже потускневшим, ржавым по краям эхом каждое утро отражалось от дальнего угла барака, как только открывал Андрей глаза. «Мало. За это всё мне мало».

5

Доски, которые Андрей с соседом грузили на багажник фиолетовой «четвёрки», удалось купить за пару бутылок водки, приготовленной из разведённого спирта Royal. Четырнадцать сороковок, нарезанных по два метра, а к ним ещё три бруска десять на десять и три бруска пять на пять. Здесь, на старой пилораме в районе Шахтной, на той, что помнила ещё если не Орловского, то всяко уж полковника Халеева, цены были божеские. От Котласа и до Воркуты любят рассказывать, что ящик «Столичной» легко меняется у хантов на стадо оленей, но это, скорее, этнографическая гипербола. Никто тех выменянных оленей не видел. Дураков на северах сыскать сложно, а брехунов – каждый второй.

Договаривался с лесопилкой не Андрей, а сосед Витька, работавший таксистом-бомбилой и знавший в Инте всех нужных людей. Расплачивался тоже он.

– Покури пока, я добазарюсь, – сказал Витька, заглушив мотор. Достал с заднего сиденья кожаную кепочку и натянул на свои рыжие кудри по самые брови, глядя в зеркало заднего вида.

– От так. Не бзди, сейчас всё будет! – важно приказал он, сухо хлопнул водительской дверью, сунул во внутренние карманы куртки водку и, покачивая плечами, сплёвывая по сторонам, направился по кислым опилкам к разверзнутому тёмному зеву ржавого ангара...

– Запомни, Англичанин, семейная жизнь начинается и заканчивается брачным ложем, – учил Дейнега, сидя на нарах в балке в июле, накануне собственного дня рождения. Они только что закончили бурить очередную скважину в долине Большой Сарьюги и готовились к переброске дальше на восток.

– Поскольку ты мой будущий родственник, я тебя научу. Никаких диванов с поролоном, никаких кроватей с шарами и панцирной сеткой, никакой этой мещанской глупости, пригодной только для того, чтобы собирать пыль. От этого произрастает французское слово adulterer. Вот! – он похлопал ладонью по нарам, на которых сидел. – Доски, два слоя матрасов – и твоя половая жизнь не станет предметом обсуждения соседей.

После того, как жених с невестой обошли все немногочисленные интинские магазины, набили синяки об углы старых шкафов в обеих интинских комиссионках, но так и не поняли, на чём спят их соседи, Андрей вспомнил о совете Егора.

Выход из положения показался столь очевидным, что они с Дашкой в изумлении посмотрели друг на друга, словно не понимая, что за морок заставил их потерять целый день в поисках семейного ложа среди полировки и стекла желтушных шкафов с бирками инвентарных номеров. Егор за время работы привык спать на добротно сколоченных нарах. Да и в общежитии ему досталась удачная кровать с подложенной под пружины толстой фанерой. Но тут предстояла плотницкая работа высокого качества, потому он позвонил к соседу и спросил рубанок.

Сосед Витька был на три года старше Андрея. Ему недавно исполнилось (пожалуй, что не исполнилось, а именно «стукнуло») тридцать. Начал он справлять юбилей в сентябре, когда Андрей ещё не вернулся с гряды, а закончил к середине октября. Тогда же он и завалился к ним с Дарьей домой знакомиться с будущим соседом, в надежде занять под это дело на опохмелку. Мужик он был неплохой, хотя шебутной и какой-то непутёвый. С шестнадцати лет с перерывом на службу работал на шахте, ходил даже в передовиках, пока на очередном медосмотре не заподозрили у него начинающийся силикоз лёгких. Профсоюз направил его на месяц в Крым по санаторно-курортной путёвке. Не то что силикоз был в этих краях каким-то особо экзотическим заболеванием, но по возвращении жена уговорила Витьку уволиться. Помыкавшись по временным халтурам, отправился тот в Печору, где по случаю, а скорее по особому везению, купил за недорого пятилетнего жигулёнка с разбитым после аварии кузовом, привёз его на платформе в Инту, отремонтировал и теперь бомбил круглые сутки. Как многие, родившиеся тут, мечтал заработать деньгу и уехать жить на море.

Строго говоря, родился он не в Инте, а на Пятнадцатом, то есть в посёлке Южном, что ему ещё на шахте ставили в упрёк, потому как ходил Витька на работу пешком «нога за ногу» и часто опаздывал, хотя от дверей дома до проходной нормальный человек прошел бы за двенадцать минут. С собственной женой познакомились они там же, в Южном. Работала она на птицефабрике. Тихая, фигуристая, пусть немного косящая, но миловидная женщина почитала Витьку за господина, прощала ему и запои, и дурацкие авантюры, видать, любила. Детей у них не случилось, но, похоже, Витьку это не сильно расстраивало. «Успеется ещё», – отмахивался Витька, когда мать в очередной раз качала головой и корила сына, что бабу он себе нашёл дурную, что врёт та ему, что если не может родить, пусть едет в Москву к докторам, обследуется, а «не сидит перед телевизором». Мать приезжала к Витьке раз в неделю на автобусе с инспекцией, когда жена была на работе. Она перемывала и без того чистую посуду, тёрла крашеные доски коридорного пола вонючим химическим средством и успевала за два часа так взъерошить Витькину душу, что, лишь посадив мать опять на автобус, только-только помахав ей рукой, бросался он либо в кочегарку к корешам, либо к собственному багажнику, где для коммерции держал ящик водки, и напивался в слюни.

Соседи Витьку жалели. Жили они с женой по местным понятиям душа в душу. Витька Наталию не поколачивал, сам, напившись, по окрестным девкам не бегал, а только выходил на лестницу, усаживался на подоконник, курил, вдавливая окурки в жёлтую жестянку из-под растворимого латвийского кофе и, какое бы время года ни случалось, открывал окно и пел, уставив острый с ямочкой подбородок то в чёрное, то в белое небо. Пел что-то нутряное, в чём слов и нот было не разобрать, но клокотали поперёк горла страсть и покаяние.

Маленькие северные города, посёлки при рудниках и шахтах разбрелись бараками по обе стороны полярного круга по кромке крошева пустой породы и шлака кочегарок. Они – как мелочь, брошенная на сдачу в серую алюминиевую тарелку тундры, прикрученную к прилавку материка. Здесь всякая жизнь цепляется за жизнь, радуется прибытку. В прочей русской деревне, пусть в той хоть пять дворов осталось и уже только дачниками летняя жизнь теплится, сколько бы ты не прожил, перевезя свой скарб и труд свой местам этим посвятив, всё останешься чужаком и приживалой, всё найдётся на тебя цена поверх цены для местных, повод для разговорчика. Так и проходишь в городских. А вдруг вздумается помереть да единожды нырнёшь в землю на местном погосте, то пусть и придут по традиции к тебе в дом соседи, но лишь за тем, чтобы выпить да поесть по-человечески всего вкусного, привезённого из далёкого того желанного и ненавистного города безутешными родными.

Северный посёлок не таков. Он каждого, кто тут чуть дольше, нежели на сезон, кто чаще, чем раз в год, сразу карандашиком в книжечку, а книжечку во внутренний карман пиджака, где теплее

всего, куда под подкладку ещё с конца сороковых попала толика жалости да там и осталась крошевом табака и сухарей.

Витька, только осознал, что речь идёт о брачном ложе, пришёл в неистовое деятельное беспокойство, отличающее практикующего алкоголика от прочих. Но Витька не за пошлую трёшницу на опохмел радовался. Вдохновило его, что за филенчатой дверью авось и послышится младенческий крик, затопают сандалеты по деревянным ступенькам с третьего этажа на первый, лопатка застукает по перилам и прольётся Божия благодать во след дитю человеческому на дом, квартал да и на весь Север, откуда который год бежит жизнь, стремится всяким поездом, самолётом. И если бы не каждодневная привычка, пошлая эта круголесица да надежда на нечто, чему и не бывать никогда до Страшного суда, так и вывело бы дурное время русского человека из этих мест как некое вредное насекомое. И остались бы только гнутые рёбра ангаров, проросшие берёзкой фундаменты бараков да ухающее в память вечной мерзлоты долгим ржавым эхом тонкое в дырах гвоздей железо на ветру.

Когда человек уходит, он не забирает с собой звуки и тени, не грузит их на вездеходы, не пакует в чемоданы и вьючники. Он бросает всё это где придётся, избавляясь сразу и от памяти, и от мусора. И ворожливые местные духи десятилетиями разбирают по фантику, по пуговичке те завалы, нашёптывая сквознячками в углы бывших жилищ остатки слов, прощальные окончания человеческой речи. И если не повезёт кому заночевать в тех местах, поддавшись искушению спрятаться от ветра за стенкой или укрыться от мошкары, то затоскует он чужой тоской, той, от которой до конца его некогда счастливой жизни не будет избавления...

Витька появился в проёме лесопилки и поднял над головой две руки, сомкнутые в замок, сигнализируя, что сделка совершена.

– Ну вот, сейчас нам отгрузят прошлогоднюю сороковку, она уже высохшая, – сказал он, улыбаясь во весь свой щербатый рот. От него сладко пахло водкой. – И брус я ещё сторговал десять на десять. Мы тебе такой кроссинговер сделаем, как у Горбачёва.

Нравилось Витьке это заграничное словечко. Подцепил он его случайно год назад, услышав по радио в какой-то научно-популярной передаче. Что оно обозначало, он не знал да и не особо интересовался. Чудились Витькиному уху в слове «кроссинговер» неведомая еврейская хитрость и заграничный шик. Подходило слово решительно для всего, вставало в любую фразу, любому предмету придавало лоск, а процессу – основательность. Ещё немного – и получил бы он такое прозвище, но запомнить это слово удалось только Витьке, остальные, как ни старались, не могли: «Студебеккер какой-то».

Андрей вышел из машины, достал с заднего сиденья ножовку и брезентовые перчатки и пошёл за Витькой к навесу, где желтели штабели сортового распила.

– Значит так, – скомандовал мужик, в гэдээровской спецовке, с очками в модной тонкой оправе на кончике носа, – четыре сороковки по шесть метров, один брус. Всякой дряни можете набирать в отвале, пригодится штапики в стёклах заменить, ну и вообще. Это, что называется, сколько увезёте. Но особо не наглейте.

Мужик показал, откуда брать доски и проследил, что именно взято.

– Молодожён, после того как фуганком пройдёшься, рубанком подчисти и обязательно олифой пропитай. Лаком не крась, и так цвет будет что надо.

Мужик ковырял спичкой в зубах и оценивающе смотрел на Андрея:

– С какой?

– Восемнадцатая, – спокойно назвал Андрей, привыкнув уже, что другие сидельцы безошибочно определяют в нём своего.

– Харп, – мужик сплюнул себе на сапог и выругался: – Дерьмо – зона, красная. Хотя трёшка ещё хуже, там теперь и режима нормального не осталось. Ну ладно, совет да любовь, как говорится.

Он махнул рукой, показывая, что больше его присутствие не требуется, и ушёл к себе в ангар.

Доски распилили одинаковыми отрезками по два метра и погрузили на багажник Витькиной «четвёрки». Витька крепко принайтовал их брезентовыми ремнями. Подёргал для надёжности и удовлетворённо крякнул: «Полный кроссинговер!».

Они забрались в машину, и Витька завёл двигатель. Тесный салон жигулёнка наполнился парами сивухи, стёкла мгновенно запотели. Витька выругался, достал из-под сиденья кусок фланельки и стал протирать лобовое стекло.

– Как же ты за руль, если выпил? – укорил его Андрей.

– Ну и что? На всю Инту четыре гаишника, двое – мои одноклассники. Мне вообще, если трезвый, машину жалко. Это же не дороги, это бельевая доска. Тут на «форде» ездить надо или вообще на танковом тягаче. А как выпью, так нормально. Но когда бомблю, не выпиваю. Коммерции мешает. Я если пьяный, сильно добрый становлюсь, могу и задаром повезти. Однажды всю ночь проездил, оба экспресса встретил, а только трояк заработал. Ну а как? Одного знакомого подвёз, потом второго знакомого, потом ещё кореша с бабой. Как с них деньги брать?

Андрей вытащил из кармана три рубля, свернул в трубочку и засунул в решётку рефлектора на торпеде.

Витька шарахнул по тормозам.

– Сейчас выгружу твои дрова прямо здесь. – Он покраснел, а его голубые глаза заморгали часто-часто. – Сам помочь вызвался, ты меня не нанимал. Трёшницу свою убери.

Андрей пожал плечами и сунул деньги в карман. Витька посопел-посопел над рулём, подёргал туда-сюда нервно ручку переключения передач, пожевал сигаретку, перекатывая фильтр из угла в угол щербатого рта. Оттаял. Поехал.

– Всё-таки, Англичанин, ты понтяра. Может, врёшь, что из деревни? Город выпирает. Я деревенских повидал, те мягче, даже те, кто совсем борзый. Ты другой. Гордость в тебе.

– Это как?

– Живёшь правильно, а не по понятиям, слишком сложно. Мне помирать придётся – Наташка к тебе с Дарьей побежит к первым. На Севере соседями не разбрасываются, по пустякам на рубли не меняют. Усёк?

– Усёк, – Андрей без того уже стыдился своего жеста.

Вообще он себя едва ли считал за знатока людской души. Тонкости всякие Андрея волновали не сильно. Будь с людьми в ладу, правила соблюдай, подлости не совершай. Вот и вся нехитрая философия. Чувствовал Андрей, что всё, что есть неприятного, неловкого, дурного в русском характере, есть и в нём самом. Всё, что раздражает в русском человеке, что пугает, что приводит в бешенство, недоумение, заставляет сожалеть или улыбаться, – это тоже внутри него, внутри всех. Пусть переживёт он сотню страстей, и все они улягутся в душе. И места для них там, на стеллажах, всегда найдутся. Всегда. По-настоящему только одно и понимал Андрей в людях – хороший человек перед ним или скверный. А Витька был хороший.

Да и обиделся Витька зря. «Городская обидка», – решил Андрей. В Пятчино по-человечески друг другу помогают, но спешат сразу чем-то отплатить. Наточил на станке топор – на тебе ведро яблок. И ничего, что своих полон сад. Свозил газовый баллон на заправку – вот баклажаны из парника. А если с похмела стакан налил, так и дрова поколоть можно. И нет в том ничего зазорного. Так лучше, нежели в долгах. Но городским не понять. В городе живут иначе, даром. Да и живут иной раз напрасно. Хотя какой же Инта – город? Это всё Север. Тут свои законы.

6

Через неделю приехали из Сыктывкара родители Дарьи и Егор с женой, которая к тому времени была на пятом месяце. Устроились по-родственному. Однокомнатная их квартира, почти на треть теперь занятая основательным семейным ложем и оттого казавшаяся невозможно маленькой, словно вдруг раздвинула клеенные полосатыми обоями стены и вместила всех. Старая тахта с тумбочкой, та самая, на которой раньше спала Дарья и на которой они вместе, когда «…ну да, это так получилось, короче говоря, всё, как у всех», и которую Андрей твёрдо решил выкинуть сразу после свадьбы, теперь стояла вдоль окна. Свободного места почти не оставалось. И на сиротских тех квадратных метрах, на двух надувных матрасах (один за столом, другой перед столом, потому как не муж и жена ещё), уступив лучшие места гостям, устроились жених с невестой.

С родителями Дарьи Андрей уже был знаком. Этим летом между вахтами Дейнега уговорил друга съездить в Сыктывкар, где будущему зятю устроили серьёзные смотрины. Осталось у Андрея после той поездки смутное ощущение недоверия. Шутка ли, дочь выходит замуж за уголовника. Маленькая девочка, умница, ту, которую лелеяли и целовали. Та, которая болела три раза в год пневмонией, а отец сидел день и ночь у кровати и смоченным в уксус полотенцем протирал тонкую горячую кожу на шее и над ключицами. Та самая девочка, которая до глубокой ночи решала задачи по математике, зубрила «Вересковый мёд» и отрывки из «Горе от ума», а утром её, сонную, мягкую, вспотевшую, папа нёс на руках в ванную (в ванную, в которой теперь перед зеркалом в стакане торчала безопасная бритва Андрея).

Но сейчас, когда Витька привёз Дарьиных родителей с аэродрома, они обняли Андрея как самые родные на свете люди, чем смутили. Значит, что свыклись, пришли с собой в лад. И верно, дочь уже взрослая, самостоятельная, неглупая, с высшим образованием. И вроде всё спокойно, без истерической влюблённости, как у людей и должно быть.

А на следующий день ждали родителей Андрея. Андрей волновался. Прошлой весной впервые за пять лет оказался в Пятчино. Это было сразу после выпуска из училища, перед первой самостоятельной вахтой. Всё у них с Дарьей ещё только начиналось, и Андрей и сам не доверял себе, присматривался к счастью. Может, и рано было рассказывать. Да и вся эта нетрезвая кутерьма вокруг его приезда не располагала к откровениям. А этим летом между вахтами отослал он заказным письмом с почтамта домой фотографии: свою прошлогоднюю возле буровой и их совместную с Дарьей, зимой возле ледяной горки на берегу Большой Инты. Снимки сделал Егор на широкую плёнку фотоаппаратом «Киев» и сам же напечатал. Андрей писал о том, как познакомились, как живут. Писал, что решили пожениться, подали заявление. Только, что Дарья уже в положении, не писал, может быть, потому, что робел. В ответном письме мать рассказывала про бабушку Шуру, которая стала чаще болеть, про то, что старший сын её, одноклассник отца, приезжает из Ленинграда всё реже и реже, Симагина же с матерью своей только собачится на всю деревню, ругаются почем зря. Людка развелась и хороводится с новым хахалем, ей не до бабкиного здоровья. Думает только о том, как дом у матери оттяпать. Писала про отца, перешедшего работать в правление, про кусты смородины, которые она решила пересадить, про то, что обещали запустить автолавку, но директор магазина написал кляузу в администрацию, и теперь автолавки не будет. А это плохо, потому что продукты в автолавке дешевле, а овощи всегда свежие. И лишь в постскриптуме мать написала: «Получили письмо с фотокарточками».

Он писал ещё трижды непривычно для себя многословные, словно извиняющиеся письма, но ответа не получал. И когда за месяц до события дал телеграмму на праздничном бланке с двумя кольцами и решил, что если не будет ответа, плюнет на вахту. Пусть даже Теребянко всыпет ему выговор, он бросится на юго-запад, через километры, как встарь, испрашивать благословения. Выйдя с почтамта, Андрей с тяжёлым сердцем погрузился в котласский до Кожима, чтобы утром на вездеходе заброситься на Гряду.

Три дня ходил он на работу в самом скверном расположении духа, чуть не погнул стрелу, очнувшись от своих мыслей, лишь получив в затылок отборный мат Трилобита, и только на четвёртый день, вечером, во время сеанса радиосвязи, услышал долгожданное: «Телеграмма Краснову-Краснову. Поздравляем. Выезжаем поездом четырнадцатого-четырнадцатого. Вагон десять-десять. Родители. Как поняли? Как поняли? Приём!».

Отца с матерью встречали втроём: Андрей с Дарьей и Витька. Остальные не помещались, а второе такси решили не брать. В этот раз Андрей даже не пытался предложить Витьке деньги. Он просто постучался в дверь и, когда Витька открыл, спросил: «Сосед, поможешь с родителями?».

Пока Андрей жал руку отцу, пока мать обнимала Дарью и плакала, почувствовав под шубкой упругую крутость чрева будущей невестки, Витька подхватил чемодан и попёр по перрону.

– Друг? – отец кивнул в сторону удалявшегося Витьки.

– Вроде того.

– Пожил уже, а не поумнел, – рассмеялся отец. – Не бывает так с дружбой. Либо друг, либо нет.

Витька вёл машину аккуратно, против обыкновения не курил, форточку туда-сюда не дёргал, музыку на кассетнике не включал, в разговор не вмешивался.

Прекрасно было сидеть на переднем сиденье жигулёнка, обернувшись назад, и смотреть на трёх любимых людей. Даша посередине, между отцом и матерью, те тормошили её, что-то спрашивали, она вертела головой, отвечая то одному, то другому, все смеялись. И Андрей смеялся, болтал, шутил над Дашкой, показавшейся вдруг похожей на взъерошенную морскую свинку и оттого ставшей ещё более трогательной и любимой.

Утренняя октябрьская Инта, завёрнутая во влажную простыню дымов, по сторонам дороги то тут, то там выдыхала парок из освещённых подъездов, кашляла дверями на плотных пружинах. Рабочая пятница вовсю рядилась на дневную вахту. Две остановки подряд ехали они за автобусом, который Витька никак не решался обогнать. И в надышанный, оттаенный кругляшок заднего стекла смотрела на них любопыт-

ная ребячья мордочка, не то мальчик, не то девочка, не разобрать. И когда Андрей помахал рукой, в круглом окошечке показался маленький розовый язык.

Для своих Андрей заранее забронировал номер в гостинице, в которой сам живал между вахтами. Номер незнакомый, на втором этаже у вестибюля, комфортабельный: с телефоном, телевизором, торшером. В номере, помимо двух кроватей и дивана, стояло ещё и кресло с прокуренной на века вечные обивкой и журнальный столик с хрустальным блюдом и хрустальным же графином. Солидное жильё для солидных командировочных. Отец взял их с матерью паспорта и пошёл регистрироваться. Андрей понёс вослед чемоданы. Потом они поднялись в номер, и отец, оглядевшись, щёлкнув пальцем по краешку хрустального графина, хмыкнул: «Порядок». Он повернулся к сыну и как-то особенно посмотрел на Андрея.

– Ты чего, пап?

– Непривычно. Взрослый какой-то. Ещё прошлой весной заметил, когда приезжал.

– Да я давно такой, – заулыбался Андрей.

От гостиницы доехали быстро. В квартире пахло сдобой. Дашкина мама ещё с вечера поставила тесто, нарезала с утра вместе с дочерями яблок, перемешала с тягучим брусничным вареньем, и теперь на кухонном столе, на вновь застеленной клетчатой клеёнке, гордо и основательно глядели в прихожую несколько глубоких тарелок с горками пирожков.

Знакомились, словно выдыхали. Если и были у кого до того сомнения и противоречивые чувства, то после того как прилипли бок к боку на маленькой интинской кухоньке вокруг стола с пирожками, выпили по стопке привезённого Дашиным папой пятизвёздочного дагестанского коньяка, у каждого отлегло от сердца. Всё стало просто. А что тут сложного? Вот родители, а вот их дети.

7

«Простоват ты, сын», – говорил отец, когда Андрей ещё учился в школе. Не то что с укором говорил, скорее, с узнаванием собственного характера, с сожалением, что вместе со льняными волосами не передалось сыну того, что сверкало в жене: крестьянской хитрецы, крепостного лукавства. По роду её Курины, жившие в каждой деревне Плюсснеского района, происходили не то от шустрых потомков Ольгерда, не то от литовских крепостных, вывезенных помещиком Христовским из Курляндии и с семенем того же помещика да местной чуди приросших многочисленным белоголовым и белозубым потомством. Сам же отец был человеком неизворотливым, прямым, как его чёрные с проседью, топорщившиеся ёжиком волосы; иной раз резким до колкости, но отходчивым и незлопамятным. Родился отец ещё до войны, своего отца, скуластого красноармейца, в шлеме с шишаком, как на одной из двух сохранившихся фотокарточек, сгинувшего где-то в тех же местах, в которых сейчас работал Андрей, он не запомнил. Когда пришли немцы, было ему только четыре года. Из-за приподнятых острых скул да карих глаз называли его татарчонком.

Приехал офицер в серой форме со взводом автоматчиков, назначили старосту, определили на следующий год сроки посевной, объяснили, что куда сдавать, где, у кого и какие брать документы, поселили в доме, где теперь почта, четырёх своих солдат с унтером да и уехали.

Немцы не озоровали. Солдаты, вначале настороженные, серьёзные крестьяне-баварцы, через месяц пообвыкли, разнежились и иной раз поперёк их тевтонского устава могли отправиться с девками в лес за ранними груздями, закинув винтовки за спину, покусывая травинки. А бывало, что, скинув кителя, упирались сапогами в жижу невысыхающей на краю деревни лужи да и выталкивали, крякая и ругаясь по-своему, увязшую подводу с сеном из хитрой глыбкой колдобины.

К тем солдатам, как и к рыжему лопоухому унтеру, в деревне все привыкли, за захватчиков не считали, называли «наши немцы». Унтер частенько сидел перед избой в одном исподнем и вырезал из чурочек деревянные ложки с длинными, не по-русски загнутыми черенками, которые дарил ребятишкам.

Отец тоже получил такую ложку и прибежал хвастаться к матери. Та покачала головой, ложку засунула между льняных полотенец в комод, а сыну наказала играть в другом месте. Но как же в другом, когда самое интересное здесь, в центре деревни.

Бывало, что вечерами унтер выносил из избы огромный, как самовар, аккордеон с жёлтыми костяными клавишами и рядами перламутровых кнопок и начинал играть что-то такое грустное, в чём звучали голоса посторонних этим лесам животных, плеск чужой воды или эхо песен принцесс из сказок с нездешними названиями. Девки

устраивались в отдалении, на скамейках у заборов, дети ближе, прямо на земле. Солдаты выносили из дома ладные, ими же сколоченные табуреты и усаживались с серьёзными лицами рядом с девками. Музыка была столь сложная, столь непривычная, что никто, супротив здешней привычки, не танцевал. Пусть и походил звук на звук гармошки, но оказывался сочнее и глубже, с каким-то эхом, какой-то не то тревогой, не то мыслью. Отец много раз за детство рассказывал Андрею про ту музыку.

И всякий раз, когда по радио начинали передавать органный концерт, маленький Андрей вставал на табурет, дотягивался до чёрной ручки и делал громче. После бежал на двор звать отца слушать.

Они оба садились на скамью под окном и замирали. И чужие, неудобные этому месту звуки возвращались скрежещущим эхом от репродуктора, установленного возле коровника. И всё пропадало, замирало в гармонии, однажды уже подчинившей себе эти места. И лишь тогда взрывалась природа стрекотом мелочи в траве, мычанием коров и рокотом мотоцикла с коляской, когда дикторша сообщала что-то вроде: «По заявкам радиослушателей мы передавали симфоническое произведение Иоганна Себастьяна Баха «Прелюдия и фуга ля минор». А теперь прослушайте прогноз погоды от Гидрометцентра для Ленинградской, Псковской и Новгородской областей».

В сентябре сорок третьего в Заплюсье партизаны пожгли хлеб, приготовленный к отправке и уже погруженный на длинные фуры, под запряг откормленных, лоснящихся лошадей маркитантской роты. Это бы и ничего, но после того как на Киевском шоссе то и дело стали рваться мины, заложенные у краёв дорожного полотна не то диверсионными группами Красной армии, не то теми же партизанами, концерты прекратились. Немцы теперь ходили по деревне исключительно по двое и с оружием, смотрели на девчонок растерянно-виновато. Унтер каждые два часа, даже ночью, что-то каркал в рацию по-немецки.

Мать запретила мальчику выходить со двора, строго-настрого наказав не появляться возле немцев. Да и смекали мальчишки, что поменялось что-то, возникло ожидание нехорошего, словно ещё не случившаяся, но уже неизбежная беда расползалась во все стороны по времени и пространству. Однажды поздней сентябрьской ночью, когда свет от луны смешался с паром, поднимавшимся от убранного картофельного поля за домом, а небо уже перебродило гусиной перекличкой и замерло до утра, за забором громыхнуло так, что в общей спальне, окна которой выходили на дорогу, задребезжали и треснули стекла. Сочные, хлёсткие выстрелы винтовок, сухие автоматные очереди, до того только иногда вдалеке, за синим ельником, раскидались вдруг совсем рядом, от коровников до Хмёра и обратно. По стенам заплясали зайчики зарева, преломившись о стёкла двойных зимних рам. Дыхнуло жаром.

Тушить партизаны запретили. Бабы и старики, по привычке прибежавшие на пожар в исподнем, но с вёдрами и баграми, жались в сторонке. А на фоне пожара у низкого штакетника в колышущемся мареве путались в дыму силуэты партизан.

Две машины с автоматчиками появились на рассвете. Немцы цепью прошерстили заросшее сорняком поле и опушку леса (дальше не решились), постреляли по стогам брошенного и скисшего от дождей сена, подпалили дом старосты, но самого и семью его не тронули. Не оставив никого из своих в деревне, спешно уехали.

Только через неделю, да и то после трёхдневного дождя, перестала дымиться дёгтем чернота. Мальчишки пробрались через забор на пепелище в поисках чего-нибудь интересного, что осталось от немецкого быта. Довольно скоро их погнали матери, но отец Андрея успел подобрать несколько опалённых, в чёрной копоти костяных клавиш аккордеона. Эти клавиши Андрей нашёл потом в ящике с инструментами и играл с ними, расставляя между кубиками как мосты, по которым ходили оловянные псы-рыцари и русские латники из набора «Ледовое побоище».

В середине октября сорок третьего, когда по полям неожиданно рано разлёгся и не успевал за день стаивать снег, всех в Пятчино разбудил рокот моторов. В деревню со стороны Струг въехали пять грузовиков с крытыми фургонами. Они остановились на главной улице. Из первого и последнего фургона выгрузились немцы и быстро распределились по всей деревне, оказавшись на каждом перекрёстке, возле каждого колодца, на каждой околице. Форма этих немцев была не такая, как у тех, что появлялись в деревне раньше. Уже одно это взволновало жителей. По району ходили страшные слухи об айнзатц-командах карателей, чинящих расправу не только над партизанами, но и над обычными крестьянами. Слухам невозможно было поверить, но они пугали.

Отец рассказывал, что помнил очень хорошо, как мать выглянула в окно, охнула, запричитала, забегала в сени и обратно, не в силах решить, что надо делать, и вдруг схватила сушившиеся с вечера на печке штаны и пальто и стала торопливо помогать сыну одеться. А потом широко распахнулась дверь, так что задребезжала нижняя петля, державшаяся не на четырёх, а на двух шурупах, и в дом вошли огромные, почти упиравшиеся головами в потолок немцы. С немцами был офицер, говоривший по-русски. Сзади, в дверном проёме, был виден староста, осунувшийся, с мешками под глубоко посаженными глазами, заросший седой щетиной. Офицер говорил без акцента, словно это был вовсе и не немец, а милиционер из Струг. Тон его был повелительный, уверенный. Офицер приказал незамедлительно подготовить к эвакуации имеющихся в доме детей и дать им с собой запас пищи на три дня в мягкой поклаже.

– Сколько здесь детей? – немец обернулся к старосте.

– Один мальчик четырёх лет.

– Ваш муж служит в РККА? – офицер посмотрел на мать.

– Нет. – Отец помнил, как она, до того словно согбенная, нервно вытиравшая руки о фартук, распрямилась и забрала за ухо выбившуюся прядь русых волос. – Арестован.

– Воровал? – заулыбался офицер.

– Его оговорили. Обвинили во вредительстве.

– Уповайте на вермахт. Чем скорее они закончат войну, тем раньше вернётся ваш муж. Ответственность за вашего ребёнка принимает на себя эсдэ. С настоящего момента он находится под защитой и ответственностью германских оккупационных властей. Вам незачем беспокоиться.

– Он никуда не поедет. Ему лучше со мной.

Мать попыталась загородить сына, но один из огромных солдат грубо оттолкнул её и подхватил мальчика.

Мать закричала, но второй солдат чем-то ударил женщину. Отец Андрея не видел чем, но на всю жизнь запомнил её, лежащую бездыханно на полу перед печью с кровью на лице и в спутанных волосах.

Детей со всей деревни погрузили в два фургона, в которых уже сидели притихшие ребятишки из соседнего Симонова.

Матери, которым запретили даже подходить к окнам, не вытерпели и, только взревели моторы и двинулась колонна, повыбегали из домов, со дворов и бросились за грузовиками.

Отец вспоминал, как сидел у края кузова, перед самым бортом, рядом с солдатом, хотел и не мог высвободить ногу, на которую неудачно привалился какой-то мальчик не из их деревни, а коленка другой ноги на каждой кочке больно стукалась об автомат этого солдата. И он терпел, и лишь однажды заскулил, когда стало особенно больно. И солдат, до того разглядывавший что-то на опушке леса, обернулся, посмотрел на него, улыбнулся, протянул руки, высвободил мальчика, подхватил под мышки и усадил удобнее. Он что-то сказал по-немецки, что-то незлое. Но отцу показалось, что это тот самый солдат, который ударил мать, и он прошипел: «Штоб ты сдох, Фриц».

– Фриц-Фриц! Да! Я Фриц, Фьодор. Мой отец – Фьодор. И я Фьодор Фьодорович, – засмеялся немец.

А отец заплакал, потому что это было невыносимо страшно, потому что был уверен, что мама умерла, что вот-вот и он умрёт, все умрут, даже товарищ Сталин. Хотя это совсем невозможно. Так рассказывали. Так брехали.

Рассказывали, что на окраины Струг приводили много детей вместе с родителями и там в них стреляли из пушки. Во всех сразу. И он знал, что если выстрелят в него из пушки, то ничего никогда не останется. И если только он будет в последний миг молить несуществующего Бога, то тот возьмёт его к себе, в небесный Кремль. И на небе будет он, будет папа, мама, тётя Оля, их пёс Стёпа, умерший прошлой весной от непонятной болезни, и кто-то ещё, кого он не помнит, но любит просто так.

Отец потом смеялся над этими своими мыслями, но Андрею их пересказывал. Конечно, с комментариями, с поздними, уже взрослыми. И Андрей слушал, поддакивал, тоже смеялся, но было ему не смешно.

И Андрей словно сам видел этот грузовик, это блёклое утро в Пятчино, в деревне, в которой родился, в том самом доме в самой середине деревни. Он почти слышал, как рыкает соляркой в снег и ржу тупорылый «хеншель», как лопается воздух, стонет затянутое гайками железо. Ему казалось, что он видит руки женщин, протянутые к кузову, в котором он, нет, не он, а мальчики, совсем другие мальчики, покорно качают головами и плечами в такт перегазовкам мощного германского мотора на каждой малой рытвине. И всякий раз он чуть ли не терял сознание,

проваливаясь куда-то в знобливую морось октября сорок третьего года, по ту сторону крашенного суриком штакетника, на перекресток дороги на Струги и дороги в никуда, в смерть и обморок осеннего шоссе с брыкавшейся шершавым копытом контуженной лошадью.

И пока грузовики медленно ехали через деревню, матери бежали рядом, по обочинам, поскальзываясь на мыльных следах протектора, оступаясь и проваливаясь в бурую жижу, но не спускали глаз с качающихся детских макушек и протягивали к ним руки. Они кричали, звали детей по именам, рыдали, сбиваясь со стона на вой и хрип. Но уже возле последних дворов движение колонны ускорилось, и матери отстали, хотя и продолжали бежать.

Машина, в которой везли отца, шла предпоследней. Они уже миновали поворот на Пламя, как вдруг вначале притормозили, а потом и вовсе остановились. Газующий впереди грузовик увяз. Слышно было, как истошно рычит мощный мотор, как с визгливым остервенением прокручиваются огромные баллоны, облепленные глиной.

Вечная лужа. Проклятье деревни. Огромная дыра к центру земли, заполненная словно бы вулканической грязью, то стреляющая по верхней воде плавунцами, то парящая под июльским солнцем глинистой кашей, то в рваных осколках ноябрьского льда швыряющая по обочинам студёную путаницу супеси и мелких камешков. Проложенная по древней гати дорога столетиями спотыкалась не то о плывун, не то о какую иную подземную силищу, которую, сколь ни заваливать её ветками, сколь ни перекладывать брёвнами, ни вбивать в её ненасытную прорву булыжник и кирпичное крошево, а всякий раз вновь ловит она беспечных ездоков. Несчётно телег увязло по самые оси в её распутном лоне, начиная с подвод Ольгерда, гружённых мехом лисиц и соболя, золочёными окладами, сорванными с образов церквей окрестных погостов. И то лопарские заклятья, то литвинская брань, то ругань здешних скобарей срывались в небо вороньим граем с опушки ближайшего леса.

Второй секретарь райкома, ехавший в Пятчино по служебной надобности – наставлять и контролировать в осеннюю распутицу тридцать восьмого, бросил водителя возле эмки цвета беж, закопавшейся в жирную глину, и, закатав выше колена серое костюмное сукно, да всё едино изгваздавший и брюки, и полы плаща, пешком дошёл до сельсовета. И два часа орал матом вначале на председателя, а потом и на подъехавшего не ко времени секретаря местной партийной ячейки так, что деревенским нужды не было подходить ближе, слышался грязный крик от клуба, где были обещаны по случаю субботы танцы, и аж до магазина.

После того случая председатель выписал на базе в Стругах Красных тридцать мешков цемента, пригнал с карьера две полуторки, гружённые песком, и всем миром законопатили ту сырость гладкой бетонной пломбой. Пломбу обнесли вешками, между вешек протянули верёвки, на которые навязали красные бантики из какого-то пришедшего в ненужность лозунга. Пять дней и пять ночей возле дорожного строительства выставлялась охрана из деревенских, отправляющая всех в объезд, чтобы никто по незнанию или ухарству не сунулся с тяжёлой техникой и не поколол свежий бетон.

По истечении тех пяти дней председатель вместе с мужиками, сняв опалубку, придирчиво осмотрели толстую, основательную плиту и посчитали дело сделанным. Грузовики и подводы на резиновом ходу вначале опасливо, а потом уже лихо проскакивали бывшее «гиблое место» всю остатнюю осень и зиму, выдавшуюся, как рассказывали, особенно снежной. И лишь в конце марта тридцать девятого зашевелилась земля, и бетонная плита начала медленно сползать с дороги. Мелкие трещинки, а потом и целые борозды стали заметны, почти сразу после того не прошло и недели, как земля под плитой задышала, а серый прямоугольник бетонного материка раскололся на сотни небольших островков, каждый из которых зажил своей жизнью под колёсами техники.

Летом плита перестала быть плитой, превратилась в бетонное крошево, то тут, то там выставившее в небо острые осыпающиеся края. Средств на ремонт у нового председателя не нашлось. Старый же, тот, что по слабости душевной затеял это строительство, попал в неожиданный оборот скорого следствия по делу о халатности и вредительстве. Всё это вовсе не имело отношения к яме на дороге да и вообще к чему-либо настоящему, а лишь умышлялось каким-то злым и обиженным на весь мир человеком, написавшим бумагу в милицию.

За осень и зиму страстная земная сила изломала давшую слабину человеческую заплату, выбила глиняными коленями корявые бетонные мячи на обочины, а по весне вновь пустила по наметившейся колее торопливый ручеёк. И вскоре

жители, стоявшие в очереди у магазина, в ожидании свежего хлеба, увидели спешащего к ним водителя полуторки, машущего руками, кричащего и просящего помочь вытолкнуть увязший фургон.

К этой луже привыкли. Ей веками носили дань вёдрами, опрокидывали в грязь, возвращали земле всякий мусор, всякую твёрдую ненужность, посвящали ей фантики жития. Посудный лом, кирпичные осколки, мятое и отставленное от хозяйства железо, всё прошлое родов тут от покона веков проросших, землёй этой выкормленных. Отец, сын, их отцы и долгая неназываемая за беспамятством лет крестьянская родословная, по воскресной дороге к заутрене зазываемая Ризоположенской церковью Хмерского погоста, плескали в глину и воду этой не то лужи, не то ямы, не то и вовсе Господних врат в вечность несложный быт своих семей.

А гробы с упокоившимися завсегда переносили по обочине на руках. И лишь миновав грязь, вновь устанавливали на телегу, чтобы идти сперва до перекрёстка дороги на Плюссу, а дальше – налево, в горку до самого Хмёра, плача и прощаясь.

Словно какой тугой меридиан тянул за собой строчку шитья с далёкого юга, с чужого жаркого материка на такой же далёкий север, к Берингову проливу, к Аляске, и делал тут стежок в льняном покое пскопской земли от одной до другой обочины дороги. И в том стежке решались вдруг прыснуть в разные стороны от брошенного мальчишкой камня разноцветные циклиды озера Танганьика или могла заворочаться, перевернуться с тени на солнце бурая крокодилья кожа огромного земноводного реки Лимпопо, с того самого места, где её пересекает тропик Козерога. А иногда промеж запаха полыни и репейника, цикория и другого какого местного разнотравья кидался в разогретый и звенящий кузнечиками воздух запах турецкого кофе с Самандира, долгой окраины Стамбула. Но то была величайшая редкость. Обычно впитывали его как губки мхи лесов вокруг Мозыря и Бобруйска, и тамошние зайцы кейфовали, валяясь на них и подставляя солнцу полинялые бока.

В ту осень, когда чужое железо харкало дымной газолиновой дрянью в октябрьское утро, когда хрустящая заиндевелая трава, торчащая из раннего снега, ломалась под подошвами бот отчаявшихся когда-либо увидеть своих детей и женщин, когда мутное солнце, встав из-за далёкого леса, постеснялось подняться выше, чтобы, не дай бог, не разглядеть и не быть спрошенным за ту несправедливость, что родила темень и ночь, вот тогда Пятчинская яма, великая сия Лужа, вскипела ненавистью, самой африканской жарой и растопила грязь и лёд, сволокла в колею и зажала земным своим мускулом наглое тевтонское железо.

Отец слышал ругань на немецком, потом команды. Солдаты, сидевшие в их машине и в той машине, что шла за ними, спрыгнули и побежали вперёд, где раздавалось уже: «Einmal, einmal zusammen! Einmal! Again!», стон мотора, визг скользкой резины, рыканье и звон клапанов бессильной четырёхтактной злобы.

И тут подоспели женщины. Вначале они остановились чуть в отдалении, но лишь на краткий миг, такой, чтобы те, кто отстал, поспели до тех, кто прибежал первыми, толкнули их, и вот уже все вместе бросились к фургонам, протянули руки вверх и стали хватать тех детей, что были ближе. Они спускали ребят на землю, следующих, следующих, тех, кто не побоялся.

Отец рассказывал, как тётя Шура, их соседка, подхватила его, сняла с борта в жижу и ледяную пульпу, крепко схватила за руку, в другой руке у неё уже была ладошка Лёшки, старшего сына, и рванула к лесу. И вот они уже бегут вместе с остальными. И светло от серого неба, и темно впереди, а сзади пока только перегазовки и карканье немецкого языка – ни выстрела, ни окрика.

Их не могли не видеть, но их не видели. Вязкий, нездешний, приторно-африканский морок покрыл поле, дорогу, немчуру, хлопочущую возле увязшего во времени «хеншеля». Женщины и дети растянулись цепью по всему полю. Матери устали, они стремились к опушке из последних сил, держа малых своих кого на руках, кого за руки. И шествие то казалось траурным и вечным. Лёгкие мишени для опытного стрелка. Но лишь когда последние, отставшие оказались в тени крайних деревьев, хлопотливые автоматные очереди посшибали снежные комья и шишки с сосен.

Погони не было. Приказ есть приказ: в лес не соваться. И потому немцам только и осталось, что:

…Ich glaube, die Wellen verschlingen
Am Ende Schiffer und Kahn;
Und das hat mit ihrem Singen
Die Lore-Ley gethan.

Но кикиморы и ундины, ледяные девы лесов и болот не тронули брызги человеческого рода.

8

Университетские приятели Егора Андрею сперва не понравились. Не то что случились они какими-то особо скверными. По своей воле сюда дурные люди не приезжают. Виделись парни Андрею для этих мест чересчур уверенными, щедрыми на обещания, слишком шумными. Север в таких не верит. Но когда в Кожиме грузились в борт, когда эти городские первым делом схватили обсадные и потащили к вертолёту, а потом обливались пóтом и в тщетной попытке согнать гнус крутили шеями в разрезах энцефалиток, вдруг, как тут говорят, показались. «А ленинградцы – молодцы, – подумал Андрей. – Только оттягав ящики с коронками, взялись за своё. Понимают, что и как, значит, нормальные мужики».

Андрей указывал, какие трубы брать, какие оставлять. Его кадры, помбур и бич-сезонник, накануне перебравшие портвейна, дышали кислым, обливались потом, но пыхтели наравне с остальными. Все вчера выпили лишка. Ленинградцам простительно, те неделю проторчали в балках в ожидании борта, а своим Андрей такие вольности не позволял. В шесть тридцать утра растолкал обоих и погнал купаться.

– Фашист!

– Тебя бы, Англичанин, самого вначале напоить, а потом в мокрую и холодную воду! Гадина ты пскопская, скобарь! – ворчал Трилобит.

Он уже третью смену работал с Андреем. Алимов взял к себе помбурами двух пионеров, бывших Андреевских соседей. К осени Теребянко планировал дать каждому по буровой, если Алимов аттестует.

Ледяная вода Кожим-реки привела мужиков в чувство, но к десяти часам, когда подали под загрузку первый борт, оба уже плыли. Не то уксус в кровь пошёл, не то где нашли похмелиться. Второе Андрею казалось более вероятным.

Ленинградцы среди прочего скарба грузили тридцатилитровую алюминиевую флягу с дыркой в крышке, такие здесь используют, чтобы гнать самогон из конфетной браги. Наверное, в другой раз он бы и волновался, напридумывав беду, но не сейчас. Начальником партии у геофизиков ехал Фёдор. А Фёдора в ВоГЭ уважали так же, как Теребянко. Был он хоть из Ленинграда, но родился в Сыктывкаре, с детства в этих местах, вначале горный техникум, потом Ленинградский университет. Кандидат наук, назначен заведующим сектором. Десять лет уже гоняет партии от Райиза до низовьев Усы на алмазы. Дейнега говорит, что и диссертация у Фёдора про алмазы Полярного Урала. Никто, конечно, тех алмазов на Гряде не видел, но признаки есть, министерство деньги выделяет, значит, работы ведутся. Шурфовики показывали Андрею в промывках оливин. Да и все сопутствующие находят. А если ищут, значит, рано или поздно найдут, это Андрей себе давно уяснил.

Фёдор со своими крут. В поле у него дисциплина, пьянство только по личному разрешению и в период магнитных бурь, похмеляться, если не праздник, запрещено. Андрея судьба уже дважды сводила с Фёдором на одних точках, когда первый год работал он помбуром у Алимова. Они в тот сезон друг другу понравились. Фёдор был старше лет на пятнадцать, но возрастом и должностью не кичился, к буровикам относился со всем положенным в этих местах уважением. А полагалось буровиков считать за местных. Все остальные – пришлые. Буровики, с их тяжёлым железом, горящим солидолом и грохотом, считались за коренных. Да и по геологическим правилам называлось это всё «заверочное бурение», то есть метод самый дорогой и окончательный. Если нет ничего в керне, значит, так тому и быть, пусто. Если нашли что, трать, государь, миллионы, прокладывай дорогу, копай. Сто раз цифры нарисуй, двести шлихов намой, пятьдесят шурфов заложи, а без бурения ничего серьёзного тут не начнётся. «Танковая конница маршала Теребянко» – так Фёдор их называет. Глупость, конечно, но приятно.

Борт загрузили под самые переборки. Геофизики накидали поверх всего досок, последней закатили бочку с керосином и два газовых баллона. Бортинженер, стоявший поодаль, несмотря на жару в кожаной лётной куртке, и наблюдавший за погрузкой, покрутил над головой рукой, показывая, что пора «закругляться». Двое ленинградцев, Борода и Иван, приятели Дейнеги, тащили с дальнего края вертолётной площадки каркас панцирной кровати, заметив, что лётчик закрывает люк, припустили бегом, но каркас не бросили.

– Аспиранты, бросьте к чёртовой матери этот металлолом, зачем он вам? – перекрикивая шум винтов, увещевал ребят Фёдор.

Но парни минуту препирались с бортинженером, наконец тот махнул рукой и показал на пассажирский люк. Каркас загрузили через него, к неудовольствию всех остальных.

Пилот запустил винты. Андрей и Фёдор, оба пригибаясь и придерживая на голове брезентовые фуражки, обежали вертолётку, проверяя, не забыли ли что важное, и последними забрались на борт.

Андрей любил момент взлёта. Ему нравилось, как огромная машина, похожая на раскормленную тетёрку, поднимается, чуть наклоняется вперёд и вот уже мчится, едва не задевая верхушки подлеска, разворачивается над руслом Кожима и устремляется вперёд, прочь от Уральского хребта. И внизу – то тёмные пятна озёр, то рыжие проплешины болот, то зелёные поля карликовой берёзки, то тёмно-изумрудная тайга. Внутри трясет и грохочет так, что не слышно, что говорит Фёдор, показывая пальцем в иллюминатор.

Их высадили первыми, на Заострённой, рядом с буровой, которую он, пустив вперёд вездеход, пригнал сюда по лесоустроительной просеке в конце прошлой вахты. Андрей со своими выгрузили личные вещи и продукты, полученные на складе, пожали руку геофизикам, с которыми предстояло вновь встретиться через месяц на Шарью, и, отбежав к балкам, присели на корточки, ожидая, когда поднимется борт.

Припустил дождь. Тяжёлые капли превращались в пыль под лопастями винта. Огромная, дышащая керосином машина чуть поднялась над березкой, и вот уже пилот лихо погнал её вдоль просеки лесоустроителей вниз к реке. Дождь быстро залил шум вертолёта, и лишь единожды отрыгнуло эхо хрусткий рокот двигателя, отразив от дальних отрогов реки.

В балке оказалось натоплено. В изголовии нар стоял синий «Ермак» Дейнеги. Значит, приятель пришёл пешком от Алимова. По технике безопасности такие переходы запрещены, но Теребянко иногда закрывал глаза на разные нарушения инструкции. Дейнега, хотя и был молодым специалистом, уже считался хорошим геологом. Человек он осторожный, вдумчивый, потому его любовь к одиночным маршрутам с отбором проб по собственному плану можно и поддержать. Если между точками удавалось проложить маршрут почти по прямой, если не встречались пойменные болота или не нужно было форсировать Усу или Печору, Дейнега всегда шёл пешком. Свои вещи он посылал с бортом или вездеходом, а сам отправлялся налегке, с аккуратной самодельной палаткой из каландра, вот этим синим капроновым «Ермаком» на дюралевом станке, под которым крепился аккуратно свёрнутый пуховый спальник. Иногда он выходил на новую точку дня три, успевая описать до двух десятков обнажений, перейти несколько водоразделов, заночевать и проснуться под солнцем наступающего полярного дня. Перед сном он ловил хариуса на блесну-вертушку в ямах, взрезал ему брюхо, засыпал крупной солью из пластиковой банки из-под иностранных витаминов с плотно закрывающейся крышкой и ел уже через пять минут после засола. Дальше он разводил аккуратный костерок под чефирь-баком и потом мог часами сидеть недвижно, лишь прихлёбывая от черноземa крепкого грузинского чая, заваренного с листьями дикой смородины и ежевики. Ему нравилось наблюдать за тем, как туман, поднявшийся от зарослей ивняка по берегам ручья, покрывает поле карликовой берёзки на другом берегу, чтобы окрепнуть и плотной паутиной вползти под тень елового мыска, от которого до самой Усы начиналась тайга.

Пока Трилобит с бичом-сезонником разогревали сваренный Дейнегой суп, пока, хоронясь от Андрея, аккуратно опрокидывали из чашек выпрошенный у геофизиков разведённый спирт, распогодилось. Андрей курил на нижней ступеньке балка, как он это любил, положив локти на ступеньку повыше, вытянув одну ногу в туристком башмаке пяткой вперёд, а другую подобрав под себя. Так у него переставала болеть сорванная на зоне спина. Из карманного «Альпиниста» звучала джазовая музыка, передаваемая на коротких волнах не то шведской, не то норвежской радиостанцией. Поперёк комариному гуду, не стихающему даже во время дождя, вкручивались в сочный летний таёжный воздух трубы лихого оркестра, снимая с этих мест древнее заклятье белоглазой чуди, подтрунивая над здешней тайгой со своего уютного заграничного далёка.

Внизу на просеке показался Егор. Его полинялая красная шерстяная шапочка, которую он ещё со студенческих времён носил и в жару, и в холод, мелькала между кустов ивняка. Приметив Андрея, Егор поднял над головой раздувшийся от рыбы рудный мешок из грубой брезентовой ткани.

– А я не успел, – закричал он ещё издалека. – Пошёл за рыбой. Думал, вы к вечеру прилетите. Солнце с самого утра, горы открыты.

Андрей встал и поприветствовал ладонью, сжатой в кулак, «Рот Фронт», как было принято между друзьями.

– Услышал борт, бросил снасть, но пока на этот берег перешёл, смотрю, летит уже, разгрузился. Я ему рукой помахал, он круг сделал, показал, что меня заметил.

Дейнега, запыхавшийся, улыбающийся, похудевший, обросший кручёным чёрным волосом по всему подбородку, дошагал до балков и кинулся обниматься с Андреем.

– Моих-то видел? Как тебе? Орлы же? Ну скажи! Орлы?

– Орлы, – заулыбался Андрей, – нормальные мужики.

– Да они золотые! Ты даже представить себе не можешь, какие они золотые. Они на курсе лучшие были. Что Борода, что Иван, что Кеша. Это же академики будущие. Наука, брат! Наша наука! – Егор улыбался, хлопал комаров на шее, снова улыбался и казался Андрею старше своих лет. Они не виделись два месяца, на прошлую точку к ним приезжал другой полевой геолог. За эти два месяца Егор как-то высох, кожа плотно приклеилась к покрытым курчавым волосом скулам, глаза посверкивали азартом.

– Родственник! Как же, чертяка, рад тебя видеть! Ну, как ты там? Как Варвара? Как Дашка?

Варвара родилась в апреле. До этого был самый тёмный и морозный январь девяносто первого года, когда по всей Инте то и дело отключалось электричество. Дарья мёрзла, газа в дома подавали ровно столько, чтобы хватало нагреть кастрюлю воды, да и то, если накрыть крышкой. Андрей с Витькой съездили в автопарк, где им за стандартную бутылку сварили печку, такую же, какую устанавливали в балках, из толстого чугуна. Они, пыхтя и чертыхаясь, втащили печку на этаж, а потом, под причитание Наталки, Витькиной жены, вынули форточку и установили на её место раму с жестянкой, через которую вывели наружу трубу. Затопили. В комнате почти сразу стало тепло. Впервые за неделю Дарья сняла с себя шубу.

В апреле Дашу позвали на тридцатилетие «девятки», школы, которую она оканчивала. Должны были приехать многие одноклассники, которых судьба раскидала по всему Союзу. Но в субботу, за день до праздника, на тридцать шестой неделе неожиданно начались схватки, и Андрей, не дожидаясь скорой, разбудив среди ночи соседа, отвёз жену в родильное отделение.

– Это ты пешком переходила, растрясла, – говорил Андрей, поглаживая на заднем сидении Витькиного жигулёнка руку жены.

По улице Горького, где была Дарьина школа, перестали ходить автобусы, да и вообще всякий транспорт. Городские власти, наверное, насмотревшись на Арбат в Москве, ни с того ни с сего решили сделать центральную улицу пешеходной.

– Андрюшенька, не ругайся. Всё нормально, – Даша была бледна и испугана.

Варька родилась почти через сутки, вечером. Дежурный врач и акушерка приняли роды, укутали ребёнка в одеяло и принесли в палату.

– Мамочка, ребёнок с вами будет. Давайте грудь. Меняйте подгузник, – сказала медсестра и ушла домой.

Варя осталась в палате одна с ребёнком. Других рожениц в отделении не было. В тот год здесь почти не рожали. Свет отключили в половине десятого. Горячая вода пропала ещё раньше. В котельной случилась авария. Дарья потом рассказывала Андрею, как в отчаянье и полной темноте мыла Варьке попку под струйкой холодной воды. Но всё обошлось.

Андрей в это время сидел в гараже у Витьки и пил водку, настоенную на золотом корне.

– Ты можешь быть трезвенником, можешь быть хоть председателем общества «Трезвость», но если у тебя родился ребёнок – будь добр кирнуть. Иначе это всё не по-людски, – сказал Витька, снял с вешалки кожаную кепку Андрея, полушубок и подтолкнул приятеля к выходу. – Пошли ко мне в гараж. Там самое место.

В гараже у Витьки действительно было уютно. Топилась печь, на печи в сковороде шкварчала картошка на сале, от автомобильного аккумулятора играл магнитофон «Электроника».

«Et si tu n'existais pas, – пел Джо Дассен. – Dis-moi pourquoi j'existerais? Pour trainer dans un monde sans toi, Sans espoir et sans regrets?» – в который раз спрашивал шансонье.

Витька достал из стенного шкафчика две хрустальные рюмки и поставил на стол. Потом из того же шкафа выудил стальной геологический термос, а из него палку твёрдокопчёной колбасы.

– Это от крыс, так не доберутся, – предвосхитил он вопрос Андрея. – Кстати, колбасу твой Дейнега из Сыктывкара привёз.

Витька открыл багажник, покопался в нём и выудил банку консервированной морской капусты и буханку серого интинского хлеба.

– Вот, сейчас нормально посидим, по-человечески. Человек родился, надо его встретить как человека. А то заперся там у себя в дому, сидишь как сыч. А надо не сидеть, надо радо-

ваться, надо праздновать, надо пить за ручки, за ножки надо пить, за глазки, за носик. Ножки-ножки. Побегут эти ножки по нашим дорожкам. По Инте побегут. По Северу побегут. Давай. Давай!

К обычному Витькину балабольству добавилась неожиданная сентиментальность. Витька разлил по полной рюмке. Они выпили.

– Я, Англичанин, тебе так скажу. Вот сейчас ты стал своим. Детка родилась, теперь наш. Теперь детка будет в наш садик ходить, в который, вон, Наталка и Дарья твоя ходили. Потом детка пойдёт в школу, которую Наталка и Дарья оканчивали. И это значит, что ты, её отец, – наш мужик, интинский.

Логика соседа не показалась Андрею безупречной, но они снова выпили. Витька поставил сковородку между ними и положил перед Андреем вычурную серебряную вилку и такой же нож.

– Откуда такое богатство? – удивился Андрей, разглядывая вилку.

– От папани Наталкиного, – рассмеялся сосед, – в управлении работал. Подношение чьё-то. Всё, что и осталось, ну и рюмки, конечно. А может быть, всё, что и было. У мамати там ещё картинки какие-то в рамках, но дрянь, а не картинки, навроде трёх медведей Шишкина. А это вот, – он покрутил в пальцах ножик, – да ещё и сервиз – это нам на свадьбу мамаша отдала. Наталка их не любит, говорит, тяжёлые. А мне нравится. Вот, держу в гараже для особых случаев, если какой гость зайдёт. Ты – сегодня особый случай.

– А дочка – это хорошо, – вдруг рассмеялся Витька. – Дочки, как говорится, это для папы. Для папы что надо? Чтобы его седины коснулась девичья рука. Сын – что?

– Что? – переспросил Андрей.

– Сын – это не кроссинговер. Вон, как я да ты. Сын вырастет и убежит за своими бабами на край света. А дочка всегда рядом будет, так что ты тут молодец.

И вдруг, ведь два года как не мучило, как перестало, вспомнились ему глаза Алёнкиной матери на суде.

Вот сидит Слепнёва, покачивается из стороны в сторону и что-то шепчет. Он не мог слышать, что она шепчет, не мог, но слышал. Через людское дыхание, через скрип стульев и голос судьи, зачитывающей обвинительное заключение, слышал он, как та повторяет: «Алёнка. Алёнка. Алёнка».

– Как ты жить теперь с этим будешь, убийца? – это не она. Это кто-то другой крикнул.

– Мало! Мало три года! Мало ему!

И снова тот знобливый ветерок, который из щели кунга забрался под воротник и засвербил в носу слезой и солью: «Мало!».

– Назвали-то как?

– А? – очнулся от своих мыслей Андрей, – Алёнка.

– Как? – переспросил Витька.

– Варвара. Варя.

– Хорошее имя, – одобрительно кивнул Витька. – Давай теперь за глазки Вари, чтобы видели только хорошее.

Выпили за глаза, за носик, за пальчики. Витька достал второй литр. Андрей хмелел медленно, но тяжёлым, нерадостным хмелем, приличным для поминок, а не для праздника.

– Ты что-то косеешь, сосед. А ну-ка я тебе сейчас нашего чайка налью, – Витька покопался на полках, нашёл жестянку с травяным сбором, насыпал в чайник, жахнул кипятка из чайника, уже час сипевшего на печи.

Горькая, дурманящая жидкость растянула скулы Андрея в гримасе.

– Что это за гадость? – сморщился он.

– Всё от природы: тысячелистник, чабрец, полынь, ну и так, всякой ерунды. Мать делает, называет «наш чаёк». Она этим почки лечит. А я заметил, что трезвею от этого её «чайка» в момент. То ли от горечи, то ли от каких полезных витаминов, но трезвею. Правда, если много такого выпить, сердце потом стучит.

Хмель действительно отпустил Андрея. Он пошкрябал вилкой в сковороде, ещё хлебнул отвара и засобирался домой. Они попрощались. Витька остался прибираться и выгребать из печки угли, а Андрей вышел на воздух. Электричество в районе дали. Горели окна, и в ночном небе ярко светилась очерченная прожекторами водонапорная башня. Вместо того чтобы идти домой, он пошёл к больнице. Где находится родильное отделение, Андрей не представлял. Дверь приёмного покоя оказалась закрыта. Андрей пошёл по ледяной скользкой дорожке вдоль корпуса, заглядывая в окна первого этажа. В одной из палат он увидел девочку, сидящую на кровати, обхватив колени. На девочке был застиранный байковый халатик, который был девочке явно мал. Девочка сидела и смотрела в одну точку. Над ней горела лампа дневного света.

Андрей остановился и почему-то помахал девочке рукой. Девочка заметила, улыбнулась и тоже помахала Андрею.

9

Июль выдался спокойный. Выставили устье скважины и забурились ещё на прошлой вахте, пройдя первые двадцать метров. Стояла жара, потому запускали установку в шесть утра, ещё до сеанса связи. Станок работал без обычных сбоев. Осадочный чехол проходили быстро. Егор в это время готовил завтрак на всех. После завтрака у тайги было полчаса тишины, пока работала рация. Потом вновь начинали бурить. Через каждые семь метров проходки Андрей осторожно, стараясь не допускать рывков, поднимал трубы, Трилобит отсоединял замки, потом они с рабочим укладывали колонну на землю. Трилобит аккуратно ударял молотком по кольцу, надетому на керноприёмник, то и дело крутя последний. Керн соскальзывал вниз по трубе, и его укладывали в ящик.

Дейнега устраивался на складном брезентовом стульчике перед ящиками с породой и заполнял полевой журнал. Иногда он стукал геологическим молотком по керну, доставал кусок, разглядывал его вначале просто, поворачивая в руках, потом вставлял в глазницу часовую лупу и смотрел через неё. Часовая лупа – это было его собственное изобретение. Остальные геологи ходили с огромными складными линзами. Он клал вдоль ящика самодельную линейку-метр, сделанную из дранки, с нанесёнными на ней делениями, и толстым фломастером размечал керн на равные промежутки, маркируя отдельные куски по номеру скважины и глубине. Если слой, по мнению Дейнеги, оказывался интересным, он отбирал образцы через каждые тридцать сантиметров керна, наклеивал бирку из толстого медицинского пластыря и помещал в отдельные пакетики, которых каждый вечер сворачивал великое множество из крафтовой бумаги.

Когда начиналась самая жара, Андрей останавливал работу и отправлял мужиков купаться. Оставив Егора над очередным ящиком, сам забирался в тень от балка, обматывал голову смоченной в воде футболкой и пару часов читал, потом час спал тут же, закутавшись в брезент. Будили его мужики, вернувшиеся в лагерь. Они всякий раз приносили несколько крупных хариусов, которых сразу заворачивали в холстину с солью и прикапывали под балком. Обедали тем, что осталось с завтрака, и вновь запускали установку, бурили до десяти вечера, до вечернего сеанса связи, а потом ещё до часа ночи, когда, уложив по ящикам последний керн, глушили станок, умывались по пояс под рукомойником и садились ужинать. С Егором они успевали больше, он ежедневно брал на себя обязанности повара, и не приходилось отряжать для этого Трилобита. Сергей Сергеевич готовил отменно и доверял кухню только Егору. Бичи же на вахтах допускались лишь до мытья посуды. Когда Егору удавалось подстрелить тетерева или глухаря, готовил Трилобит. В такие дни Андрей заканчивал смену вдвоём с рабочим. Трилобит же ощипывал и потрошил птицу, набивал её внутренности размоченными сухофруктами, обмазывал перцем и солью, потом уходил к реке, в специальной закапушке набирал глины, возвращался и обмазывал тушку целиком. Когда глина чуть подсыхала, Сергей Сергеевич раскидывал угли заранее разведённого костра, клал туда птицу и вновь зарывал в угли, набросав сверху ещё тонких сухих прутиков. Потом следил, чтобы огонь лишь чуть теплился. Через полтора часа он разрывал костёр, доставал крепкий раскалённый глиняный кокон, укладывал на жестяной поднос с нарисованными цветами и ставил в середину стола. Покончив с птицей, он переодевался в рабочее и шёл к бригаде вынимать последний за сегодня керн.

Ночами, которые в июле на Приполярном Урале мало отличаются от дня, Андрей спал плохо. И даже не от жары, жара немного спадала, не от солнца, приходящего в окно балка уже в три часа ночи, для того восточное окно и закрывалось картонкой. Всё чаще, проснувшись, потревоженный криком птицы или от собственного худого сна, садился на ступеньках балка и курил, дожидаясь пяти утра, когда будет прилично шуметь паяльной лампой, кипятить на треноге воду в кастрюле, чтобы закинуть внутрь содержимое пары банок консервированного рассольника на обед и гречневую крупу на завтрак.

Андрею не спалось. Всё чаще и чаще думал он о злополучном дне, когда случилось в его жизни страшное, что теперь мучило, заставляло шептать неумелые слова молитвы, когда никто не видел и не слышал. Он представлял Алёнку, дочку Слепнёвой, ровесницу его сестры, её же одноклассницу... Представлял её выросшую, окончившую, как и его сестра, школу и уехавшую учиться в город. Он пытался вообразить, как она выглядела бы сейчас, что носила, как стриглась.

– Девицы, – говорил он Лизке и Алёнке, возвратившись из школы и застав подружек, разбросавших по всей комнате лоскутки и катушки

с нитками, – когда уже настанет в доме порядок? Лизавета, у нас один стол на двоих только потому, что некуда поставить второй. Можно не занимать его под всю эту фигню?

Девочки смеялись, быстро собирали своё шитьё и убегали в родительскую комнату. На пороге Алёнка, или Лизка, или они обе поворачивались и показывали Андрею язык. Он грозил им кулаком, хмурил брови, но, только они скрывались за занавеской, улыбался. Он любил сестру. Да и злился понарошку, словно просто для того, чтобы призвать мелюзгу к порядку.

Он катал подружек на мотоцикле, возил на Хмерское озеро купаться. Однажды Алёнка наколола ногу стеклом, какой-то дурак разбил бутылку на пляже и оставил, не собрав осколки. Он нёс её на руках до дороги, где в тени орешника у ограды кладбища он оставил свой «Минск». Алёнка плакала, обхватив его шею руками, а Лизка, его Лизка бежала рядом и повторяла: «Не плачь, пожалуйста, не плачь». Слепнёвой дома не оказалось, и Андрей, напустив на себя уверенный вид, залил перекисью рану, а потом, прокалив на конфорке пинцет, вынимал из ранки зелёное бутылочное стекло.

– Всё хорошо, девочка! Всё уже хорошо.

Как случилось, что в толпе вышедших на воздух из клуба Алёнка оказалась с краю? Как случилось, что рядом не было его Лизаветы? Как вообще могло сделаться так, что он пустил Людку на водительское место? Почему он не крутанул руль на себя, чтобы свернуть с дороги и затормозить о столб или в забор Ермаковых? Ведь за мгновение до удара он понял, что столкновения не избежать. Почему не сделал этого?

Не было никакого замедленного кино. Это сейчас могло казаться, что вечность прошла с мига, как Людка нажала на акселератор, до того, когда он закричал: «Тормози!», а потом ещё вторая вечность до удара. Людка с перепуга вместо тормоза жала на сцепление и одновременно газ. Машина не остановилась, а лишь взревела на отпущенном сцеплении. Всё быстро. Асфальтовая дорожка от поворота до клуба. Чья-то белая рубашка, глухой удар, потом ещё один, уже не такой сильный, и крики. Машина проскочила дальше, и только у пожарки Андрей крутанул руль и отправил «москвича» в кювет. Он выскочил из кабины, выбрался из канавы и рванул к клубу. Навстречу ему уже бежали. Его схватили за рубашку, за руки и потащили за собой. Никто не понял, что он не сидел за рулём. Впрочем, какая разница, кто сидел?! Это был его автомобиль и его вина. Только его.

Когда подвели, девочка уже не дышала. Чуть поодаль на земле сидел незнакомый мужик, чей-то родственник, обхвативший руками голову, в испачканной белой рубашке. Женщины с остервенением набросились на Андрея. Закричали. На его голову и спину сыпались удары. Те, что держали его, наконец отпустили, и вот уже он почувствовал ярость мужских кулаков. Кто-то со всей силы толкнул его ногой в спину, Андрей упал. Он не защищался, только, сам того уже не желая, прикрывал голову руками.

И сейчас, на ступеньках балка, обхватывал ладонями голову, словно старался защититься от воспоминаний. Вскрикивала северная птица. Андрей смотрел на часы, вздыхал, поднимался и шёл за водой на водораздел к ближайшей болотине. Возвращался с двумя полными вёдрами, ставил кастрюли на решётку и треногу. Он отмерял положенное количество гречневой крупы, забрасывал в кастрюлю. Откручивал тугую пробку паяльной лампы и аккуратно, чтобы не расплескать бензин, лил тоненькой струйкой в маленькую железную воронку. Слепни кусали в шею и руки. Потом накачивал насос паяльной лампы и вставлял её в раструб треноги. Эти простые действия успокаивали. Просыпались мужики. Из балка появлялся Егор с приёмником в руках, вешал его на опору навеса кухни, долго крутил ручку, настраивая на новости.

«Радиостанция «Голос Америки» на коротких волнах, – разносился над тайгой бодрый голос из-за океана. – Вы можете слушать наши передачи на частотах…» Закипала и начинала пыхать под крышкой каша. Трилобит закуривал «Астру» и, не вынимая сигареты, брился перед маленьким карманным зеркалом, прислонив его к алюминиевой миске. В этом сезоне он отращивал шкиперскую бороду.

Каждый день было так. Только воскресенье считалось полувыходным, вставали поздно, в половину седьмого, а бурили только до обеда. Вообще, несмотря на жару, работа спорилась. Они уже сделали больше, чем планировали, и Андрей подумывал, чем чёрт не шутит, авось удастся закончить проходку и заактировать скважину уже на этой вахте. А если повезёт с бортом, сможет он побыть с женой и дочкой две недели вместо одной.

Трилобит, видя, что Андрею хочется к жене и дочери, старался пуще обычного, гонял и рабочего.

Сезонник, как и Сергей Сергеич, был из старых теребянковских кадров, но нездешний. Каждую весну приезжал он в Инту из Салехарда, с той стороны Оби. Немногословный сорокалетний мужик, тоже бывший сиделец. Звали его постароверски Митрофан, но имя со временем сократилось вначале до Мифы, а потом и до простого Миха. Был он мужик честный, но неторопливый, с ленцой, что для северов в рамках приличий. Больного не корчил, от переработок не ныл, но делал только то, что скажут, и не движения больше. Говорил мало, разве что по делу или только если считал нужным. Для бывших зеков, особенно тех, у кого сроков набиралось больше двух, это считалось нормальным. Сидел Миха трижды. Первый раз – коротко, год, а потом как рецидивист уже по три. Всякий раз отправлялся он по этапу за одно и то же: избивал смертным боем отчима, ломал о спину тому то черенок от лопаты, то просто палку. Отхаживал ногами, да так, что того отправляли в больницу, а Митрофана везли на суд и опять на зону. Доставалось отчиму за непочтительное и грубое отношение к матери. На зоне Миху уважали. Он бы и в очередной раз угодил, но Божьим промыслом отчим помер сам, украв у матери зарплату и перепив самогонки, пока Миха отбывал третий срок. С тех пор прошло уже десять лет. Был Миха на хорошем счету у Теребянко, который на вопрос кадровички каждой весной приказывал: «Оформлять».

Выглядел Миха примечательно, таких тут называли «чудики» или «чума». На голове – копна рыжих, расчёсанных на прямой пробор вьющихся волос, очки в замотанной изолентой роговой оправе с толстыми стёклами, из-за которых глаза казались чуть на выкате. В нерабочее время, сняв сапоги, Миха переодевался в чёрные лаковые ботинки, в которых ходил и за грибами, и на рыбалку. Ботинки всегда выглядели новыми. А может быть, Миха просто достал где-то несколько одинаковых пар. Северный завоз непредсказуем.

– Говорят, под Сыней старые зоны расконсервировали, – сказал Миха как-то в воскресенье, когда Егор, споря с радио, вдруг завёл за завтраком разговор о Солженицыне и ГУЛАГе. Егор называл себя демократом и время от времени проводил среди своих политинформацию.

– Что значит «расконсервировали»? – язвительно поинтересовался Егор.

– В «шестёрку», например, привезли пять платформ досок и бруса, поменяли полы в закрытых бараках, окна новые вставили. В двенадцатой крыши шифером покрыли, вокруг бараков покосили. Засыпали свежий шлак, вышки новые подняли, на сваях. Дороги грейдером выровняли, гудроном законопатили, – монотонно перечислил Миха и потянулся за томатной пастой, чтобы залить ею накрошенный в гречневую кашу репчатый лук.

– Откуда знаешь? – удивился Егор.

Андрей тоже посмотрел на рабочего с интересом.

– Рассказывают, – Миха размочил армейский ржаной сухарь в чае и теперь обильно посыпал его сахаром.

Все смотрели на него, ожидая продолжения.

– Ну а что тут рассказывать. Лесопилки в Инте и Кожиме под завязку в работе. Весь распил идёт в Сыню. В Сыне на старых фундаментах три офицерских барака построили. Говорят, в Харпе то же самое. Но про Харп сам не знаю, может быть, уже и слухи. А вообще слухи всякие ходят, но по всему понятно, что готовят всё к массовым посадкам.

– Да что ты городишь?! – Егор вскочил из-за стола и выключил приёмник, который потерял волну и теперь громко шипел под брезентом кухонного навеса.

– Какие посадки? Перестройка! Ты понимаешь, что происходит? Пе-ре-строй-ка, – он произнёс последнее слово по слогам.

Миха не ответил, впился зубами в сладкий бутерброд и прикрыл глаза, наслаждаясь.

– Бредятина! Фантазия какая-то, – волновался Дейнега. – Англичанин, ну скажи ему, какие посадки? Какие? Не тридцать седьмой, а девяносто первый! Уже невозможно. Посадки они какие-то выдумали. Ну пусть отремонтировали какую-то зону. Что с того? Надо иногда ремонтировать. Небось, из-за совдеповского раздолбайства там с хрущёвских времён ремонт не делали.

Андрей промолчал. Он вдруг решил, что Егор просит его поучаствовать в споре не как друга, а как бывшего осуждённого. И это ему не понравилось, показалось обидным.

Надо сказать, до Андрея ещё с весны доходили слухи о «расконсервации». Вдруг появилось это слово. Странное, непривычное для этих мест, опасное, как всё незнакомое. Слово-захватчик, сразу заполнившее собой разговоры на кухнях и в очередях, казённое, будто из некой бумаги, директивы, указания: «Расконсервация».

Ходили слухи о новой железнодорожной ветке, что размечали от Сыни на запад, под углом

к существующей узкоколейке на Усинск. Дескать, видели в тех местах несколько бригад топографов, не приписанных ни к рудуправлению, ни к ВоГЭ, ни к лесоустроителям.

Сложно сказать, что было правдой, а что фантазией. Но в самой Сыне ремонтировали котельную. От пилорамы, где Андрей покупал доски для семейного ложа, раз в два дня громыхал до шахты жестяными бортами гружённый досками КрАЗ, там стояли под погрузку железнодорожные платформы. В гостинице рудуправления с апреля поселились офицеры. Они ходили по городу в повседневной форме с чёрными погонами и лычками инженерных войск, но никто не сомневался, что это войска МВД, новая лагерная охрана, а чёрные погоны у них, «потому что секретность».

Начальник кожимского склада воркутинской экспедиции Вадим Соломонович Резин, худой и скользкий, как густера, ещё из гулаговских, легенда и персонаж здешних анекдотов, отпуская по накладной на бригаду Андрея три коробки тушёнки говяжьей, три коробки тушёнки свиной, сгущённого молока коробку, два пакета сухарей армейских, мешок сахара, два ящика консервированного рассольника, два ящика борща, шесть кило конфет «Коровка», коробку печенья «Юбилейное», коробку супа сухого «Сборный», шестнадцать пачек грузинского чёрного байхового, первый сорт, Рязанской чаеразвесочной фабрики номер два, сплюнул в пузырящуюся пыль и, глядя куда-то в сторону рудника, проскрипел-проскрежетал шестернями кадыка, выдавив меж своих железных зубов: «Дрянь опять удумали. Всё неймётся». Андрей вроде и понял, про что говорит Соломоныч, а значения не придал. Какая разница? Его не касается, а и без того сна нет.

Про Соломоныча поговаривали, что служил он не то начальником лагеря, не то большим чином в системе ГУЛАГ. Однако оказалось это всё фантазией интинских вахтовиков. Как-то Андрей разговорился со стариком и узнал, что тот ещё мальчишкой попал на зону из Ленинграда, да так с этих мест и не двинулся. Женился, родил и уже схоронил сына, потом жену. Женился во второй раз, двух дочерей от второго брака отправил учиться в Москву. Они остались в столице, звали к себе. А он прирос к этим местам, где в вечной мерзлоте могилы обеих жён и сына.

Андрей давно заметил, что слухи на северах быстрые, но какие-то бестолковые. В каждом либо страх, либо надежда. Авось, если не рухнет, вот-вот и пойдёт совсем по-другому, наладится жизнь, увеличат зарплаты, удвоят северные, откроют новую шахту или горную выработку, протянут железнодорожную ветку через хребет от Сыктывкара на Ханты-Мансийск или автомобильное шоссе до Воркуты аж от самой Печоры. Север, некогда гордый, уверенный в себе, богатый, теперь подобно погорельцу заглядывал в рот всякому пришлому начальству. А проку от того начальства никакого. Приезжают болтуны из Москвы и болтуны из Сыктывкара, сгоняют народ на собрания, где столы против привычного почему-то не покрывают красной тканью. Говорят часами про всякое, для этих мест непонятное. Приезжие обещают ненужное, записывают в свои блокнотики вопросы из зала, обещают разобраться и уезжают. Ни имён их никто не запоминает, ни должностей. Но уже на следующий день рождаются слухи, в которых всякий может найти утешение. И людям тут, если есть надежда, всё едино: правда то или какая закука.

Но бродящая промеж бичей и кадров болтовня о расконсервации раздражала. Слух перерос в молву, а Теребянко говорил, что молва во время вахты мешает, снижает выработку. Теребянко в этих вопросах можно было доверять.

– Хватит уже, – Андрей встал из-за стола, отставив миску. – Сергеич, у тебя подъёмный блок не скрипит, а воет уже. Рабочему пора на буровой быть, десять минут восьмого.

Егор удивлённо посмотрел на друга. Андрей не любил командовать. Старался избегать повелительного тона, стеснялся своего начальственного положения старшего бурового мастера.

Трилобит с Михой ушли. Егор тщательно выскоблил миску и посмотрел на Андрея.

– Ты чего на своих взъелся? Нервный какой-то стал. Ночами не спишь. Случилось что?

Андрей махнул рукой, мол, ерунда, отвернулся от стола, поставил ногу на скамейку и стал перематывать портянку. Пусть и была между ними искренность, однако Егор про аварию знал лишь, что кто-то погиб, а Андрей получил судимость. Знал от жены, та – от сестры, но выведывать подробности у друга не решался – захочет, сам расскажет. Андрей не рассказывал.

Дейнега, видя, что товарищ не в духе, зашёл на буровую, посмотрел, как Трилобит прокаливает на паяльной лампе свечи бурового станка. Вернулся в лагерь, покрутил колёсико настройки приёмника, выкурил несколько сигарет, наконец, собрал рулетку, буссоль, молоток, уложил в рюкзак топор и заготовленные заранее колышки, на-

лил в термос чай и отправился к реке размечать площадки под шурфы и канаву.

Андрей ждал связи. На буровой Миха ритмично звякал молотком о замок буровой трубы. То и дело доносился матерок Трилобита, следившего за работой. Гнус, просушивший крылья, гудел уже ровно и монотонно за стенками балка, заглушая рацию. Пусть в эфире было полно народа, однако поисковые партии, буровые, бригады шурфовиков, по неписаному правилу ждали, что заговорит База. Наконец, Кожим «проснулся».

– Сова-три, Сова-три, это База, приём! – сквозь шелест помех раздался голос Теребянко.

– База-База, на связи Сова-три.

Фёдор звучал уверенно, словно станция стояла на соседней опушке, а не в сорока километрах.

– Фёдор Григорьевич, мы к тебе послезавтра, вторник-вторник, как понял?

– Понял тебя, Егор Филиппыч. Как прибудешь?

– Вездеходом от Тёзки с Заострённой.

– Понял-понял, Егор!

– Сова-три, конец связи.

– Сова-девять, Сова-девять, приём!

– Здесь Сова-девять! – Андрей держал тангету «Карата» на вытянутой руке, иначе старая рация начинала коммутацию и переходила на свист и вой.

– Англичанин, завтра жди у себя. Привезу Коробкиных и топографа. Рабочего своему скажи, что на сутки он с топографом, вешку таскает. Как понял? Приём? У Тёзки всё готово?

– Понял, База! Понял. У Дейнеги полный порядок. Личных нет?

– Личных нет, Сова-девять. Твои, Англичанин, здоровы-здоровы, видел вчера. Конец связи.

И то ли оттого, что Теребянко видел вчера Дарью и Варвару, то ли от завтрашнего рейса к ним вездехода с известнейшими на весь Полярный Урал братьями Коробкиными – проходчиками во втором поколении, балагурами и матершинниками – стало вдруг у Андрея на душе легче.

Коробкиных уважали по всей ВоГЭ. Было их три брата, все служили на проходке с юности, переняв опыт отца, который копал шурфы да канавы по низовьям Колымы ещё с сорок четвёртого. Коробкин-отец родился в Печоре, оттуда и призвался в сорок втором на фронт. После контузии под Сталинградом завербовался вольнонаёмным Дальстроя за Обь. Работал по олову. Если бы числился в штате управления, то вместе со всеми получил госпремию, а так только копил квартальные да посылал мальчишек после шестьдесят пятого через профсоюзы на всё лето в Крым, в лагерь «Орлёнок». В конце шестидесятых переехал с семьёй в Инту. А как выросли пацаны, так пристроил их Коробкин к ремеслу. Низкорослые, коротконогие, с широкими грудными клетками, сутулые, длиннорукие, с огромными мозолистыми ладонями. Словно зачатые не русским мужиком и бабой-комячкой, а прямо проросшие из крови горных троллей, чухонской каменной пуголищи.

Коробкина-отца Андрей не застал, только слышал о нём рассказы. С братьями же сталкивался регулярно. Давали Коробкины главную выработку экспедиции, всякий раз выполняя и перевыполняя. За сезон получали каждый по красному вымпелу, грамоте и премии. Грамоты сдавались матери, которая вкладывала листки в огромный обшитый бархатом альбом, а вымпелы вешались в общий их сарай, в котором без движения третий десяток лет стоял отцовский автомобиль «Победа». Автомобиль был в полном порядке, регулярно заводился, аккумулятор на зиму относился в тепло, но права братья не получили, потому дальше, чем до конца гаражей, машина не двигалась. Все трое почти не пили, хотя посмотрит случайный пришлый человек на их красные, обветренные лица, да что там лица – рожи, образины, так и подумает: «Колдыри!».

Но четыре раза в год Коробкины позволяли себе выпить и изрядно – на Новый год, на день рождения отца (в марте), удивительным образом совпавший с днём смерти Вождя всех народов, на День шахтёра (в конце августа) и на День Конституции (в октябре). Ещё в армии привыкли они, что День Конституции – большой праздник, когда в столовую и из столовой ходят не в ногу, выполняя команду «сбить шаг», приветствуют офицеров не отданием чести, а кивком головы. В этот день во всех воинских частях и гарнизонах огромной страны не по уставу, а по традиции разрешалось солдатам-срочникам вспомнить, что они граждане, равные в правах с офицерами, и государством любимые дети. Потому и был тот день праздником свободы и радости, в столовой на ужин давали не жареную селёдку, а хека или треску, а после ужина показывали кино про Зорро.

В марте и октябре Теребянко специально приезжал на точку, где копали в этот момент Коробкины, чтобы своим присутствием вселить в братьев уверенность и покой, что начальство безобразий не допустит, потому и чинить их

не надо. А вот День шахтёра братья встречали в городе и гудели вместе со всей Интой, однако под контролем жён и матери.

В конце октября Андрей пригласил братьев Коробкиных на свадьбу. Коробкины пришли, обёрнутые в новые полусинтетические костюмы, как в целлофановые пакеты, в белых рубашках, из которых торчали тёмные жилистые шеи, и при галстуках. Сунули, стесняясь, молодым в руки подарки в плотной красной бумаге, перевязанные шёлковыми лентами.

– На эта, ёксель-моксель, Англичанин. Андрей и Дарья то есть, с праздником вас, – не то хором сказали, не то каждый слово в слово повторил.

На свадьбе к спиртному не притрагивались, хотя Витька, раздухарившись, всё порывался налить, больше молчали, даже когда все кричали «горько», только улыбались и, когда начались танцы, аккуратно покачивали своих жён «под итальянцев». Теребянко усадили во главе стола, на почётное место, рядом с родителями Андрея, говорил он главный тост, долгий и серьёзный, в котором было и про молодых, и про работу, и про Север, и «про патиссоны». Тост был похож на речь, и если бы в конце сам Теребянко не гаркнул: «Горько!», гости принялись бы аплодировать.

Платье на свадьбу заказывали в Воркуте в ателье. Шили по выкройкам из польского журнала мод. Выбиралось оно с расчётом, чтобы скрыть округлившийся живот невесты.

– Ты что, дурища, краснеешь? – шептал Андрей в ухо Дарье, когда они танцевали танец молодожёнов.

– Живот виден. Решат, по залёту.

– Кто решит, глупая? Это не про нас. Кто из деревни, ты или я? Ты какая-то строгая.

– Невеста в положении, некрасиво.

Но то ли платье справлялось со своей ролью, то ли гости все были сплошь люди деликатные, то ли действительно никого это тут не волновало. Женятся любящие друг друга люди – и хорошо, и правильно.

Тогда же, на свадьбе, вышел он покурить на улицу, и не то ветром хлестнуло его по щеке, не то злой памяткой, вернувшейся болью.

– Что грустишь, Англичанин? Устал? – Витька в шутку стукнул кулаком Андрею в поясницу, закурил и развёл плечи, разминаясь навстречу ветру. – Эх, весна бы уже поскорее! А свадьбу, как зиму, всегда перетерпеть надо, потом уже нормальная жизнь начнётся, полный кроссинговер.

И этот дурацкий Витькин «кроссинговер» рассмешил Андрея. Он вернулся в ресторан и уже весь вечер отплясывал с Дарьей под «Землян» да Modern Talking, стараясь аккуратно прикрывать живот невесты от случайных толчков. К полуночи свадьба выдохлась. Дейнега, весь вечер говоривший тосты и балагуривший наравне с приглашённым ведущим-тамадой, вдруг уснул, положив руки на стол. Теребянко о чём-то тихо разговаривал с отцом Андрея. Они наклонили друг к другу головы, и отец, как обычно, когда волновался, то брал, то вновь клал на стол вилку. Пионеры, бывшие сокурсники Андрея, обнявшись с одноклассницами Дарьи, перетаптывались под медляки в центре зала. Рядом в одиночестве самозабвенно выкручивал странные танцевальные па Витька. Со своей кучерявой головой, в расстёгнутом чёрном пиджаке, с рубашкой, выпроставшейся из-под брючного ремня, он был похож на циркового пуделя, позабытого дрессировщиком в кабаке и выполняющего какой-то однажды заученный номер. Он то поднимал обе руки, то вдруг словно отталкивал кого-то, то вдруг принимался кружиться на месте, задрав подбородок и прикрыв веки.

Наталка сидела тут же, повернувшись спиной к столу, и смотрела на мужа. На соседнем стуле примостился изрядно нетрезвый директор училища, Борис Борисович. Он что-то рассказывал, то и дело отирая лысину ладонью.

– Как напьётся – дурак-дураком. Смешной же, – кивнула Наталка на мужа, когда Андрей сел рядом и налил себе в стакан сок.

Андрей улыбнулся.

– Краснов, ты у меня лучшего сотрудника увёл. Точнее выражаясь, – директор срыгнул, прикрыв рот рукой, – сотрудницу. И вот декрет теперь, потом ещё декрет, потом ещё. Кто работать будет?

– Наталья Михайловна, идите к нам работать библиотекарем! – директор вдруг обнял Витькину жену за талию и придвинулся ближе. – Вы уютная женщина, всё у вас правильно, всё ладно. Одеваетесь по моде. Образование не главное, главное – это характер и прилежность. А я чувствую, что вы прилежны.

– А ну-ка, лысый! Руки убери свои! Руки, я сказал!

Витька в два шага добрался до жены и теперь рвал с плеча пиджак.

– Не понял, молодой человек. Вы по какому праву со мной так разговариваете? Вы, собственно, кто такой? – директор поднялся со стула.

– Я тебе, блевота, сейчас объясню права. – Витька наконец справился с пиджаком и схватил директора за галстук.

Откуда-то со стороны гардероба бежали Коробкины, на бегу срывая шапки. Младший, Жека, уже кричал: «Ща я этого таксёра урою!»

– А ну стоп! – откуда ни возьмись возник Теребянко, оттеснил Витьку и заслонил собой директора.

Наталка уже держала мужа за руку, а тот с красным лицом с шумом выдыхал из ноздрей воздух, словно бы что-то попало в нос и теперь мешало.

– Борис! Нажрался, веди себя прилично! Огребёшь, потом бюллетенить станешь. Здесь не училище, здесь на должность не посмотрят, – сказал он, обернувшись и смерив взглядом директора, который застегнул на все пуговицы двубортный пиджак и теперь поправлял галстук.

– А ты мне не начальство, – огрызнулся директор, но чувствовалось, что прыть с него слетела, однако хмель остался.

– Раскомандовался! Я тут вообще по приглашению жениха, лучшего выпускника училища, медалиста. И если какой куртуазности не знаю, то я человек рабочий, сам передовик. И не люблю, когда мне тычут да ещё и грубят. Я Наталье Михайловне должность предлагал в техникуме, вакантную должность. Она как-никак дочь шахтёра, моего товарища, можно сказать. Ныне покойного, конечно. И я чувствую некоторую ответственность за её судьбу как товарищ отца, покойного нынче. Вот молодой человек мне нагрубил, пытался драку завязать, а ты, Егор Филиппыч, вместо того чтобы разобраться, унижаешь меня, выставляешь перед людьми каким-то алкоголиком или, хуже того, человеком неприличным. А у меня двое детей, жена, меня уважают в Сыктывкаре. В конце концов, я член парткома комбината, самой сильной партийной организации в районе.

– Уймись, – коротко сказал Теребянко, повернулся, посмотрел на братьев и жестом приказал им покинуть ресторан. Братья послушно побрели к выходу, где, подобрав широко разбросанные в пылу шапки и шубы, их уже ждали жёны.

Сзади к Витьке подошёл отец Андрея, приобнял его и Наташу за плечи:

– Пойдём, молодые люди, за стол. Надо закусывать. Всё оттого, что выпиваете, а не кушаете нормально. Стол прекрасный, угощения ещё остались. Пойдём, Виктор.

– Пусть сначала извинится за своё хамское поведение, – сказал из-за плеча Теребянко директор.

– А ты чего мою жену лапал?

– Егор Филиппович! Ну посмотри сам! Вот как так можно? Да я же. Она же покойного друга лучшего дочь.

– Лапал! – Витька вырвался из объятий отца Андрея и теперь, сопя, заправлял в брюки выбившуюся рубаху.

– Молодой человек! Виктор, если не путаю, – обратился Теребянко к Витьке, – это недоразумение. Не станем портить праздник молодожёнам.

Андрей всё это время сидел, положив локоть на стол, и смотрел на происходящее со стороны.

Тут он поднялся, оказался выше всех ростом и шире в плечах даже старшего брата Коробкина.

– Пойдём, – сказал он Витьке, – и вы, Борис Борисыч, присоединяйтесь, выпьем мировую. Спасибо обоим. А то действительно, – он прищурился. – Женщины уже волновались, что за свадьба без драки! Теперь традиция соблюдена, пора и закусить.

Все рассмеялись. И после этих слов Андрея сразу стало всем спокойно и хорошо. Пионеры опять обхватили девушек и закачались под музыку, а остальные вернулись за стол.

– Молоток, Англичанин! – Теребянко улыбнулся и протянул Андрею руку. – Способность остановить или не допустить драку – хорошее умение на северах. Уверенность у тебя есть, мощь внутренняя. Продолжай в том же духе. Погоди, мы из тебя здесь начальника сделаем. Умеешь с людьми разбираться.

– С людьми умею. С собой не получается, – ответил Андрей и встретил вопросительный и внимательный взгляд Теребянко.

10

В день приезда начальника и Коробкиных буровую запустили в пять утра и уже успели пройти до завтрака семь с половиной метров.

Вездеходчики с ночи гнали машины по тундре, а потом пробирались через проплешины тайги с той стороны водораздела по старой вездеходной дороге, выходящей на просеку. Рыканье двигателей стало слышно во время завтрака. Дейнега вдруг замер, перестал стукать ложкой о дно своей персональной эмалированной миски и поднял палец, призывая к вниманию. Ветер донес эхо перегазовок со стороны Заостренной.

– По реке, что ли, идут? – покачал головой Трилобит. – Странно.

Все знали, что по реке в этих местах вездеход не пройдёт. Каждые двести метров реку била судорога перекатов и берега сжимались в узкий каньон. Но это было только далёкое эхо, по многу раз отражённое от каменных рёбер гряды. Лишь через тридцать минут, подминая под себя тонкие невезучие берёзки, в трёх сотнях метров от лагеря выбрались из тайги на просеку два желтушного цвета экспедиционных ГТТ и один грязно-зелёный МТЛБ, тот, что тут называли «лягушка» и который считался персональным транспортом Теребянко. Разбрызгивая вокруг себя роскошное рычание двухсотсильных движков, вездеходы по заросшей просеке, что по ровному просёлку, ринулись в сторону балков.

– Торопятся. Вон как дымом пыхают, – проворчал Трилобит, встал из-за стола и отхлебнул какао из алюминиевой кружки с обмотанной изолентой ручкой. – Видать, Филиппыч уже спозаранку водил нахлобучил. Жди, Англичанин, и тебе сейчас прилетит от щедрот начальства.

Сергей Сергеич имел свои особые приметы на все случаи жизни. Казались они на первый взгляд диковинными, но, на изумление Андрея, работали.

Например, если при погрузке харча на складе оказывалось, что сигарет с фильтром хоть закурись, тут тебе и «Стюардесса», и «Опал», и «БТ», и даже какие-то экзотические корейские с иволгой на пачке, Сергеич качал головой:

– Опять конфет нам не достанется.

И верно, оказывалось, что любимых конфет-подушечек на складе не было, предлагали только засохший, неразгрызаемый «Старт».

Иногда Андрей разгадывал «приметы», иногда парадоксальное мышление Трилобита ставило его в тупик. Иной раз, несколько дней кряду размышляя над странной логикой помбура, он не выдерживал и просил объяснить. Всякий раз Сергей Сергеич поражал.

– А что тут сложного? Сигарет болгарских навезли двадцать коробок, значит, спрос на них будет. А кто их тут курит?

– Кто?

– Кто-кто, – передразнивал Андрея Трилобит. – Геофизики да всякая другая интеллигенция. Сигарет много, значит, не только сыктывкарцы, но и ленинградцы приехали, а у них – самогонный аппарат и фляга тридцатилитровая. На чём они самогон ставят? На карамельках, на подушечках. Вот и тю-тю подушечки. Тут никакого секрета.

Вездеходы остановились на вертолётной площадке, не доезжая балков, разом заглушили двигатели, чтобы случайно не помять скарб бригады, разбросанный среди кустов карликовой берёзки и гнилых пней.

Когда выключает человек своё шумное и гордое железо, тайга молчит с полминуты обиженно, а лишь потом с яростью жены, у которой муж, напившись на чужие, всю ночь храпит в сенях, обрушивается на человека всем своим гудом гнуса, ропотом верхушек елей, постуками, клёканьем далёкой воды и дребезгом ветра, запутавшегося в антенне радиостанции. И пока не выскажет своё, не отбранит, то и не угомонится.

Теребянко спрыгнул с борта, поздоровался со всеми за руку. Махнул рукой Коробкиным, чтобы выгружались, и прошёл в столовую. Стол к его приезду освободили от посуды. Теперь на вымытой и протёртой досуха клеенке лежала стопкой документация по скважине и полевые журналы Дейнеги.

Теребянко внимательно просматривал каждую тетрадку, слушал, что Дейнега рассказывает о заложении канав и шурфов на левом берегу реки, рассматривал построенные Егором разрезы.

– Ладно, – наконец сказал он. – Тут всё понятно. Для очистки совести подсечёте границы слоев и айда к Фёдору на Шарью. У него аномалия перспективная, прямо по разлому. Они уже с магнитометрами отбегали, теперь провода тянут. Насчёт трубки не уверен, но вполне может быть погребенная россыпь. Как-то уж всё складывается.

Он достал из кармана разломанную пополам пачку «Казбека». Выудив папиросу с длинным мундштуком, продул и постукал гильзой о ноготь большого пальца. Задумался. Все молчали.

– Англичанин, – наконец начальник обратился к Андрею, – какая у тебя техническая скорость получается?

Андрей пододвинул к Теребянко журнал проходки. Тот полистал, облизывая губы, куря и складывая дымок в мудрёный крендель. Наконец закрыл журнал и покачал головой.

– Загонишь если не людей, то технику. У меня один ухарь уже два буровых станка за сезон запорол. Из твоих, кстати, из пионеров. Тоже торопыга выискался. Кто вас учил по две с половиной смены в день гнать? Вам Борисыч такое

преподаёт? Тогда зря твоему Витьке не позволил по шее этому пролетариату умственного труда надавать. Или собственная инициатива?

Андрей молчал.

– Чтобы в последний раз я такое видел. Уволю к чёртовой матери, отправишься в Крым патиссоны окучивать. Больше двух смен по шесть часов люди у тебя работать не должны. По пятнадцать часов у него пашут, как на заводах Форда до забастовок. Профсоюза на тебя нет. Ты куда гонишь?

Андрей потупился.

– А я смотрю, судя по тому, как Дейнега керн описывает, рейсовая скорость у буровой – вторая космическая. А тут вон чего творится. Он от земли оторвался и в мечты улетел. Хочешь домой к жене и дочери, скажи, выпишу отгулы.

Когда Теребянко кого-то распекал, остальные делали вид, что их рядом просто нет, боялись пошевелиться. Но тут кто-то громыхнул на складе коробкой с консервированным супом.

– Кому там неймётся? У нас производственные вопросы.

В палатку заглянул Миха с виноватым лицом.

– Я тут продукты актирую, Егор Филиппыч, – сказал он, поправляя очки и щерясь.

– А ну-ка иди сюда, Митрофан, – приказал Теребянко.

Миха нехотя вошёл в палатку, предвкушая, что сейчас будут ругать его, но не понимал за что. Была на нём красная, огненного цвета рубаха, по случаю приезда начальства брюки со стрелками и лакированные ботинки.

– Вы по сколько часов в день работаете?

– По пятнадцать, иногда по шестнадцать.

– Это по две с половиной смены?

– Почему две? Утренняя у нас короткая, а вечерняя длинная. Ну и хвостик там ещё, – ответил Миха невпопад.

– Какой хвостик? Леминга? – Теребянко вопросительно наклонил голову, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– Ну если жара спадёт, то чуть-чуть ещё доделываем. А что? Хорошо идём, Егор Филиппыч. Премия будет хорошая.

– Ещё один стахановец, – Теребянко опять закурил и вроде внешне подобрел. – Хвостики у них. Если бы мог, приказ вывесил, что больше двух смен подряд работать запрещено. Только я и такой приказ не могу отдавать, мне «охрана труда» за это по шапке накидает. Однако устно требую не гробить технику, работать не больше двенадцати часов в день, после чего регламент и отдых станку. Понял меня, Англичанин?

Андрей кивнул. Он не то что не привык, когда его ругают. Он вдруг с удивлением почувствовал, что ему всё равно. Пусть несправедливы слова начальника, пусть и похвалить по-хорошему бригаду надо, а не ругать, но спорить не хотелось. Онемел он вдруг дремучим зековским молчанием, тем, что помогает по первости перетерпеть на зоне, а потом остаётся с человеком, ходит за ним, словно ждёт часа, когда станет единственной силой.

– Вон Коробкиных тоже дома ждут, – Теребянко отхлебнул из поданной Михой чашки ржавчину грузинского чая с брусничным и малиновым листом.

Коробкины подняли взгляды от земли и заулыбались, показывая, что да, ждут их дома, ёксель-моксель, и даже очень ждут. У каждого жена и двое ребятишек.

– Этим только волю дай, вообще всю вахту до нар не доберутся, даром что трое. По очереди прямо в шурфах перекемарят, да и потащат опять породу на поверхность. Нам такие подвиги ни к чему, у нас не золотая лихорадка и не Дикий Запад. У нас обычный Север, место, куда синяя стрелка компаса указывает. Усёк, бригадир?

– Так точно, – отчего-то зло и по-военному ответил Андрей, словно сбил щелчком с рукава не вредную, но досадную гусеницу.

– Ну и славно, – Теребянко недоверчиво посмотрел на Андрея. – На вот. – Он протянул через стол нечто тяжёлое, завёрнутое в фольгу.

В свёртке оказались жареные Дарьины пирожки с брусничным вареньем, которые тут же разделили на всех.

Через час Миха ушёл с топографом и Дейнегой привязывать шурфы, а Трилобит с Андреем запустили буровую. Теребянко возник на краю поляны, обошёл установку, понаблюдал, как работают, побродил вдоль ящиков с керном, достал несколько кусков, мигнул в лупу, поковырял ногтём, капнул пипеткой из маленькой баночки, потом сплюнул жёваный окурок в берёзку и отправился к реке.

После ухода Теребянко стало спокойнее. Вдвоём молча дотянули смену до конца, заклинили и сорвали керн, остановили промывочный насос, отпустили патроны станка и начали медленно поднимать колонну, труба за трубой. Андрей двигался неторопливо, колготился заученными движениями, однако казался больше

обычного растерянным и раненным своими мыслями. Сергей Сергеич молча надевал элеватор на верхний паз замка, ждал, когда Андрей поднимет трубу лебёдкой, вынимал подкладную вилку, затем вновь вставлял в замок, но уже в нижнюю прорезь муфты, после чего включал труборазворот. Андрей отправлял свечу вверх. Свеча шла с уютным, чуть подвывающим звуком, словно бы сотня комаров размером с небольшого зайца закручивалась воронкой над буровой. В какой-то миг он зазевался и пропустил момент выхода замка из устья, всполошился звонок на верхушке мачты. Сергеич выругался и зыркнул на мастера. Андрей, словно очнувшись, остановил колонну, оглянулся по сторонам, встретился с сердитым взглядом помбура и развёл руками, мол, «с каждым бывает». Дальше он уже не ошибался. Выбрав колонковый набор, поднял и уложил керноприёмник, дождался, пока Сергеич освободит и разберёт по ящикам керн, показал руками, что работа окончена. Трилобит заглушил двигатель. В оглохшей тишине где-то снизу у реки лопнул дуплетом «ижак» Дейнеги. Андрей приподнял брови и вопросительно взглянул на Трилобита, тот кивнул.

– С грибами и сухим молоком потушу, – сказал он задумчиво.

Умывшись по пояс под рукомойником, переодевшись в свежую энцефалитку, Андрей оставил помбура «шаманить» торжественный обед, а сам взял спиннинг и поспешил к реке. Навстречу по просеке, бухая о тропу закатанными болотными сапогами, широко шагал Егор. Заметив Андрея, Дейнега по обыкновению поднял над головой руки с добычей. В каждой он держал по небольшому тетереву.

Молодые тетерева к концу июля ещё не нагуляли жир и размером не отличались от цыплёнка-бройлера, но мясо их было нежным, потому тетерев считался хорошей добычей, не в пример рябчикам с куропатками. Тех на Гряде водилось в изобилии, и подстрелить их большой удачи не требовалось. Впрочем, Андрею нравилось свистеть в манок, замирать, прислушиваться, стараясь среди гула тайги различить ответный пописк.

– Как дела? – поинтересовался Андрей у друга.

Дейнега махнул рукой.

– Привязались. Фихман – хороший топограф. Раз-два, ход пробежал и замкнулся на репер. Я им с Теребянко ямку показал под скалой, хариуса на вертушку ловят. Пижоны. Мелких отпускают.

Покурили, поговорили об охоте и разошлись. Андрей спустился к реке. Заостренная в этом месте делала две петли, то раскрываясь в плёс, то каменными ладонями перетирала стремнину подобно налитому колосу, то вдруг путала белую леску струй неровной ячеей каменной сети. Шумная, спешащая расхохотаться в вымоинах эхом река раскидала вдоль левого берега глухие ерики, в ямках которых стоял на глубине серебристый хариус, непуганный никакой снастью, скорый на расправу что с мальком, что с блесной. Иная рыба под два килограмма сгибала спиннинг пополам.

Фихмана Андрей увидел сразу, как вышел на узкий каменистый пляжик, отделяющий небольшой затон от остальной реки. Топограф стоял, широко уперев ноги в берег, и сосредоточенно сматывал леску на широкую катушку «Нева», вглядываясь в омут, где посверкивала в толще воды вертлявая блесна. Посреди реки оседлал большой камень Миха, пустивший по течению самодельную муху из пёрышек и пуха. Чуть поодаль на вросшем в берег выбеленном и отшлифованном паводками бревне сидел Теребянко и писал в полевой журнал. Энцефалитку Теребянко снял. Она лежала рядом на камнях, аккуратно сложенная и придавленная планшеткой. Рукава клетчатой ковбойки были закатаны, и руки начальника ВоГЭ сплошь облепили комары, отчего даже издалека казались покрытыми густой шерстью.

Теребянко никогда не пользовался репеллентом. С конца мая, когда появлялся в тундре гнус, ходил он пару недель с опухшим лицом и руками, похожий на запойного, но когда отёк спадал, насекомых уже не замечал. Кожа привыкала и не откликалась на укусы, словно дубела, превращалась в броню от солнца и ветра.

Теребянко поднял глаза от записей, заметил Андрея, идущего по кромке воды, и жестом показал ему на место рядом с собой. Андрей подошёл и сел на плоский тёплый камень.

– Значит так, – Теребянко закрыл журнал и перетянул его резинкой. – Думал, как начать разговор, не придумал, потому начну запросто. Отец на свадьбе рассказал и про срок, и про машину, и про девочку. Попросил приглядеть за тобой, потому как считает, что характером вы с ним похожи, а он совестливый.

Андрей сморщился и посмотрел за плечо Теребянко, где Миха вытаскивал из воды очередного хариуса.

– Так что, если думаешь, вроде как не в своё дело лезу, не серчай. Судя по тому, как скис и замкнулся, что-то внутри тебя разболелось. Если не печень, а ты непьющий, значит, совесть – это, считай, на всю жизнь. Для русского человека болезнь привычна. Здесь таких хроников – каждый второй. Едут залечивать душевные раны.

Теребянко оглянулся, высмотрел на склоне среди осоки чахлый кустик багульника, потянулся к нему, сорвал несколько длинных маслянистых листочков, перетер между пальцами, поднёс ладонь к лицу, понюхал.

– Слушай меня, Англичанин. Жить с такой совестью – как с простатитом: радости мало, но можно. Хотя много видел и дураков. Те отчаялись, все внутренности свои на оливье изрубили и сожрали без майонеза. Их не жалко, а вот жён их да детей жалеть приходилось. Самим же, как ни крути, конец один.

– Какой? – спросил Андрей.

– Обычно стреляются по пьяному делу, – Теребянко прищурил один глаз и наклонил голову, – или от той же водки мрут.

Они помолчали.

– Но это, Андрей, не про тебя.

Андрей поёжился, Теребянко редко его называл по имени.

– Правильно, что работой глушишь. Это по-мужски. Только во взгляде равнодушие. По фигу тебе всё стало. Если бы три года назад я тебя в поезде с такими взглядом повстречал, на работу не позвал. Мне отчаявшиеся не нужны. Может, случилось, что кончился в тебе Север и пора возвращаться домой, к отцу и матери. Ты ведь не дичок, не перекати-поле, ты парень основательный. Подумай. Мне, конечно, такого кадра потерять обидно. Но сезонником я тебя всегда возьму. Лучше опытный сезонник, который вкалывает по-честному, чем постоянный кадр, от которого и люди, и техника стонут. Жизнь разная, не всякая тоска – плохо.

Андрей, слушая Теребянко, на него не смотрел. Он снял сапог, вытряс попавшее в них крошево карликовой берёзки, вновь надел. Достал из внутреннего кармана куртки пачку сигарет, закурил.

– Что бы в твоей жизни ни произошло, какая гадость или несправедливость, помни, что ты…

– Да помню. Советский человек, – не дал ему закончить Андрей.

– Мужик прежде всего. Когда совсем невмоготу, книжку читай... Всё едино, поможет, от мыслей дурных отвлечёт, авось и утешит. Говорят, ещё молиться хорошо. Но про то я не понимаю, научный атеизм в институте прогуливал. Вот книжек тебе хороших привезу. Слышал, Федькину библиотеку по журнальчику всю за пару лет перетаскал. Геофизики давеча смеялись, что если завести формуляры, то ты бы во всех отметился.

Андрей улыбнулся.

– Ну вот и поговорили. – Теребянко хлопнул Андрея по плечу. – Своих не загоняй, себя береги. У тебя есть за кого отвечать. Лады? И думай. Отец с матерью у тебя немолодые уже.

Андрей кивнул и почувствовал, как от упоминания матери защекотало вдруг за ушами и засвербило в переносице. Не то соринка, не то чепушинка, не то просто солнечный зайчик, скачущий между берегов, вынырнул из воды и юркнул под ресницы. И если бы в тот же миг позади Теребянко Миха не вытащил из воды большущего хариуса, не поскользнулся, всплеснув руками, и не свалился с камня, на котором стоял, оглашая скалы мудрёным хохотливым матом, заметил бы начальник, как блеснула в уголке глаза Андрея слеза. А так вроде и не заметил или виду не подал.

11

С середины августа неожиданно рано для этих мест открылись Карские ворота, холодный полярный ветер приносил ежедневно на Гряду то знобливую хмарь, то утренний заморозок, а то и настоящий снегопад, занавешивающий полосатую, яркую тундру белым тюлем. Андрей с бригадой две с половиной недели бурил на точке, где стояли лагерем шумные ленинградские геофизики из пятьдесят второй партии. Потом пять суток ждал борт в непривычной для себя праздности, пока геофизики заканчивали работы на дальних аномалиях. Теребянко бегал в Москве по коридорам министерств, пытаясь понять, какие перемены ожидать в финансировании. В это время открылись для полётов горы и диспетчеры интинского авиаотряда по своему усмотрению ломали график забросок.

В столице менялась власть, о чём говорили все радиостанции. Геофизики не пошли на профиля, а сидели по своим палаткам и выкручивали волну в приёмниках. Буровую законсервировали и подготовили к зимней транспортировке. Ящики с керном, сложенные в штабеля, ждали на вертолётной площадке. Партия собиралась к перемещению на запад, ближе к Усе, на Большую Сарьюгу, где уже рыли шурфы Коробкины.

Дейнега несколько дней хворал. В среду, пока Трилобит с Михой помогали Андрею снимать с буровой электроприборы и носить ящики с керном на вертолётку, Егор целых полчаса барахтался в ледяных водах Тальбейшора. «Ну и ухарь», – решил Андрей, когда, вернувшись в сумерках в лагерь, увидел Ивана, кипятящего чай на их печке, и Егора, зарывшегося в верблюжий спальник и явно не в себе декламирующего какие-то стихи.

– Бродский. «Письма к римскому другу», – подкидывая очередное полено, сказал Иван. – Перекупался. Тридцать девять у него. Аспирина дал и ещё горсть каких-то таблеток.

Фамилия поэта Андрею ничего не говорила, да и было это неважно. Он поставил ружьё в угол и подсел к печке. За самодельным столом Борода, ещё один однокурсник Дейнеги, раскладывал пасьянс, крутил ручку настройки мощного «Альпиниста» Андрея, вылавливая убегающую волну, и попыхивал душистым заграничным табаком, который скручивал в самодельные сигаретки. «Голос Америки» транслировал выступление вернувшегося в Москву президента Горбачёва.

Дейнега зашёлся кашлем.

– Ты бы курил на улице, – раздражённо сказал Андрей, обращаясь к Бороде. – Видишь же, хворает человек, ему и без того дышать тяжело.

Борода не стал спорить, накинул ватник и вышел из балка. Ночью Егору стало совсем худо, и Андрей подумывал, что надо будет утром вызвать санитарный борт. Но к утру температура спала, и приятель забылся сном. Днём приходил Фёдор, смотрел на спящего Дейнегу и качал головой.

– Что его нырять понесло? – спросил Андрей.

– На спор, – буркнул Фёдор. – В пионерском лагере, наверное, привык всё на спор делать да на слабо. И эти аспиранты такие же. Мальчишки! Оказались среди взрослых людей, а детство так и прёт. Теперь, не дай бог, пневмония.

Егор проснулся к обеду, сделал над собой усилие и выбрался в столовую. Погрустил над миской с рассольником, расковырял картошку, кем-то из геофизиков переваренную почти в пюре, и вернулся в балок спать. К шести вечера ему опять сделалось худо, бредил, дышал громко и часто. На вечернем сеансе связи Фёдор вызвал санборт.

С самого утра в субботу, накануне Дня шахтёра, они вслушивались в небо. Казалось, то с одной, то с другой стороны доносится едва различимый шум винтов. Один раз они даже заметили далёкий вертолёт, идущий курсом на запад километрах в трёх от места стоянки партии.

Оранжевый Ми-8 с запачканным сажей хвостом прилетел к полудню и встал под погрузку с вращающимся винтом. Борода с Иваном, пригибая головы, с трудом преодолев струю воздуха, помогли приятелю залезть внутрь машины. Андрей загодя собрал пожитки Дейнеги в синий рюкзак, а ружьё и рыболовные снасти упаковал во вьючник, который вместе со своим перетащил к остальным вещам бригады. Они уже несколько дней лежали аккуратной горкой в углу вертолётной площадки, укрытые брезентом и готовые под погрузку. Андрей наскоро простился со всеми, обнялся с Фёдором. Знакомый пилот из кабины показывал знаками, что надо поторапливаться.

Они летели низко над яркой осенней тундрой, исчерченной ровными штрихами вездеходной колеи. Летели над тайгой, растерявшей свою силу в сутолоке, за гряду с тундрой и верховыми болотами, поросшими мхом и карликовой берёзкой. То и дело внизу срывались со своих мест тетерева, чиркали по верхушкам елей крылом и ныряли внутрь зелёной темени. Дверь в кабину была открыта и заклинена. Пилот сидел в кресле с откручённой спинкой, словно в седле, поставив ноги по обе стороны, так что под левую коленку ему упирались ручки раздельного управления двигателями. Держа рычаг двумя руками, он покачивался из стороны в сторону, то и дело заваливаясь на пустующее кресло бортового инженера. В салоне Андрей и Егор оказались одни. Но вскоре грузовую кабину заполнили рыбаки. Лётчик трижды заходил на посадку и подбирал неулыбчивых и словно вечно чем-то недовольных интинцев. Они молча проходили в хвост и садились на лавки вдоль бортов, примостив тяжёлые яровские рюкзаки между ног. Аромат свежепойманного хариуса пробивался даже сквозь горячий дух палёного керосина. На последней стоянке на борт забрался техник и, примостив брезентовый мешок с рыбой под лавкой Андрея, уселся на своё место в кабине.

– Ну, браконьеры, теперь домой! – громко сказал пилот и обернулся, пытаясь различить в темени салона закутанного в ватник Дейнегу. – Егор, ты там жив ещё?

Тот поднял ладонь вверх, показывая, что в норме, грех жаловаться. Пилот связался по рации с вышкой, предупредил, что из-за внезапного тумана несколько раз пролетел мимо точки,

но теперь больной на борту и можно звонить в больницу, чтобы присылали скорую.

Здесь привыкли, что летуны берут левых пассажиров, которые щедро расплачиваются за извоз либо деньгами, либо добытым в тайге. Инструкция подобное негоцианство запрещает, но на Севере, лишённом дорог огромном крае, где, если повезло, – от жилья до жилья по прямой через тайгу восемьдесят километров, а может случиться, что и все двести, вертолёт – единственный транспорт. Лётчики – племя спесивое, споры с ними тщетны, чреваты опалой, а то и проклятьем небес. Потому вертолёты тут ещё с пятидесятых годов заклинали, как заклинают духов здешних болот или погоду. Если ты пришлый, горластый да с гонором, сегодня, конечно, настоишь на своём, но после устанешь неделями ждать положенного рейса. Всегда можно найти повод, чтобы к тебе не лететь: то горы открыли, то ветер боковой, то топливо из-за промежуточных посадок всё потрачено. Потому всякий отряд, всякая партия несёт пилотам подаяние, жертву, завёрнутую в хрустящую крафтовую бумагу, а то и в льняную тряпицу: копчёную рыбу, тушку глухаря или пяток рябчиков с топорщащимся пушком над набитыми черникой зобами. Даже всесильный князь-самодержец Теребянко и тот с интинским авиаотрядом старался не ссориться. На День геолога в апреле приглашал руководство отряда за счёт экспедиции в Воркуту на праздничный концерт и банкет. На День воздушного флота в августе надиктовывал поздравительные телеграммы с перечислением экипажей, достойных поощрения.

Неучтённых пассажиров выгрузили в Кожиме, после чего вертолёт вновь набрал высоту и полетел вдоль железнодорожной насыпи. Километра за четыре до Южного Ми-8 резко завалился на бок в крутом развороте, и в иллюминаторе плоской серой медузой, тающей и поблёскивающей на солнце, появилась Инта. Обнимающие город с трёх сторон болота мигали в небо титановыми бельмами оправленных бурым мхом омутов. Здесь, перед городом, тундру густо расчертили вездеходные дороги. То и дело с высоты замечал Андрей ржавый остов техники, запутанной когда-то забравшейся в трансмиссии нежитью, оттого по самые траки увязшей в трясине и теперь на радость природе проросшей берёзкой и багульником.

На подступах к человеческому жилью тундра теряла первобытную силу, и во всей этой свалке чудилась уже не природная неведомая воля, а корневое человеческое разгильдяйство.

Сброшенные с кузовов кем-то нерадивым жестяные бочки, белое алюминиевое исподнее рухнувшего в незапамятные времена самолёта, красные газовые баллоны, снятые неведомыми рабочими с прицепов и аккуратно оставленные ржаветь под одинокими сухими елями, взятыми за ориентир, да так и позабытыми. И наконец, за хаосом вагончиков-балков, годами ожидающих отправки в тайгу на прицепе или грузовым рейсом вертолёта, появилась строгая азбука навигационных знаков интинского аэропорта.

Новую вертолётную площадку недавно устроили у самого здания аэровокзала. Зелёный уазик-«буханка» с красным крестом подкатил со стороны автобусной остановки. Врача в машине не оказалось, только водила и высокий, плотный санитар.

– Сам идти может? – угрюмо спросил последний и указательным пальцем размазал под левым глазом мошку.

Получив утвердительный ответ, санитар залез обратно в кабину и закурил сигарету.

– Сопровождающим не положено, не такси, – гаркнул он, заметив, что Андрей собирается последовать за приятелем.

Спорить не хотелось. Андрей пожал протянутую Дейнегой ладонь, пожелал другу здоровья и захлопнул дверь буханки. Уазик рванул с места, и Андрей заметил, что Егор, не успевший сесть, чуть не упал, но вовремя схватился за потолок.

– Придурки, – процедил Андрей, закинул рюкзак за спину и пошагал по Сельхозной.

Навстречу, ухая в колдобины и разбрызгивая по сторонам мутную воду, спешили таксомоторы встречать пассажиров сыктывкарского рейса. Он свернул на Озёрную, по мосту перешёл реку и дальше парковой аллеей мимо сожжённой шпаной сцены летнего театра выбрался ко второму мосту через Большую Инту. Ещё стукая каблуками кирзовых сапог по деревянному настилу узкого подвесного моста, Андрей заметил Витьку. Витька в новой кожаной куртке коричневого цвета поверх модного джемпера с орнаментом, в варёных джинсах, в чёрной круглой вязаной шапочке, скрывавшей рыжие вихры, стоял у моста и вертел на пальце ключи от машины. Из его «четвёрки», припаркованной чуть поодаль, у бюста Чайковского, выскакивали кривляющиеся звуки какой-то иностранной группы, катились по щербатому асфальту и, подпрыгнув на камен-

ном бордюре, скатывались по бетонным плитам в воду.

– А я тебя ещё у аэродрома заметил, – крикнул Витька издалека. – Ну, думаю, сейчас клиентов отвезу и как раз тебя подловлю.

Они обнялись. Витька достал из кармана куртки пачку «Marlboro» и предложил другу. Андрей вытянул из неё сигарету и стал разминать между пальцев.

– Да ты чудик, Англичанин! Это же не «Космос», – засмеялся Витька и поднёс Андрею зажигалку.

Смолистый дымок виргинского табака запутался между дерев, смешавшись с запахом листвы и прели.

– Ну что, завтра на работу? – поинтересовался Андрей.

– Охота была по мордасам получать! Ну его к чёрту, этот День шахтёра. Выпью спокойно с мужиками.

– Три года тебя знаю. Третий год обещаешь. Опять не удержишься, – Андрей посмотрел на приятеля, поскрябав щетину на подбородке. – У тебя как приход скорого, так условный рефлекс.

– Не, – Витька отрицательно покрутил головой, – в прошлом году мне фиксу выбили, я себе зарок дал, что последний раз. А если чего решил, то полный кроссинговер.

От перекрёстка улицы Чайковского и Мира, которую местные по привычке называли улицей Жданова, до дома Андрея было два квартала. Проехали мимо школы.

– Во! Видал? – Витька показал рукой на школьное крыльцо, перед которым висел яркий трёхцветный флаг. – Вчера повесили.

Андрей заметил такой же на здании аэровокзала, но не придал значения.

– Новая власть, мать её, – заржал Витька и въехал во двор.

Андрей достал с заднего сиденья рюкзак и захлопнул дверь жигулёнка. Витька козырнул другу и отправился бомбить дальше, оставив приятеля перед дверью в подъезд.

Андрей не любил осень в Инте. В тайге, на вахте, осень была в своём праве. Каждая лужа, покрытая коркой льда поутру, каждый крик птицы, окликающей в последний раз распадок между сопок, чтобы запомнить это эхо и по нему найти весной родные места, – всё было понятным и законным. Даже вой лебёдки на мачте буровой или стрёкот движка генератора за балками, пыхающего бензином и гоняющего по проводам двадцать четыре вольта сиротского экспедиционного электричества, не казались лишними. Другое дело северный город – нервный, злой, приученный ждать, но не терпящий нежности, скупой на добро, способный лишь сварливо принять покорное услужение: здесь погрей, тут помой, там приберись. Возвращение в Инту никак не получалось обернуть возвращением домой, как бы Дарья ни старалась выстроить уют на двадцати пяти квадратных метрах общей площади.

Ещё до того, как в их жизни возникла Варька, потешное, ясноглазое существо, нет-нет а задумывался Андрей о Пятчино. О том, как было бы прекрасно поставить сруб на том краю участка, что дальше от дороги. Чтобы в окна вечером сияло закатное солнце и можно было бы смотреть на картофельное поле и старый сарай, сложенный не то прадедом Андрея, не то прапрадедом. Этот сарай возвели из крепких сосновых брёвен, всем семейством ночами вывозимых на телеге ещё из господского бора у хмерского погоста. А утром, лишь рассветёт, было бы здорово обуться в подвёрнутую кирзу и повести за перегиб кудлатого, пахнущего денником коня Сярёжу, спутать ему передние ноги, отпустить пастись на опушке у оврага, вернуться домой и заварить в старом эмалированном немецком кофейнике отца кофе. Чтобы от того места, где ты ложишься каждый вечер спать, до того места, где положат тебя на веки вечные рядом со всеми твоими предками, имена которых никто уже не помнит, а записи о нарождении на свет коих давно сгорели вместе с церковными книгами, чтобы до места того можно было дойти пешком, отмахиваясь от слепней и оводов ивовой веткой. Но лишь только делались различимыми в душе далёкий гудок локомотива на ветке Струги Красные – Псков да острый крик зарянки, рушились небеса, единственной и неизбывной болью сминая под собой на все времена и до последнего вздоха и робкие фантазии, и осторожные мечты о доме.

Ночью после возвращения с Гряды к Андрею долго не шёл сон. Жена то и дело вставала к Варьке. Она обычно клала ребёнка с собой, чтобы было удобнее ночью кормить, но сейчас, соскучившаяся по ласкам мужа, убаюкала дочь и отнесла в детскую кроватку. Их скоротечная, нервная близость тем не менее успокоила Дарью, и она обхватила мужнину голову руками, положила колено ему на бедро и сразу заснула. Андрей промучился час или два без сна, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить жену.

Наконец осторожно высвободился из объятий, встал с постели, подошёл к детской кроватке, посмотрел в свете ночника, как уютно спит дочка, примостив под щёку маленький кулачок, поправил на ней байковое одеяло и, притворив за собой дверь, вышел на лестницу.

Пахло виргинским табаком, в жестянке дымилась плохо потушенная соседом сигарета. Андрей открыл окно настежь. Стекло дребезжало под штапиком. Фонари во дворе не горели. С севера наволокло туч, закрывших луну. Лишь в доме напротив на втором этаже светилось окно. Через прозрачный тюль была видна мужская спина. Мужчина мыл посуду, наклонившись над раковиной. То и дело он протягивал руку вправо, чтобы поставить тарелку в невидимый с места Андрея шкаф. Где-то совсем рядом всполошилась дурным голосом автомобильная сигнализация. Андрей видел вспышки света и тени от мигающих фар. Мужчина вытер руки о фартук, подошёл к окну, прислонил лоб к самому стеклу и несколько секунд всматривался в темень двора, пытаясь различить, откуда звук. Наконец он выпрямился, взглянул перед собой, заметил Андрея, стоящего в освещённом квадрате лестничного окна, и почему-то погрозил ему кулаком. После чего мужчина задёрнул занавески и выключил в кухне свет.

Андрей вернулся в квартиру, в потёмках выбрал в серванте книжку и, примостившись возле Варькиной кроватки, стал читать в свете ночника, пока не сморил его сон. Через час, разбуженный детским плачем, он перебрался на кровать, где заснул уже до утра, успев почувствовать, как жена гладит его по волосам.

День шахтёра начался с того, что по всему городу захрипели старые колокольчики трансляторов и, путаясь в дробном эхе, по улицам покатилась тусклая и помятая медь маршей. Когда к девяти утра Андрей подошёл к гастроному на площади, у соседнего винно-водочного отдела уже образовалась огромная толпа. Похоже, что занимали ещё с ночи. Во всём городе талоны на вино и водку можно было отоварить только в двух местах, да и там лишь два раза за месяц. День привоза работники магазина всякий раз держали в секрете, но всякий раз слухи о том, что на станции грузят ящики с киром, разносились по Инте со скоростью породы, выскакивающей из-под жала пневмомолотка. Пока Андрей стоял с бидоном за молоком, в соседней очереди то и дело раздавалась ругань, начинались и тут же заканчивались короткие потасовки. Основная битва была ещё впереди. Андрей подумал, что к одиннадцати, когда магазин откроется, если не заработают все три прилавка, мужики пойдут на штурм.

Милиция в такие дни рядом с магазином появляться побаивалась, посылали дружинников, которые, не будь дураки, снимали повязки и пристраивались в хвост очереди. Так что пуще милиции стоило шахтёрам опасаться директоршу магазина, упругую краснолицую тётку, способную в одиночку, выставив вперёд салонный бюст под расшитой блёстками кофтой, вытолкать из отдела десяток мужиков и захлопнуть под ропот толпы дверь.

– Пока не успокоитесь, пока очередь не наладите, не открою. Всё оформлю как бой, в канализацию спущу, но не продам, – кричала она из-за закрытой двери.

В День шахтёра у отдела всё-таки дежурил милицейский «козелок».

– Татьяна, – доносилось из очереди, – открывай ты уже. Всё, не действуют твои постановления. Новая власть уже, народная. Пусть коммунисты после одиннадцати покупают, натерпелись.

– Давай уже, крути стрелки, у рабочих людей один праздник в году.

Молочница отёрла тряпкой капли и протянула бидон Андрею. Он накрыл молоко крышкой и вдоль гомонящей очереди пошёл за мукой в бакалею. Только завернул за угол гастронома, как его окликнули. Это были Коробкины. Тут же стояли Фёдор и остальные ленинградцы, за которыми накануне, как оказалось, сразу после отлёта Дейнеги с Андреем, прибыл грузовой вертолёт, чтобы отвезти на базу в Кожим. Рассказали, что Теребянко прислал телеграмму с приказом свернуть все работы на гряде из-за неясности с оплатой.

Пока разговаривали, к очереди подошёл Витька. Под курткой на лацкане его пиджака виднелся значок «Передовик Инта-уголь» и флажок ударника социалистического труда.

– Ага, ёксель-моксель, барыга пожаловал, – беззлобно проворчал старший Коробкин и протянул Витьке руку.

– Я рабочий человек, пострадал здоровьем на производстве, шахтёр. У меня отец – шахтёр, дед – шахтёр.

– Знаем такого шахтёра, – заржали остальные Коробкины. – У тебя в наших гаражах ящиков пять водки припрятано. Ты чего сюда припёрся, кооператор?

– Нет у меня никакой водки! Была оказия в прошлом годе, случай, обломилось пара коробок, так когда это было. Вы же у меня и растаскали всё под самый кроссинговер на День конституции, – оправдывался Витька. – Я, как честный человек, пришёл талоны отоварить, а не с заднего крыльца. Вот, в очередь, как и все. – И Витька махнул рукой куда-то в ту сторону, где между домов очередь утончалась.

– Ладно уже, – смилостивились Коробкины. – Как-никак сосед по гаражу. Вставай сюда.

Мужики сзади зароптали, но геофизики хором вступились за Витьку, дескать, он с ними, дескать, занимал, стоял, но просто отошёл, что вообще это их дело, кого пускать, а кого нет. Очередь пороптала, но успокоилась. Коробкиных в Инте знали и уважали.

– У Егора был уже? – поинтересовался Фёдор.

Андрей отрицательно покачал головой. Он планировал зайти к другу вечером, перед сном, когда Дарья соберётся укладывать дочь и потребует полной тишины в квартире. До больницы от их дома был всего квартал. Дарья обещала испечь пироги и приготовить бульон в термосе.

– Зайди и письмо ему передай. Я в конторе взял, – Фёдор порылся в портфеле и вытянул на свет большой конверт, весь оклеенный иностранными марками. – Заграница. Небось очередная публикация. Так, глядишь, он меня с докторской обскачет, шустрый парень, и английский знает. Хау ду ю ду, Англичанин?

– Ай эм файн, – ответил Андрей, свернул конверт вдвое и убрал во внутренний карман куртки. – Экзактли!

Они ещё немного поболтали, потом Андрей попрощался и пошёл по своим делам. Весь день он возился с дочерью, помогал Дарье по хозяйству, заклеивал на зиму окна полотняными лентами, смоченными в картофельном клейстере. Марши из репродукторов сменились на улице нетрезвым пением, потом криками, звоном разбитых стёкол, звонким женским матом. Инта догуливала праздник, не сильно заботясь о завтрашнем рабочем дне. Те, кому с утра не нужно было спускаться в забой, пили сильнее тех, кто отправлялся на утреннюю смену. Те же, кто только что вернулся с шахты, спешили догнать товарищей. Дарья пекла на кухне пирожки, раскатывала тесто прямо на клеёнке, вырезала в нём ровные кругляши стаканом, насыпала в каждый такой кружок горсть брусники, серебрила сахаром и аккуратно заворачивала так, что получался маленький кораблик. Кораблики плотно укладывались в чугунную сковородку без ручки и отправлялись в духовку. Там уже томилась в двух сковородках остальная флотилия. Кухонный телевизор по обоим каналам вместо праздничного концерта транслировал заседание в Кремле, а может быть, и не в Кремле. Андрей не разбирался. Звук Андрей убрал. Какие-то возбуждённые люди в пиджаках беззвучно открывали рот на трибуне, сменяя друг друга, а в зале так же беззвучно хлопали.

В восемь вечера Дарья ушла укладывать дочку на ночной сон, а он разложил пирожки в кастрюлю, замотал её в несколько слоев газеты и вместе с термосом осторожно устроил в сумке. Сунул сбоку полученный от Фёдора пакет.

Услыхав, что Андрей шуршит курткой в прихожей, Дарья выглянула из двери комнаты.

– Поцелуй от меня Егора, – сказала она, – и не задерживайся, полный город шантрапы.

Андрей заулыбался, представив, как будет выглядеть поцелуй, и аккуратно прикрыл за собой дверь. Во дворе перед подъездом стояла Витькина «четвёрка». Это означало, что Витька удержался и действительно не вышел сегодня на работу. В свете фонаря были хорошо видны два жёлтых противоугонных крюка на руле. В Инте угоняли машины только для развлечения, чтобы покататься. Обычно бедокурили подростки, студенты того же училища, которое оканчивал Андрей, или просто шпана из дворовых компаний. Все машины тут были известны, в гаражах тоже друг друга все знали, так что просто так не спрячешь и не разберёшь, а никакие автомобильные дороги, пригодные для того, чтобы по ним ездить на легковушках, из Инты не выходили. Если угнанная машина не отыскивалась за пару часов, хозяин отправлялся упрашивать кого-нибудь из автопарка чтобы тот проехал по дороге на Косьювом и пристань «Тридцать пятый километр». Где-то уже на третьем километре дороги обычно угнанный автомобиль и стоял, съехавший по жидкой грязи на обочину, да там и увязший. Угонщики – косьювомские мужики, приезжавшие в Инту в магазины, таким образом предпочитали доставлять покупки домой. По зимнику иной раз им удавалось доехать до самого посёлка, тогда машину бросали возле школы. За ухарство и разбойную наглость интинцы литературно прозвали их «казбичами». Витькину «четвёрку» тоже крали, и Витька ездил за ней на КрАЗе, а потом бегал по деревянным мостовым

Косьювома и искал «казбича», чтобы подраться. Но, конечно, никого не нашёл. Да и как определить? У всех рожи красные, глаза прозрачные: «Да ты чего, мужик? Не знаем мы про твою машину. Мы люди неподконвойные». Купил на пристани у рыбака мешок копчёного хариуса, запутал и недоплатил почти вдвое. Вернулся в Инту победителем, в лице бедолаги-рыбака отомстив всем косьювомцам. Ходил потом хвастался.

До больницы от дома было два шага. Часы посещения уже закончились, но можно было попасть в отделения через приёмный покой. Пост там не выставлялся, а дежурный врач и медсёстры за входящими не следили. Даже ночью по коридорам больницы часто шлялись посторонние. Говорили, что наркоманы приходят ночью в больницу за наркотиками. Может, конечно, то были и неведомые никому, почти инопланетные наркоманы, но местные знали, что в больничке всегда, пусть втридорога, но можно купить медицинского спирта.

К приёмному покою вела тропинка из огромного пролома в заборе. Андрей от своего подъезда свернул на тёмную бетонную пешеходную дорожку, проложенную по берегу реки, с задней стороны кинотеатра и вышел за последними домами чётной стороны туда, где заканчивалась улица Бабушкина и начиналась Новобольничная. Фонари на Бабушкина, как обычно, не горели. Начинало моросить.

Какие-то тётки устроились у пролома, поставили сумки на асфальт и о чём-то увлечённо разговаривали, не замечая ни мороси, ни поднявшегося вдруг ветра, погнавшего сморщенную листву вдоль щербатого асфальта. Их дети, мальчик и девочка лет шести, играли тут же, они кидались камнями в картонную пирамидку из-под молока, плавающую в луже посреди дороги. Камушки попадали в картонку со звонким клёкотом, если же случался перелёт или недолёт, то поднимался фонтан брызг, серебрящийся в свете фонаря, горящего во дворе дома.

Дальше, на самом перекрёстке с улицей Мира, хорошо выпившие шахтёры пытались остановить таксистов и, словно дети, швырялись пусть не камнями в пакет, а пустыми бутылками в редкий проезжающий автотранспорт. Бутылки разбивались с ещё более сочным плеском. Там было шумно и празднично. День шахтёра ещё не закончился, ещё не затух между последним автобусом и подкидышем, везущим утреннюю смену на Южный.

Всё, что случилось дальше, случилось не более чем за десять секунд. Вначале со стороны улицы Мира раздались крики и улюлюканья, потом латунный звон упавшей, но не разбившейся бутылки. С перекрёстка, визжа резиной в резком завороте, вылетела большая легковая машина и понеслась в раскачку по Бабушкина, подгоняемая толпой пьяных, мечущих вослед бутылки. В ослепляющем дальнем свете фар, в десяти метрах от себя Андрей различил силуэты детей, ковыряющихся в луже на самой середине дороги. Он кинул в сторону сумку, бросился вперёд и, сграбастав детей, вытолкнул их на тротуар, но в тот же миг потерял сознание от удара и страшной боли.

12

Когда старший Коробкин отломал жестяную кепку очередной бутылки и, полностью разлив содержимое по стаканам, поднял тост за «настоящего мужика Виктора, нормального парня, у которого есть мечта», Витька ещё и подумать не смел, чем дело закончится. Они сидели в Витькином гараже и к тому времени уже приговорили три поллитры. На печке жарилась картошка с грибами, на столе стояли миски с нарезанным крупными кусками малосольным хариусом и ломтями похожего на серую губку хлеба интинского хлебокомбината.

– А давай, Витька, мы тебе отцовскую «победу» отдадим? – сказал вдруг Коробкин-старший и посмотрел на братьев.

Те, не прекращая жевать, кивнули, выказав согласие с идеей старшего брата. Средний потянулся к портфелю за следующей бутылкой, а младший пошарил в сумке, вынул всю в солидоле банку армейской тушёнки, аккуратно отёр её газетой и поставил на стол.

– Ты, Витька, хоть и балабол, а мужик аккуратный. Вот, смотрим на твоё хозяйство, – он обвёл рукой гараж, – всё у тебя по уму, как должно быть. Правильно брат говорит, бери у нас «победу», бери даром, по цене «четвёрки». То есть своё ведро нам взамен оставишь, чтобы гараж не пустовал. Машина ездить должна, а лайба без дела у нас ржавеет.

– Ага, – осенило вдруг среднего Коробкина, – ты после хватай Наталку, грузись на платформу и айда в Крым, патиссоны окучивать. Авось и детей там навтыкаете на грядках. Здесь у вас от мошки да сырости не получится.

Братья заржали, а Витька смотрел на них растерянно, не понимая, шутят Коробкины или

взаправду предлагают обменять его жигулёнка на «победу».

«Победа»! С этой машиной не сравнится никакой желанный многими «форд», никакая фантазия тутошних бомбил – подержанный «Опель-Кадет». И даже чёрный «Джип-Чероки», который в Инту на отдельной платформе с автоматчиками из ВОХРы привёз директор молокозавода, и тот казался игрушкой рядом с идеальной стальной каплей советского шоссейного крейсера. В двухлитровый, четырёхцилиндровый движок пусть и запряжено было только пятьдесят лошадей, но те из таксёров, кто ещё застал «победы» в автопарке, уверяли, что в бензобак можно было «хоть с похмела мочиться», машина ехала.

– Вы, что ли, серьёзно? – просипел Витька.

Старший Коробкин поставил стакан на столешницу, запихал в рот большой кусок рыбы, вытянул между зубов мягкие паутинки костей, вытер руки о висевший на гвозде обрезок махрового полотенца и, поманив Витьку за собой, пошёл к выходу из бокса. Остальные Коробкины тоже отставили табуреты и похватали куртки. На улице к тому времени уже стемнело. Из окон общежития доносились звуки модного ленинградского ансамбля «Кино».

«Он не помнит слово «да» и слово «нет», он не помнит ни чинов, ни имён», – пел солист. И эхо отражалось от металлических дверей подстанции и сверкало в лужах.

Гараж Коробкиных находился у самого въезда. Старший снял замок, открыл дверцу и щёлкнул пакетником. Установленные под самым потолком ртутные лампы, такие, как в школах или поликлинике, замигали и загорелись, осветив холодным белым светом огромный автомобиль цвета беж, с хромированными ободами фар и такой же решёткой радиатора. Старший Коробкин сунул руку в карман висевшей на гвозде потёртой кожаной куртки, выудил ключ с брелком в виде волка из «Ну, погоди!», протянул его Витьке и кивнул на машину, мол, садись и заводи.

Витька пробрался между верстаком и кузовом автомобиля, осторожно, чтобы не стукнуть об угол, открыл дверь и протиснулся на водительское место. Большой белый руль оказался непривычно высоко. Он вставил ключ в гнездо зажигания и поискал глазами ручку переключения передач.

– Под рулём смотри, – хмыкнул старший Коробкин.

Витька нашёл, выжал сцепление, подёргал туда-сюда рычажок, понял, что у автомобиля только три скорости, повернул ключ, включил зажигание, но стартер не заработал. Витька вынул ключ, вставил опять, но двигатель признаков жизни не подал.

– Аккумулятор, наверное, сел, – неуверенно сказал Витька, щёлкнул тумблером дворников, и те резво замахали, очищая лобовое стекло.

– Ёксель-моксель, это же «победа», у ей ножной стартер.

Витька заглянул под торпедо, нашёл нужную педаль и надавил на неё. Двигатель завёлся и сразу заурчал гулко и сердито.

– Не торопись, дай ему прогреться, – крикнул младший Коробкин и пошёл открывать ворота гаража.

– Ты представь себя в Крыму на «победе», – сказал средний Коробкин, приподнимая дворники и протирая тряпкой обе половинки и без того чистого ветрового стекла. – К поезду подкатишь, все клиенты твои. Только выбирай. Это не автомобиль, ёксель-моксель, это мечта о счастливой жизни.

– И не жалко? – спросил Витька, так и не веря в своё счастье.

– Жалко, – ответил средний и швырнул тряпку в угол. – Если бы у нас на троих было не семь дочерей, как сейчас, а семь сыновей, то… Давай уже, выезжай.

Витька воткнул первую передачу и аккуратно надавил на акселератор, одновременно отпустив тугую педаль сцепления и опасаясь, что машина может заглохнуть. Но «победа» плавно выкатилась из гаража.

– Смотри! – заржал средний Коробкин. – Он, оказывается, водила!

– Ты поездь тут, можешь домой за заначкой смотаться, – старший Коробкин, наклонился к Витьке, который опустил стекло водительской двери, – а мы у тебя подождём, картофан пока поджарим.

– Надо отметить это дело, – поддакнул младший, – у нас всё закончилось, а завтра мы уже не пьём. Закон такой.

Витька кивнул, включил тумблером дворники, вмиг смахнувшие бисер начинавшего накрапывать дождя, сглотнул образовавшуюся во рту горечь и выехал за ворота. Круглые часы на панели приборов были не заведены и показывали не то полночь, не то полдень. Фонари на Промышленной горели через один, но Витька и так

знал на этой улице каждую колдобину. Он вообще знал в Инте все лужи, все выбоины в асфальте, даже трещины в бетонных плитах и те объезжал, стараясь, чтобы пассажиров не трясло. То на «четвёрке», а «победа» шла мягко, словно не замечая отчаянную оспенную щербатость улиц северного города. Только разгонялась машина нехотя. Мощности двигателя с трудом хватало для такого тяжёлого автомобиля. Но зато как урчал мотор! Словно это был не двигатель, а горячий зверь, спрятанный под капотом, огромный, уютный.

Витька свернул на Дзержинского и поехал по площади. На углу Мира стоял милицейский экипаж. Из жёлто-синего жигулёнка выбрался мент и махнул полосатым жезлом. Витька притормозил. Это был его одноклассник. Одноклассник подошёл, узнал Витьку и заулыбался.

– Коробкинская тачка? Угнал, что ли?

– Не поверишь, поменялся, – ответил Витька.

Милиционер обошёл «победу», поцокал языком.

– Вещь! Но, парень, ты совсем оборзел. От тебя водкой воняло, когда ты ещё только с Промышленной сворачивал. Имей совесть!

– Да я только кружок – и обратно в гараж, – Витька щерился в открытую пассажирскую дверь. – Обкатка. Я же не на работе.

Одноклассник демонстративно закрыл ладонью глаза и махнул рукой в перчатке с белым обшлагом.

– Ехай уже! Но смотри, аккуратнее. Таксёров по всему городу лупят. Мы только что Матвеича от расправы спасли. Вшестером били. Кричали, мол, натерпелись от коммуняк. А он вообще беспартийный. Просто рожа его примелькалась.

Матвеич был самым старым интинским таксистом, возившим ещё полковника Халеева, а потом долгие годы трудившимся на АТП. Хороший был мужик, из старой гвардии. Все его знали и уважали. Портрет Матвеича годами висел на доске передовиков производства. И уж что-что, а бить Матвеича считалось западло. Он единственный, кто всегда мог в День шахтёра работать спокойно.

Витька отсалютовал приятелю и мягко тронулся с места. Одноклассник что-то кричал. Витька притормозил, потянулся к ручке и опустил пассажирское стекло.

– Красота!

Витька сделал знак, что не понимает.

– Тачка, говорю, красивая. Повезло.

Витька махнул рукой, закрутил стекло и нажал на газ. Он проехал мимо тёмных витрин универмага и закрытых дверей гастронома и свернул на хорошо освещённую улицу Мира. Движения на улице почти не было. Впереди виднелись габаритные огни рейсового автобуса. Витька решил, что это самое место немного разогнаться и почувствовать машину на скорости. Но только стрелка спидометра дошла до отметки в сорок километров, как откуда ни возьмись посреди улицы возник какой-то дурак в расстёгнутом полупальто из искусственного меха и, растопырив руки, попытался остановить автомобиль. Витька рванул руль вправо, чтобы объехать, но тут же из-под светофора выскочили ещё двое и что-то закричали. Витька дал по тормозам и, одновременно выкрутив рулевое колесо, с визгом свернул на Бабушкина и лишь чудом вписался. После резкого поворота машина закачалась маятником, ища равновесие. Сзади что-то кричали, и где-то совсем рядом лопнула брошенная бутылка.

Витька взглянул в зеркало заднего вида, но из-за того, что позади было не привычное стекло «четвёрки», а узкая, под самой крышей, амбразура «победы», он ничего в нём не различил и перевёл взгляд вперёд. И как раз вовремя. Прямо перед ним, на дороге, метрах в двадцати копошились дети. Барабанные тормоза, не задобренные гидроусилителем, завыли, но машина продолжала двигаться.

Ещё секунду, и Господь сам заплакал бы над стигматами ран в асфальте, но из темени метнулась фигура, кто-то оттолкнул детей и принял удар на себя. Человека отбросило в сторону, а машина, наконец, замерла. Витька выскочил из-за руля и бросился к сбитому. Это был сосед – Англичанин. Англичанин лежал в какой-то невыразимо нехорошей позе, на ноге, как люди обычно не лежат. И нога казалась согнутой неправильно, а из-под волос вытекала струйка крови и пачкала воротник куртки. Подбежали, размахивая бутылками, мужики с перекрёстка, но, увидев аварию, стушевались. Вид сбитого человека и детей, которых обнимали матери, ощупывая руки и ноги, стряхнул с преследователей пыл и кураж.

Англичанин дышал, но был без сознания. Витька, обернувшись к давешним преследователям, истошно заорал, чтобы те рвали в приёмный покой за санитарами. Но пьяницы, смекнув, что дело пахнет статьёй, бросились в сторону Новобольничной.

Тогда одна из женщин, убедившись, что её ребенок невредим, только запачкан, оставила его подруге, а сама поспешила за помощью. Когда через десять минут появились двое с носилками, Андрей уже пришёл в себя. Витька придерживал ему голову, а он молча лежал и смотрел своими серыми глазами, ставшими в свете фар почти прозрачными, на то, как дети, уже потеряв интерес к происходящему, бегали в догонялки вокруг женщины. Они, пытаясь сорвать друг с друга шапочки, кричали, размахивали руками. Андрею было больно. Но он улыбался.

Дейнега, пробравшийся в палату Андрея через два дня после аварии, увидел друга в гипсе и с ногой в чудных металлических кольцах. Поза друга на больничной койке была столь торжественна, что Егор расхохотался.

– Чего ржёшь? – спросил Андрей, нахмурив брови, но не выдержал и рассмеялся сам, разглядев на друге короткие, не по росту, пижамные штаны, торчащие из-под казённого больничного халата.

Они проговорили больше часа, как вдруг в палату заглянул Витька. Вид у него был сконфуженный.

– А ну-ка иди сюда! – поманил его Дейнега. – Ты чего это, кроссинговер, людей давишь?

Витька вошёл и встал у самой двери, опустив голову.

– Небось, опять бухим ездил? Говорят, у Коробкиных «победу» по пьяному делу угнал и поехал пассажиров с воркутинского встречать, – строгим голосом допрашивал Дейнега.

– Брехня всё! – взвился Витька. – Болтают ерунду. Англичанин, эт самое, ну не верь ты ему! Обещал же, что не буду работать в День шахтёра. Вот и не работал. Мы с Коробкиными машинами поменялись. Ну и решил опробовать. Это же несчастный случай. Всё шпана с Южного виновата. И вообще, – он замялся, – хотите знать, я после того, как тебя в операционную увезли, сам пошёл и мильтонам сдался. Вот. Погоди. Сейчас.

Витька открыл дверь в коридор и кого-то позвал. Вошёл гаишник, Витькин одноклассник, в белом халате, наброшенном поверх форменного кителя. Он поздоровался, извинился за беспокойство и осведомился, будет ли «гражданин Краснов» подавать заявление. Андрей подавать заявление отказался. Милиционер пожал плечами, сказал: «На нет и суда нет», пожелал здоровья, отвесил Витьке подзатыльник и вышел из палаты. Витька остался стоять, склонив голову и разглядывая кафельные шашечки на полу палаты.

– Я ещё просил мне дырку в правах сделать, – выдохнул он, не поднимая головы, – чтобы у меня как узелок на память была.

– И как, сделали? – спросил Дейнега.

– Не сделали, – мрачно ответил Витька. – Матом обложили.

Андрей подозвал соседа и протянул ему левую руку, правая была в гипсе.

– Нормально всё, вот теперь полный кроссинговер, – сказал он и подмигнул Дейнеге.

Андрей на друга не сердился. Невероятно, но он даже обрадовался тому, что произошло. Словно что-то замкнулось, зарифмовалось в жизни. Здесь, в палате, на больничной койке, под тонким вытертым одеялом, он с удивлением почувствовал себя счастливым. Такого полного и спокойного счастья он не испытывал раньше. Даже когда за ним закрылись ворота КПП «восемнадцатой», даже когда шёл он, получив подорожную, по насыпи узкой колеи от поселения к железнодорожной станции Харпа и даже когда родилась Варвара, счастье было в четверть силы, в треть, в половину. Словно годы на воле оставался он заключённым, а освободился по-настоящему только сейчас. Может быть, для того нужно было вдруг подняться на мгновение над землёй в полёте, чтобы сразу и рухнуть, переломать руки и ноги, получить сотрясение мозга, ушиб всех внутренних органов, но освободиться по-настоящему.

Перед выпиской Дейнега зашёл к Андрею в палату попрощаться. Уже одетый по-городскому, в джинсах и сером джемпере, сунул в руки другу пакетик с солёным арахисом, который купил в магазине возле больницы.

– Я, Андрюха, уеду, наверное, – сказал он, рассеянно глядя в окно на качающиеся от ветра ветки ивы.

– И правильно, – согласился Андрей, – чего в Инте торчать, если работы сворачивают, сегодня и садись на поезд.

– Не, ты не понял. Я насовсем уехать решил, в Австралию.

Андрей с удивлением посмотрел на товарища.

– Помнишь конверт, что Фёдор для меня передал? Тот, что с пирожками в сумке был?

Андрей утвердительно кивнул.

– Там приглашение, анкеты мне и Лидке, документы для оформления разрешения на рабо-

ту и контракт с Государственной геологической службой Австралии.

– В эмиграцию, что ли? – дошло до Андрея. – Ты же вроде не еврей.

– При чём тут это, еврей – не еврей? – вспыхнул Егор. – Сейчас всех выпускают, хоть чукчей. Стена рухнула, Англичанин! Всё! Нет стены. И страны, той, к которой привыкли, тоже нет. Ещё никто не понимает, что произошло, но произошло нечто великое. Теперь ни войн не будет, ни гонки вооружений, ни ленинской тетради, ни парткомов с месткомами. Всё. Закончилось. Было и сплыло. Теперь новая власть, народная. Теперь весь мир наш. Понимаешь? Весь мир, Англичанин! Не марксизм-ленинизм, а Фрейд и Сартр. Ты в свою Америку поедешь или куда ты там собирался, когда английский учил. Ду ю андестенд ми, миста Краснов?

Андрей промолчал. Он не любил, когда Егор начинал говорить про политику. В такие минуты друг казался ему чужим.

– Фёдор уверяет, что дерьмо великое произошло, – сказал Андрей тихо, – работы по всему Северу сворачиваются. Говорит, Урал по кусочкам дербанить начнут.

– Дурак твой Фёдор и коммунист. Он член их партии, хотя и нормальный мужик. Его же никто на западе на работу не возьмёт. Люстрация. Слышал слово? Коммунистов в Европе на работу не берут. Чаушеску вообще расстреляли. Там с большевиками не чикаются.

Андрей промолчал. Ему не нравились слова Егора, но он не умел сказать так же складно, хотя и прочёл много книг.

– Но я не про то хотел, – махнул рукой Дейнега. – Англичанин, проси Теребянко, чтобы написал тебе характеристику в университет. Поезжай и поступай на подготовительное отделение, потом на геологический. Геологи по всему миру ценятся. Налегай на английский, а как окончишь, я вас всей семьёй к себе вытащу.

– Куда, в Австралию? – переспросил Андрей.

– А то! – рассмеялся Дейнега. – На зелёный, мать его, континент. Все там и будем жить среди кенгуру и утконосов. Я к тому времени уже докторскую напишу. Ну, бывай!

Егор попрощался и ушёл. Андрей остался в палате один. Он лежал, смотрел в потолок и представлял себе кенгуру, пигмеев, Дейнегу с геологическим молотком и созвездие Южный Крест на ночном небосклоне. Только себя под этим небом представить никак не мог. Не получалось.

Пока Андрей лежал в больнице, Витька съездил на поезде в Воркуту и подал объявление на междугородний обмен. К январю появился вариант. После Нового года приехал пожилой армянин в мохнатой шубе из нутрии, посмотрел Витькину двухкомнатную с досками в прихожей, с наборным паркетом в большой комнате, с чешской сантехникой и кафелем на кухне, взглянул из окна на заснеженный склон Большой Инты, по которому с визгом катились на санках мальчишки, и достал из портфеля пачку фотографий маленького домика. Сговорились.

Весь февраль Дарья с Витькиной женой паковали вещи. Андрей тоже вызывался пособить, но всякий раз зацеплялся за углы каких-то чемоданов, отчего чудом не падал. Наконец его убедили сидеть у себя и «не соваться со своим костылём». Пока жена заворачивала у соседей посуду в газеты или шила из старых простыней мешки, Андрей играл с дочерью. Варьке исполнилось десять месяцев, и она уже пыталась ходить, держась за кровать и за стены. Иногда, встретив пассажиров котласского, приходил Витька. После аварии он был в завязке, не пил, много курил и чаще молчал, чем говорил. Андрей и без того был не из разговорчивых.

На Двадцать третье февраля из Сыктывкара заехали проститься Егор с женой и ребёнком. Привёз бутылку кубинского рома. Был возбуждён, говорлив пуще обычного. Обозвал Андрея дураком за то, что тот не хочет уехать вслед за ним. Потом играл на взятой у Витьки гитаре, пел песни. Ром выпил сам, захмелел и наконец уснул на постели Андрея и Дарьи, не сняв одежду, раскинув в стороны руки. Сёстры проговорили и проплакали всю ночь. Им казалось, что разлучаются они навсегда. Наверное, так и было. Наутро Витька отвёз Андрея и Дейнегу с семьёй к московскому поезду и помог сесть в вагон.

– Давай, не поминай лихом, – Егор протянул руку, потом порывисто обнял друга и прыгнул на площадку.

Поезд начинал движение.

Платформа и контейнер в Крым были заказаны на начало марта. Мебель Витька возил на контейнерную площадку на багажнике «победы». Грузить и разгружать помогали Коробкины. Наконец, последние вещи были упакованы, машина стояла на платформе, укрытая палаточной тканью и притянутая к бортам стальными тросами. В квартире оставались только два дорожных

чемодана. Только после этого Витька взял билеты на самолёт до Москвы.

Приехала Витькина мать, до того не появлявшаяся и демонстративно удалившаяся от хлопот сына. Привезла Витьке денег. Витька отказывался, кричал, что способен самостоятельно заработать и на себя, и на свою семью, но в конце концов сдался, принял заклеенный почтовый конвертик и поцеловал старую женщину в макушку. Та расплакалась. Долго обнимала до того сиротливо незамечаемую Наталку и совсем по-бабушкину охала. Когда Витька отвёз мать и вернулся, веки его были припухшими.

В последний вечер перед отлётом, как и три предыдущих, Витька с Наталкой ночевали на тахте у Андрея. Накануне состав с платформой и контейнером отправился из Инты в Котлас на сортировочную. Наталка, переволновавшись и устав, уснула быстро, а Витька пил чай стакан за стаканом и то и дело ходил курить в свою уже «бывшую» квартиру.

– Вот что я не понимаю, – сказал Витька Андрею, когда тот утром вышел на кухню. – Через пару недель в Крыму уже зацветёт миндаль. А в Инте снег сойдёт только к июню. И зачем я столько лет тут проторчал? Не понимаю. И ещё, – Витька заулыбался, – Крым теперь оказывается – это другая страна, у них даже деньги свои. И я получаюсь, как твой Егор, эмигрант. Такие дела, Англичанин.

13

По расписанию дополнительный пассажирский на Вильнюс прибывал в Струги Красные в несусветную рань. Андрей так и не заснул от самого Варшавского вокзала, хотя, послушавшись проводницу, купил комплект постельного белья и застелил нижнюю полку. Соседи, трое рабочих-белорусов, споро и без лишней болтовни поужинали водкой под вокзальные жареные пирожки с яйцом и храпели уже от Гатчины. Андрей взял костыль и вышел в тамбур. Привыкший за пять лет к полярному дню, он уныло смотрел в окно на бледную ленинградскую летнюю ночь, прыскающую в стёкла вагона слепой рассветной моросью.

От Луги распогодилось. И когда Андрей поддался секундному порыву и, не доезжая одной остановки до Струг, спустился на узкую платформу в Плюссе, солнце уже жадно пялилось на свои отражения в стёклах второго этажа ближайших к железке домов. Расписание за эти годы изменилось. Автобус на Струги уходил только через час, Андрей купил билет, побродил, хромая, вдоль платформы, посмотрел на этикетки импортных бутылок в витрине ларька на остановке, постоял перед серым одноэтажным зданием вокзала и зашёл внутрь. От зала ожидания осталось только два ряда кресел, остальное пространство теперь занимал видеосалон. Из-за стеклянной перегородки доносился мультипликационный шум. Андрей положил сто рублей в картонную коробку на столике, за которым, откинув назад голову, спал молодой парень, и прошёл внутрь. В темноте видеосалона в ожидании поезда на Ленинград дремали несколько человек. Они сняли обувь и устроились поперёк кресел. На экране телевизора шёл иностранный мультфильм. Весёлые утята под предводительством злого селезня искали сокровища. Персонажи то и дело с хохотом выбирались из безвыходных ситуаций. Было несмешно и душно. В зале отчаянно пахло несвежими носками и виргинским табаком. В задних рядах кто-то курил смолистые американские сигареты. Андрея тоже начинал смаривать сон, и он, опасаясь, что пропустит автобус, с трудом вытерпел полчаса и выбрался на свежий воздух.

Старый оранжевый пазик, точно такой, как Андрей помнил всё своё детство, а может быть, даже тот самый, уже стоял под посадкой с раскрытой гармошкой передней двери. Андрей поднялся по ступенькам, показал билет равнодушному водителю, переступил через стоящие в проходе ящики и прошёл назад между рядами сидений. Кроме Андрея, в автобусе сидели только две женщины под пятьдесят, похожие, словно сестры от разных отцов, с высокими причёсками и яркими тенями вокруг глаз. В открытые окна доносились железнодорожные голоса. Слов, как обычно, было не разобрать. В автобус заглянула диспетчерша, шариковой ручкой пересчитала пассажиров по головам, что-то отметила у себя в карточке и ушла к себе в будку. Автобус завёлся, водитель закрыл двери и с хрустом воткнул первую передачу.

В Симоново тётки с тенями вокруг глаз вышли и направились к магазину. Водитель помог им донести до дверей ящики, сунул в карман какие-то деньги и вернулся в автобус.

– До Пятчино? – спросил он, обернувшись в салон.

– На Хмеру останови, – кивнул Андрей.

Водитель откашлялся, закрыл двери, и автобус затрясло по плохой дороге. От вибрации не-

много заныла нога. Врач, который снимал инопланетную конструкцию аппарата Илизарова, сказал, что будет болеть ещё год или около того, и дал памятку с рисунками упражнений, которые нужно было делать ежедневно. Всю зиму Андрей изводил себя лечебной физкультурой, постелив вместо матов на пол матрасы в пустой квартире соседа. К весне он уже только чуть-чуть прихрамывал, но врач пока запрещал ходить без костыля.

Автобус остановился напротив погоста, там, где в зарослях крапивы угадывались контуры фундамента церкви Покрова Пресвятой Богородицы, разрушенной и сожжённой немцами в сорок третьем. Старые, замшелые валуны, служившие некогда оградой кладбища, поросли лещиной и березняком. Где-то за этими зарослями в тени и путанице сирени, ореха и тёрна стоял чугунный крест над могилой прапрадеда Андрея. Его показывала Андрею бабушка Маша. Рядом с крестом в безымянных могилах сплошь лежали останки Андреевых предков, память о которых сгорела вместе с церковной книгой деревянной Ризоположенской церкви. Книги сгорели, скулы, высокие лбы и русые головы нет-нет да и появлялись в деревне от поколения к поколению.

Андрей обогнул кладбище и зашёл с ближней к деревне стороны. Прошёл мимо нескольких огороженных участков соседей к синей, свежепокрашенной на Троицу оградке с родными могилами. Зашёл внутрь, постоял у каждой, вглядываясь в лица на эмалевых овалах, вновь читая имена и даты рождения и смерти. Посидел на скамейке напротив самой свежей могилы – бабушки Маши, мамы отца. Бабушку хоронили, когда он служил. Его на похороны не отпустили – считается, не близкий родственник. А кто тогда близкий?

Напротив, на участке Симагиных, новое надгробие бабушки Шуры, той, что спасла отца. Мать писала в письме, что она умерла прошлым летом. Андрею показалось странным, что женщины даже не дружили, а просто соседствовали. Вот и теперь соседствуют.

Вздохнул, прикрыл калитку, замер на несколько секунд, собрался с духом и, наконец, уверенно пошагал, чуть прихрамывая, тропинкой к тому месту, где виднелась небольшая пирамидка со звездой. Там он повернул направо и через несколько шагов оказался перед аккуратным участком Слепнёвых, посыпанным белой мраморной крошкой.

Могила Алёнки оказалась с самого краю. Возле низкого обелиска из чёрного габбро лежали свежие, срезанные накануне цветы. Андрей встал напротив, опёрся обеими руками на костыль и замер, склонив голову. В зарослях орешника гомонили воробьи. Ветер доносил запах палёной травы. По шоссе с воем и железным грохотом ехал пустой самосвал. Кто-то смотрел на Андрея. Он поднял голову и увидел Слепнёву, стоящую чуть поодаль, на тропинке, с пластиковой бутылью, полной воды, в руках.

– Здравствуй, Андрей.

Он поздоровался в ответ.

– Рассказывают, детей на Севере спас. Правда? – Слепнёва зашла за оградку, подняла букет и поставила в воду.

Андрей кивнул.

– Рассказывают, чудом не погиб, – женщина взглянула на костыль, на который Андрей до того опирался, а теперь стыдливо прятал за спину.

Андрей пожал плечами и отвёл взгляд.

– Ты не стесняйся. Хорошего не надо стесняться. Молодец, если правда всё. И что к дочери моей на могилку пришёл, тоже правильно. Значит, совестливый человек.

Андрей молчал.

– Я каждую субботу прихожу. Хотела бы чаще, да сил потом нет работать. Лежу на кровати, в одну точку смотрю. Есть у меня на коврике с оленями такая точка, где грибы у леса и не то зверушка какая, не то просто нитка неудачно прошла. Вот туда и смотрю. Не утихнет, Андрей, ничего, сколько бы лет ни прошло.

Хотел Андрей что-то сказать, но не мог. Как утешишь?

– А на тебя зла не держу. Раньше думала, что убью, потом успокоилась. А как узнала, что не ты за рулём был, так и вовсе простила и даже пожалела, что из-за Людки, дуры такой, столько греха на себя взял. Симагина год назад разболтала на всю деревню, кто во всём виноват. Они с Людкой ругаются, дом тёти Шуры делят. Хотя и Людку простила. Что с неё, с шалапутной, взять. Её и так Бог наказал, детей ни от одного мужика не даёт.

Андрей в волнении достал было из кармана сигареты, но постеснялся закурить и спрятал обратно.

– Что же ты отцу своему и матери правду не сказал? Нехорошо так. Скажи. Они поди теперь и сами знают, но ты скажи. Им тоже полегче будет. От правды всем легче.

Андрей поднял голову и встретился взглядом со Слепнёвой. И не было в том взгляде уже ничего, кроме усталости. Он неловко попрощался и поспешил к выходу с кладбища.

14

Дом стоял на центральном перекрёстке деревни, наискосок от магазина, напротив старого тополя, на верхушке которого каждый год оживало новой семьёй гнездо аиста. В этот год отец методично пилил старые яблони, что росли вокруг дома и вдоль забора. После какого-то особо сильного заморозка они вдруг овяли, засохли и перестали плодоносить. Если и появлялись теперь плоды, то лишь на паре веток как напоминание о былых урожаях, когда по осени всю землю вплоть до забора пятнали розовощекие, пахнущие мёдом восковые яблоки. Вначале дерева ещё пытались пробиться к солнцу почкой, но этой весной остались в своём буром в прорехах исподнем. Они замерли, словно застигнутые какой-то страшной небесной карой, раскинув руки-ветки, подобно солдатам в самоволке, до того пьяно плясавшим нагишом поперёк устава в чужом огороде, на виду у противника.

Отец завёл бензопилу и грыз пахнущие мёдом красноватые комли, разбрызгивая вокруг яркое конфетти опилок. Звук старой отцовской «Дружбы» Андрей признал издалека. Среди десятка движков он с уверенностью различил бы этот, с заметным не то лязганьем, не то полаиванием. Ещё школьником, примостив пилу в коляску «Урала», ездил Андрей валить сушины по лесной дороге к бывшим хуторам, что, если напрямик через лес, были на полпути от дома до хмерского погоста. Дорога та давно заросла и частями ушла в болото, но мотоцикл проходил. Андрей помнил тяжесть инструмента, злой его деловой озноб, масляный пот на кожухе. Отец учил выбирать дерево, определять наклон, готовить место под падение, показывал, как надо делать подпил, как валить. Но что бы та наука, если бы не опыт. Как ни предупреждал отец, но однажды пилу зажало. И Андрей больше часа, стараясь не повредить цепь и шину, мучил топором звонкую, давно обронившую ненужную кору ель. Справился, сдюжил, чуть не пропал сам под рухнувшим тонным стволом, но пилу спас.

Теперь он прошагал, чуть прихрамывая, от перекрёстка, в светлом итальянском плаще поверх серого джемпера, перепрыгнул, упираясь на костыль, с островка на островок по архипелагу тверди, торчащей посередь даже в июльскую жару не подсыхающей деревенской лужи. Тут и расслышал лай старушки «Дружбы» и остановился на обочине в прозрачной ещё весенней тени дичка сливы, стал рыться по карманам в поисках сигарет. В переносице свербила слеза, и он морщился, выдыхал шумно, тёр нос, но всё равно веки намокли, и он устыдился того перед ветром и пыльными придорожными кустами. И хорошо, что был он на дороге совершенно один, что никто вместе с ним не вылез из разбитого пазика у Хмёра, не доезжая таблички «Плюсненский район», хорошо, что никто не шёл навстречу, никто не маячил у забора бывшей фермы. Он снял сумку с плеча, поставил на валун, закурил и долго смотрел на солнце, чтобы другие слёзы, те, что от нетерпимого сияния звезды, вымыли из глаз соль и горечь возвращения, узнавания и покаяния всякого уехавшего и позабывшего.

Андрей не звонил, о приезде не предупреждал. Решил, пусть будет родителям сюрприз, чтобы не дать им извести себя ожиданием, сутками колготящимися от одной клетки календаря на стене в кухне до другой. Пусть лучше так, сразу, как снег на голову. Как бы ни были заняты деревенские работой, а нет-нет да и посматривают на дорогу, словно какого знака ждут: путника, гонца ли, бродягу. По тому, как замолкла вдруг пила, с холостого хода провалившись в яму тишины, Андрей понял, что его заметили. К старости отец сохранил остроту зрения, на спор соревновался с мальчишками, считая фарфоровые изоляторы на крыльях далёкой вышки линии электропередачи, по походке за пару вёрст узнавал соседей. А собственного сына, хоть и хромал тот теперь изрядно, конечно, узнал. Андрей непроизвольно ускорил шаг, когда увидел мать, выбежавшую с крыльца и устремившуюся к калитке. Отец, отирая руки о тряпку, поспешил за ней. И теперь Андрей не удержался, подобрал костыль и, не замечая боль в ноге, бросился навстречу родным. Он подхватил маму у тополя на перекрёстке, уже не бегущую, а летящую к сыну отчаянной птицей, лёгкую, почти невесомую, и закружил, уткнувшись головой ей в волосы. И вдыхал мамин запах, запах корвалола и сдобы, дыма и нежности. И вот уже отец колет его субботней утренней щетиной и хлопает по плечам. И аист в гнезде у дома вытягивает шею и трещит клювом, разбивая апрельское небо в мелкое крошево калёного стекла.

Глеб МИХАЛЁВ

ЗАВТРА БУДЕТ СНОВА

биография

1
снег лежит на подоконнике
и под окнами лежит

за окном гуляют хроники
и чернеют гаражи

светят в небо фары сильные
только бога не видать

мы такие некрасивые –
на словах не передать

2
в ночи молчи а то придёт волчок
втопчи бычок и двери на крючок

пускай они придут из темноты
но ты не выходил из комнаты

горит свеча и капает вода
и темнота – она не навсегда

3
никого не будет в гамме
кроме доремифасоль

музыка висит над нами
разноцветной полосой

замораживает тает
опускается ко дну

и в окно себя бросает
в пробежавшую княжну

и готов за эти звуки
даже голову бы с плеч

а чего с ней церемониться
чего её беречь

4
холодного лета отчётлив сигнал
споткнулся нелепо и в ящик сыграл

неслышимый голос, высокая честь
дурацкая волость за облаком есть

как славно не зная когда и кому
и солнце до края и ветер в корму

но брякнет звоночек и скажет пора
вот так и кончается эта игра

три дня

1
кто-то на небесах просеивает муку
я бы испёк тебе счастье но не могу

глянул в банку с мукой а она – без дна
и бездна на дне её холодна

смотришь в окно – как из банки на небеса
ты здесь ты рядом со мною но где я сам?
смотришь в окно – за окном не видать ни зги

такие вот пироги

МИХАЛЁВ Глеб Олегович *родился в 1967 году в городе Юрга Кемеровской области. Публиковался в журналах «Октябрь», «День и Ночь», «Юность», «Новый берег», российских и зарубежных периодических изданиях и коллективных сборниках. Финалист конкурса им. Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (Санкт-Петербург). Живёт в Казани.*

2
этот поезд в окне
и кончается месяц июль

не приезжай ко мне
я и сам-то себя боюсь

дальние города
речи про красоту

всё это ерунда
если начистоту

3
чашка утреннего чая
утро смотрит сквозь стекло

я не то чтобы скучаю
мне слегка не повезло

солнце тонет в каждой луже
еле-еле на плаву

то что я тебе не нужен
как-нибудь переживу

открывайте звери двери
я весёлый Айболит

только сам себе не верю
и болит

три дня – 2

1
ты уходишь потихоньку со двора
зонт забрал тебя как чёрная дыра
не оглядываясь медленно идёшь

и дождь

2
думаешь пролив молоко
где-то есть пролив Молоко?
белое над ним облако?

хорошо что там вдалеке
отражается облако в молоке
белое в кипячёном

так и ты отражалась во мне всегда
но выпито молоко выкипела вода
белое стало чёрным

3
это мазь глазная тетрациклин
это свет небесный во все глаза

я бы взял беду твою утолил
но теперь нельзя

просыпаясь утром глядишь в окно
засыпая ночью глядишь в себя

никогда не смогу рассказать тебе
как темно без тебя

завтра будет снова

1
вот уже опять города в тоске
холода сугробы

мы живём с тобой на одном языке
под одним нёбом

на одном языке нам бы петь с тобой
только нет песен

то ли плох язык
то ли холод злой
то ли рот тесен

2
сегодня родина в окне
и завтра будет снова
тяжёлый век тяжёлый снег
тяжёлый сок сосновый

уедешь в лёгкие края
под тёплые созвездья
и только родина твоя
останется на месте

пусть страны на краю земли
кружатся мотыльками
и только родина вдали
лежит тяжёлым камнем

когда

1
когда друзей – по пальцам на одной
зато тревог – куда ни посмотри
писать стихи – становится войной
одна строка считается за три

всё грезится прелестный завиток
беспечный ангел в травке луговой
но в результате – короток итог
и горек словно дым пороховой

2
когда уже под небом серым
я окажусь не ко двору
я заболею эсэсэсэром
и от него потом помру

не то чтоб месть или расплата
но просто в памяти всплывёт
что он родил меня когда-то
и только он меня убьёт

Алексей БУРКО

В ОДИНОЧКУ И ПАРАМИ

* * *

Хвост Тельца замахнулся Стожарами,
Звёздный пояс надел Орион.
Мы лежим в одиночку и парами
И таращимся на небосклон.

Недоверие напрочь отброшено,
Все секреты открыты друзьям,
В парке имени Веры Волошиной
Мы шутя разлеглись по скамьям.

Так смелы ожидания мамины,
Так крепки наставленья отца,
Впереди выпускные экзамены,
И ускоренно бьются сердца.

Мы ещё ничего не изъездили.
В завихреньях подростковых грёз
Мы лежим под ночными созвездьями
И не знаем названия звёзд.

ХЛАМ

Земное время быстротечно
И суетой захламлено.
Ещё вчера строгал скворечню –
Вдруг листопад стучит в окно.

Устроил в детский садик сына,
И тут же – школьный выпускной.
Несутся пёстрые картины,
Не управляемые мной.

Мелькают города и лица,
Шумит взволнованный вокзал,
А я – в боязни ошибиться,
Как будто поезд прозевал.

Беспечность осуждая строго,
За мудрость принимая грусть,
Я буду призван в гости к Богу
И без подарка заявлюсь.

ВПЕРЕДИ ХОЛОДА

Врали груши в садах, что надёжнее золото –
Курс осеннего блеска пошёл под уклон.
Жерновами ветров облака перемолоты,
Серый цвет знаменует предзимний сезон.

И предчувствуя стужу бездушную, лютую,
Покрываются пепельным льдом города.
Впереди холода – видно с каждой минутою,
Впереди холода, впереди холода.

Боже правый, прости, попусти, дай надеяться
Обнаружить твой образ на свежем снегу –
Долгожданной муке всепрощающей мельницы –
Я смогу, я исправлюсь, я всё сберегу.

БУРКО Алексей Вячеславович *родился в 1967 году в городе Шверин (Германия) в семье военного. Окончил Новосибирский аграрный университет, экономический факультет. Работает экономистом в городе Кемерове. Печатался в газете «Кузнецкий край», журнале «Огни Кузбасса», коллективных сборниках. Автор двух книг стихотворений и короткой прозы. Живёт в Кемерове.*

* * *

Ирине

как замирая душа поёт
помню начало
в рот набирая не воду – мёд
дерзко молчала

я ж расточая своих медов
плёл соловьино
как покоритель полярных льдов
деве невинной

робко глядел на царицу грёз
чая ответа
мыло бельё белизной берёз
спорое лето

стлало на воду ивовый пух
робкой постелью
тихим журчаньем ласкало слух
взор – акварелью

прямо к закату шли поезда
гнали составы
ты отрешённо сказала да
вспенились травы

стало легко и возможно сметь
волен и властен
громко смеяться и песни петь
песни о счастье

* * *

Куда, куда вы удалились...
Александр Пушкин

Куда, куда вы подевались,
Мои апрельские года,
Когда, танцующая вальсы,
Душа резва и молода.

Зачем, зачем запропастилось
Умалишение от грёз,
В горючей дымке растворилось,
Как запоздалый паровоз.

Но я не думаю сдаваться,
Запасный выбирая путь,
Пусть даже юные семнадцать
Теперь немыслимо вернуть.

Ещё полны пороховницы,
Ещё не старятся глаза,
Ещё так хочется молиться
На несвятые образа.

ГОСТЬЯ

Я ей никто. Мы пару раз встречались –
так, вспоминали песни и стихи.
Такой пустяк! Я вовсе не печалюсь.
Кого вообще печалят пустяки?

Но вот беда – пересекаясь взглядом,
я замолкаю, чувствуя нутром,
как та весна, что проходила рядом,
цветочной грёзой заглянула в дом.

Из этих грёз, из тонких гибких лилий
я вью венок фантазий неземных,
чужих планет волшебных изобилий,
нездешних солнц сияний кружевных...

Настанет день, она умчится скоро
по простыням встревоженных полей,
пред ней померкнут города и горы,
и облака смутятся перед ней.

Настанет день, последний день настанет,
пойдут туманы серой пеленой,
я проглочу застрявшие в гортани
слова любви, не сказанные мной.

Я знаю точно, всё свершится гладко,
но много лет, отчаянно грустя,
я буду в тонких лайковых перчатках
ласкать её портреты в соцсетях.

* * *

Невзрачна витая дорога,
но выведет – за облака,
учители мудры и строги,
однако везёт – дуракам.

В деяниях вольных и вечных,
суровую мину храня,
Господь помогает беспечным
и не оставляет меня.

Анатолий КИРИЛИН

ЗЛОЕ ДИТЯ

Рассказ

Б. Капустину

Юрий Иваныч Муравьёв впервые подумал о пенсии, когда, вынырнув из непонятной мути, услышал возле себя: «Инфаркт». «Отработался, Муравей», – тревожно шевельнулось в нём. Отчего-то эта мысль была окрашена не его собственным голосом, а подсаженным тенорком товарища по шабашкам Камы. Даже оглянуться захотелось: не стоит ли тот в головах? Но силы ещё не пришли, рукой-то пошевелить едва удалось. «Да, отработался, – уточнил он и вроде бы кивнул Каме: – Здорово, мол, приятель». Вот тут и явилось слово «пенсия», пустое, ненужное Юрию Иванычу слово. Думал, конечно, о старости он и раньше, случалось, но представить себя за столиком для домино – почему-то именно домино лезло в голову при этом – не мог. Работы на его век хватит, здоровья, коль Бог позаботится, не изработать, не пропить. Известные ему недуги – простуду и похмелье – предлагал лечить с помощью лома и лопаты: с потом эти хвори разом отшибает.

Теперь ему пятьдесят пять, в общем, не возраст, и вот – инфаркт, что, по всей вероятности, означает: жить и не работать. То есть – эта самая пенсия... «Какая пенсия, Мураш? – на этот раз явился голос Ждана Кузовлёва, бригадира. – Где ты стаж набирать будешь?..» И то верно, не собирать же ему справки о работе по сёлам, коих проехал он сотню, не меньше. А трудовая книжка затерялась в архивах монтажной конторы, откуда Юрий Иваныч уволился лет двадцать назад. Стало быть... Вот вам человек, отгадайте его попробуйте. Юрий Иваныч почувствовал некоторое, сколь это возможно в его положении, облегчение: стало быть, работать придётся. О том, что может случиться такое – и жить вообще не придётся, мысли не появилось. Живой же!

По дороге из больницы пробовал смеяться: не пить, не курить, соблюдать диету, больше трёх килограммов не поднимать. Вот над этим «не поднимать» прямо-таки помереть можно со смеху. Однако весело смеяться не получилось. Юрий Иваныч взобрался на свой пятый этаж, мягко щёлкнул замком и только тут, за собственной дверью, прислушался к сердцу. Молотит!..

Прошёлся по квартире, тронул пыль на книжной полке – Валентина не появлялась. Оно и без того известно – в больнице ни разу не навестила. С этим, похоже, всё... Юрий Иваныч подошёл к окну, оглядел пустой двор, лежавший на дне каменного колодца, – и вот тут-то на него накатило: одиночество, пустота в доме и за его пределами, грядущее безделье... Тоска, словом. В больнице он грубовато пошучивал со своими соседями по палате: «У-у, доходяги, вам уже за городской рощей места приготовлены, а вы в очередь за кашей...»

За шутками между тем виделось ему действительное своё преимущество: мужики присогнулись, обвисли, ногами зашаркали, а он и с лица не спал, и живот всё так же тугим бугром выпирает из-под рёбер. Только слева в груди

КИРИЛИН Анатолий Владимирович *родился в Барнауле в 1947 году. Автор семи прозаических книг, изданных в Барнауле и Москве. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Алтай» и др. Член Союза писателей России. Живёт в Барнауле.*

какая-то тревожная пустота, иной раз опаска берёт: вздохнешь поглубже – и схватит. Он собой почти что гордился – до больницы предполагал, будто инфаркт – это почти что смерть.

И вот же! Радоваться: дома, на свободе! Нет, стало жалко себя. Три килограмма!.. И Бог с ними, он успел уже над этим подумать, сейчас вот только думал. Ребятам нужна его голова, в любую бригаду возьмут, да и Ждан никуда не отпустит. Найдут что по монтажу посложнее: «На, Муравей, кумекай!» И поедет он опять во чисто поле или во зелён лес, подальше от этой каменной ямы!.. Нет, всё не уляжется проклятая жалость, противно ведь – себя жалко! Комок какой-то давит, дышать мешает – и аж вот чуть слеза не лезет. Было похожее, но тогда он мать хоронил – понятно.

Мужики в палате и впрямь умирать засобирались. Надо сказать, сошлись тут все почти одного возраста, кому под шестьдесят, кому немного за. В других палатах были и постарше, и моложе, были юноши почти... Его ближайшие соседи говорили с полной серьёзностью о необходимости привести в порядок бумаги, переписать на жену или детей дом, машину, погреб, сад – у кого что нажито. Юрий Иваныч невольно примерял их заботы на себя – и ничего из этого не выходило. Из добра у него – вот эта единственная квартира, но и её отказать некому. Единственный сын – живой ли? – пропадает в лагерях, у Валентины своя квартира, да и что такое теперь Валентина? Прошлое...

Юрий Иваныч обводит взглядом комнату, где всё любовно и с толком обустроено, где одной мягкой мебели на сумму... – у других с нескольких комнат вместе с серебром не собрать... И вот всё это – дяде чужому? Выходило так.

Незадача! Раньше он ушёл бы спасаться от тоски в «Берёзку» или соседей бы позвал. И – завейся, горе, верёвочкой («залейся перцовочкой», – переиначивал Юрий Иваныч). Соседей позвать – не фокус, и что? Сиди и смотри, как они тут пить-гулять будут? Нет уж, извините! Остаётся одно – четвероногие друзья: диван да телевизор...

А всё-таки на что он жить будет? С последнего калыма ни копейки, на книжке – Юрий Иваныч порылся в секретере – сорок три рубля семь копеек. Эх, Валя-Валентина!

Он вернул сберегательную книжку на место и наткнулся на пластиковый пакет со старыми письмами. Самому свежему, наверно, лет около десяти, именно тогда умерла мать и не стало последнего адресата. Писем осталось немного, он не особенно аккуратно складывал их, да с переездами часть потерялась... Не имея другого занятия, Юрий Иваныч вытряхнул содержимое пакета на диван и начал раскладывать письма по порядку, вглядываясь в даты на штемпелях. Некоторые он перечитывал.

Здравствуй, Юра!

Пишем тебе вместе с Мишуткой. Забрала его из яслей, по пути зашли на почту. Он стоит рядом и говорит: «Пиши, чтобы папа приехал». Так что давай скорей. А теперь могу тебя обрадовать.

В начале декабря прилетает Вика с детьми, стало быть, когда приедешь, будет с кем поговорить. Ждём.

Вера.

Как ни поздно женился Юрий Иваныч, дом его не притягивал. Да и не было дома-то: у матери поживут, у тёщи – и везде теснота. А простору, свободы хотелось – молодой. И он уехал на «выгодную» стройку в Сибирь, не дождавшись, когда жена родит. Не такая уж она и выгодная оказалась, эта стройка, зато на воле, один. Много лет спустя Юрий Иваныч сделал для себя такой вывод: жениться надо ни рано, ни поздно, а в самый раз. Но вот тут-то вся трудность – поди угадай.

Юрка, родной мой, здравствуй!

Получила твоё письмо, и сразу как-то теплей стало. Захотелось сесть в самолёт и прилететь хоть на минутку к тебе. Как ты, скучаешь без нас? Мы тебя не забываем, особенно Миша. Он у нас совсем большой. В трамвае всем уступает место, а когда его зовут сесть, с достоинством отвечает: «Я взрослый, могу постоять». Моя школа! Терпеть не могу детей, которые не успеют войти в трамвай – уже орут, что им сесть надо. Пусть наш малыш будет чутким и добрым.

Какая у вас погода? У нас +10.

Вера.

Впервые своего сына Юрий Иваныч увидел двух месяцев от роду – и ничего не почувствовал при том. «Понянчусь – почувствую», – успокаивал себя, а сам торопил время, чтобы снова уехать. «А может, вместе уедем?» – проснулся он как-то с новой мыслью, но потыкался по углам тесного жилища – и захотелось уехать опять одному.

Что интересно, расходиться с женой, бросать сына Юрий отнюдь не собирался. Думал: он работает – пусть далеко, работа есть работа, для мужика это главное. Жена тут с сыном и с бабка-

ми, благо, обе под боком. С возрастом, когда Юрий Иваныч учился задавать себе прямые вопросы и так же прямо на них отвечать, он говорил: «Ох и ловок же ты, брат, себя-то дурить!».

Поздравляем с Новым годом. Пусть этот год принесёт тебе только хорошее. У нас дела неважные, у Мишутки после свинки осложнение на сердце. Очень слабый. Всё ждёт от тебя письмо. Сейчас вот смотрит мультики. Много рисует. Надеюсь, у тебя всё хорошо.

Вера.

Здравствуй, сынок Юра!

Сообщаю, что живу по-старому, работаю обратно в совхозе за бахчу. Так что тебе, верно, придется взять отпуск и приехать помочь реализовать арбузы. Это я тебе дополнительно напишу. Переживаю за тобой. Давала заявку поговорить с тобой на 31, ты не пришёл. Что случилось, не знаю. Была у Мишеньки, его положили в больницу для проверки сердца. Он вырос, читает книги, деда в шахматы запросто обыгрывает. Вспоминает всё время тебя. Если какие трудности у тебя материально, пиши, я помогу. А если трудно вообще, то приезжай домой. Тут найдётся работа, и Мишу будешь воспитывать. Может, ты там голодный сидишь? Обязательно на это письмо давай ответ, буду ждать.

Мама.

Здравствуй, Юра!

Спасибо за поздравление к празднику, мы с мамой были тронуты. А вот поздравление якобы от Мишеньки ты прислал зря. Он умница и сам приготовил нам подарки, весь вечер вырезал и клеил. У него опять пошаливает сердце. Сейчас его обследуют, а потом будут лечить. Не вылечат у нас – повезу в Москву. Он рисует корабли и ракеты, сочиняет музыку на игрушечной гармошке, читает большие книги. Сейчас штудирует Большую советскую энциклопедию. Он всё время ждёт, когда ты приедешь. Я понимаю, что это, наверно, не так просто, поэтому у меня к тебе просьба: пока ему тяжело, хотя бы пиши почаще. Он ждёт твои письма и хранит в отдельной коробочке. Быть может, просьба моя неуклюжая, глупая – не знаю; если тебе это в тягость – не пиши. И не сердись. Я ведь понимаю, тебе не до нас.

Вера.

Юрий Иваныч отложил письма, помассировал грудь и пошёл запивать таблетки, купленные в аптеке возле дома.

– У вас платный рецепт, – пояснила девушка из-за стекла.

– А какой же ещё? – удивился он и только на выходе сообразил, в чём дело, и сказал себе, огорчившись: «Ну вот, за ветерана уже могу сходить».

Он вернулся в комнату, прилёг, сдвинув письма на край дивана...

Поначалу Юрий Иваныч ездил домой часто – благо отпуска ждать не нужно и отчитываться особенно не перед кем: сдали объект – гуляй. Подолгу, правда, гулять не выходило, бывало, трёх дней не пробудет – телеграмма. Потом всё реже стал ездить... Думал он о доме, о сыне, да как-то в этих думах всё не мог приблизиться к ним. Иногда представлялось Юрию Иванычу, будто оторвало его на льдине и понесло; он к берегу тянется – а тот всё дальше и дальше. И уже плохо различимы отдельные предметы, и уже туман расстояния всё гуще и гуще... И уже кажется, что это он, Юрий Иваныч, остался на материке, а то, уходящее, – льдина, её оторвало и уносит...

Здравствуй, дорогой сыночек Юра!

Пишу тебе во вторник. Большое спасибо, что не забываешь своего отца, он был доблестный воин и отдал свою жизнь за нас. Ездила в гости к Мишеньке, он теперь всё время у той бабушки. Обижается на тебя, что ты не пишешь письма ему. Неужели у тебя нет времени написать своему сыночку? Он даже плачет от обиды, что папа его забыл. Напиши, как у тебя идёт жизнь, я очень переживаю. Всё жду, может, приедешь домой насовсем, ведь Мишеньке нужен папа. Да и мне без родни трудно, даже поделиться не с кем.

Мне опять немного не повезло. С мужем разошлась, уж очень дрался. Приехала к Шуре в гости, немного забыть его и войти в нормальную жизнь. Илья ещё ходит холостой. Погода у нас ветреная.

До свидания. Твоя мама.

Здравствуй, папа Юра!

Пишу тебе от бабушки. Нахожусь на каникулах. Я хотел с бабушкой к тебе в гости, но бабушка не захотела, у нее нет денег. Папа, неужели и у тебя денег нет, что ты не приезжаешь ко мне? Если б ты знал, как я соскучился.

Целую. Миша.

Оценки – 5, 4, 3.

Сыну было около года, когда его испугала собака. Юрий Иваныч помнит, как приходила баб-

ка, колдовала с водой, шептала что-то, молилась. Запомнилась ему одна фраза: «Успокой, Господи, беспомощную детскую душу». Что-то удивительно трогательное заключалось в этой просьбе к Богу. Успокой, Господи, беспомощную детскую душу! Юрий Иваныч до сих пор, вспоминая эти слова, замирает внутренне и будто бы вверх подаётся – навстречу покою. Успокой, Господи, беспомощную детскую душу!..

Юрий Иваныч повторял и повторял эту бесполезную сейчас просьбу – и незаметно уснул.

И снится ему, будто бы он... спит. Спит он и, вдруг проснувшись, видит за окном своего сына, Мишеньку. Вернее сказать – одна головёнка виднеется над подоконником, дрожит от напряжения, цепляется подбородком, помогая рукам. Как он там очутился? Пятый этаж, Господи! Мишенька! Он же ходить ещё не умеет! Юрий Иваныч бросается к окну, но рама не поддаётся. Малыш за окном уже не в силах держаться, и в огромных глазах его застыла мольба, помертвелые губы повторяют одно и то же: «Папа, папа!».

И тут Юрий Иваныч проснулся. То есть это не совсем так, он подлетел к окну с первой командой едва пробуждающегося мозга, а уже здесь, у окна, окончательно проснулся и понял: то был сон. Но как же он испугался! Никогда в жизни не испытывал Юрий Иваныч подобного страха, это был какой-то необыкновенный страх, животный... Страх родителя? Откуда ему взяться?.. Юрий Иваныч с силой мял грудь, пытаясь подобраться к холодной тревожной пустоте, наполняющейся чем-то колким. Это новое ощущение тоже пугало его, но не так, тот страх куда сильнее...

Дорогой папочка!

Живу я хорошо. Мама собирается защищать диплом. Папа, напиши точно, когда ты приедешь.

Миша.

Здравствуй, сынок!

Я рада, что ты не забываешь, вот посылочку прислал. Была я в гостях у Миши. Вера вышла замуж, родила дочь. Миша остался с её мамой. Как у тебя насчёт времени, когда тебя ждать? Я скучаю. Как у тебя жизнь складывается, как с квартирой? Как получишь – напиши, помогу чем-нибудь. Из того пуха связала себе кофточку, что тебе связать? Думаю, свитер, как в тот раз. Нравится тебе тот свитер или нет? Только я теперь размера не знаю. В этом году я буду до Нового года работать, может случиться прибавка к пенсии.

Жду тебя, сынок.

Как-то Юрий Иваныч долго не был, года два, пожалуй. А приехал – как всегда, места себе найти не может: квартирка ещё теснее показалась против обычного. Тараканы кругом, наглые, средь бела дня шастают. Внизу молочный магазин, с утра до темна машины фыркают, бутылки гремят, да ещё эти твари оттуда лезут. Никакой отравой их не взять.

Юрий Иваныч приткнулся на кухне, пепельницу попросил... И дома – не дома, и в гостях – не в гостях, разглядывают, словно чудо какое. Не по себе Юрию Иванычу.

– Покажи папе, как ты пишешь, – подзывает Вера сына, притихшего в своём углу. – Они теперь сразу в тетрадях в линейку пишут.

Сын положил тетрадку на стол, сам встал рядом с отцом. Юрий Иваныч полистал: палочки, кружки, буквы. «Темпы, однако!» – подумал.

– Ты какой предмет больше всего любишь? – спросил он сына.

– Письмо и физкультуру, – тихо ответит тот, – только на физкультуру не пускают.

– Болел, – пояснила жена. – А письмо – не могу заставить правильно держать ручку.

– Мама, я пойду гулять? – спросил сын.

– Холодно, ты ещё не поправился. Вечером стихнет ветер – пойдём гулять все вместе.

– Я поиграть хочу, может, снеговика сделаю, а вместе – ходить опять.

– Сейчас ветер, – вмешался Юрий Иваныч. – К вечеру стихнет.

– А когда это – к вечеру?

– Принеси-ка своё октябрятское удостоверение, – переключила разговор Вера. – Их тут на днях принимали.

Сын, вздыхая, принёс, положил рядом с тетрадкой.

– Ну пойду погуляю-у, – протянул он плаксиво.

– Они в продлёнке простывают, – сказала Вера, – там не устроено.

В дверь позвонили. Вера вышла ненадолго, вернулась.

– Володьку Мельникова помнишь? Опять разошёлся. И ничего ему, никакой печали... Приходил, розетку новую обещал поставить. Пол вот поправил. Ему красненькую с огурцом – и всего.

– Да? – возмутился сын. – А два рубля кто содрал?

– Так уж и содрал!

Оживать начал парнишка: подойдёт к матери, ткнётся в живот – и на отца искоса поглядывает.

– Подлиза, – Вера потрепала его по волосам. – Тамарка, соседка, прибегает: «А ваш девчонок больших ловит и целует». Я на него: «Ты

чего это?» «А что, – говорит, – я же не бью их...» – Она помолчала, обдумывая что-то, затем предложила: – Выпьешь?

– Не хочу. – Отказ получился чересчур резким.

– Это хорошо, что не пьяница, – заимствованным тоном промолвил сын.

Юрий Иваныч разозлился:

– А ну наливай, за приезд можно.

Вера пошла в комнату, сын – за ней.

– А папа ещё долго пробудет? – услышал Юрий Иваныч.

– Миша, напиши мне что-нибудь, – попросил он, пытаясь сгладить впечатление от своей ненужной злости.

– Я люблю фломастером, – с готовностью откликнулся тот.

Он написал на тетрадном листочке: «2 + 5 = 7». Потом вывел своё имя.

– А предложения вы уже составляете?

Сын написал: «У Лены е...».

– Букву ж мы ещё не проходили...

А назавтра пришла телеграмма, и Юрий Иваныч уехал.

Здравствуй, Юра!

С твоего письма поняла, что с Валей ты опять не живёшь. И не жалей. Это и хорошо, что ты разделаешься с ней, ничего хорошего там нет. Находи себе человека, самостоятельную женщину. Или к нам приезжай, хоть для сына поживёшь. С жильём что-нибудь придумаем. Задумайся, у тебя есть сын и мать. Бахчу мою побило градом, завтра буду подсаживать.

Папа!

Я сдал экзамены в школе, а сейчас хожу на подготовительные курсы в техникум. Теперь я увлекаюсь радиоэлектроникой и фотографией. Я помогаю во всём бабушке. Получил твою посылку, спасибо тебе за неё. Пап, напиши, как ты живёшь.

Здравствуй, Юрий!

У Миши так дела повернулись, что ему негде жить. У Веры десять квадратных метров, её мама хочет продать свой дом. Вызывала меня, предлагала забрать Мишу тебе или мне. Сказала, что Вере он не нужен. Наговорила на Мишу, что пьёт, курит. Я расстроилась, не знаю, что делать. Давай решать с тобой. Закажи переговоры, и мы поговорим обо всём. Если ты Мишу заберёшь, алименты не будешь слать, а я каждый месяц тебе буду переводить по 50 рублей. Я не могу к тебе приехать до октября.

До свидания.

Сын отказался ехать к отцу. Он даже письма не прислал, передал отказ через бабушку. И как та ни пыталась смягчить слова, Юрий Иваныч понял: сын высказался резко. Конечно, надо было самому ехать туда... Потом мать писала, сын бросил техникум...

Юрий Иваныч пресной жизни не любил... В городе знают его как крепкого гуляку и головастого инженера. Насчёт инженера – во вторую очередь. Ох и дуроломили шабашники по возвращении! Юрий Иваныч, рассказывают, на спор живого мыша в солонку обмакивал и ел. Другие говорят, будто он закусывал – по спору же – бутербродами с мотылём (приманка такая для рыб, червячки красные). И деталь характерную добавляют: будто бы червячки сползают с куска, а Юрий Иваныч их обратно подправляет – и в рот. А спорили-то, говорят, под одежду: проспорил – скидывай с себя всё. Дело было якобы в «летучке» – какие рабочих развозят – компания мужская... Проспоривший давай упираться: ноябрь на дворе, до дому доедем. А какой с того интерес, если он дома раздеваться станет? Не-ет! Опять же червяков человек ел, не икру. Словом, содрал с него Юрий Иваныч всё до тряпочки – а не спорь! – и выбросил на ходу...

Зайдя однажды в книжный магазин, Юрий Иваныч увидел на маленьком сборнике стихотворений знакомую фамилию. Бывало, не раз кто-нибудь из подгулявшей ресторанной братии поэтом себя называл, стихи, случалось, читали, а этот и вправду поэтом оказался. Печатают. Запомнил его почему-то Юрий Иваныч, хотя тот стихов в ресторане не читал. Бесприютность его запомнилась.

Дома Юрий Иваныч внимательно прочитал сборник. Книжка ему, в общем, понравилась. Она долго лежала на столе, и как-то – случается! – Юрий Иваныч, перелистав её в очередной раз, решил найти автора.

Разыскать поэта оказалось делом несложным. Он занимал меньшую из двух комнат в замусоренной квартирке на втором этаже. В соседях у него была бабка – дух один под тёмными складками халата. Когда она выскользнула в прихожую, Юрий Иваныч невольно задержал дыхание – до того бестелесным показалось существо. И сам поэт предстал перед ним неизба-

лованным жизнью: худ, плешив, беззуб – а ведь моложе Юрия Иваныча намного.

– Я водки принёс, – так начал Юрий Иваныч.

Поэт пожал плечами и выставил стаканы – всё молча. Выпили так же, без слов. Юрий Иваныч, не видя другого предмета разговора, достал книжку.

– Подпишешь?

Тот взял книжку, раскрывшуюся на зачитанном месте. Внимательно пригляделся к строчкам, вроде чужое увидел, и стал читать.

– Где ты, отец?
Нету отца.
Карточка есть –
нету лица.
Как же ты так,
не по-людски,
бросил меня,
не дал руки?
И налегке,
вольный, чужой,
жил – не тужил
с лёгкой душой?
Где мне судить:
прав ты, не прав...
Пусть почиёт
с миром твой прах.
Прожил легко.
Умер шутя.
Горе моё.
Злое дитя.*

– Понятно, – сказал, закончив читать.

Выпил – и побледнел вдруг. И так-то не ярок щеками. Юрий Иваныч испугался даже.

– И что вы все ходите?! – с некоторой дрожью заговорил поэт вновь.

Юрий Иваныч не понял.

– Ха! Думаешь, ты первый? Накобелят – и ходят! Я вам что, поп или сам Господь Бог – грехи ваши отпускать? Кретины!

Поэт то ли пьянел на глазах, то ли ему, правда, делалось всё хуже и хуже: он выкрикивал уже совсем несвязное, и пробивалась сквозь его больную ярость не досада, что вот сваливают к его ногам чужие грехи, а что-то своё, тёмное и больное.

Юрий Иваныч ушёл не прощаясь под всхлипывания и ругань. На душе было погано. Он ругал про себя несчастного поэтишку, но сам понимал: пойман с поличным, чего там... Долго не оседала в душе тяжёлая муть.

* Стихотворение Бориса Капустина.

...Шли дни. Юрий Иваныч привыкал жить с ограничениями. Делать это было нетрудно: деньги кончились, на чужие никогда не гулял. Да и – по совести – гулять не хотелось. Другое дело – признать эти ограничения на всю оставшуюся жизнь – тут шалишь, тут смертью Юрия Иваныча не напугаешь. Проклятые три килограмма! Появилась неуверенность в себе, боязнь стать обузой бригаде, и он всё тянул с работой. Третьего дня увидел из окна Ждана и Каму, первейших своих напарников, и не стал открывать.

Сама собой незаметно начала заполняться пустота в груди, Юрий Иваныч почувствовал сердце... Уже несколько раз являлся ему во сне сын Михаил – и всё одинаково, всё в том же страшном виде за окном. С той же мольбой во взгляде. То ли дело человек бодрствующий, он всё осмыслит, притерпится к любой неприятности, найдёт объяснение и облегчит себя – а во сне никакой привычки не приходит. И страх каждый раз одинаково лютый, не слабеет. Разум вроде бы и во сне приноравливается, сомнения же мелькают, как это мысль в ничтожную секунду всё схватить может: и про то, что Миша ещё ходить не умеет, и как он там очутился, и даже – почему это Миша нынче такой маленький?.. А сердце не понимает – обрывается и падает. Уже Юрий Иваныч вскочил с постели, уже совсем почти в сознании, но сердце всё падает, да долго так – будто падать ему пять раз по пять этажей...

И только некоторое время спустя медленно, нехотя возвращается и болит на своём законном месте.

Да, Юрий Иваныч узнал, что самый сильный страх бывает во сне, и стал теперь бояться этого страха... Великий реалист, Юрий Иваныч не позволял себе мыслей о каких-то там знаках, о посылках свыше.

Думает Юрий Иваныч о своей отцовской вине, как же... Только по-своему. Он и сам к любви человеческой непривычен. Их, калымщиков, давно ли за уголовников считать перестали? Объект у них примут, рассчитают, поблагодарят, бывает, а в спину одно: «Ворьё!». Надо было связываться с ворьём-то, даже упрашивали, лбы порасшибали...

И другое посмотреть: рядом с ним много семейных? Никого! Одних бросили, другие сами ушли. И живут – судьба такая. «Почти всё в человеке волчье, – думает Юрий Иваныч. – А раскаянье... Это для тех, кто в следующей жизни тёплое местечко отхлопотать хочет. Мне не надо! Мне больше трёх килограммов на топку не бросить!»

– И как ты, этакий, инфаркт-то заработал? – удивлялись соседи по палате во время откровенных разговоров.

– Пил на пустой желудок, – отвечал Юрий Иваныч.

...А тем временем по земле гуляла осень, нарядная, хмельная, в самой своей роскошной поре – как женщина после первенца.

Юрий Иваныч ходил по улицам, смотрел на красоту, которую привык считать лишь удобным временем, чтобы сорвать кусок с заспавшихся хозяйственников. Всё было ново для него, и даже всего только слово «осень» – непривычно волновало. «Жить хочешь!» – говорил он себе с грубоватой нотой...

Всё прозрачно. За сквозящими деревьями виден стадион, обычно закрытый зеленью. Стадион пуст от края до края, лишь сбоку, на бетонной площадке выставляет городки одинокий физкультурник. На нём пиджак поверх спортивного костюма, шляпа. Тень от её полей не даёт разглядеть лицо, но Юрий Иваныч догадывается, что человек в возрасте. Движения его неторопливы, каждое будто через думу непростую. «Наш брат, инфарктник», – усмехается Юрий Иваныч, и видится ему что-то нехорошее в этом городошнике и в том, что он, Юрий Иваныч, подсматривает за ним... «Надо всё-таки идти к бригадиру», – думает.

«Хоть бы кран какой потёк!» – досадует Юрий Иваныч на своё отлаженное хозяйство. Посмотрел из окна вниз на усыпанный листьями двор, подумал: «Скоро зима...».

«А хорошо бы камин!» – пришла ему мысль. И до того она показалась заманчивой, что Юрий Иваныч начал прикидывать, как рассовать мебель, чтобы освободить место. Вот здесь он его сложит, у капитальной стены. Можно специальный кирпич взять у реставраторов, можно изразцами отделать... И что же ему раньше-то в голову не пришло! Юрий Иваныч подсел к столу, набросал один вариант, другой, третий, отдельно изобразил художественной ковки подставку для каминного инструмента...

Разумеется, он понимал, что настоящий камин сделать не удастся – без дымохода топиться не будет. Ну и что! Подсветка, дрова, обогреватель с тэнами – всё это проще пареной репы. А в исключительных случаях можно спиртовочку зажечь или какое-то рыбацкое топливо в таблетках. Можно даже кофе сварить на огне – пожалуйста!

Юрий Иваныч откинулся от стола, сладко потянулся, мечтая, и прибавил звук в телевизоре. Там исполняли песни по заявкам. Было время местного вещания.

Улыбчивая ведущая сказала:

– Своего отца поздравляет с днём рождения Михаил Юрьевич Муравьёв.

Юрий Иваныч сначала будто бы не услышал, но тут на экране появился молодой мужчина, худощавый, насупленный – и он узнал. Сын!

– Здравствуй, отец, – сказал его сын и потерял, куда надо смотреть, забегал глазами.

Юрий Иваныч вдавился в экран, стараясь получше разглядеть, но тут же бросился к выходу – бежать, звонить!.. И увидел на себе домашние шлёпанцы: «Не успею!» Пока метался, прослушал, что же сказал сын, а по телевизору уже исполняли песню. «Для меня поют», – сообразил Юрий Иваныч и почувствовал, как сразу ослабели ноги.

Он стукнул по ящику:

– Сынок! Ты ошибся, сегодня материн день рождения, Верин!

А в телевизоре пели и улыбались. Юрий Иваныч кое-как добрёл до стола, тупо уставился в наброски будущего камина... Сын объявился – это надо как-то освоить, что-то придумать в связи с этим... Он пытался поймать в куче мыслей основную и почему-то больше всего цеплялся за то, что сын ошибся днём рождения. Из этой проклятой ошибки выходило: от матери сыну досталось столько же, сколько от него, от отца. «У меня-то ведь мать была», – подумал он и потом ещё много-много раз повторял про себя это...

...Нет, крепок ещё Юрий Иваныч, поживёт. Добрался до соседей сам, попросил сбегать в автомат позвонить. Врачи приехали – удивлялись, как это он в таком состоянии ходит.

Юрий Иваныч держался, сознания не терял, и сердце даже не то чтобы очень болело. Только шум в голове сильный, будто трансформатор сварочный там под нагрузкой. А через этот гуд откуда-то издалека пробивался другой звук, странный такой, похожий на плач или мольбу. Не разобрать толком. Звуком это и не было, пожалуй. Разве что когда-то, давным-давно, и теперь вот дошло через многократное эхо.

Андрей РАСТОРГУЕВ

ВРЕМЯ НАШЕ – И БРЕМЯ НАШЕ

* * *

Время наше не сочтено
ни обидами, ни рублями.
Мы из тех, что идут на дно
с городами и кораблями –
не прикованные к веслу,
не затерянные в крапиве,
но причастные ремеслу
хирургии и терапии.

Лён и скальпель, игла и нить.
Слово – тело, не только дело:
что разъято – соединить,
упокоить, что омертвело.
Океан или перегной –
припадай к поднесённой чаше…
Нет воды и земли иной.
Время наше – и бремя наше.

* * *

Язык до Киева доведёт…
Пока без объяснения

Плотина, полотина, платина:
основа единая – плоть.
Такая накопится патина
на слове, что не прополоть
и не догадаться в обычае
козе, и ежу, и коню,
какое – из иноязычия,
какое – своё на корню.

На корни гляжу без мороки я,
хотя докопаться – хлопот…
Подумаешь, этимология –
да хоть генетический код.
Не время идти на попятную,
аларму сдаваясь до пят…
Я немец на пятидесятую,
ан русский поэт, говорят.

В крови у меня и брательника
ужились внутри ДНК
потомки тагильского мельника
и вятского межевщика,
сошлись через горы и тернии
и не разойдутся никак
крестьянин из Минской губернии
и верхнеуральский казак.

А в новом колене заронена –
не том, что поверх сапогов, –
с повадкою коми-зырянина
загадка тунгусских снегов.
Гремучее кровосмешение –
от Рейна и до Колымы…
Всем, кто мельтешит, в утешение:
да – русские. Русские мы.

Хотя утешать не умелец я,
послушайте, как наяву
работает русская мельница –
английскую мелет молву.

РАСТОРГУЕВ Андрей Петрович *– поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1964 году в Магнитогорске. Окончил Уральский государственный университет и Российскую академию государственной службы при Президенте России в Москве. Кандидат исторических наук. Автор книг стихов, переводов и литературно-критических статей, публикаций в литературных журналах, участник ряда антологий. Лауреат Государственной премии Республики Коми, премии имени Бажова. Жил и работал на Севере, сейчас – в Екатеринбурге.*

По мере к родимой довешивай,
ссыпая в лари-словари.
Управимся – тесто замешивай.
Иначе – суши сухари.

Не брат и не сват – а не кинь его:
не вся оборона – броня…
Когда доберёмся до Киева –
и там есть родня у меня.

* * *

Когда на закате укажет заря
не преобразиться – так переодеться,
глубокие реки впадают в моря,
а люди впадают в глубокое детство.

Что перетекло в деловой календарь,
начислено в столбик, написано в строчку –
как телекартинка двуцветная встарь,
сливается в луч, собирается в точку.

И ты остаёшься один на один
с волною, отзывчивой на непогоду…
Так рыба летучая или дельфин,
взойдя из воды, возвращается в воду.

Но, чуя аортою вечную связь,
гребёшь к небосводу, противясь измору…
Предтечи твои, до крови просолясь,
решились – и всё-таки вышли из моря.

* * *

Сотни вёрст – не поле перейти
и не сбегать за угол в аптеку.
Надобен для дальнего пути
повод и коню, и человеку.
Дедовский состарился обряд –
новым ладом не перетолкую.
Молодые свадьбы не творят –
сходятся-расходятся втихую.
Без меня случаются пока
новые крестины-годовщины –
буднями в родные палестины
не наездишься издалека…

Да не только в праздничные дни
я земли своей не забываю –
по обыкновенью у родни
на последних проводах бываю.
Воссоединение семьи –
естество земное, а не прихоть…
Здравствуйте, родимые мои!
Не давайте повода приехать.

НА СЛОВЕНСКИХ КЛЮЧАХ

В Мальской долине
под стенами Изборской крепости
веками бьют двенадцать
Словенских ключей

Без героя война – не война.
И война без предателя – редкость.
Но ливонцу во все времена
не сдавалась Изборская крепость.
Поржавели былые мечи,
потускнели у тканей оттенки…
Вот они – от Изборска ключи:
вытекают из каменной стенки.

Все двенадцать – на собственный звон,
и незнаемо, что это значит:
по числу ли словенских племён,
по апостолам или иначе.
Память тысячелетнего льда
источила скалу ручейками
или просто живая вода
перепущена известняками…

Будь четырежды царь или зять
прокурорский – не видано толку:
человеку не дать и не взять –
лишь налить под завязку бутылку,
пересоленный рот освежить,
остудить распалённое тело…
А какое из тел не хотело
поздорову и дольше пожить?

Эта плотная сила права,
наделив неизбывною жаждой.
Все желанья земные молва
закрепила почти что за каждой
из двенадцати струй, но беда –
безымянны целебные жилы:
где которая льётся вода,
не поведают и старожилы.

Если к этой молве да всерьёз,
даже самою малою плошкой,
то вовеки не вырвать слёз,
из потока испитых оплошкой.
Но вполне в человеческой власти
не предать обещаний своих,
вновь одною судьбой на двоих
наполняя обыденный пластик.

* * *

Это стылое лето спиши с календарного счёта
за тяжёлую землю и лёгкую хрипоту.
Приомороженный ветер, как струйка
холодного пота,
опускается медленно по становому хребту.

Разливанные хляби замотаны волглой рваниной,
день за днём астрономия недобровольно слепа.
И не верится в ясное небо над Русской равниной
и в горящие от реактивного града хлеба.

На восходе боры полыхают, на западе – степи,
и пока затяжные дожди остужают, кропя,
золотые стволы и налитые зеленью стебли,
у раскинутой кроны обугливаются края…

ДАЧНЫЙ РАЗГОВОР О ПОЭЗИИ

Сердясь от боли в пояснице,
но совершенно задарма
седой возничий в колеснице
развозит свежие грома.
И можно спорить о высоком,
покуда урожаю для
перебродившим в небе соком
захлёбывается земля…

Как записная критиканка,
меня ты раскусила враз:
– В начале – сочная картинка,
в концовке – пара умных фраз…
Но даже к пляске градопада,
когда стеною и рекой,
ни слова лишнего не надо,
ни философии какой.

ТОБОЛЬСК

Влагой нависла высь –
дробью и порохом
моет отвесный мыс,
роет кремлёвский холм.
Корни плетёт трава,
да на поёмный под
клонятся дерева,
каменное – ползёт…

Не с человека спрос –
временем невелик.
Где океан нанёс,
где натаскал ледник, –
знает наперечёт
глинистая гряда:
вечно в Иртыш течёт
илистая вода.

Здешнее – да не так:
выдумай, если чем,
где подходил Ермак,
где восседал Кучум.
Через себя пусти
сомкнутые года…
Скажут: по глупости –
люди не провода.

Так оно – да на раз
всякий не береги.
То ничего, что грязь
липнет на сапоги,
если определя
памятью родовой:
это – моя земля,
мешанная с водой.

Михаил БАЗИЛЕВСКИЙ

ДЕВОЧКА ИГРАЕТ НА ПЕСКЕ

* * *

Девочка играет на песке.
Солнце разливается над миром.
Накрепко зажаты в кулачке
Земли, обнесённые пунктиром.

Девочка играет на песке.
Ветка обеспечивает щебет.
Времечко в укромном уголке
С кредитом уравнивает дебет.

Девочка играет на песке.
Улица размахивает флагом,
Силясь разобраться в узелке
Слов, переползающих зигзагом.

Девочка играет на песке.
Глина, исполняющая сальто,
Помнит, накрывая, о цветке,
Но не забывает и о сальдо –

С пальцами, без дрожи, на виске,
С лицами, вместившими раскаты.
Девочка играет на песке
С «доченькой», и обе угловаты.

* * *

Встреча на месте размётанных лет.
Хруст под ногами не тише, не тише.
Тень узнаванья сползает по крыше
к стенам, которых попросту нет.

Сжатые губы не сцедят ответ –
Что там? Какие там скрыты минуты?
Отзвуки встреч в довершение смуты
полнятся ворохом смутных примет.

Нехотя время выходит на свет
и, спотыкаясь, не ищет опоры.
Сомкнуты веки. Задёрнуты шторы
в окнах, которых попросту нет.

* * *

Где ляжет путь к игольному ушку,
где время, оставаясь начеку,
укроет и следы, и расстоянья,
где я, не узнаваем тишиной,
к ней прикоснусь, нависшей надо мной,
ни встречи не храня, ни расставанья,
там белый куст – весом и невесом –
ещё стоит под трепетным дождём.

БАЗИЛЕВСКИЙ Михаил Сергеевич *родился в 1974 году в Иркутске. Окончил исторический факультет Иркутского государственного университета. Печатался в журналах и альманахах «Сибирские огни», «Южное сияние», «Иркутское время» и других. Автор книги стихов «Портреты времени» (2017 г.). Живёт в Иркутске.*

СКАЗАНИЕ О НЕМЕЦКОЙ БУТЫЛКЕ

Она осталась в русском чистом поле.
Храня её от памяти людской,
Ей время, приоткрывшись поневоле,
Вложило в горло временный покой.

Но горло говорить ещё умело.
И дожидалось часа своего
В чужой земле оставленное тело,
И мрак стоял над именем его.

Здесь пили «за поверженного зверя».
Восточный ветер глотки обжигал.
Вставала зверем каждая потеря,
Но он в те дни потери не считал.

Он землю брал, цены её не зная.
Хлестал сквозь пальцы яростный огонь.
И травы проходили, вырастая,
Сквозь горло и застывшую ладонь.

Сменялись годы. Травами земными
Хранимые от памяти людской,
Они восстали, и восстали с ними
Их тени, потерявшие покой.

Одна легла, к стеклу ребром прижавшись.
Другая – возвратилась в чернозём.
И только травы, в поле задержавшись,
По-прежнему молчали о былом.

* * *

Над эпохой выросли снега.
Над снегами выросла эпоха.
И не ясно, то ли суматоха,
то ли скорбь накрыла берега.

А река безвинна и тиха.
Как дитя, укутана до срока.
Год за годом движутся с востока
на неё столетий вороха.

И слезой набухшая луна,
избывая вечную тревогу,
неотрывно смотрит на дорогу,
будто ищет чьи-то имена.

* * *

Как на твоём языке говорить с тобой
мне, промотавшему слово, вернее, дни
так разметавшему, что и морской прибой
не соберёт их и не зажжёт огни

на маяках? Этот змеиный хор
будет ещё прилюдно, наедине
губы тянуть или смотреть в упор,
чем-то спасаясь, что-то внушая мне.

Как говорить, если гортань суха,
если, одетый в робу скорбей и смут,
голос чернее тех чернозёмных га,
тенью которых кости мои растут?

Татьяна КОНЕВА

ТРИ РАССКАЗА

ТАНЮШКА

Было это много-много лет назад в небольшом сибирском посёлке. Танюшка (так ласково называли её взрослые) училась в пятом классе обычной общеобразовательной школы. Дети звали её Кнопкой за малый росточек, смышлёность и весёлый характер.

После уроков многие ученики оставались в группе продлённого дня. У Танюшки в семье было ещё девять братьев и сестёр, и родители с радостью определили своих школьников в эту группу: и в доме не так кучно, и домашнее задание выполнят под присмотром учителей, и покушают, что тоже немаловажно.

Танюшка охотно оставалась в школе после уроков по этим же причинам.

Обедать детей водили в совхозную столовую. Идти было недалеко, но их всегда почему-то выстраивали в колонну по два человека. На ходу они громко выкрикивали пионерские речёвки.

В тот морозный ноябрьский день школьники, как всегда, двигалась к столовой. Надо же было такому случиться: к колонне прибился Андрейка – первоклашка, младший брат Танюшки. В тот день он бегал по улице безнадзорным, так как из-за лёгкой простуды в школу не пошёл. Родители с утра до вечера на работе, а старшие дети могли и не заметить, как и когда он выскользнул из дома.

То ли учительница отвлеклась, то ли не обратила внимания, но все ребята (и Андрейка тоже) дружно ввалились в столовую, где было тепло и вкусно пахло. Дежурные, накануне убежавшие вперёд, уже накрыли столы. Дети повесили одежду на вешалки. Танюшка усадила брата за стол, заботливо пододвинула поближе к нему тарелки, и, когда все уже заняли свои места, она увидела, что ей самой порции не хватило. Она стояла в растерянности и обдумывала: «Почему так?».

Учительница только сейчас заметила Андрейку.

– Что это такое? Почему он здесь? – грозно закричала она.

На крик прибежали работники столовой, окружили учительницу, нависшую над готовой расплакаться девочкой. Из всех разговоров взрослых Танюшка поняла, что лишней порции у них нет и ей надо выпроводить брата домой.

Пятиклассница смотрела на столы, на тарелки с дымящимся супом, на котлеты с лапшой, от которых такой аромат шёл, что даже живот сводило. Посмотрела на брата, который не понимал, за что ругают сестру, только жалостливо поглядывал на неё. Впервые в жизни девочка услышала казённые слова: «Не положено», испугалась и почувствовала огромную ответственность за выбор, который она должна сейчас сделать. Либо самой остаться без обеда, либо отправить брата домой – а там только хлеб, картошка да молоко.

Тогда Танюшка оглядела с укором тётенек в белых халатах, подняла глаза, полные скорби,

---

КОНЕВА Татьяна Гурьевна *родилась в 1959 году в городе Черемхово Иркутской области. По образованию – журналист. С 1991 года живёт в Кемерове.*

на учительницу, подбежала к вешалке, схватила своё поношенное пальто и выбежала на улицу. Слёзы брызнули из глаз.

И тогда взрослые словно очнулись. Тётя Рая, повар, Танюшкина соседка, не одеваясь, выскочила вслед за Танюшкой, догнала девчонку и почти силой завела обратно в столовую.

Танюшка уже без всякой радости, глотая слёзы, пообедала. Притихшие дети внимательно разглядывали девочку, словно впервые увидели её.

ПИСЬМО

Колька проснулся раньше обычного. Хмурое утро не предвещало хорошего дня. Голова болела от вчерашнего выпитого вина, водки и ещё чёрт знает чего. Отмечали с дружками очередной его отпуск.

Колька обвёл красными от перепоя глазами комнату: грязь, пыль, окурки, пустые бутылки на столе и под столом, на одной петле болтавшуюся дверцу шифоньера.

«Надо бы опохмелиться», – подумал он, но вдруг его затошнило, кровать начало качать, как люльку, всё сильнее и сильнее. Раскачавшись до полной амплитуды, она перевернулась и ухнула в пропасть.

Колька струхнул. С ним такой штуки никогда ещё не было. Что бы это значило? Неужели внутренний механизм даёт сбой? Где-то, наверное, заклинило шестерёнки. В нём всегда жило представление о собственном организме как о механизме часов. И перед первым стаканом спиртного он обычно говорил друзьям: «Необходимо смазать колёсики, а то заржавеют».

Колька с трудом перевернул своё тщедушное тело через край кровати, попал ногами в собственную рвотную лужу. Кое-как поднялся, поплёлся к умывальнику. Как смог помылся. Сознание начало проясняться. Вошёл в комнату, упал на койку. Его тошнило, но кровать больше не качало.

Колька задумался. То, что с ним сегодня произошло, должно быть сигналом к тому, что не всё в порядке со здоровьем. С детства он боялся болеть. После двухмесячной оспенной горячки в пятилетнем возрасте любая болезнь ассоциировалась с чем-то грозным, тяжёлым и очень тревожным. И сейчас ему совсем не хотелось болеть, тем более умирать. Вспомнил мать, уже, наверное, состарившуюся, забытую в бестолковости дней. Что она сейчас делает, как управляется с хозяйством в маленькой деревушке? Лет восемь уже не видела она своего блудного сына. Первое время, с тех пор как подался искать лучшую жизнь, ещё писал ей, открытки на день рождения посылал, а потом закружило, замотало и занесло его на стройку века – БАМ. Правда, время от времени отправлял матери денежные переводы по почте.

Воспоминание о ней как-то заслонило, отодвинуло собственное недомогание. В нём начала расти жалость к матери и покаяние перед ней. «Надо сегодня же написать», – решил Колька.

Все эти размышления он баюкал, уткнувшись лицом в подушку. Наконец, повернул голову, открыл глаза, увидел опять грязь, заляпанный, захламленный стол, заплёванный пол и застонал. Ему стало противно от вида своей комнаты, тошно от бессмысленно прожитых лет.

Ещё немного полежал, собираясь с силами, затем вскочил и быстро пошёл за ведром и тряпкой. Вернулся, открыл окно. В комнату хлынул таёжный влажный воздух. Колька вздохнул полной грудью и выдохнул: «Всё». Что это слово значило, было понятно только ему одному.

Он с дикой энергией и неестественной для него весёлостью принялся за уборку. В первую очередь сложил узелком клеёнку со стола, отнёс в мусорную кучу. Сменил постельное бельё, заправил кровать по линеечке, как учили в армии пятнадцать лет назад, вымыл полы. Теперь можно написать матери хорошее, ласковое письмо. В комнате не оказалось ни ручки, ни бумаги. Быстро оделся в чистое, причесался и направился в контору. Бухгалтер одолжила ручку и два тетрадных листа. В магазине купил конверт. Вернулся домой, вскипятил воду, заварил густо чай. Хотел закурить – пачка оказалась пустой. Хотел вернуться в магазин, но передумал. Лихорадочное желание написать матери письмо и поскорее его отправить усадило его за стол. Отхлебнул несколько раз из железной кружки пахучего чая и начал писать.

Письмо получилось не очень длинным, но добрым. Спрашивал о здоровье, о хозяйстве, просил прощения за своё легкомыслие, за то, что долго молчал. Обещал скоро приехать. Надо было утрясти дела с отпускными, привести себя в порядок, приодеться, чтобы односельчане не заподозрили в нём неудачника.

Колька отнёс письмо на почту, заскочил в магазин за сигаретами и отправился в столовую.

Прошло три дня. За это время спиртное боялся даже нюхать, дабы не подвергнуть себя со-

блазну. Нет-нет да останавливался у небольшого круглого зеркала, висевшего на стене, задумчиво смотрел себе в глаза. О чём думал, неизвестно.

Вечером на третий день почтальонша принесла ему телеграмму: «Приезжай. Мама серьезно заболела. Тетя Вера». Отпускные ещё не поступили в кассу. Мужики из бригады Николая вывернули свои карманы, обошли всё общежитие мужское. Вложили пачку измятых купюр товарищу в руки, а утром проводили до автобусной остановки, откуда он должен был ехать на вокзал, а там уже поездом.

С тяжёлым сердцем подходил Николай к низкой калитке своей ограды. Из дома вышла не мать, а тётя Вера, соседка. Сердце ухнуло, заскулило. Почему-то сразу понял, что опоздал.

Тётя Вера успокаивала Николая и сама тут же всхлипывала, утирая тыльной стороной ладони слёзы.

– Вчера, Коля, вчера похоронили. Ждали-ждали тебя, не знали, едешь или нет. Долго держать нельзя, жара.

До глубокой ночи просидел Николай у свежего холмика, молча курил и курил.

Скромно отвели девять дней по русскому обычаю. Соседи разошлись по дворам, принялись каждый за свою работу по хозяйству. Николай не знал, к чему руки приложить, ходил хмурый, подавленный. Потом зачем-то начал поправлять завалившийся забор. От калитки его окликнул женский голос: «Вам письмо». Какое ещё письмо? Ерунда какая-то. Взял конверт, пробежал глазами адрес и не сразу узнал свой почерк. Наконец дошло, что он сам отправил это письмо матери. Земля качнулась под ногами. Николай тихо осел тут же, у калитки, прижал к губам конверт и по-детски разрыдался.

1987 г.

ДОЛГИ

I

Лёшке было пятнадцать лет, когда впервые серьёзно заболела мать. Она много лет работала дворником, чтобы получить квартиру в собственность. Квартиру получила, но от тяжёлой работы надорвалась и вот уже две недели не поднималась с постели. Лёшке пришлось взять всю заботу о матери, о доме на себя. Отца с ними давно уже не было. А помощь нужна как воздух. Кончились лекарства, кончились запасы продуктов. Вот уже два дня в доме нет хлеба. Лёшка варил каши на воде из оставшихся круп. Матери становилось всё хуже. Где взять деньги на лекарства? Начались затяжные задержки зарплаты, и никто не знал, когда работникам ЖКХ будут выдавать деньги в следующий раз. Лёшка стал думать. У малочисленных знакомых такие же финансовые проблемы. В долг (а тем более – просто так) никто не даст.

И тут он вспомнил о соседе, что появился совсем недавно в квартире напротив. На вид ему было лет сорок, серьёзный, деловой, одет с иголочки. Часто тот приезжал на иномарках, из-за дверей слышался шум весёлой компании. Соседи шептались, что он из новых русских, связан с криминальным миром. И квартиру купил, и живёт на широкую ногу за счёт преступных своих делишек. Но Лёшке новый сосед почему-то нравился. Хотя они и не общались почти никогда. Однажды только столкнулись на площадке, когда закрывали одновременно свои квартиры.

Тот первый поздоровался:

– Здорово, парень.

– Здравствуйте, – вежливо ответил Лёшка.

Вот и всё общение.

«А что, если у него попросить? – пришла бредовая идея пареньку, – денег-то, наверное, мерено-немерено. Ему жалко, что ли, хоть немного?» Но, подумав, отказался от этой мысли: «Что ему какие-то нищие? Кто мы ему? И почему он должен давать?».

Вечером у матери температура подскочила, ни одной жаропонижающей таблетки уже не осталось. Она лежала беспомощная, тяжело дышала.

Лёшка вышел на кухню налить для матери воды из крана и в окно увидел, как возле их подъезда остановилась машина. Из неё вышел сосед, о котором думал Лёшка. Он слышал как-то, что приятели обращались к мужчине: «Жорик». «Наверное, Георгием зовут», – решил для себя тогда Лёшка.

Сосед по лестничной площадке уже вошёл в подъезд. Лёшка заволновался – попросить или нет? А вдруг пошлёт куда подальше? Но мужик вроде нормальный. И есть хочется, и матери плохо. По голове же не стукнет. Лёшка подошёл к своим дверям, чтобы встретить его. Но решимости хватило только для того, чтобы остановиться и прислушаться. Дядя Гоша (так Лёшка окрестил его про себя) открывал ключом свою квартиру. Дверь открылась и закрылась. Лёшка высунул нос на площадку. Его окутала волна до-

рогого одеколона, запахи непонятной чужой жизни, далёкой и загадочной.

Лёшка закрыл дверь и долго стоял в коридоре. Из комнаты донёсся слабый голос матери. Она просила воды. Лёшке стало стыдно, что до сих пор не исполнил её просьбу, и он быстро метнулся в кухню. Сам напоил из ложки мать, приподняв её голову. Она запёкшимися губами пила с жадностью и глазами как бы просила прощения, стесняясь сама себя. Потом кивнула сыну на кусочек хлеба, что лежал вот уже два дня на блюдце на журнальном столике у её изголовья. Лёшка оставил его для матери, а мать не ела, предлагала сыну. Она взглядом просила сына взять хлеб. Лёшка в который уже раз только мотнул головой и ушёл на кухню.

«Нет, пойду», – наконец решился он и быстро, чтобы не передумать, выскочил на площадку, позвонил соседу в двери. Через несколько секунд ему открыли, на пороге стоял дядя Гоша в верхней одежде. Лёшка поздоровался, хозяин квартиры ответил, как и в прошлый раз: «Здорово, парень», и пошёл в комнату, оставив дверь открытой, дав понять, что гость может пройти. Лёшка секунду-другую колебался, но всё же шагнул через порог. Из коридора ему было видно, что хозяин сидел в комнате, всё ещё не сняв кожаный плащ. Вид был у него утомлённый, он словно провалился в глубокое кресло и, казалось, не собирался в ближайшие сутки вставать оттуда. Дядя Гоша спросил первый: «Что скажешь, парень?» Голос был у него уставший, но приятный. Лёшка не знал, с чего начать, как попросить денег. Наконец заговорил: «Мамка у меня…» – и вдруг лицо его исказилось и по щекам потекли слёзы. Больше говорить он не мог. Лёшка прислонился к косяку и уже вздрагивал всем телом. Мужчина внимательно посмотрел на него и вдруг резко встал, коротко бросил: «Пошли…» – и вышел первым из квартиры. Лёшка всхлипывая и утирая рукавом мокрое лицо, поплёлся следом.

Когда вернулся к себе, дядя Гоша уже стоял у постели больной. В запавших глазах на похудевшем, изможднном болезнью лице Зинаиды Яковлевны было недоумение и даже настороженность. Мужчина увидел засохшую корку хлеба, резко повернулся и прошёл на кухню, бесцеремонно открыл дверцу холодильника. Лёшка уже не плакал, не всхлипывал, только дышал учащённо. Но когда холодильник показал чужому человеку пустое нутро, у Лёшки запылали уши как никогда в жизни… Ему стало нестерпимо стыдно.

Дядя Гоша молчал. Затем вернулся в комнату, достал из внутреннего кармана плаща несколько крупных купюр и, не считая, отдал Лёшке. Потом мягким, тихим голосом сказал: «Купи лекарства и ещё что-нибудь». Задумался. Больная во все глаза смотрела то на деньги, то на соседа, и вдруг слёзы быстрым ручейком потекли из уголков глаз на подушку.

Мужчина словно очнулся и громко спросил у Лёшки:

– Врача вызывали? Почему не в больнице?

Лёшка начал оправдываться:

– Сейчас, говорят, надо платить в больнице, и очень много, мамка не захотела.

– Ладно, – примирительно сказал дядя Гоша, – рецепты есть? Беги в аптеку, и быстро.

А сам сел на табуретку возле постели Зинаиды Яковлевны и опять ушёл в свои думы.

Лёшка вернулся минут через пятнадцать. По пути из аптеки заскочил в магазин, взял продуктов. Влетел домой счастливый, бодрый. Дядя Гоша по-прежнему сидел у постели больной и что-то тихо ей рассказывал. Увидел паренька, поспешно встал, пожелал Зинаиде Яковлевне выздоровления, попрощался и вышел.

II

Благодаря лекарствам и хорошему питанию мать вскоре поправилась. Не сказать, чтобы совсем выздоровела, но уже могла ходить, делать посильную работу в доме. После лечения в стационаре ей дали инвалидность. Лёшка старался не попадаться на глаза дяде Гоше. При воспоминании о том вечере ему было почему-то стыдно.

А через некоторое время дядя Гоша исчез. В его квартире было тихо. Злые языки говорили, что его упекли в тюрьму за перепродажу краденых машин. Никто ничего не знал, но каждый строил свои догадки – и получилась целая детективная история. А Лёшке было жаль соседа, он даже ощущал в груди некоторое сиротство.

III

Прошло десять лет. Из подростка Лёшка превратился в Алексея, взрослого и самостоятельного молодого человека. Окончив школу с золотой медалью, поступил в институт, получил высшее строительное образование. Благодаря своему здравомыслию и деловым качествам Алексей устроился в перспективную организацию, прилично зарабатывал. С матерью он перебрался в новую квартиру, купил машину. Была у него и любимая девушка, с которой собирались

в ближайшем будущем создать счастливую семью. В общем, дела его шли прекрасно.

Однажды, подъезжая на машине к своему дому, он увидел на лавочке старика, и сердце ёкнуло. Хотя вид этого человека был хуже некуда: неряшливая потрёпанная одежда, давно не бритое лицо, опухшие глаза алкоголика – Алексей узнал в нём дядю Гошу. Сожаление и досада шевельнулись в груди парня. За эти годы Алексей часто о нём думал и помнил его всегда уверенным, мужественным, спокойным и даже старался выработать в себе эти черты характера, а сейчас видел грязного, жалкого старика. Но Алексей всегда помнил о своём долге.

Выйдя из машины, он приблизился к мужчине на лавочке.

Тот встрепенулся и первым подал голос:

– Эй, парень, зелёненькой не найдётся? Очень надо.

Глаза смотрели с вызовом, насмешливо. Нет, он не узнал Алексея. Молодой человек тихо спросил:

– Дядя Гоша, это Вы?

– Нет, я не дядя Гоша.

– А кто? Жорик?

В лице старика что-то дрогнуло. Но, улыбаясь, он ответил:

– Я – Василий.

– Пойдёмте, Василий, со мной.

Василий охотно встал и потопал за Алексеем.

Они прошли в гостиную, не снимая уличную обувь. Зинаиды Яковлевны дома не было, иначе досталось бы на орехи обоим.

Усадив гостя в кресло, Алексей принёс закуску, достал из бара лучший коньяк, налил только для одного. Сам он не пил спиртного даже в большие праздники, не хотел. Старик трясущейся рукой взял, ни о чём не спрашивая, выпил коньяк, стал закусывать.

Алексей молча наблюдал. Сколько раз юноша прокручивал в голове слова, предназначенные старому соседу на случай, если встретит когда-нибудь его. Но сейчас перед ним был уже не тот дядя Гоша, которому он готовил свою речь, и поэтому Алексей не знал, с чего начать. И всё же чувство благодарности, с которым он жил столько лет, не утратило своей силы.

Алексей решился:

– Дядя Гоша, можно я буду так вас называть? Вы меня не узнали?

Рука с вилкой, на которую были нанизаны три кружка колбасы, замерла у рта.

Василий растерянно смотрел на хозяина квартиры:

– Где нам встречаться было, молодой человек? За колючку не дай Бог никому, а я уже своё оттопал.

Тогда, почему-то волнуясь, но не выдавая своих эмоций, Алексей рассказал про тот вечер, который останется в памяти у него на всю жизнь. Прищурившись, Василий внимательно слушал. И вдруг уставился на юношу, широко распахнув глаза. Алексей понял, что мужчина вспомнил всё. Они молча смотрели друг на друга.

– Я ваш должник и хочу вернуть долг, – сказал юноша, встал, вышел в другую комнату, отсчитал деньги, вернулся к гостю. – Купите приличную одежду. Вам нужно лечиться. У меня есть знакомый нарколог, могу договориться с ним.

Алексей положил деньги на столик.

Василий долго молчал. Затем, очень аккуратно двумя пальцами взяв верхнюю купюру, сказал:

– На опохмелку.

Встал и вышел не прощаясь.

ЭПИЛОГ

Через месяц после этих событий к дому, где жили Алексей и Зинаида Яковлевна, подъехал свадебный кортеж из пяти машин. Весёлая нарядная молодёжь дружно вывалилась из авто, заполнила пятачок у подъезда. Последними степенно, не суетясь, вышли Алексей со своей уже венчанной женой Леной и направились ко входу. Их встречала с хлебом-солью Зинаида Яковлевна. По заведённой традиции молодые должны были откусить от пирога без помощи рук (кто больше – тот и хозяин в доме будет).

Когда Алексей наклонился, Зинаида Яковлевна шепнула:

– Лёша, посмотри направо.

Молодой человек так и сделал – и замер. Чуть в стороне от гостей, улыбаясь, стоял Василий. Чистый, подстриженный «ёжиком», тщательно выбритый, совсем как десять лет назад. Только вот седины прибавилось и морщин на лице.

– Я его на рынке встретила две недели назад, но Вася просил не говорить тебе пока… – заторопилась с объяснениями Зинаида Яковлевна.

Но Алексей уже шёл к нему. Взял его руки в свои.

– Дядя Гоша, будешь моим посажёным отцом?

Тот быстро-быстро согласно закивал. В порыве чувств они крепко, по-мужски обнялись.

1999 г.

Поэту Сергею Озерову – 60!
Желаем творческого счастья и крепкого здоровья!

Сергей ОЗЕРОВ

ПРЕДЪЯВЛЯЮ ЖИЗНИ СЧЁТ!

* * *

И всегда на грани флоры.
Риск – предчувствие трагедий.
Жизнь есть ветер разговора.
Мы – высокие деревья,
Переростки, перебылки,
Куклы старые опилки,
Переквас и переброд.
Прутьев ивовых народ.
Мы – высокие деревья,
Тонкостволы, тонкодуши
И осваиваем сушу
С кочегарской точки зренья –
Передел на лесопилку,
Веники, поленья, доски.
Всё сгорит от папироски,
Если лезешь ты в бутылку.

* * *

Ивы плачут в зелёную воду,
Выводя и круги, и плевки.
И Слепой перекат – восемь бродов,
Трепет детства и мощность реки!
Повороты, движенье – инакость.
Глубина и размокшая мякоть
Хлеба плавает в лодке по дну.
(Я найду себе землю, найду!)
Хлебом кормятся рыбы, и рьяные
Свиньи тоже не выкинут хлеб,
Он же плавает вместе с гольянами
Брюхом вверх!

* * *

Жизнь убивает
Смертью, чьей-то пищей!
И нет сомненья,
Всех она отыщет!
Рождает жизнь,
И смерти нет предела!
И мёртвых больше,
чем живых на свете.
А может, жизнь –
Мечта и тёплый ветер,
Чтоб лёгкой быть,
Отбрасывает тело?

ОЗЕРОВ Сергей Владимирович *родился в Сталинске (Новокузнецк) 4 мая 1959 года. Работал водителем, токарем, журналистом, учителем, машинистом крана. Публиковался в альманахе «Кузнецкая крепость», журнале «Огни Кузбасса». Автор четырёх книг стихов. Живёт в Новокузнецке.*

Юлия ВЕРЕТЕННИКОВА

КРАПИВНАЯ РУБАШКА

* * *

Млею,
болею,
есть не хочу,
спать не пущу.
Врать не умею,
вот и молчу.

* * *

Будто я уголь гружу и колю дрова,
Тягаю мешки с песком, запрягаюсь в санки –
Уже бы сдохнуть –
а всё, мерзавка, жива,
Тяну свой воз, слегка порыжев с изнанки.

Когда перестану бегать, начну ходить,
Стану красавицей, буду лениво слушать
Чью-то лесть – и меня не будет тошнить,
Начну возводить дворцы, перестану рушить.
Это вполне возможно – сколько мне лет? –
Ко всему успею привыкнуть – к сласти,
к лести –
Что тогда мне останется?
Белый бред.
Что останется, если вырасту, если,
Если забуду твой вкус и запах, твой вес и цвет,
Хрипловатый голос, родную неверность речи,
Что от меня останется?
Мокрый след
На щеке, и такое горе, что тянет плечи
Мешком песочным, угольной тачкой…
И такая горечь,
что скулы сводит,
И такая нежность,
что всё проходит.

* * *

Я никуда не денусь, не прогоняй.
Одну меня на тысячу разменяй –
Мелочь в кармане,
Ветер в ушах звенит –
Меня не станет,
И сердце переболит.

Я останусь словечком на языке,
Гвоздём в ботинке, ниткой на пиджаке,
Твоим отраженьем – смотри на меня, смотри –
На то, что до боли помню снаружи и изнутри, –
Неразменным талантом – носи при себе, носи,
До крови свою губу, мою губу прикуси.

КАДЕНКО (Веретенникова) Юлия Александровна *– педагог, журналист, литературный работник. Родилась в городе Кирове. Училась в Вятском педагогическом университете, окончила Литературный институт им. Горького. С 2000 по 2015 год жила и работала в Киеве, руководила проектом «Політ.ua». В настоящее время преподаёт на экономическом факультете МГУ имени Ломоносова. Стихи публиковала в изданиях России, Украины, Германии. Автор трёх поэтических сборников. Живёт в Москве.*

* * *

Ты почти ничего не теряешь –
только берег Днепра,
цветущий весной,
Подол, Батыеву гору,
купанье в мае,
птичий гомон с утра,
старые песни,
неспешные разговоры,
мои лопатки и родинки на спине,
песок Русановки,
и объятья во сне,
и двор, где всё знакомо,
и всё не так –
почти ничего,
какую-то жизнь,
пустяк.

* * *

Специя, говоришь. Специя? Может быть.
То есть то, без чего ты в принципе можешь
жить.
Тоже большое дело – не хлеб, не соль –
Обойдётся. Поставим банку на антресоль.
Этих специй – море. Шумит восточный базар –
Богатый выбор, всегда ходовой товар!
Какая на вкус? Чёрт знает, но языком
Тронешь и понимаешь, что вкус знаком.
Можно в кармане в спичечном коробке
Таскать с собой, путешествуя налегке.
А кто завёз нам специи? Марко Поло?
Или другой ходок, кого не учила школа:
Цель любви, вашу мать, всегда –
продолженье рода,
Остальное – томленье духа и, страшно
сказать, свобода.
И потянулись в Европу длинные караваны
Торговали приправами, набивали карманы
Чистым золотом. На перце росло богатство,
За щепоть порой легко продавали в рабство,
Воевали, грабили, даже жгли города –
А ведь это прах, и пыль, и полная ерунда!
А ты не специя. И не хлеб. Ты вода.
То, к чему тянутся губы, то, что будет всегда.
Как для благословенья, ладони лодкой сложу,
Подставлю – хоть точно знаю –
Не удержу.
Ты течёшь сквозь пальцы, ты накрываешь
волной –
Глупо думать, что океан для меня одной –
Согреваешь паром и обжигаешь каёмкой льда,
Утоляешь мои печали. Ведь ты – вода.

* * *

Не время уклоняться от объятий,
Когда стоим на зимнем сквозняке,
Когда благословений от проклятий
Не отличить на древнем языке.

Не улетели к югу с журавлями,
Но и не вмёрзли в этот вечный лёд,
И чудится, за снегом, за лесами
Весна бессмертный голос подаёт.

Она в пути, она ещё вернётся.
Пока мы зябнем и устали ждать,
Из всех даров природы нам даётся
Простейший дар – друг друга согревать.

* * *

Я плету крапивную рубашку,
Развлекаю нашу каталажку,
У меня ни слова в оправданье,
Только торопливое вязанье.
Я хожу с вязаньем на допросы,
Но не отвечаю на вопросы.

Я давно не чувствую ожога,
Слов не помню, слёз не замечаю.
Мне осталось доплести немного.
Я тебя под утро повстречаю.

Это заклинанье, волхованье –
Я тебя укутаю в вязанье,
Это жизнь – крапивная рубаха –
От меня прими её без страха.

М. А. Евса и Э. Р. Вистерман

В. Арнаутов, С. Донбай, Т. Тудегешева,
А. Раевский, Ю. Дубатов

Перед запуском поезда

С. Донбай – подарки детям

Торжественный запуск поезда

Выступление в поезде

Д. Мурзин

В. Арнаутов

Б. Бурмистров

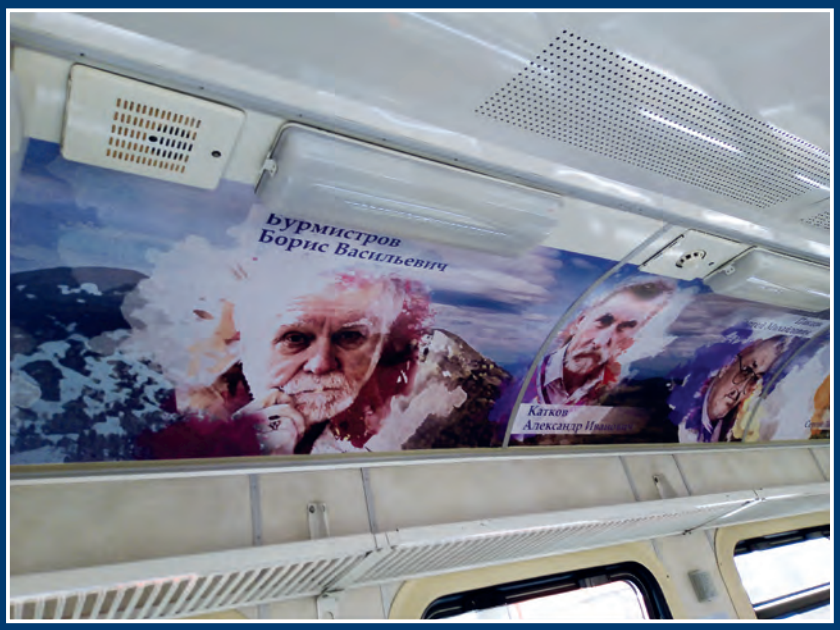
С. Донбай

Н. Игнатьев

Зрители

А. и Т. Болотовы

Оформление вагонов



Борис ДЮКИН

ДИАЛОГ

Мы вступали в жизнь в начале шестидесятых годов. Это было время больших ожиданий. Свежий ветер перемен рождал надежды. Совсем недавно окончилась война, а уже с высокой трибуны было объявлено: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» – и даже указан конкретный год: «1980». Народ посмеивался, но в глубине души тлел огонёк надежды, а вдруг так и будет? В качестве первого шага к этой цели в столовых хлеб стал бесплатным. Длилось это, однако, совсем недолго…

Пять лет мы с Богданом учились в разных группах, конечно, были знакомы, но близко никогда не общались. Колхозы, практики, калымы – каждый из нас проходил это сам по себе. И спортивные увлечения у нас были совсем разные.

Прошли годы застоя, которые кое-кто теперь вспоминает с ностальгией, быстро промелькнула перестройка, подарив свои надежды и разочарования. Партийные функционеры вместе с сотрудниками журнала «Коммунист», никого не спрашивая, начали строить капитализм и развалили страну.

Мы работали, строили мосты и дороги, растили детей, воспитывали внуков, овладели компьютерами и электронной почтой и вновь обнаружили своих однокурсников, с которыми не общались долгие годы, в социальных сетях на просторах Интернета. Появился и Богдан, о котором я не слышал много лет.

Я написал ему, и он сразу откликнулся. Всё начиналось как обычно, но наша переписка не заглохла после первых сообщений, как со многими другими однокурсниками. Мы стали регулярно переписываться и с удивлением обнаружили схожесть взглядов, практически одинаковый жизненный опыт и светлую память о прошлом. Теперь мы жили в разных странах и многие вещи воспринимали поразному, но общаться нам было интересно. Так мы вновь стали друзьями. За эти годы накопились сотни страниц нашей переписки. И мне показалось, что это может быть кому-то интересным. Свидетельство современников, которые жили во времена перемен.

Почти два года мне понадобилось, чтобы собрать наши заметки в Сети и заново переписать их, сделать текст понятным для всех, кто захочет его прочитать. Во-первых, нужно было перевести с интернетовского языка на русский, а во-вторых, поправить записки моего друга. Богдан говорил на четырёх языках, но русский для него не был родным. Как-то я пошутил: «Ты пишешь с акцентом», и он со мной согласился.

Учитывая объём и возможности журнала, привожу лишь небольшую часть нашей переписки.

Моя часть текста выделена курсивом. Фамилии ныне здравствующих наших однокурсников приводятся в сокращённом виде.

2013 ГОД

21.05. Богдан, рад, что ты появился в Сети. Давно тебя искал, через Бойко и других ребят. Как ты живёшь, чем занимаешься? Жду от тебя сообщений.

23.05. Я живу в Ужгороде, переехал сюда ещё в 1980 году, работал заместителем начальника Облавтодора по эксплуатации, а с 1990 до 2009-го был директором Закарпатского филиала института Укргипродор. Дочь – художник-дизайнер, арт-директор рекламной фирмы в Киеве. Жена преподаёт в музучилище. Сейчас я на пенсии, но ещё работаю, занимаюсь проектом мостового перехода через р. Тиса на границе с Румынией. Наших однокурсников никого не встречал. Рад, что ты на связи.

08.06. Богдан, спасибо, что откликнулся. У меня всё с точностью до наоборот. Сначала 24 года занимался проектированием дорог, мостов и т. д., а теперь строительством. Кое-что пришлось строить и по своим проектам. Немного преподавал, немного пишу. В 2007 году вышла моя небольшая книга. Если тебе интересны мои заметки, сообщи свою эл. почту, я тебе скину.

29.09. Извини за молчание, был в Румынии, занимаюсь согласованием проекта моста и погранперехода в Румынию. Объект несложный, но с румынами работать непросто. В техническом отношении их инженеры отстают от нас лет на 20, однако всё хотят кого-то надуть. Хорошо, что я сносно знаю румынский язык, с детства осталось, так как родился на самой границе с Румынией.

Сейчас иду на праздник, сегодня 1 200 лет Ужгороду, и у нас международная ярмарка, ведь мы граничим с четырьмя государствами.

05.12. Богдан, что-то ты замолчал или в свободное от досуга время отправился на майдан? Что там у вас происходит на самом деле? А то показывают по ТВ одни и те же картинки.

Ты обещал написать о своих румынских приключениях.

16.12. Во-первых, о Румынии. Первый раз я там был при Чаушеску. Беднота была жуткая. За нами на улицах дети бегали, попрошайничали. После 1996 года стало лучше, а сейчас страну не узнать. Современная европейская страна, ну немного отстаёт село, вот тебе и ЕС.

Во-вторых, о майдане. Я не участвую, но у меня есть представитель – дочь, которая работает в Киеве. Такие майданы теперь в каждом городе, и у нас тоже. А теперь по сути. Неподписание договора между Украиной и ЕС – это был только повод, чтобы собрать майдан. Просто украинцам надоела эта бандитская власть с её коррупцией, клановостью, беспределом милиции, судей и прокуратуры. Ну вы, по-моему, тоже далеко не ушли. Я не зря начал с Румынии. Они прошли путь ещё тяжелее, но стали равноправными людьми, а у нас одним – всё, другим – фига с маслом. Вот сынки президента – оба миллиардеры. Украина просила у ЕС 20 миллиардов евро на развитие евростандартов, а ЕС пока и не даёт, так ведь, блин, всё равно разворуют.

30.12. Богдан, вы, конечно, по сравнению с нами революционеры, дай вам бог на этом пути удачи. То, что неподписание договора только повод, это понятно, но и новые лидеры доверия не внушают. Это, конечно, взгляд со стороны. У нас тоже Москва с жиру бесится, а вся остальная Россия – как оккупированная зона.

В любое учреждение без пропуска и паспорта не войдёшь, везде милиция на входе дежурит, а при советской власти и в облисполком и горисполком заходили свободно. В областном УВД газеты покупал, а сейчас там автоматчик у ворот стоит. В ходу такой анекдот: «Прав был Кутузов, чтобы спасти Россию, надо сжечь Москву». Но не будем о печальном.

2014 ГОД

06.01. Дорогой друг, во-первых, с наступающим Рождеством, у нас это очень большой и красочный праздник. Вся моя семья собралась дома, это прекрасно.

Прочитал твою книгу, спасибо. Я многих узнал, не буду о девушках, а вот о пожарнике могу сообщить. Я его знал по общежитию на Кирова, потом он пропал и появился, когда я был на дорожном факультете заместителем декана. Я помог ему восстановиться на заочный. Он защитился, получил диплом и до 1998-го был начальником дорожного управления в Мирном. А вот стихи у тебя грустные.

Последняя глава, где ты пишешь о своей работе, мне всё это знакомо и по Томску, и по Ужгороду, там надо только поменять фамилии. Мой последний проект – мост через Тису с КПП в Румынию – я защитил на техническом совете в Киеве. Финансировать строительство должен был Евросоюз, но правительство облажалось, и проект остался на полке. Правда, за работу нам заплатили.

09.01. Друг мой, спасибо тебе за добрые слова. Вот прошла целая жизнь, а понимание мы не утратили, как не утратили и дорогие для нас общие воспоминания о ТИСИ, о Томске. И с годами они становятся только дороже. Очень интересно мне было узнать от тебя о судьбе Пети Врублевского (пожарника). Он был старостой нашей группы. Как прихотлива жизнь. Конечно, мои записки – это лишь наброски, я о многом не написал, просто пытался передать музыку того времени, его настроение. Что интересно, заметку о проектировщиках отметил только ты. А проектировать приходилось всё: и дороги, и мосты, и футбольные поля, и троллейбусные линии, и ливневые канализации. Тебе рассказывать не надо – ты всё сам знаешь.

Хочу спросить, как там у вас дела с майданом? Или ещё не кончилось? А то у нас никаких сообщений.

18.01. Как и обещал, мой короткий рассказ о том, как я попал в Томск.

После восьмого класса я перешёл в среднюю школу, а у моего нового соседа по парте был старший брат – заядлый радиолюбитель, он имел радиостанцию и свой позывной. Я загорелся. Через год достал хорошую антенну, в то время она называлась, не знаю почему, «американкой», и соорудил радиопередатчик на одной лампе ГУ-29 на 10-м диапазоне. Получил позывной UB5DME и стал выходить на связь. Связывался даже с радиолюбителями Австралии и до сих пор храню кюэсэлки (QSL-карточки – это такие открытки, присылаемые тем, с кем удалось связаться).

После 11-го класса хотел поступать в Львовский политех, но там уже была своя мафия, а мои родители таких денег не имели. Но тут на каникулы приехал троюродный брат, который учился на механическом факультете в ТИСИ. Это был счастливый случай. А попал он туда из Казахстана, где после армии работал по комсомольской путёвке. Там каким-то чудом оказалась выездная приёмная комиссия ТИСИ. Вот он нам сказал, что в Томске в 1962 году открылся современный институт – ТИРиЭТ (Томский институт радиоэлектроники и электронной техники). Надо только сдать экзамены. Мы с другом уговорили родителей и отправились в Томск, считай, на другой конец света. Сначала добрались до Львова, оттуда до Москвы, там почти сутки провели на вокзале, а дальше – двое суток в общем вагоне. Когда тебе 18 лет – всё это мелочи. Выходим, как сейчас помню, – вокзал Томска, деревянные тротуары. Володя говорит: «Куда мы попали». Дошли пешком до ТИРиЭТа, нас разместили в спортзале, где было еще 120 абитуриентов, а завтра экзамен по письменной математике. Первый экзамен мы сда-

ли, а вот дальше пошли проблемы, ведь мы учились в украинской школе и хотя русский язык знали, но не настолько, чтобы писать сочинения. Короче, сочинение мы завалили. Володя, мой друг, уехал в Новокузнецк. А я на вокзале увидел объявление, как сейчас помню, на зелёном фоне жёлтыми буквами было написано о дополнительном наборе в ТИСИ, и пешком почти через город пошёл на Соляную площадь, 2. Документы приняли и сказали, что завтра экзамен. И снова первый экзамен – письменная математика. Я после всех переездов уже не понимаю, в каком часовом поясе живу. То ли спать, то ли учить. Про экзамен сказали, а где ночевать – нет. Пошёл снова на вокзал, ну не привыкать. Что удивительно, утром был бодрый, вот что значит молодость. Сдаю, всё как в тумане. Потом поселили на Кирова, 56а. В ТИСИ все вступительные экзамены сдал на пятёрки. Там мне разрешили вместо сочинения писать изложение, вместе с такими же «иностранцами».

Меня декан Власов, если помнишь, даже назначил старостой группы. Честно говоря, я был шокирован, но мне очень помог Креднак Вениаминович Погосян. Мы его звали Коля. Насколько мне известно, после землетрясения в Спитаке его следы потерялись.

Так я, гуцул, оказался в ТИСИ и никогда об этом не жалел. Вначале пришлось тяжело, потом приехал с практики родственник и стало полегче. Я тогда плохо говорил по-русски, да и сейчас акцент есть, но старался и окончил ТИСИ с красным дипломом. Вот вкратце моя история.

20.01. Богдан, прочитал твою сагу. Этого я не знал, вот как бывает в жизни. Но, с другой стороны, от судьбы не уйдёшь. Я ведь тоже до ТИСИ поступал в медицинский институт в Томске и, самое смешное, провалился на сочинении. А вот то, что у тебя был акцент, не помню. Мне кажется, ты всегда очень хорошо говорил по-русски. А как сейчас, ты радио не увлекаешься? Теперь, правда, все по скайпу разговаривают. А вот что за город Рахово – конечно, посмотрю. Вообще география – моя слабость. Люблю рассматривать карты и атласы.

Какие новости с майдана?

22.01. Ты спросил о майдане в Киеве, всё очень плохо. Там вышел на площадь простой народ, который живёт плохо и устал смотреть, как 10 процентов жируют, в том числе и эти оппозиционеры. Им тоже нужна только власть, а не благосостояние простых людей. Посылают пацанов на баррикады, а самое страшное, что в милиции те же пацаны, 18–20 лет, их набрали по призыву. Кому это всё надо? Больше писать не могу, так как у нас с сегодняшнего дня вступил в действие закон о клевете на власть, говорят, отслеживают Интернет. Могут дать от трёх до пяти лет. Вот такие дела. Вчера я получил от друга из Москвы письмо, он пишет: «Какие вы, украинцы, молодцы, мы в России об этом говорим только на кухне, а вы на майдане». Да, хочу отметить, что твой анекдот со словами Кутузова о Москве сейчас очень актуален, и не только применительно к Москве.

23.01. У нас теперь по новостям идут боевые сводки с майдана. Я надеюсь, что и ты, и твой ребёнок в Киеве в этих погромах не участвовали. А то, что власть наглеет, так это на Руси было во все времена. Мы с тобой люди мудрые и будем относиться к этому философски, людей жалко, как тех, так и других.

23.01. На сегодня решения на майдане нет ни у президента, ни у оппозиции. Они ягоды одного поля. Всем нужна власть и деньги, а на простых людей им чихать. Я повторюсь, сейчас у нас нет лидера, и как бы не случилось так, что на арену выйдут такие же ублюдки. Жаль пацанов... Прервалось. Видно, закон вступает в силу и интернет взят на контроль. Написал уже два письма, но, видимо, не дошли, потому что там было немного о политике, поэтому вернёмся к нашим баранам.

04.02. Меня не было в эфире неделю из-за технических проблем, гавкнул модем, но не это главное. Во-первых, смотрю ваше ТВ. Оно майдан показывает, я бы сказал, со своей стороны, что Украине без России – конец. С майданом мы выйдем на большую дорогу, если не будут мешать. Проблема есть, нет нормального лидера или, хрен с ними, партии, или движения. Все хотят две вещи: ВЛАСТЬ и ДЕНЬГИ – что президент, что оппозиция, а на простых людей им плевать. Если через неделю эти козлы депутаты и наш недоученный зек не найдут общего решения, боюсь, начнётся анархия. Хотя потенциальный лидер есть. Пока в тени, возможно, слышал: ПОРОШЕНКО, «шоколад «Рошен», не глуп и богат, воровать не надо. Хотя, как правило, мало денег не бывает. Я тебя очень уважаю и только с тобой говорю так откровенно.

06.02. Добрый день, Богдан. У нас теперь везде Олимпиада – и по радио, и по ТВ. В газетах про Украину тоже пишут, но очень скупо. Вообще, чем дело кончится там у вас, непонятно. Все эти демократы радеют за народ, пока не дорвались до власти, но бог им судья. Вспомни, как мы жили. Никто никогда не различал друг друга по национальности. Если честно, то я всегда считал и считаю русских, украинцев, белорусов за один народ. Все мы славяне. Да и само слово Украина произошло от понятия «у края». Но кому-то выгодно разыгрывать националистическую карту. Про Порошенко я ничего не слышал.

06.02. «Уважаемый пан» – это у нас обращение к уважаемому человеку и не обязательно к богатому, как было когда-то. Во-первых, Украина никогда не была «у края», это ты начитался русских историков.

Первой была КИЕВСКАЯ РУСЬ, где прошло Крещение. Потом появилась Москва, которую Ю. Долгорукий строил, а после на костях и на болоте Петр I построил Петербург. Мы с тобой учили историю КПСС, научный коммунизм и даже политэкономию, хотя там экономикой и не пахло. Я в нашем университете знаю видных историков, и мне их жаль, все работают на заказ. Извини за резкость, да, мы славяне – и словаки, и белорусы, и словенцы, но мы имеем право жить самостоятельно. А знаешь ли ты Россию, татар, бурят и прочее? Вы разберитесь в своей Парфии, а потом лезьте к другим. Зачем вам Чечня? Отпустите её – и она издохнет через пару месяцев, и террористов не будет. Извини, но люблю правду в истории наших народов и стран, а её коверкают.

Друг мой, извини за эмоции, погулял с собачкой и успокоился. У меня твоего литературного таланта нет, а то многое мог бы рассказать. В последние 20 лет объездил пол-Европы, в основном как член делегаций. Я знаю несколько языков: венгерский, румынский, не говорю уже о славянских, таких как польский, чешский... Мне посчастливилось быть в Швейцарии, и как туристов нас пригласили на балкон в парламент. Это страна многоязычная со своими кантонами, но в парламенте все говорили на одном государственном языке.

07.02. Ну, Богдан, ты завёлся, вот не ожидал. Никто на вашу самостийность не посягает, и дай бог вам жить хорошо и счастливо. Но ты в запале противоречишь сам себе. Да, была Киевская Русь, но не украинская. Само слово «Украина» появилось во времена Екатерины. Что касается знания России. За Уралом я был во всех областных центрах от Свердловска до Иркутска. Кузбасс и Алтай изъездил вдоль и поперёк. Украину я, конечно, так не знаю, но много раз бывал в Молдавии и Одессе. Жили там лучше, чем в России, так что неизвестно, кто больше выиграл от развала СССР. Конечно, выиграли проходимцы всех мастей – и ваши, и наши. Вот ты приводишь пример Швейцарии, живут же люди в одном государстве, говорят на разных языках – и все они официально признаны, и государство процветает. А у вас не получилось, очень жаль. Не обижайся на меня, друг мой, если моё мнение не совпадает с твоим, уж нам с тобой делить нечего. Всё будет хорошо. Всего тебе доброго.

07.02. Конечно, не обижаюсь, ведь это наша дискуссия. Насчёт Екатерины, это она уничтожила Запорожскую Сечь, а потом заставила подписать Богдана Хмельницкого Переяславский договор, после чего был уничтожен Чегерин. Тогда и пропала Украина, и никогда она не была у края, а всегда в центре Европы. Это в СССР она оказалась у края. Сейчас у нас села не процветают, но живут нормально. А у вас даже в 100 км от Москвы – сплошная разруха. Хотя, как говорил проф. Преображенский, разруха в мозгах. Давай смотреть Олимпиаду, тем более что там встречаются наши президенты. И никаких обид, изучаем историю и пусть даже спорим, но с умным человеком это всегда интересно.

11.02. Привет, Богдан, что-то ты зарапортовался. Переяславский договор был подписан при Алексее Михайловиче, потом ещё много лет Россия воевала с Польшей за Левобережную Украину. Я не знаток, просто посмотрел в Интернете.

Как у вас погода? У нас уже третью неделю стоят морозы. Было за –35, сейчас отпустило, –25. Ты, наверное, уже забыл, что это такое. Олимпиаду, конечно, смотрю, уже много лет болею за биатлон и фигурное катание, хотя появились разные экзотические виды спорта. Ты, наверное, горнолыжник?

12.02. Борис, Олимпиада – супер, но что будет с этими сооружениями после? У нас для ЧЕ по футболу в 2012-м тоже отгрохали аэропорты и стадионы, а сейчас не знают, как их содержать, особенно во Львове. Конечно, скандинавы и немцы нам и вам утирают нос, но ведь что заложил, то и получил. Наши биатлонистки, думаю, ещё что-то возьмут, а так вряд ли.

21.02. У вас майдан, у нас Олимпиада. Я очень надеюсь, что в вашем благословенном краю всё тихо и спокойно. Было бы очень жаль, если Ужгород будут громить так же, как и Киев. У вас уже скоро весна, и, дай бог, всё успокоится. Так что держитесь. Как там твоя дочка?

22.02. Да, у вас шикарная Олимпиада. Наконец украинские девчата взяли золото. У нас уже не майдан, а революция. Украинский народ так больше жить не хочет. Как может народ, победивший в такой войне, прозябать почти в нищете? А побеждённые шикуют, это касается и русского народа. Мы так жить не хотим. На сегодня, пока по слухам, наш президент удрал в Эмираты, но подождём до завтра. Уверен, у вас будет то же самое. Не думаю, что великий русский народ будет долго терпеть. Ещё хочу сказать, не верь своему ТВ, там всё брехня. Никаких бандитов на майдане нет, есть честный народ, бандиты все в правительстве, которые применили снайперов, о чём у вас не говорят. Обратного пути нет. Половина министров – за рубежом, но Европа их не принимает, и бегут в основном в Россию или Азию. Пожелай нам победы.

Да, насчёт Ужгорода. У нас мирно, вся милиция, прокуратура, СБУ перешли на сторону народа. Мирно выгнали губернатора. Всё спокойно, когда люди могут договориться.

24.02. Богдан, рад за вас, что всё прошло мирно и спокойно. Мы с тобой, однако, прекрасно понимаем, что, как правило, на место одних подонков к власти приходят другие. Так уж жизнь устроена, что

у кормушки всегда оказываются проходимцы. Честных и умных во власти априори не терпят. Помню 1991 год: митинги, демократия, есть грех, голосовал тогда за Ельцина. А он так рвался к власти, что развалил страну. Будет ли у вас лучше, чем было… Богатые будут богатеть, а бедные работать за кусок хлеба. Ну заставите вы всех говорить по-украински и будет вам от этого счастье? Сейчас я ко всему отношусь философски и переживаю только за детей и внуков. Наша жизнь, которая оказалась такой скоротечной, заканчивается, а у них ещё всё впереди. И мои радости – это хорошая книга, добрые вести от друзей да бокал лёгкого вина. Если хватит сил и времени, может быть, ещё что-то напишу, чтобы порадовать тебя и друзей. Жду от тебя подробностей, ибо наше ТВ всё показывает так, как скажут. А что касается снайперов, то они появляются везде – и в Египте, и в Киргизии, и у нас в Москве. Это ребята из вашингтонского обкома просто подливают масло в огонь. У нас выходит журнал «Огонёк», где всё даётся более или менее объективно. Если есть возможность, почитай.

24.02. Никто и никого не заставляет говорить по-украински, это ваш провокационный канал «Россия 24» нагнетает. У нас в области более 10 национальностей, есть школы венгерские, румынские, немецкие. И все говорят как хотят. Но, извини, если ты пошёл в депутаты или на госслужбу, то говори на работе на государственном языке. Ты представь себе, чтобы в вашей Думе начали говорить по-украински, ведь там много украинцев, или во французском парламенте депутаты из северных англоязычных префектур говорили бы на английском. Не надо перекручивать, события на майдане не связаны ни с национализмом, ни с бандитизмом. Народу надоело быть быдлом, которого кучка людей обманывает и гнобит. Не знаю, видел ли апартаменты нашего президента? Дворец в Ливадии – просто халупа. Сынки его в 30 лет уже миллиардеры. Пока все они пропали, Европа их не принимает. Хотели к вам смыться, но границу закрыли, и сейчас их ищут. Насчёт «вашингтонских снайперов» – это бред и у вас, и у нас. Ну и сильна у вас пропаганда, но придёт время расплаты. Отделяй семена от трухи.

26.02. Богдан, просто завидую твоему юношескому романтизму. Я сохраняю твои заметки и заметил, что с каждым сообщением энтузиазм твой всё возрастает. Уж не принимал ли ты участие в разоружении силовиков в Ужгороде? «Темницы рухнут, и свобода нас встретит радостно у входа». По ТВ у нас сообщения очень скупые, поэтому мои коллеги на работе, зная, что ты на связи, всегда спрашивают: «Как там дела?». Так что пиши подробно. Я, конечно, скептик и согласен с тем, что ты писал в январе: «Все хотят две вещи – деньги и власть, а на простой народ им начхать, и оппозиции тоже». Ещё раз скажу, что к власти, как правило, вместо одних подонков приходят другие. Такова жизнь. И придёт у вас к власти какой-нибудь хлопец с майдана, и всё будет то же, и займёт он те же апартаменты или построит новые, ещё краше. Глядишь, через год-два пойдёте и его свергать, как в Египте или Киргизии. Так на кого будем ставить: на Порошенко, Яценюка или на Тягнибока? А может, ещё кто-то есть? Юля – мудрая женщина, сразу поехала в Германию и, я так понимаю, в президенты не рвётся. Жду от тебя сводок со свободной славянской территории. Пиши всё подробно и не обижайся на меня, старого скептика и пессимиста.

26.02. Дорогой друг, здравствуй, хотя у нас сейчас здороваются так: «Слава Украине!», в ответ: «Героям слава!». Твои предположения, что придут другие, хотя бы с майдана, и станут такими же, не верны. Нет, люди поменялись, и завтра главное сформировать правительство из совсем новых грамотных специалистов. Я рад, что ты сохраняешь мои записки, там есть прогноз событий, и тебе судить, прав ли я. Я не романтик, как ты сказал, а реалист.

А сейчас о последних событиях. Ваше ТВ или умалчивает, или врёт, не владея информацией, по заказу. Вот ты мне скажи, зачем вчера депутаты вашей Думы приехали и начали раздавать русские паспорта по упрощённой системе нашим людям? Сразу выступил ваш клоун Жириновский и сказал, что надо защищать русских граждан в Украине. Это вам надо? Ведь это обычная провокация, и мне жаль, что придётся за это отвечать. Это первый прогноз. Второе – наш экс-президент удрал, как последний урка, и никто его не может найти. Границу не пересекал, она под контролем. Скорее всего, он у российских служб. Думаю, у него будет инфаркт или просто убьют как нежелательного свидетеля. Далее, о Юльке Тимошенко. Её майдан не поддержал, и вообще она уже политический труп. И мой прогноз: на Украине была главная репетиция для других республик. И, наконец, перестань ставить в один ряд Ливию, Египет и Киргизию. Думайте о своей стране, о её будущем. Далее поговорим после назначения правительства.

Нет, но это беспредел, что сейчас увидел по спутниковому ТВ. Ваше правительство нарушает элементарные правила международного сотрудничества. Только что выступил Лавров и сказал, что русскоязычное население в опасности. Они что, с ума сошли? Занимая такие посты – повестись на мелкие провокации. Да никто у нас не трогает ни русских, ни даже цыган. Что, вашим политикам и президенту Украина – кость в горле? Зачем эти провокации? Не знаю, чего добиваются ваши политики, но всё это может выйти боком. Да, ещё один ваш депутат, как и ты, привёл в пример Египет и Ливию. Но это мусульманские страны, а у нас один

БОГ, и нам надо уважать друг друга. Жаль, что везде главную роль играют деньги, а не моральные принципы. Вот тоже не знаю, верить или нет, что ваш Путин владеет триллионом долларов. Извини, но терпеть не могу брехню, которую ваше правительство распространяет и вам мозги пудрит.

27.02. Борис, даю дополнительную информацию. Зачем на границе с Украиной проводятся маневры? Правда, там есть английские наблюдатели. Неужели ваше правительство ставит на Януковича? Его тюремная кличка – Кабан, он сидел во Львове, где и выучил украинский язык. Представь себе, у него в резиденции Межгорье работало тысяча человек. Сегодня садовник говорит, что даже не знает, где его трудовая. Ещё нашли две резиденции Кабана – в Крыму и за границей. Когда, интересно, его поймают? У нас сейчас обыкновенного карманника ловят за сутки, а здесь даже Интерпол подключили, похоже на цирк. Думаю, знают, где он, но он в судебном разбирательстве не желателен. Мой прогноз: он не доживёт до суда. Давай анализируй, прав я или нет? Успехов и мира.

28.02. Добрый день, Богдан. Всегда с большим интересом читаю твои эмоциональные сообщения. Как сказал А. Камю, основной вопрос философии – стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить. Абсолютно с ним согласен и потому сделаем паузу и поговорим за жизнь.

Слава богу, сейчас с книгами проблем нет. Вот за последние годы прочитал много разных философов: Паскаля, Монтеня, Марка Аврелия, Фромма, Ницше и так далее. Поэтому всегда считаю, что каждый имеет право на свое мнение по любому вопросу и это мнение заслуживает уважения. От нетерпимости все и беды.

28.02. Борис, да, ты эмоциями не загружен. А как я могу спокойно смотреть на то, что творится? Зачем вам Крым? Этот сценарий ваши политики отработали в Грузии пару лет назад, но у нас так не выйдет, крымские татары не дадут. Янукович, который сейчас удрал в Ростов, за очень большую взятку дал расположить военную базу в Крыму. От кого охраняться хочет Россия? Сейчас модно у политиков говорить о террористах. Бред какой-то. Имперские амбиции вас не покидают. Это ваше правительство, не говорю о прекрасном русском народе, везде вмешивается в чужие дела. Вы дождётесь, что Россия будет состоять из четырёх-пяти областей около Москвы. Ты читаешь философов, а почитай историю, когда были Уральская Республика и Дальневосточная Республика – вот что ждёт Россию, если политики не успокоятся. Ведь и Римская империя пропала, и все империи пропадут, люди хотят жить свободно и говорить как хотят. На Украине как раз складываются такие условия. Ради Бога, не мешайте. Если сегодня в Крыму не закончится добром, вся вина будет на вашем президенте, и пятно будет и на России. Извини, надоело. Думаю, меня поймёшь правильно, это не эмоции, а просто негодование вашими политиками. Только что передали, что вся Европа на нашей стороне, цитирую Евроньюс. Да, Камю я читал, но это слишком отвлечённо от наших дней. Я вижу, ты хочешь уйти от реальности. Говорят, наш экс-президент у вас в Ростове и сейчас проводит пресс-конференцию, и такой бред несёт, что уму непостижимо. Ведь наши психиатры уже удостоверили, что он болен. Ростов пока приютил этого вора и убийцу. Украинский народ и я лично не могу простить клан Януковича. Я тут параллельно слушаю этот бред из Ростова. Этот идиот говорит, что хочет встретиться с Путиным, бред. Запиши ещё один прогноз. Если Путин встретится с нашим Кабаном, то рейтинг его упадёт.

01.03. Привет, вижу, вам всем некогда, заняты беспределом в Крыму. Да заберите вы этот драный полуостров, в Турции и Египте даже с перелётом отдыхать в два раз дешевле. Что вашему правительству неймётся? Ведь это так не пройдёт. Неужели ваших правителей история ничему не учит? Пойми, русский народ ни при чём, я его очень уважаю, но не таких клоунов, как Жириновский, который приехал вчера в Крым и сказал, что для крымчан газ, бензин и продукты все в полцены. Да, у вас дураки не перевелись, да и у нас тоже. Ребята, вижу, обиделись на меня и о политике не хотят говорить, но ты знаешь, не интересуешься политикой – она сама к тебе придёт. В раковине не скроешься. Слишком много написал, перевари и правильно оцени. Думаю, политики и ваши, и наши одумаются и обойдётся без крови.

02.03. Сегодня воскресенье, у всех православных христиан день прощения, и мы должны простить все грехи друг другу. Я понял, что ты принимаешь мою информацию, ведь сам говорил, что мы братья. Я понимаю, что это не решение русского народа, а кучки, извини, дураков типа Жириновского, у которого мама русская, а папа юрист. Больше писать не буду, жду твоё личное мнение.

03.03. Богдан, я не обижаюсь и полностью разделяю твои чувства и твою озабоченность. Я надеюсь, что дальше риторики дело не пойдёт, туман рассеется и всё будет хорошо. Что касается нашего президента, то у меня такое ощущение, что всё, что он делает, вам только на руку. Во-первых, теперь вам обеспечена международная поддержка, во-вторых, наличие внешней угрозы отвлекает от внутренних проблем, в-третьих, теперь у ваших властей развязаны руки. У нас народ настроен на то, что России не следует вмешиваться в ваши дела. Береги себя.

03.03. Да, уважаемый Борис, благодарю, что отозвался, ведь ребята и даже двоюродный брат с Якутии молчат, боятся, что их ФСБ засечёт. А Света вообще оскорбилась, как я смею обижать её кумира Путина, который за 30 лет стажа дал ей пенсию аж сто долларов. Я уважаю историю, но нельзя переписывать её в угоду правителям, ведь всё-таки это наука. Я понял, что ты у меня единственный настоящий друг в России. Да, ваш Путин выиграл пропагандистскую войну. Всех запугали каким-то фашизмом, бандеровцами и прочее, но ты прав, на дворе XXI век. Мне жаль Путина, его ждёт судьба психически больного Януковича, а в России будут большие перемены, попомни мои слова.

В Закарпатье Советы пришли, слава Богу, только осенью 44-го года, и мои предки не знали голодомора. Я тебе писал, что увлекался радио, но вот ирония судьбы, можешь улыбнуться, моя фамилия по-сербски означает «дорога», так что я прирождённый дорожник. Уже лет пять собираю сведения о своём генеалогическом древе. Всплывают интересные факты. Пока работаю, и, уверяю тебя, у меня всё честно, я не дворянин и не князь, а то у нас, как у вас, появились наследники царей, бояр и даже Петра I.

04.03. Богдан, ты прямо читаешь мои мысли. Я давно хотел спросить о твоих предках, но всё как-то было неудобно. Чем старше становишься, тем всё больше задумываешься и интересуешься своими предками. Твои заметки я сохраняю как свидетельство времени и надеюсь, что мы с тобой когда-нибудь обсудим твои прогнозы, насколько они оказались верны.

Богдан, пиши о том, что видишь своими глазами, что происходит у вас в городе. То, что пишут в СМИ, я и так знаю из разных источников. Мои товарищи из Крыма пишут, что там всё спокойно: танки по улицам не ездят и русской армии, о которой все трындят, не видно. Если говорить про историю, то ещё недавно, когда Милошевич прижал косоваров, НАТО начало бомбить Югославию.

04.03. Борис, я не чистый украинец, а славянин, как и ты. Когда был в Прокопьевске и других шахтёрских городах, видел, как там люди живут, вернее, выживают. Ну хватит вашим олигархам обворовывать великий РУССКИЙ народ. Мои прогнозы сбудутся раньше, чем предполагаем. И ещё прогноз: Янукович умрёт в России от инфаркта. Я не экстрасенс и терпеть не могу всяких шарлатанов. Передай своим друзьям, что ваши СМИ, видимо, выиграли информационную войну против Украины.

Идёт интервью вашего президента – такое враньё на весь мир. Он даже сказал, что в Киеве царит террор. Я с дочкой говорю по три раза в день. Там, наоборот, всё спокойно и никакой революции нет. Спаси вас Бог.

05.03. Богдан, ты не описал два момента. Как обстоят дела у вас в Ужгороде, чем народ занимается и что говорит? И ещё, напиши о своих родителях, чем они занимались, живы ли ещё и как им удалось воспитать такого умного мальчика? Сейчас пытаюсь написать о положении с дорогами в России. Если получится, пришлю. У нас народ против ввода войск на Украину, так что, я думаю, всё обойдётся. Всего доброго.

10.03. Борис, привет. Что не пишешь, не хочешь общаться с «бандеровцем»? Вы там зациклились на вашем 24-м канале. Русские войска оккупировали Крым. Да берите его с потрохами, а дальше что? Разве вам мало Чечни, Абхазии, Приднестровья? Там они в своей хате сами не могут разобраться. Я был в Крыму только два раза, но не на отдыхе, а в командировке. За два месяца работы в Крыму у меня со специалистами и с рабочими никаких недоразумений не было. Извини, противно всё это.

11.03. Богдан, ты несправедлив, ни одно твоё сообщение я не оставил без ответа. И ежели задерживаюсь, то по чисто техническим причинам. Ты мне все лозунги со своих каналов пересказываешь, а я хочу получить от тебя свидетельство очевидца. Что творится у вас в городе, о чём говорят люди? У меня друзья в разных городах Украины, интересно сопоставить. А то, что пишут ваши газеты, я знаю из Интернета. Кстати, наша пресса не так однозначна, как тебе кажется. Прочитай, например, журнал «Огонёк», там Виталий Коротич пишет. Простые люди у нас воспринимают вас как братский народ, но не ваш Правый сектор. Итак, жду от тебя репортаж о простом дне в Ужгороде. Начиная с погоды и цен на рынке.

11.03. Дорогой друг, ты интеллигентный человек, таких нынче мало. У нас в Ужгороде всё нормально, готовимся к 75-летию Подкарпатской Украины, которая была создана в 1939 году. Тогда нашу область отдали Венгрии, а она стала союзником Гитлера. Пока венгры чухались, у нас создали свою республику – Подкарпатскую Украину, со столицей в городе Хусте, во главе с президентом Волошиным. Республика просуществовала шесть месяцев. Потом в Закарпатье пришло 50 тыс. венгерских солдат. Был бой на Красном поле под Хустом. За два дня погибло около 2 тыс. наших сечевых стрелков. Последовали страшные репрессии. Венгерские фашисты не щадили никого. Кстати, даже в войну у нас почти не было немцев. В 1944 году немцев и холуев, венгров, выгнали. В октябре Закарпатье на правах области вошло в состав советской Украины. Началась национализация и коллективизация.

Да, насчёт Коротича, это уникально чистый и правдивый человек. Не знаю, как у вас он ещё держится, он прекрасно говорит на украинском, прекрасно понимает словацкий, чешский. Мне посчаст-

ливилось встречаться с ним в городе Пряшево, это Словакия. Он был проездом и в Украинском доме г. Пряшево, там почти 40 процентов украинцев. Давал интервью. Это было в 1983 году, жаль, у меня нечем было всё записать. Но тогда я понял – это ЧЕЛОВЕК.

12.03. Привет, Богдан. Вот чувствуется, что ты всю жизнь был на руководящей работе, не то что я – простой инженер. Я тебя прошу рассказать, как живёт Ужгород, чем дышат люди, на каком языке разговаривают и что продают на рынке, а ты мне про пакт Молотова – Риббентропа. Я и так в целом знаю, что Ужгород попал в состав СССР в 1944 году, а до этого кто там только не был. Ты молодец, что занимаешься историей своего края.

12.03. Борис, я тебе уже говорил, в Ужгороде всё спокойно, и у нас сейчас, как и всегда, все говорят на своём языке. Знать язык – это хорошо, но главное – уметь на этом языке писать и читать, а так это кухонный язык. У нас в Ужгороде сейчас три русские, две венгерские, две словацкие и даже одна цыганская школы. А бандеровцы – так они все у вас на Самотлоре, бурят скважины и вашему президенту достают доллары. Вчера на нашем ТВ выступил Борис Немцов, а в Киеве на майдане был Ходорковский, и они рассказали интересные факты.

Пойми, мы говорим как кому нравится и все друг друга понимаем, не зациклены на русском языке. Друзья мои русские, учите другие языки и будете добрее.

13.03. Богдан, добрый день. Однако бытописателя из тебя не выйдет, хоть ты и говоришь на четырёх языках. А писать и читать на них умеешь? А то у меня друзья в Кишинёве всю жизнь прожили, спрашиваю: «Вы как, по-молдавски можете?» – «Да, – говорят, – на уровне «выпить-закусить». Выступление Ходорковского я читал, умный мужик, ничего не скажешь, а Боря Немцов – это как ваша Юлия Тимошенко, даже пожиже. Что касается шахтёрских городов, до недавнего времени шахтёры жили нормально, средняя зарплата 2–2,5 тыс. долларов, но сейчас цены на уголь упали, нет спроса. Деревня, конечно, не процветает, едешь по дороге, и кругом пустые поля.

13.03. Да, ты прав, я не писатель, как ты. Скажу новости. В Киеве сняли всё наше бывшее дорожное руководство, да и по областям, в том числе и у нас тоже. Представляешь, вчера мне звонит новый киевский начальник и предлагает должность заместителя руководителя облавтодора. Я вежливо отказался – возраст, а если честно, по сегодняшним правилам работать не могу, то есть воровать. Да, ты прав, и Немцов, и наша Юлька политические трупы, но с миллионными доходами.

14.03. Только что прочитал про аннексию Крыма. А референдум на Аляске ещё не назначен? Берите сколько хотите, только, чур, не подавитесь.

Всё, ни слова о политике, я не хочу тебя потерять, своего умного друга, а то из наших никто уже со мной не общается. Да Бог им судья.

18.03. Друг мой, я взял паузу, чтобы обратиться к тебе с теми же словами. Ты умный парень, хоть иногда бываешь эмоциональным. Прекрасно тебя понимаю. Я переписываюсь с друзьями из Ялты и Севастополя. У них настроение совсем другое. Надеюсь, что всё успокоится, и у вас, и у нас всё будет хорошо. Даст бог, мы с тобой встретимся и выпьем по чарке молодого зелёного вина. Желаю тебе и твоей красавице жене здоровья и благополучия.

23.03. Борис, да, мне сейчас довольно трудно с тобой разговаривать, ведь ты все события знаешь только в основном по своему ТВ. Я рад, что у тебя есть друзья в Севастополе и Ялте, и что? Они сказали, как их там угнетали и заставляли говорить по-украински? Они жили как кот в масле, а вот что будет дальше, пусть пишут, но только правду. Я был в Крыму три раза. Это была моя работа. Со сколькими хорошими крымчанами познакомился и до сих пор поддерживаю отношения. Никто никогда ни слова не говорил о притеснениях. А вот то, что сейчас происходит, у меня в голове не укладывается. Я и мои сотрудники были украинцы и один венгр. Говорили все на русском. Мы там подружились и с русскими, и с татарами. Я понимаю, вам сошли с рук действия в Приднестровье, Абхазии, Осетии. Ладно, история нас рассудит. Но оккупация есть оккупация. И не говори о референдуме и о крымском народе, он здесь не при чём, как и русский народ. Да, я иногда эмоционален, а как иначе, когда в стране уже объявляют, хотя и частичную, мобилизацию…

24.03. Да, хочу сказать, что никогда ни я, ни мои друзья и украинский народ, никогда не имели претензий к русскому народу. Мы только против имперских амбиций Москвы. Хотя Москва тут ни при чём, я там прожил пять лет и знаю её прекрасно, в том числе москвичей. Разговор идёт о вашей хунте. Ведь ты в курсе, что когда-то ни Кузбасс, ни Алтай, ни Сибирь не относились к России. Потом благодаря Ермаку и другим казакам началось завоевание новых земель, извини, по вашей истории – освоение. Вашим правителям, видимо, генетически передаётся мания величия. Римская империя пала и другие тоже, и вас это ожидает. Ваше ФСБ, контрразведка и другие спецслужбы оказались на высоте, ничего не скажешь, куда там ЦРУ. Плюс мощнейшая дезинформация и пропаганда.

25.03. Добрый день, Богдан. Ты вновь вышел на связь, а то я уже начал беспокоиться, не попал ли ты в чёрные списки за то, что со мной переписываешься? 17 марта ты писал «ни слова о политике», и я с тобой согласился, но, однако, ты опять раз-

разился гневным монологом, изрядно там вас накачивают. Но, с другой стороны, я тебя понимаю. Я веду переписку с большим кругом друзей (Кишинёв, Казань, Москва, Тюмень, Штутгарт, Израиль и так далее) и хочу тебя огорчить, вашей истерии по поводу присоединения Крыма к России они не разделяют. Ты любишь ссылаться на историю. Но согласись, что Крым оказался в Украине по недоразумению. Я тоже в своё время бывал в Коктебеле и Феодосии и согласен с тобой, что ничего украинского там нет. Ещё раз говорю, что мы – один народ, один славянский мир, между нами меньше различий, чем между бретонцами и гасконцами. Вышел 10-й номер журнала «Огонёк», там большая статья твоего земляка из Ужгорода о Закарпатье и русинах. О них ты что-то ничего не пишешь, а было бы интересно. Пиши, друг мой, и не сердись, если моё мнение в чём-то не совпадает с твоим.

25.03. Я в выходные смотрел ваши каналы. Ну что, молодцы! Ведь как Геббельс сказал: «Дайте мне средства информации, и я завоюю любую страну». Надеюсь, что ты им не веришь, но слова в твоём послании о какой-то истерии свидетельствует о том, что невольно идёшь у них на поводу. Да, Крым присоединил к УССР, а не к Украине Хрущёв, но это был СССР.

Вспомним Беловежскую пущу, где развалили Союз ваши и наши одиозные правители. И при чём тут Крым, да никто и никогда ни в Крыму, ни в Донецке, ни в Луганске, где почти все русские, не навязывал ничего украинского. Все жили спокойно, как желали. Ну нет в этих областях, как ты говоришь, ничего украинского, ну и что? Никто не заставляет их там танцевать гопак. Да, мы славяне, русские, словаки, чехи, сербы, болгары, поляки, белорусы, и мы, украинцы. Так что, ты предлагаешь Кремлю их всех взять под своё крыло? В принципе все воспринимают действительность, как им выгодно.

Насчёт Закарпатья и русинов. Это очень большая тема, я её хорошо знаю, так что попозже. Дай мне автора в «Огоньке», я, кажется, догадываюсь, кто. Скажу честно, Закарпатье – совсем не Украина, и если я буду говорить на закарпатском языке, то ни один украинец меня не поймёт.

27.03. Богдан, фамилия автора Александр Свабов, статья называется «Украина и Украины».

28.03. Спасибо за фамилию, но это псевдоним. И никакой он не русин, а недоучка, исключённый с 3-го курса факультета журналистики. Вообще кто поднимает русинский вопрос в Украине – это провокатор. Да, у нас в одном конце села говорят на одном наречии, а в другом на другом, и русины здесь ни при чём. Закарпатье было под Австро-Венгерской империей с 1918 года, потом под Чехословакией, где был президентом Масарик.

Но всё в прошлом. У нас всё прекрасно, зацвела сакура. Ты, наверно, и не знал, что в Ужгороде есть две аллеи сакуры.

31.03. Богдан, ты ещё не зарегистрировался кандидатом в президенты от Закарпатья? Я бы тебя поддержал. Если нет, смотри внимательно, как цветёт сакура. Как говорят японцы, это помогает во всех случаях. Всё это шутки, смотри эл. почту, там мои пьесы. С первым апреля! Когда я был председателем месткома в институте, то этот праздник мы всегда весело отмечали.

02.04. Дружище, о политике ни слова, только о сакуре. У нас сейчас понаехала тьма туристов любоваться сакурой. А посадил её частный предприниматель, когда Закарпатье относилось к буржуазной Чехословакии. Когда на Украине был голодомор, Закарпатье процветало, дед мой рассказывал, в магазинах было всё, даже бочками чёрная и красная икра, но гуцулы считали её чем-то протухшим. Гуцулы – это наши горцы, и я один из них, мы никакого отношения не имели ни ко Львову, ни к Станиславу, сейчас это Ивано-Франковск. И не особенно друг друга уважаем, хотя у меня там много друзей. Да у нас и язык другой.

В президенты не собираюсь, ты так не шути. Там собралась команда идиотов и коррупционеров: полуеврей Яцынюк, Тигибок, дура Юлька, какой-то Добкин, врачиха и бывший экс-министр обороны. И ты хотел меня засунуть в такую компанию? Я – Заслуженный Строитель Украины и мараться не собираюсь. Вот получаю к пенсии надбавку, аж 150 гривен. За последние дни я тебе много написал, но, думаю, ничего плохого.

Прочитал твои пьесы с большим удовольствием. Я, честно, горжусь тобой.

03.04. Богдан, рад, что мои пьесы тебя позабавили. Наверное, и у тебя в институте, которым ты руководил, молодёжь устраивала разные праздники. Я, когда работал в Горпроекте, одно время был начальником архитектурной мастерской. У меня там были творческие ребята. Мы с ними ставили пьесы, снимали кино и встречали старый Новый год в Доме архитектора, а теперь всё развалилось. Другое время.

03.04. Да, праздники и у нас были, даже театральные и вроде капустников. Сейчас в Украине культура и спорт в загоне. Всё развалили и продолжают разваливать.

Да, пьесы твои меня не позабавили, а вернули, скорее, в забытую реальность. Ты молодец.

У меня друг в Израиле и землячка в Голландии и пишут мне: «Это вы русских убиваете». Ну просто бред, мы даже цыган никогда не трогали. Российские СМИ – самые мощные в мире. Я смотрю по

спутнику некоторые русские программы и через пару минут выключаю, полнейший вздор.

03.04. У нас был мощный проектный институт, который контролировал всё строительство в городе. Там было 575 человек проектировщиков всех специальностей, а сейчас института нет, все разбрелись по мелким шарашкам и кропают кто как может. В городе нет даже главного архитектора. Застройка ведётся безобразно, о дорогах уже не говорю. За последние десять лет в городе построили одну магистраль, и то за счёт дорожного фонда. Я по старой памяти её курировал.

04.04. Борис, вчера послал тебе ещё одно большое сообщение, но оно исчезло. У нас кандидатов в президенты было 46 человек, но зарегистрировали 24. Я там не вижу, за кого можно голосовать. Ты вот предложил мне, спасибо, но я в эти игры не играю. Я был депутатом областной рады один срок, то есть четыре года, и зарёкся. Политика – это такая грязь, даже на уровне района и области, не говорю о центре.

09.04. Богдан, ты обещал описать своё жилище. Окружено ли оно забором или стоит на красной линии, растут ли у тебя на участке тутовые деревья или гранаты. Сколько этажей и комнат и на какой улице расположено, в центре или на окраине. Пиши подробно.

09.04. Ну что сказать о своём доме? После смерти тестя продали его особняк в Рахове за 15 тыс. долл. и здесь, в центре Ужгорода, купили небольшой дом старой постройки. Представляешь, стены 70 см, а кирпич кувалдой не разбить. Потом продал свою двухкомнатную квартиру и достроил 2-й этаж, полностью поменял крышу. Поменял всю сантехнику, электропроводку, ну и прочее, даже улицу отремонтировал. У нас в центре почти не применяют асфальт, только каменная шашка. Жаль, около дома мало земли, всего 2,5 сотки, и я ещё гаражом занял, но Марии на клумбы хватает. Самое главное в доме – это уют и согласие. Слава Богу, я со стройкой закончил, но кредит в банке ещё плачу. Ты руководил архитекторами и знаешь, что построить дом за городом на новом месте гораздо легче, а я реконструировал старый особняк в центре города.

Ты интересуешься Ужгородом, приезжай в любое время, комнат хватает. Это удивительный город, по-настоящему западноевропейский, и кофе у нас прекрасный, а то львовские хвалятся, что у них лучше. Вообще-то в Закарпатье львовских не очень привечают.

Дача есть, всего 10 км от дома, пять соток, но я её превратил в сад и виноградник.

10.04. Богдан, спасибо за приглашение. Я никогда в Закарпатье не бывал. Могу тебя похвалить за стройку, потому что знаю, что это такое и каких трудов стоит.

13.04. Борис, поздравляю с Вербным воскресеньем. Никак не допишу о своём доме, я рад, что тебе интересно. Ты спрашивал, сколько в особняке комнат. Три внизу и две на втором этаже. Там мой кабинет и художественная мастерская дочки. Ей предлагали в Ужгородском институте искусств работу, но оклад просто смешной. У неё в Киеве своя квартира. Она молодец, но вот внуков у меня нет.

Так вот, у меня в доме, кроме комнат, много подсобных помещений. Три подвала, один сугубо технический: счётчики, разводка и, главное, контроль за канализацией, которая в центре города функционирует ещё со времён Франца Иосифа, императора Австро-Венгрии. Скажу честно, пока проблем не было. Второй подвал для запасов, а вот третий, самый большой, около 15 кв. м – мой, для вина. В Томске я жил в преподавательском доме, там кухня была 6 кв. м, и это так меня достало, что сейчас в доме у меня не кухня, а кухня-столовая – более 20 кв. м, с большим столом для гостей. И даже бар со стойкой есть. Да, кроме этого, есть большая кладовая, гардеробная комната, большой холл, веранда и один балкон. Но дело не в количестве комнат, а в том, чтобы они не были загромождены шкафами и прочей мебелью, чтобы было светло и просторно.

14.04. Богдан, могу за тебя только порадоваться. Это действительно особняк в буквальном понимании этого слова. Твой дом случайно не памятник архитектуры?

14.04. Нет, особняк не памятник архитектуры. Подвалы и первый этаж старинные, второй этаж я достроил из словацких пеноблоков с хорошими теплозащитными качествами, то есть с хорошим коэффициентом теплопроводности. Стены утеплил пенопластом, всё заштукатурил. Сейчас плачу за коммунальные услуги в два раз меньше, чем когда жил в квартире.

22.04. Христос воскрес, с праздником, успехов вам, благополучия и мира. У нас Пасха – это большой праздник. В Ужгороде всё прекрасно, словно живём в другой стране. В городе ярмарка вина и закарпатских блюд, международные соревнования по гольфу, у нас есть поле для этого. Очень много туристов, в основном из-за рубежа. Все удивляются, говорят, по телевизору такие страшилки показывают, а у вас всё прекрасно. Надо постучать по дереву, пока сюда ваши политики не добрались. Вот скажи, что, у вас мало своих проблем? Я не знаю, что вы будете делать с Крымом, ведь он, кроме вина, ни хрена не производит и сидит на дотациях. Я смотрю ваши каналы – это чушь полная. Залез Кремль в авантюру, история рассудит. Ещё раз с праздником, счастья вам!

25.04. Привет, Богдан. Рад, что у вас всё хорошо, тихо и спокойно. Дай вам бог самим во всём разобраться без крови. Проблем у нас действительно хватает, и ваших нам, конечно, не надо. Вчера был на дороге Томск – Мариинск, принимал объект, сделанный ещё в 2012 году. Дорогу довели до ужасного состояния. Ещё в 2004 году писал служебную записку, что надо что-то делать, но у всех на уме грандиозные, пафосные проекты, где можно засветиться перед ТВ, а эта дорога брошена. Местами уже только по обочине можно проехать. В общем, испортил себе настроение. Богдан, а ты знаешь что Рахово – это географический центр Европы?

25.04. Ну не совсем Рахово – центр Европы, это в 20 км ниже с. Деловое. Там установили знак ещё в 20-х годах, какая-то международная экспедиция. Надпись на латыни, что это географический и геодезический центр Европы. Туристы балдеют. Рядом, как сейчас положено, ушлые люди построили кабак и кучу мелких лавок с сувенирами. Это на обочине дороги, а за дорогой течёт река Тиса и вокруг горы. Через реку проходит железная дорога Рахов – Сигет, это уже Румыния, далее в Европу. «Железку» строили в 1910 году. Места очень красивые. Главное, чтобы не загадили всё. Насчёт дорог не расстраивайся. У нас то же самое, особенно на местных дорогах. В этом году выделили деньги только на ямочный ремонт. Дорожные фирмы стоят без работы.

26.04. Понимаешь, каждый человек выбирает свой путь, хотя и не всегда сам. Вот ты мог бы быть врачом, а я электронщиком, но судьба нас свела на дорожном факультете, и я не жалею. Мы с тобой кое-чего добились, а то, что нет миллионов, так от этого только легче. Зато я прожил жизнь честно, хожу в церковь, перед Пасхой исповедуюсь.

Когда я был замом в облавтодоре, меня, как и положено, курировал отдел обкома партии. И инструктор, куратор, был интересный парень, мы даже подружились. Помню, как-то после работы, когда пили пиво, попросил он у меня пять рублей в долг. Прошло время, разваливается СССР, и мой должник на пять рублей становится миллионером. У нас коммунисты быстро стали капиталистами. Он стал учредителем какой-то корпорации, конечно, по газу и нефти. Это всё были партийные деньги, и Олег просто был подставой. Потом фирма лопнула, деньги ушли кому надо, а мой инструктор, сам понимаешь, не пропал, живёт и процветает в Сан-Франциско, но пять рублей не вернул.

28.04. Богдан, благодаря тебе я скоро буду знатоком Закарпатского края. Действительно, как прихотлива судьба. Если бы ты поступил в ТИРЭТ, а я в Томский мединститут (был и такой факт в моей биографии), то мы никогда бы друг о друге ничего не узнали. А может быть, и встретились бы случайно, где-нибудь на танцах. Я никогда не жалел, что стал инженером путей сообщения. Два года я учился в вечерней школе, а потом работал слесарем на тракторном заводе. Работа меня не напрягала, но то, что утром, придя в цех, нужно было сдавать свой пропуск в табельную и за ворота до конца смены нельзя выйти, меня страшно угнетало. А наша профессия связана с природой, с пространством. За эти годы я объездил Кузбасс вдоль и поперёк, повидал много интересного. Нет, у нас прекрасная профессия, а то, что мы с тобой не заработали золотые горы, то бог с ним. Конечно, в наше время это не повод для гордости, но жизнь мы прожили честно.

28.04. Я тебе о Закарпатье не рассказал и одной десятой, да и сам ещё не всё знаю. Ведь у нас такая история, столько было всяких разных правителей! Но в 1939 году пришли венгры, немцы заняли в Чехии Судеты, а Львов, Ровно, Тернополь отошли к Украине. Но самое главное, у нас народ очень религиозный, и когда пришли Советы, они в первую очередь начали уничтожать храмы. Вот и появился на Западной Украине Бандера. Но Закарпатья это тогда не коснулось. Советская армия нас освободила в октябре 1944 года, правда, от чего освободила? Сразу началась коллективизация, банды, аресты и прочее.

У нас очень красивый край, крутые горы, полонины и немного равнины, и проживали тут в основном три национальности: украинцы, венгры и румыны. Так вот, первые русские в Ужгороде появились в 1920-х годах, это были в основном белогвардейские офицеры, ведь мы тогда были Чехословакией. Я ещё был маленький, но после войны, где-то в 1958 году, встретился с 85-летним поручиком, конечно, я был с отцом. Это потрясающе культурный и образованный человек, и, самое главное, он знал не только украинский, но и почти все закарпатские диалекты. Эти офицеры построили православную церковь, небольшую, но очень красивую, на берегу реки Уж. Она до сих пор работает и является достопримечательностью города. А вот после освобождения Закарпатья пришло и осталось много русских, которые получили большие должности и самые элитные квартиры, но за все прожитые здесь годы ни они, ни их дети язык так и не выучили. Говорят, что это плебейский язык. Но у нас на них обиды нет, ведь культурный человек всегда уважительно относится ко всем, кто его окружает. Мы, гуцулы, родились и живём в этих горах, нас так прозвали.

30.04. Богдан, читаю твои заметки. Сколько там у вас всего намешано и как тесно всё переплетено: языки, страны и народы. Я так понимаю, что и язык у вас не совсем украинский, а название «гуцулы» –

это так же, как у нас сибиряки, а не национальность. Хочу спросить, доходят до вас какие-либо российские издания? Или только европейские?

Богдан, поздравляю тебя с наступающим праздником Первое мая. Мы с тобой прожили жизнь при советской власти, и ничего плохого она нам не сделала. Идеи социального равенства считаю прекрасными, хоть и неосуществимыми. Сейчас многие об этом задумываются. Были бесплатное образование, и гораздо лучше, чем сейчас, бесплатная медицина, жильё... А теперь наши олигархи содержат за наш счёт английские и французские футбольные клубы.

30.04. Теперь о родословной. Я не совсем украинец. Мой дед родом из Сараево. Он пацаном был на митинге, когда кронпринца застрелили. Началась Первая мировая война, австрийцы захватили Сербию. Его, деда, семья через Румынию пришла в Закарпатье. Там дед нашёл красивую девушку, то есть мою бабушку, и родили они 11 детей, правда, выжило только 9. Дед умер почти сразу после рождения последнего сына Алексея, который окончил университет. Благодаря Алексею я так хорошо знал математику. Бабушке пришлось самой растить эту ораву детей, но она была сильная женщина и очень строгая. Мой отец родился предпоследним и рассказывал, как она с ними управлялась. Все вышли достойными людьми. Дядя Николай – в Братиславе, ушёл на пенсию в чине полковника, дядя Иван – в Торонто, Осип был начальником железной дороги Закарпатья. Было ещё две сестры, но они просто домохозяйки.

08.05. Я тебе рассказал о дедушке, а вот история отца намного сложнее. Он родился в 1918 году, когда Закарпатье было в Чехословакии. Его призвали в чешскую армию. Он рассказывал, что служить там было одно удовольствие, утром даже солдатам давали чёрный кофе. Но в 1938 году пришли венгры – союзники Гитлера. И отца снова призвали в армию, но уже венгерскую, техником-связистом. Он и ещё три его друга убежали в СССР, где их сразу посадили в лагерь как шпионов. Но нет худа без добра, когда началась война, в городе Бузулуке генерал Свобода, он потом был президентом Чехословакии, начал формировать корпус. Туда собирали чехов, словаков, сербов со всех лагерей. Там оказался и мой отец. В тяжёлом сражении на Дуклинском перевале он был ранен. Потом было сражение за Прагу, ведь её освободили через четыре дня после Берлина. Отец получил из рук самого Свободы орден Белого Льва, это в Чехословакии, как у нас звезда Героя. Вернулся домой надпоручиком, это как у нас ст. лейтенант. В 1945 году женился, построил дом, через год родился я, а через семь лет брат Василий. Вот такая история.

12.05. Богдан, ты молодец. Собираешь историю своей семьи, как всё непросто.

Что я знаю о своих предках? Дедушка и бабушка родились в России, на Волге, а потом, в начале XX века, поехали в Сибирь. В Бийске в 1919 году родилась моя мама. Когда началась война, она как раз окончила институт в Омске и по распределению поехала на Крайний Север, в село Берёзово, это там, где в ссылке был Меншиков. Потом переехала в Ханты-Мансийск, где я родился. А когда контракт у неё закончился, то 1948 году вся семья, то есть мама и мои дедушка и бабушка, переехали на Алтай. Вот такие дела. А чем занимается твой брат? Ты о нём как-то даже ни разу не упоминал.

13.05. Брат мой сейчас на пенсии, живёт в родительском доме. До этого жил красиво и глупо. Он был любимым сыном, и ему можно было всё. С семи лет занялся народными танцами и уже к 12 годам добился первых успехов, начал танцевать в местном народном ансамбле. Окончил школу и был приглашён в профессиональный ансамбль. Параллельно он учился в пединституте на истфаке. Но знаешь, как учился, – как спортсмены. Потом его пригласили в Киев, знаменитый ансамбль им. Вирского. В 36 лет ушёл на пенсию. Преподавал в техникуме. Когда умер наш отец, на похоронах было всё районное руководство, и там ему сделали предложение работать на таможне, и это было и моей ошибкой. Стал ст. инспектором на румынском КПП, и началось. Через год купил машину, но постоянные гулянки-пьянки своё дело сделали. Через пять лет заставили уволиться.

14.05. История твоего брата, наверное, характерна для творческих людей. Это мы с тобой инженеры, хотя, мне кажется, тоже люди творческие. Недавно откликнулась Галя Л. Осваивает планшет и собирается общаться с друзьями по скайпу. А я вспоминаю наше время. Когда писал диплом, кроме арифмометра и логарифмической линейки, ничего не было, а сейчас молодёжь даже не знает, что такое готовальня, не говоря уже об арифмометре. В ТИСИ в этом году планируют сделать защиту в электронном виде, без развески чертежей, если будет оказия, съезжу, посмотрю, что это такое. Давно уже не был в Томске и скучаю по нему, а может быть, просто по нашему времени.

18.05. Логарифмическая линейка у меня есть, даже две, это уже реликвия. Племяннику, он почти хакер, полчаса рассказывал, но он так и не смог понять, как ей пользоваться, а ведь, если задуматься, это же основа компьютера.

Когда был директором в институте, то за счёт связей в Москве и Киеве добывал самые современные программы, и наша проектная организация на то время была самая крутая, но к этому отношусь двояко. Нет, я не хочу возвращаться к кульманам, но инженеры не умеют принимать собственные решения, на любой случай есть программы. Помнишь,

как мы чертили продольный профиль с помощью лекал. Я молодым рассказал, так они понять не могут, а лекал у меня нет, чтобы показать.

19.05. Да, инженеры нынешние зациклились на компьютерах и не хотят думать. Уже и архитекторы почти не рисуют. Вот такие дела. Надо сознаться, что и сам ручкой почти не пишу, всё печатаю на компьютере. Кто бы знал 40 лет назад, что так будет.

20.05. Я на связи с бывшими коллегами из Москвы, так вот, они пишут, что вся Москва увешана плакатами с призывами ехать отдыхать в Крым. Сезон начался, а отдыхающих нет, цены подскочили в два раза. В Крыму большие проблемы с дорогами, сотни оползней, очень сложные условия. Я писал, что участвовал в двух проектах в Крыму по укреплению склонов, осталось много друзей, в том числе среди татар. Прекрасный, гостеприимный народ. Смотрю иногда ваш канал с Киселёвым, но долго не выдерживаю. Это сколько надо иметь злобы, чтобы нести такую ахинею. Мы на Украине совсем не смешиваем Россию с Кремлём. У нас неделю назад был Международный турнир бальных танцев, и во взрослой, самой престижной номинации 1-е место заняла российская пара, их очень тепло встречали. В Ужгороде, по соцопросу, 20 процентов говорит на русском, 20 процентов – на венгерском, ну и где-то 40 процентов – на украинском, остальные – чехи, словаки, румыны, и все друг друга понимают, никогда никаких скандалов на этой почве не возникало.

21.05. Рад за тебя, что у вас всё спокойно. Правда, тут как-то венгерский премьер выступил и сказал, что в Закарпатье надо создать венгерскую автономию.

21.05. Да бред это. Венгерский премьер просто пиарится. У нас многие венгры и румыны, у которых там родственники, уже давно имеют по два паспорта, и автономия им до лампочки. Имея родного дядю и двоюродного брата в Братиславе, я мог бы тоже сделать словацкий паспорт. У меня шенгенская виза ещё действительна, могу ехать куда хочу. Так что всё это чушь. Венгры ездят к нам за продуктами, спиртным и бензином, так как у нас намного дешевле.

22.05. Добрый день, Богдан. Посмотрел данные про твоё Закарпатье. Оказывается, у вас территория почти в восемь раз меньше Кемеровской области, а она самая маленькая в Сибири. И венгры – вторая по численности диаспора. А ты, друг мой, к кому себя относишь? Помнишь Томск, никто никогда даже не задумывался о национальности.

22.05. Да, Закарпатье небольшая область, но очень живописная. Красивые горы, есть равнина в низовье Тисы, где живут венгры. Населения в области около 1,2 млн. Граничим с четырьмя странами. Жаль, с Польшей до сих пор нет погранперехода, хотя проект был готов уже пять лет назад. Если Украина вступит в Евросоюз, то, может быть, выделят деньги, там надо около 5 млн дол.

У нас уже лето. Картошку давно посадили, она уже проросла, но я этим не занимаюсь, на даче у меня сад с фруктовыми деревьями и виноградом. Особенно вкусная картошка у нас растёт в горных районах, но её надо охранять от диких кабанов. Стрелять нельзя, а развелось их в горах очень много. Есть медведи, олени, косули и прочие звери. Охоту разрешают в осенне-зимний период по лицензиям, которые довольно дороги. В отличие от моих предков я этим не увлекаюсь. Мой отец был охотником, и у меня в комнате висят оленьи рога и рога косуль, а на полу лежит кабанья шкура.

У моей дочки завтра открывается персональная выставка в центре АРТ-Арсенал, хозяином которого является Пинчук, зять Кучмы. Это её вторая выставка, первая есть в Интернете, можешь найти.

26.05. У вас действительно замечательный край, а у нас хмурое небо и снег с дождём. После развала СССР все благодатные и тёплые места нам уже недоступны.

Перечитываю мемуары И. Эренбурга, и там такое замечание: «В преклонные годы опять тянет к друзьям юности и отрочества».

26.05. Мы сегодня выбрали президента в первом туре, никогда такого не было, и Кремлю это не нравится, да Бог им судья. Что-то сбилось, наверное, определённые службы, и ваши и наши, чётко следят за общениями с заграницей. Нас всех контролируют, кого больше, кого меньше. Ладно, дальше об этом говорить не буду. Ожидаем, что новый президент что-то исправит.

09.07. У меня хорошая новость. Пригласили в университет читать лекции по проектированию городских дорог, это то, что я читал в ТИСИ. Здесь есть инженерный факультет, специальность «Городское строительство». До сих пор там преподавали то физики, то химики. Сейчас поменялся ректор, им стал мой хороший друг и пригласил меня. Когда я посмотрел, что им читали, то ужаснулся. Вспомни, как нас дрессировали по вертикальной планировке, здесь об этом даже преподаватели не слышали.

11.07. Это хорошее занятие, поздравляю. «Вертикалкой» действительно в институте дурили голову, но когда пришёл на работу, всё оказалось просто. Вообще готовили нас неплохо. Теперь пишу рецензии на дипломы, сижу в ГЭКе и понимаю, что нынешние ребята, за редким исключением, не такие креативные. Копируют, переписывают из Интернета и не задумываются. Многое зависит от преподавателей, но если они сами имеют смутное

представление, чему они могут научить? Кстати, на каком языке будешь преподавать? Если на украинском, любопытно было бы послушать.

14.07. В субботу общался с деканом и заведующим кафедрой. Посмотрели мои лекции и разрешили читать на русском языке. Сказали, что нечего коверкать термины, ведь некоторые на украинском звучат непривычно и даже курьёзно. Мои лекции, которые я читал в ТИСИ, признали отличными. До 1 сентября отдыхаю. Будет две лекции в неделю и курсовые проекты, от практических занятий я отказался.

15.07. Борис, я всем уже написал, но никто не отвечает. Я понимаю, ведь информационную войну Россия выигрывает, но то, что ваши каналы показывают, это сплошной бред, противно слушать, так что не хочу об этом. Далась вам Украина! Да, у нас проблемы, но не с русским языком, а с украинским. Семьдесят процентов печатных изданий – на русском, в Киеве, кроме как на базаре, украинский не услышишь.

16.07. Богдан, о какой информационной войне ты говоришь, не знаю. Всё уже утихло. К Украине все относятся с сочувствием. Жалко, что гибнут ни в чём не повинные люди. Дай бог, чтобы все противоборствующие стороны сели и спокойно договорились.

16.07. Мне тяжело это писать, но что украинский народ, в том числе русские, которые здесь живут, сделал вашим правителям плохо? Вас ждут большие катаклизмы, возможно, после нас. Все империи рушились. Больше об этом писать не буду, извини. Да и не надо Украине сочувствовать, лучше посочувствуйте Киселёву, который получает 800 тыс. евро в месяц и фабрикует брехню против Украины. Не обижайся.

21.07. Богдан, я не обиделся. Просто не хотел тебе отвечать сгоряча. Я перечитал нашу переписку, но так и не понял, что привело тебя в такую ярость. Друг мой, я вовсе не хотел тебя задеть, говоря о том, чтобы всё поскорее мирно закончилось. Неужели ты хочешь, чтобы война продолжалась и гибли люди? Вместо того чтобы в десятый раз писать про Киселёва, ты бы лучше написал, как вы живёте. Сколько стоит хлеб в магазине и мясо на базаре? Поверь, меня это больше интересует, чем то, что там кто сказал и по какому каналу. Ещё раз хочу тебя заверить, что не покушаюсь на независимость Украины и не собираюсь её завоевывать, да и Россия тоже. Друг мой, мы с тобой уже в таком возрасте, что волноваться по поводу того, кто кого сменит у власти, просто смешно. Будем радоваться успехам своих детей и внуков, читать лекции, писать статьи. Остальное всё суета.

22.07. Боря, я не обижаюсь и не в ярости. Россия и ваш народ до этой бойни не имеет отношения, как ты правильно сказал, и у нас и у вас проходимцев достаточно. И такая особенность – они всегда у власти.

Насчёт хлеба, только что купил белый за 5 грн., на рубли это, если не ошибаюсь, около 10–11 руб. Хорошая свинина 1 кг около 450 руб., курятина вполовину меньше.

22.07. Добрый день, Богдан. У нас тоже стоит жаркое лето, вот уже больше месяца +30. Ты знаешь, у меня товарищ в Казани, с которым я когда-то учился в вечерней школе, и мы с ним переписываемся, конечно, не так интенсивно, как с тобой. И вот в последнем письме, прочитав мою статью, он написал: «В конце концов не важно, чего я достиг в жизни, – важно, что я каждую минуту жил» – это цитата из Ю. Олеши. Однако как верно. Будем жить.

23.07. Ты прав: будем жить, пока нам отведено Богом время. Не думай, что я сильно религиозный, хожу в церковь по большим праздникам, привык с детства и честно скажу, как-то становишься чище. Не люблю современных священнослужителей, все на иномарках, а Христос ходил в хламиде. Жаль, но церковь превратилась в крупный бизнес, Бог здесь ни при чём. Я верю, как меня учили родители, и поклонами лоб не расшибаю. Противно смотреть на руководителей, которые всё запрещали, а сейчас в церкви в первых рядах.

25.07. Привет, Богдан. О религии и вере говорить не могу, я не знаток, но хочу спросить, к какой церкви ты принадлежишь? Как я знаю, на Украине их великое множество. Говорят, у вас силу набирают протестанты. Смотреть на бывших коммунистов со свечками действительно смешно.

25.07. Да, на Украине много конфессий, но в Закарпатье в основном три: православная, грекокатолическая и римскокатолическая. Мои все предки ходили в грекокатолические храмы, я там крестился и венчался, так что веру не меняю. В принципе служба да и праздники у православных и грекокатоликов одинаковые. Православные пользуются старославянским языком, а грекокатолики – украинским. Да, есть и протестанты, и субботники, и какие-то секты, но у нас их мало, и наши люди их не любят. Вчера в Киеве был суд о запрете компартии Украины, но пока перенесли на август.

28.07. Богдан, как я понял, ты у нас почти католик, а ведь за пять лет ни разу не проболтался. А чем отличается римскокатолическая церковь от грекокатолической?

29.07. Ну я не совсем католик. Католики – это у нас венгры, чехи, словаки. Когда Западная Украина была под Польшей, то, чтобы сохранить православные обряды и язык, где-то в 1680 году была проведена так называемая уния, и от православия часть

отделилась, но с условием подчиняться Папе Римскому. Зато сохранили все обычаи, язык и даже календарь. В 1946 году грекокатолическая церковь была запрещена, 90 процентов священников посадили, а в 1991 году церковь возродилась. Сейчас на Западной Украине верующих около 75 процентов.

30.07. Добрый день, Богдан. Насколько я знаю, грекокатолическая церковь была легализована в 1989 году, при Горбачёве, а как же ты венчался? Ведь вы с Марией поженились гораздо раньше.

30.07. Да, я венчался подпольно, ведь даже за венчание в православной церкви мне грозило увольнение, и дочь крестили на дому так же. Грекокатолическая церковь была запрещена и существовала в подполье, но ведь не смогли посадить всех священников. В Закарпатье в каждом районе были синагоги, а вот мечетей нет и не было.

Мои коллеги дорожники работают три дня в неделю, а проектные фирмы по всей Украине почти умерли. Жаль, ведь там собраны умные люди.

У вас там вступил закон о терроризме, так что наши с тобой записи, наверное, читают. У меня всё хорошо, вышел приказ, и я утверждён на полставки доцента.

02.09. Привет, Богдан. Вчера вышел на работу и сразу поехал в Юргу, это 100 км от Кемерово. Надо срочно построить две вертолётные площадки до 8 сентября, к приезду министра обороны. Конечно, мечтаю когда-нибудь посетить ваш благословенный край, побродить по старинным улицам Ужгорода, походить по окрестностям, но сбудется ли это, не знаю.

21.09. У меня всё хорошо, но забот добавилось. Планировал две лекции в неделю, но сейчас решили три, чтобы начитать материал до начала курсового проектирования, так что занят. Приходится готовиться. Многое подзабыл, да и требования сейчас другие. Приезжаю в университет на своих «Жигулях», поставить негде, везде иномарки студентов.

22.09. Богдан, рад за тебя. Ты опять в строю, это хорошо. Три лекции в неделю это, конечно, многовато, но, я думаю, ты справишься.

22.09. Привет, я тоже строил одну вертолётную площадку, но в горах, для нашего бывшего злодейского президента и его прихвостней.

Сейчас ещё одна забота – сбор винограда и выделка вина, жаль, нет помощников.

23.09. С удовольствием помог бы тебе собирать виноград. Да вот виноградники твои так далеки и ехать вовсе не с руки. Шучу, дорогой.

24.09. Лекции проходят нормально, я нашёл контакт со студентами. Делюсь тем, что знаю и помню. Вот рассказал им о Чуйском тракте, показал сохранившиеся фотографии. Студенты уважают и для моих «Жигулей» оставляют специально место. «Жигули» я купил ещё в 1987 году, когда их ещё выпускали итальянцы, с помощью моего отца – ветерана войны. Ездил мало, была служебная машина, и сейчас «Жигули» в прекрасном состоянии, беда одна – бензин дорожает почти каждую неделю.

25.09. Я думал, что насчёт «Жигулей» ты шутишь. Но, с другой стороны, сам я вообще хожу пешком. Скоро День дорожника, вот сижу, пишу доклад для губернатора о наших «подвигах», в департаменте народ совсем обленился, ничего делать не хочет.

25.09. Вчера отчитал лекцию, сегодня отдыхаю, готовлю методичку по курсовому проектированию. Ассистенты у меня почти все физики и даже одна химичка. Половина из них кандидаты технических наук. Так что, кроме студентов, я ещё и их должен учить. Наш университет в основном выпускал физиков, химиков, историков, филологов, но для них работы нет, и поэтому открыли инженерный факультет. Сложностей много, ректор молодой, известный даже в Европе нейрохирург. Он мой хороший знакомый.

Видел фотографии из Сочи, все в оранжевых майках, молодцы. А помнишь, в Украине была оранжевая революция, шутка. У вас ещё всё впереди. Главное, пиши доклад губернатору в духе советских времен.

29.09. Богдан, я так понимаю, у вас классический университет, надо тебе набрать помощников из дорожников, так будет легче. Что, и курсовое проектирование ты сам будешь вести?

Доклад я написал, но тут новое задание: нужно придумать, на какую тему губернатор может поговорить с президентом о дорогах, вот так.

02.10. У нас уже давно бакалавры и магистры. Моя дочь получила бакалавра во Львовской художественной академии, а магистра – в Киевской академии и работает в филиале французской рекламной фирмы с нормальной зарплатой. Магистратуру выдерживают умные и настойчивые, и из них получаются неплохие специалисты. Что удивительно, это дети совсем простых родителей. У меня на потоке из 52 человек таких 12–15.

04.10. Борис, рад с тобой общаться. Наконец ответили Светлана и Сергей, но в довольно неприятном тоне, что мы, украинцы, зажимаем русскоязычное население. Я читаю лекции на русском языке, могу общаться на венгерском и румынском. После лекции посмотрел в газетном киоске, так там три местные газеты на украинском, все остальные на русском. Извини, надоела ваша пропаганда. У меня спутниковое телевидение, и я вижу эту брехню.

Просто у меня есть возможность общаться с живыми людьми из Донбасса.

05.10. Богдан, ты на ребят не обижайся. Не могут все думать одинаково. А что касается пропаганды, то украинская ничем не лучше, мне кажется, даже смешнее. Как у вас идёт подготовка к свободным выборам? Ты там случайно ни в какой партии не участвуешь? Что касается живых людей с Донбасса, то в Сибири их тоже достаточно. Кто-то работает, а кто так, на халяву время проводит. Жильё есть, кормят да ещё по тысяче рублей в день выдают на карманные расходы. В одном тебе завидую, ты знаешь разные языки. Я в своё время пытался овладеть немецким, французским, но всё бесполезно. Недавно приезжал в гости товарищ из Штутгарта, мы с ним общались на русском, он его не забыл, хотя в Германии живёт уже 20 лет.

06.10. Мой друг, насчёт языков не расстраивайся. Как нас учили в школе и институте, так никакой язык не выучишь. Начинать надо с 3–4 лет, это точно. Я с детства знал венгерский на бытовом уровне. А когда стал заниматься реконструкцией моста через Тису в Чопе, половину моста делали венгры, другую мы, выучил и технические термины.

О политике не хочу говорить, слишком много грязи и у вас, и у нас, из-за этого дерьма и поссориться недолго.

Виноград собрал не весь, испортилась погода, но ещё будет бабье лето, у нас это октябрь-ноябрь.

Хорошая новость: сахар подешевел, Россия отказалась закупать. Студенты разные, есть очень хорошие ребята, в основном как мы были, из простых семей, есть и мажоры – дети начальников, депутатов и просто бандитов. Мне на кафедре говорят: «Что ты паришься? Есть такса: за зачёт в зачётную книжку кладут пятьдесят долларов, за экзамен – сто». Противно.

07.10. Доброе утро, Богдан. Ты прав: построенные мосты всегда остаются в памяти. За 20 лет участвовал в строительстве многих мостов, но дюжину из них помню. Особенно мост через Кию. Мост небольшой, всего 200 м, но место красивое. До сих пор дружу с мостовиками, с которыми этот мост строили. Что касается мажоров, то я как-то с ними не сталкиваюсь, хотя они, наверное, у нас тоже есть. Ты ведь знаешь, на дорожный факультет богатые люди своих детей не отправляют, тут, как ты правильно заметил, дети из простых семей или дорожников.

08.10. Дорогой друг, спасибо за уважение. Самый большой мост я строил, ну не сам, конечно, около г. Хуст через р. Тиса. Это был первый на Украине мост с коробчатыми неразрезными балками высотой по 3.30 м. Монтировали продольной надвижкой. Мост вышел красавец. Как положено, провели испытание, загнали 25 гружёных КамАЗов, а мы с главным инженером стояли под мостом.

В Тисе водится форель, щуки и другая рыба. В наших венгерских селах делают уху, халаслей называется. Очень вкусно, но очень остро. Один раз я был в гостях у венгров, в селе Бигань попробовал уху, потом налили 50 грамм, и после этой ухи водка была как вода.

09.10. Наша инженерная подготовка в ТИСИ позволила нам строить и проектировать не только дороги, но и мосты. Уху халаслей я, конечно, не пробовал. Был однажды занятный случай, когда с мостовиками сварили уху из хариусов и рябчиков. Наутро она была, как студень. Ты сам рыбалкой не увлекаешься? Хорошее это занятие. Недавно перечитывал Паустовского, как славно он пишет о рыбалке.

10.10. Ты молодец, сразу мне отвечаешь. Расскажу о поездке в Голландию, мы были по обмену опытом из Минавтодора, восемь человек. Я попал, наверно, за знание языков. Честно скажу, что им есть чему поучиться у нас и у вас, да и нам тоже. Конечно, дороги – супер, а мостов через каналы и протоки не счесть. Но когда я посмотрел их сметы, всё – в 5–10 раз дороже. Может быть, и мы доживём до такого.

11.10. Про Голландию что сказать, я там не был. Недавно прочитал, что одна экспертная комиссия предложила нам в качестве образца финансирования дорожного хозяйства взять Нидерланды. Они там, в Москве, совсем с катушек съехали. Ну да бог с ними.

12.10. В университете всё нормально, но коллектив на кафедре сложный, 60 процентo пенсионеры за 70 лет, все профессора, так как чтобы получить лицензию в нашей системе, нужно определённое число профессоров, вот и держат старых маразматиков. Я ещё, оказывается, молодой.

15.10. Сразу не ответил, уехал в Прокопьевск. У нас самый главный праздник – это День шахтёра, и потому начинают готовиться к нему загодя. Собрали так называемый штаб, человек 30, и два часа обсуждали, что делать. Ситуация у нас забавная, не знаю, как у вас. Сначала выпускают закон, а потом все сидят и обсуждают, как его обойти, так как если действовать по закону, то всё колом встанет. У нас недавно вышел закон о контрактной системе, и теперь покупку партии огурцов для столовой и контракт на постройку автомагистрали нужно делать по одним правилам.

Прочитал две статьи П. Шеремета. Мне кажется, слишком много уделяют внимание Украине, как ни

включишь новости – всё про Украину, да и у вас преувеличивают влияние России на ваши дела. Как-то жили ведь при советской власти все вместе, и вопросов не было.

27.10. Выборы прошли нормально, у нас теперь есть и свобода слова. У нас вчера, кроме выборов, был фестиваль молодого вина. Почти в центре Ужгорода есть небольшая гора, там еще при Австро-Венгрии вырыли двухкилометровый винный подвал. Закарпатское вино может поспорить с любыми винами, даже с французскими. У нас каждый год устраивают праздник молодого вина. Реклама, выставки, дегустация, бесплатно по сто граммов наливают. Кто хочет, может напиться. Молодое вино в голову не ударяет, но ноги не идут. Я в этом году приготовил 320 литров вина, мог бы и больше, но нет тары.

28.10. Богдан, поздравляю тебя с урожаем, как жаль, что не попробовать мне твоего молодого вина, так что при случае выпей и за меня.

29.10. За тебя я выпью стаканчик вина, хотя вино почти не пью, только пробую. У нас прошли выборы в парламент, не скажу, что удовлетворён, прошла часть разных прихвостней. Ваши программы смотрю редко, потому что, похоже, вы объявили нам настоящую информационную войну.

02.11. Последний раз пробовал молодое вино, когда гостил у своего друга в Кишинёве.

Завтра попросили прочитать лекцию в дорожном техникуме, съезжу, расскажу им про Гарина-Михайловского. Молодёжь ведь книг не читает. Вот такие дела, друг мой.

07.11. Поздравляю с праздником, днём 7 Ноября. Что ни говори, а это был великий эксперимент, хоть и не совсем удачный, но он изменил мир.

12.11. Спасибо за поздравления с Октябрём, взаимно. Занят на кафедре, началось курсовое проектирование. Если помнишь наш первый курсовой проект, то это в два раза проще, и то тупят. Сейчас в нашем университете более 300 студентов из Донецка и Луганска.

13.11. Строительный сезон заканчивается, и что будет завтра – не очень понятно. Деньги все в Москве. За кого ты голосовал на выборах, если вообще голосовал? Наши что-то все замолчали.

13.11. Моя семья голосовала за Юльку, она меньше всех замазана, хотя тоже штучка ещё та, но выбираем меньшее из зол.

Наши дорожники работают три дня в неделю, не знаю, как будет, когда выпадет снег. Нужно содержать пять основных перевалов, не считая местных. Мои проектировщики вообще без работы. Жаль, пропадают хорошие специалисты, некоторые уже начали спиваться.

14.11. У нас тоже проектировщики на грани развала. Читал лекцию в техникуме. Сидят передо мной 120 человек молодых ребят, полных надежд, а я смотрю на них, и мне грустно. Рассказал, конечно, про дороги, про Гарина-Михайловского и постарался не развеивать иллюзии. Когда мы начинали свою трудовую деятельность, была хоть какая-то стабильность.

18.11. Дело не в нас, просто у молодёжи сейчас жизнь другая, и с этим надо смириться. Книги они вообще не берут в руки. Я даже не знаю, кто сейчас из молодых может прочитать «Войну и мир». О Гарине-Михайловском они и не слышали. Ты молодец, просвещаешь молодёжь. Я сейчас своим студентам внушаю, что какая бы ни была власть, а без дорог не обойдётся. И хорошие, именно хорошие специалисты-дорожники всегда найдут работу. Надо дать им уверенность в будущем, а то, что у нас с вами сейчас бардак, так это не вечно. У меня в потоке учатся два венгра из Венгрии и три словака, и вот они самые лучшие. Главное, есть желание учиться. Платят за учебу около 5 тыс. дол. На медицинском все 10 тыс. дол. У нас иностранцев в университете почти 30 процентов. Наших, кто получает стипендию, всего 25 процентов, остальные тоже на платном. Разве тогда, когда мы учились, могли такое представить? Ты прав, у нас на горнолыжных базах, как и у вас, цены баснословные, но у меня там друзья, жаль, здоровье уже не то.

19.11. Мы тут с архитекторами, моими товарищами, решили отметить 70-летие нашего проектного института. Вот пишу программу. Институт благополучно развалили, но люди ещё помнят это время и свою молодость.

20.11. Моя бывшая проектная фирма тоже отметила юбилей – 50 лет. Собралось нас немного, процентов 30. Фирма практически не работает. Госзаказа нет, есть небольшие частные заказы. Работают уже по два дня в неделю. Если так пойдёт дальше, через два-три года фирма закроется.

21.11. Порошенко объявил, что собирается провести 60 реформ. Что это за реформы? У нас об этом не пишут.

22.11. Насчёт реформ много болтовни, а дела нет, вот Грузия их провела за два года. Даже маленькая Молдова уже заканчивает. Ты видишь, я избегаю политики в переписке, и тебе и мне это не надо. Сейчас ваша пропаганда на высоте, но боюсь, вас ждут тяжёлые времена, ведь все империи ушли в прошлое.

24.11. По поводу пропаганды, не будем о грустном. Я вообще пессимист, но пессимизм мой не оправдался, всё оказалось гораздо хуже. Тебе хорошо, ты в бога веришь, а меня и там никто не ждёт. А в общем, не обращай внимание. Просто иногда хочется с кем-то поделиться, а не с кем. Только ты моими настроениями не заражайся. Дай бог тебе и родным твоим всего хорошего.

25.11. Борис, брось ты свой пессимизм, цени себя. А вот в некоторых вещах ты не прав, в Бога поверить никогда не поздно. Да, я верю, но лоб не расшибаю в поклонах. Помнишь моральный кодекс, это те же 10 заповедей.

26.11. Богдан, спасибо тебе за тёплые слова. Давно не писал стихов, но вот что-то под настроение сложилось. Сегодня Коле И. 70 лет, вот позвонил и пригласил на обед. От тебя передам поздравление, я думаю, ты не против.

27.11. Прекрасные стихи, спасибо, всё думаю, по какой случайности ты попал на дорожный факультет? Когда учился в Москве, много было знакомых среди литераторов так называемых. Твои стихи, они немного пессимистичны, напомнили мне один не роман, а, кажется, рассказ Бальзака. Я его прочитал где-то в 10-м классе и сейчас не могу вспомнить название, но суть помню хорошо. Он пишет, что есть три вида любви. Любовь-СТРАСТЬ, любовь-ВЛЕЧЕНИЕ и любовь по РАСЧЁТУ. И как ты думаешь, самая крепкая какая? Бальзак утверждает, и я его поддерживаю, это – по расчёту. С моей будущей женой меня на каникулах, я был тогда в аспирантуре, познакомил мой отец. Он работал юристом на химзаводе, а отец Марии был главным прокурором Раховского района. Они, конечно, общались и решили нас поженить, как бы случайно нас познакомили. Мне тогда уже было 30 лет. Нас познакомили, Мария мне понравилась, умная, красивая окончила физмат и консерваторию. Для меня это сочетание было удивительным. Каникулы кончились, я уехал в Москву, а осенью снова поехал в Рахов, предложил руку и сердце Марии. Свадьбу назначили на 19 февраля. Я был в Москве. А перед свадьбой надо устроить мальчишник. Устроил в общаге на Соколе и поехал, дурак, не домой, а во Львов, там куча друзей, братья двоюродные, и снова мальчишник. Еле успел на поезд до Рахова. Тогда мобильных телефонов не было. Короче, успел на свадьбу за три часа до загса. И вот живу с моей дорогой и любимой Марией много лет и, самое главное, в понимании уважении друг к другу, хотя, честно тебе скажу, я не подарок.

28.11. Добрый день, Богдан. То, о чём ты пишешь, вспоминая Бальзака, абсолютно верно, и я с этим согласен. Всегда с большим удовольствием читаю твои послания. Всегда что-то новое и интересное. Оказывается, отец у тебя был юристом, но почему-то по этой линии ты не пошёл, выбрал совсем другую стезю.

Вчера отметили 70 лет Коле И. От нас с тобой подарил бутылку доброго французского бренди. Он, конечно, удивился, когда я передал поздравление от тебя. Всё было скромно, в кабинете, на европейский манер, то есть стоя, за столом не сидели.

05.12. Не писал пару дней, был занят на лекциях и принимал курсовые. У нас всё ещё бабье лето, прекрасные золотые горы. Сегодня плюс 10, солнце. Насчёт общения ты прав, мы с тобой понимаем друг друга, а вот с некоторыми однокурсниками уже нет.

15.12. Я так понимаю, у тебя два важных мероприятия. Сессия и Рождество. Что начинается раньше? Но я думаю, что ты со всем этим справишься. Скоро Новый год, как-то очень незаметно год промелькнул, даже обидно, что так быстро. С возрастом время бежит всё быстрее и быстрее.

24.12. Первое, конечно, сессия. Только закончил принимать курсовые и зачёты. Экзамен будет весной. Тут был неприятный эпизод, который меня возмутил, такого в наше время не могло быть. Приходит студент, сын известного чиновника, и я с ним знаком, хороший мужик, а сынок заходит без курсовой, с зачёткой и говорит: «Курсовая в зачётке». Открываю – там 50 дол. Вот, думаю, докатился на старости лет. Позвонил отцу, он извинялся, а потом говорит, что дать больше не мог. Сынка я выгнал и сказал, чтобы без курсовой не приходил. Вот так и живём, не могу привыкнуть. В верхах это система. На производстве тоже бардак.

25.12. Да, случай, конечно, неприятный, в наше время и мысли такой не возникало. Правда, и про доллары мы ничего не знали. Жили спокойно. У меня в практике такого не было, хотя приходилось принимать экзамены и у заочников.

25.12. Сегодня у нас Рождество, римскокатолическое. В нашей области их около 40 процентов, но я отношусь к грекокатолической церкви, и мы празднуем Рождество, как и вы, в январе. Не буду тебе читать лекцию о грекокатоликах, найдёшь в Интернете, главное, я верю в Бога, но не верю в церковь. Она стала бизнесом, и очень крупным. Вот скажи, зачем вашему патриарху Кириллу водочный завод и личный самолёт? И зачем он лезет в политику, ведь церковь и государство разделены.

26.12. В тонкостях всех сект и направлений я не разбираюсь и за попами не слежу. А то, что они превратили веру в бизнес, это однозначно. Как-то открывали дорогу на границе с Алтаем. Конечно, без попов не обошлось. Собрались иерархи. Такие толстые, что хоть два стула под задницу подстав-

ляй. Из религий мне ближе всего дзен-буддизм с его самосовершенствованием и просветлением.

26.12. Насчёт грекокатолической церкви, это была необходимость отделиться от латиницы и сохранить церковное служение на родном языке. Буддизм я уважаю, но это не религия, это скорее способ жизни. Бог один – и в православии, и у католиков, и в исламе, и иудаизме, просто его называют иначе. Насчёт толстых иерархов ты прав, у нас тоже есть, но появилась и новая плеяда священников, молодых, подтянутых. Гоняют на иномарках.

У меня каникулы, и я тебе надоедаю, потерпи. Просто со мной никто не хочет общаться, Светлана прямо сказала, что я бандеровец и фашист. Наслушалась вашего Киселёва, он такую ложь говорит. Ладно, давай лучше о приятном.

Я сегодня встретил дочь, прилетела из Киева на праздники. Я знаю четыре языка, дочь знает более десяти, но сегодня, когда я её вёз с вокзала, нас подрезала крутая машина, дочка без русского языка не обошлась. Можешь знать хоть 10–15 языков, но русский нужно знать обязательно, вдруг тебе упадёт кирпич на ногу. Великий русский язык, и у нас никто в этом не сомневается. В Ужгороде три крупные русские школы, есть памятники Пушкину и Гоголю. Не понимаю, почему вы начали так нас ненавидеть. Как говорят, не желай плохого другому, оно к тебе вернётся. Всё, о политике ни слова.

29.12. Богдан, не знаю, кто тебе внушил эту нелепую мысль, что русские вас ненавидят? Ты же умный парень и должен понимать, что этого в принципе не может быть. Да и на ТВ худого слова про украинский народ никто не сказал. У нас всё время употребляется старое клише «братский украинский народ». Для украинцев недавно упрощён въезд в Россию. И уголь вам начали поставлять без всякой предоплаты, об этом у вас, наверное, не сообщают. В твоё пророчество, что Россия развалится, я верить не хочу, хотя я понимаю, что желающих много. Так что не будем желать друг другу худого. У вас теперь новая жизнь, и дай вам бог удачи. Я, конечно, не знаю, что тебе Светлана написала, но, ей-богу, мы тебя, как прежде, любим и уважаем. Так что не журись.

29.12. Мне Россия дала много, и никогда я ей зла не желал.

В прошлом году наша ёлка была в Ватикане. Сейчас живая ёлка, стоит в Киеве. Желаю тебе и всем родным и близким всего наилучшего в следующем году.

30.12. Богдан, поздравляю тебя и твоих близких с наступающим Новым годом. Желаю всем здоровья и благоденствия.

2015 ГОД

12.01. Да, праздники прошли, остался старый Новый год. У нас эти праздники очень весёлые, с колядками, вертепом, жаль, погода подвела. 7-го выпал снег 2 см, а на другой день пошёл дождь. Сегодня плюс 5. В горах снег около метра, но сейчас оттепель, и пошли лавины.

13.01. В былые времена мы всегда отмечали старый Новый год в доме архитектора. Я там ставил разные спектакли. Молодёжь гуляла, как правило, до утра. Нынче всё не так, но что поделаешь.

22.01. Привет, что-то ты пропал, но, видно, и правда, что у вас ввели контроль над Интернетом, особенно за связь с Украиной. Успехов вам, берегите Путина.

26.01. Богдан, Путин тут ни при чём, просто год у меня начинается неудачно. Болею, пневмония и всё прочее.

26.01. Во-первых, выздоравливай, да, ты прав, Путин ни при чём.

Сегодня моему отцу было бы 97 лет. Он воевал в корпусе генерала Свободы. Я, кажется, об этом писал. Прекрасный был человек.

Никак не могу понять, почему ваш Киселёв называет украинцев фашистами и бандеровцами. Да и что сделала плохого России Украина? Гибнут мирные люди из-за ваших имперских амбиций, страдает простой народ. Не обижайся, наболело.

27.01. Дорогой друг, извини за резкое вчерашнее письмо, но пойми, просто накипело. И терпеть не могу разных экстрасенсов, которых крутят и у вас, и у нас, шарлатаны. Мессинг им покоя не даёт. Я не предсказатель и тебя уважаю, ты почти один, кто со мной общается из России. Мне тяжело это писать, ведь мне Россия дала всё, чего я достиг, и почему мы сейчас стали врагами, из-за каких-то з-цев. Да, жаль, вот было бы мне лет на 10 меньше, точно пошёл бы воевать, ведь я майор запаса. Ты пойми, я сейчас смотрю всех – от США до Канады, не говоря уже о Европе. Но ваше ТВ по сравнению с мировым занимает первое место по дезинформации. Я знаю, что ни ты, ни простые россияне тут ни при чём. Это ваше правительство нас, украинцев, называет хунтой, фашистами и бандеровцами. А как реагировать на марши в Москве? Не хочу предсказывать, сам анализируй. Я, возможно, в чём-то неправ.

28.01. Добрый день, Богдан. Сегодня первый день вышел на работу. Прочитал твои гневные послания. Ну что же, поздравляю, ваша пропаганда на высоте, не зря хлеб едят. Это надо же внушить человеку, уже немолодому, образованному и неглупому, который 20 лет прожил в России и худого от неё не видел, такие бредовые мысли.

Друг мой, с кем ты собрался воевать? С детьми Донецка или со старушками Луганска? Вот ты пишешь, что твой отец геройски сражался с фашистами и освобождал Прагу. Правда, ваш «кролик» назвал бы его оккупантом. Ребята, вы там у себя разберитесь сначала, прежде чем валить на Россию. Никто вас фашистами и бандеровцами не называет, даже на бытовом уровне, а тем более официально. Что там тебе Киселёв сказал, не знаю, наверное, специально для Украинского ТВ передачи делает. У вас погибло, только по сообщениям ООН, уже 5 тыс. человек, и вам что, всё мало? Россия с вами не воюет и не собирается. Чего ваш президент добивается, не знаю. Но что, вы боитесь стать федеративным государством и цивилизованно решить все вопросы с жителями Донбасса и Луганска без танков и «Градов»? Вот существует Федеративная Республика Германия, которая в своё время так же аннексировала ГДР, и ничего, прекрасно живёт. Россия, кстати, тоже федеративное государство. Да и вопрос с языком пора решить. Например, в Финляндии на шведском языке говорит только 5,4 процента населения, но, тем не менее, это государственный язык. У вас 83 процента населения говорит на русском языке, и ты сам говоришь, что русских газет больше, чем украинских, но сделать русский язык государственным вы не можете. Я понимаю эстонцев, их осталось меньше миллиона и им надо сохранять свою национальность, а вас больше 40 миллионов. Богдан, не сердись и не обижайся. Дай бог тебе и Марии и твоей тёще здоровья и счастья.

29.01. Добрый день, Богдан. Написал большое письмо, но оно, кажется, не прошло. Вообще ты преувеличиваешь значение Украины в нашей жизни и на нашем ТВ. У нас нынче и без вас проблем хватает. Хоть ты и призываешь на нас все кары небесные, я желаю вам мира и процветания. У вас прекрасная страна, а теперь ещё, как ты говоришь, и демократия, нужно жить и радоваться. Что касается Бандеры. Я, конечно, ничего о нём не знаю, да, если честно, и знать не хочу, ну сделали вы его национальным героем, раз других нет, ну кто против? Флаг вам в руки. Богдан, можешь на меня обижаться, но я просто, так же как и ты, пишу то, что думаю. Ты когда-то сам писал, что у власти априори не может быть честных, порядочных людей, и я с тобой полностью согласен. Вообще политика меня мало интересует, и по ТВ смотрю биатлон, хоккей и разные викторины, матч между Ливерпулем и Челси меня волнует больше, чем ваши разборки.

30.01. Борис, о языках не стану говорить. Накануне записал пол-лекции на магнитофон и расстроился, какой у меня ужасный русский. Мы сейчас почти на всех факультетах перешли на русский язык. Но никаких 83 процентов говорящих на русском у нас нет. Мы в Закарпатье знаем по четырепять языков, это что, разве плохо? Когда я раньше приезжал в Минтранс Украины, все в кабинетах говорили на украинском, а в курилке – на русском. Дочь моя в Киеве общается на русском. Но скажу тебе словами нашего гениального поэта Т. Шевченко, это касается родного языка для каждого человека. Я пишу на украинском, думаю, поймёшь. ХТО РІДНУ МОВУ ЗАБУВАЕ, ТОЙ В ГРУДЯХ НЕ СЕРДЦЕ, А КАМІНЬ МАЕ.

02.02. Добрый день, друг мой. О языках, конечно, ничего сказать не могу, это, как говорил Жванецкий, «спорить о вкусе устриц с теми, кто их ел». Конечно, ваш край, без сомнения, уникален, и, надо сказать, от нашего с тобой общения он стал мне гораздо ближе.

09.02. Боря, был занят, готовился к лекциям.

11.02. Ты, я смотрю, капитально втянулся в преподавательскую деятельность, это хорошо.

11.02. Ну не так чтобы сильно втянулся. Пока две лекции в неделю, через месяц будут практические занятия и курсовые.

16.02. Слушали бакалавров. Это был ускоренный курс после техникума. Что ты думаешь, битый час выясняли, что такое репер и зачем он нужен. Одно успокаивает, что на дороге этих специалистов не будет. Даже те мысли, которые у них есть, выразить связно не могут.

22.02. Борис, поздравляю с Днём Красной армии. Как этот праздник сейчас называют у вас? У нас это День защитника Отчизны, а день украинской армии празднуют в октябре. Но женщины нас поздравляют именно 23-го, знают, что иначе не будет 8 Марта, шучу.

25.02. Что касается 8 Марта, то это головная боль, тем более что у моей жены – день рождения 1 марта.

25.02. Друг мой, ты не представляешь, как я жду от тебя любую весточку. Моя дочь в Киеве. Увлеклась карьерой, а личной жизни нет, и нет у меня внуков. Не буду продолжать – грустно.

26.02. Богдан, дочка твоя молодец, не каждый добивается таких успехов и, конечно, ей трудно подобрать кого-то равного себе, но, даст бог, всё будет. Я уж не думаю, что у вас нет нормальных мужиков. Найди кого-нибудь среди своих дорожников. Мы вот с тобой как женились в молодости, так и коротаем век со своими жёнами. Плохо это или хорошо, но уж так сложилось.

99

26.02. Рад, что ты меня не забываешь. Твои стихи выше всяких похвал. СПАСИБО.

27.02. Богдан, поздравляю твоих женщин с наступающим праздником! Желаю всем здоровья и благоденствия.

Сейчас пойду с юристами писать поправки в закон о недрах. Конечно, никто наши поправки читать не будет. Надо сказать, такое впечатление, что у нас законы пишут полные идиоты.

18.03. Богдан, успехов в твоём нелёгком деле. Всё-таки преподавание и общение с молодёжью продлевает жизнь, делает её ярче. Абсолютно с тобой согласен, что нужны специализированные кафедры с хорошими специалистами и продуманной программой. Городское хозяйство – это огромное поле деятельности, можно было бы подготовить действительно нужных специалистов. В Кузбассе ежегодно проводят День шахтёра. И каждый раз в другом городе. К празднику пытаются привести город в порядок. А нас, как японских наблюдателей, заставляют всё это курировать. И видно, как беспомощны, не квалифицированны городские службы. Какие-то случайные люди, нет специалистов.

18.03. Да, ты прав, городское хозяйство и у нас запущено, и даже в Киеве. В Ужгороде, особенно в центре, все коммуникации сооружены ещё при Австро-Венгрии, после Первой мировой войны. Скажу честно, служат лучше, чем новые. Только жаль, что старые сети наши коммунальщики не умеют чинить, а старых специалистов почти не осталось. Я считаю, что коммунальное хозяйство требует полной реорганизации, деньги берут ни за что, процветают взятки, поборы. Руководители – экономисты, торгаши и юристы, а специалистов почти нет. Чем тут помочь? Мой студент, отличник, после окончания вряд ли найдёт работу по специальности, там уже окопались сынки депутатов, начальников с купленными дипломами и тупые как валенки.

Я десять лет был директором проектного института, тоже всё проектировал, даже теннисные корты. Тогда пошла мода, и все вслед за Ельциным начали играть в теннис. Наш обком тоже захотел на обкомовской даче, она у них шикарная, знаменита тем, что там встречался Хрущёв с Дубчеком. Дача расположена в ущелье, влажный климат, рядом ручей с форелью. Обычный грунтовый корт не годился, а современных синтетических покрытий тогда ещё не было. Я покопался в источниках, посоветовался со специалистами и предложил резинобитумное покрытие. Построили корт на даче, а потом ещё три в городе. И, ты знаешь, два ещё действуют.

19.03. Ты так красочно расписал строительство кортов, что хочу спросить, а ты сам в большой теннис играешь? У меня есть две мечты, которые не сбылись: научиться играть в большой теннис и ходить под парусом.

20.03. Борис, в большой теннис я начал играть в детстве. У нас было три корта, играли в основном венгры. Особенно хорошо один стоматолог, мы его звали Дюри бачи, что значило дядя Юра. Там я начал учить венгерский язык. Сейчас это дорогое удовольствие, особенно для детей. Да, я играл раньше, и неплохо. Года четыре тому участвовал в турнире ветеранов Ужгорода и вошёл в десятку. Сейчас иногда играю только в настольный, ноги уже не те. Ещё я довольно серьёзно занимался плаваньем. В Рахове была крупная картонная фабрика, почти всё масло в Союзе было в картонных коробках из Рахова. Рядом с фабрикой был маленький бассейн, лягушатник. И вот на фабрику пришёл молодой специалист венгр Мирон Повхан. А фабрика тогда скидывала в Тису уйму горячей воды. И этот умный инженер за два года сделал из лягушатника стандартный бассейн. Горячую воду направил через очистные в бассейн. Так у нас в Закарпатье возник первый бассейн с подогревом, да в 1960-х годах, наверно, и в Украине. Вода даже зимой была не меньше 25 градусов. Начал заниматься с восьми лет и в 9-м классе уже выступал на юниорском чемпионате Украины, выполнил 1-й взрослый разряд. Но дальше результаты как заклинило. Потом появилась новая дистанция – комплексное плавание, четыре по 50 м на спине, баттерфляй, брасс и вольный стиль. Я неплохо плавал всеми стилями и через полгода выполнил норму кандидата в мастера. В Томске бассейн в то время не работал, и в ТИСИ плаваньем никто не интересовался. Уже после окончания на кафедре узнаю, что открылся бассейн, недалеко от горсада. Спорткомитет стал арендовать бассейн три раз в неделю по два часа, а я начал тренировать команду ТИСИ. Ещё получал зарплату в 50 рублей, а ставка ассистента была 105 р. Мы даже однажды заняли третье место среди вузов. Очень сильные пловцы были в ТГУ и ТПИ. Я сам начал тренироваться и в 1971 году занял первое место среди преподавателей Томска на дистанции комплексного плаванья. Вот раскрыл тебе ещё одну страничку моей жизни.

24.03. Прошло столько лет, а мы открываем для себя всё новое и новое. Оказывается, ты спортсмен и отличный пловец, кандидат в мастера, круто, и ещё играешь в теннис. К сожалению, спортом я никогда не занимался. В школе играл в баскетбол, но из девятого класса перешёл в вечернюю, пошёл работать, так что времени уже не было. Там, где я жил, все увлекались футболом, но это как-то прошло мимо меня, хотя в футбол тоже играл. Вот такие у нас с тобой разные воспоминания юности.

Да, Богдан, хотел спросить, как у вас дела? Я не имею в виду политику. Жизнь стала хуже или лучше по сравнению с 13-м годом? Помнишь, при советской власти всё сравнивали с 13-м годом. Дело в том, что смотрю разные передачи. В одних – всё у вас прекрасно, другие говорят с точностью до наоборот. Вот и хочу получить объективную оценку инженера.

24.03. Борис, у нас всё нормально. Наш университет вошёл в 20 лучших в Европе. Это по каким-то древним венецианским принципам. Вуз неплохой, но мало молодёжи, я имею в виду преподавательский состав. Вспоминаю с уважением тех, кто нас учил, – Орищина, Сибера, Прегера, Татаринова, Ходора и многих других. Тогда о взятках мы с тобой и не слышали. Как видишь, помню почти всех наших преподавателей. Слава Богу, склероза пока нет.

25.03. Доброе утро, Богдан. Хорошо, что ты помнишь всех наших преподавателей. Прочитать курс по мостам без расчётов, что может быть лучше, сразу в уме начал прокручивать, как бы я это сделал. У меня много материала, но ты парень умный и всё сделаешь хорошо без всяких советов.

25.03. Добрый день, Борис. Ты один, с кем я говорю откровенно.

Даже не знаю почему, в Ужгороде у меня есть только родственники и бывшие подчинённые, но всё это не то. Есть один друг, он бизнесмен, хоть и маленький, но всё равно обдуривает людей, а я так не могу. В МАДИ у меня были хорошие друзья. Сегодня в Москве остался один Володя К., с которым я общаюсь. А другие московские друзья все за рубежом. Переписываемся, но это уже не то. Наши проблемы они считают чепухой.

26.03. Я смотрю, ты уже втянулся в преподавательскую деятельность. Когда начнёшь читать лекции по мостам? Я писал, что мы у себя в дирекции организовали лекции для студентов. Читают наши инженеры, так ведь не ходят студенты. На первой лекции было восемь человек. Что тут сделаешь.

26.03. Так вот о лекциях по мостам. Вчера встречался по этому поводу с деканом. Он неплохой человек, инженер, физик-технолог, сказал, что темы лекций на ваше усмотрение, но упор на эксплуатацию, это ясно. У нас в Ужгороде три транспортных мостовых перехода, видишь, я не говорю мосты. Ещё есть три пешеходных моста и три путепровода. Ты знаешь, даже крупные начальники понятия не имеют, чем мост от путепровода отличается. Хочу, чтобы мои студенты это знали. О политике не буду говорить, а то потеряю последнего толерантного друга. Уважаю и ценю тебя.

27.03. Привет, Богдан. Нам мосты читали неплохо, во всяком случае я с мостовиками всегда говорил на одном языке. Да и сам курировал строительство, наверное, дюжины мостов и путепроводов. Вчера в издательство отнёс свою книгу, об этом я никому не говорил, ты первый. Это мои очерки, рассказы и немного стихов, то, что было написано в последние годы.

28.03. Если я первый узнаю о твоей книге, то большое спасибо за уважение, надеюсь быть и одним из первых читателей. Я очень рад за тебя. Сегодня суббота, и Мария затеяла генеральную уборку. Скоро Пасха, 5 апреля католическая и 19-го – наша, так что у нас принято наводить везде порядок. Вчера на учёном совете утвердил цикл лекций.

30.03. Ты молодец, начинал с небольшого курса по дорогам, а теперь на учёном совете утверждаешь цикл лекций. Дерзай, Богдан.

01.04. Два дня возил студентов по ужгородским мостам, благо мэр города дал автобус. Показал ребятам, в каком ужасном состоянии эти сооружения, особенно снизу. Все текут, гниют, эксплуатация на нуле. У меня курс лекций будет в основном об эксплуатации и содержании мостов.

01.04. То, что мосты содержатся плохо, это факт. Сверху едешь – вроде ничего, а как под мост залезешь, волосы дыбом становятся, как он ещё держится. Вообще, я думал, у вас с этим делом получше, ведь и климат помягче, и народу побольше, ан нет.

06.04. Вчера смотрел Жириновского. Были раньше клоуны, например, Карандаш, ну Никулин, но этот всех переплюнул, молодец. Что у вас за 1-я категория, по европейским стандартам, какой титул?

08.04. Два дня провёл на дороге. Я ездил на старый участок, который уже 40 лет стоит и ни разу капитально не ремонтировался, да и текущий ремонт был только на отдельных участках ещё в девяностые годы.

11.04. Всю неделю был занят, очень трудно даются лекции по эксплуатации. Литературы почти нет, приходится что-то придумывать из собственного опыта. О дорогах первой категории, они строятся согласно нашему и вашему СНИПам, которые не поменялись. Я объездил почти всю Европу, нигде нет этих широченных полос, земля дорогая, но зато покрытие идеальное, ни одной ямки, везде ограждения, прекрасный сервис. Нам до них далеко. Когда я спросил уважаемого дорожника про ямочный ремонт, два переводчика не смогли перевести. Я рад за тебя, что в Кузбассе будут прекрасные дороги и ты к этому приложишь своё умение и опыт.

13.04. Богдан, ты по Европам поездил, конечно, их дороги с нашими не сравнить, но, с другой стороны, они обживают свою территорию уже тысячу лет,

а мы – только двести, да и затраты их на дорожные работы не сравнить с нашими. В России в год на одного жителя тратится 60 долларов, в Голландии – 1 470. Я думаю, что у вас получше, но тоже не по европейским меркам, я имею в виду финансирование.

13.04. Борис, Христос воскрес, не знаю, как у вас, но у нас сейчас 40 дней только так здороваются.

А вот о дорогах ты про нас хорошо думаешь. Край благодатный, Бог нас не обидел, но о дорогах стыдно говорить, а ведь область граничит с четырьмя государствами – членами Евросоюза. Даже Румыния эту проблему решила. Всё наладится, и у нас и у вас.

Не хотел тебе говорить, но по спутнику смотрел Киселёва и Соловьёва. Ну разве можно так врать? Всех переплюнули. Доиграетесь вы в империю.

14.04. Занимаюсь ремонтом первой категории. Утвердил конструкцию.

20.04. Борис, кроме тебя, из России никто не пишет. Один наш кадр, не буду говорить кто, написал: «Как мы не распознали тебя в ТИСИ, что ты бандеровец и фашист». Да ладно, дураков много, я обиды не держу, ведь после вашего ТВ в исполнении Киселёва, Леонтьева и Соловьёва любой сойдёт с ума. Я всегда увлекался историей, и вот события в Чехословакии с Судетами в 1936–1938 годах, где проживало много немцев, и Гитлер пошёл их спасать, напоминают мне сегодня Донбасс. Ладно, о хорошем. У нас расцвела сакура, этих деревьев в Ужгороде более двух тысяч, и наша аллея самая большая в Европе. Цветёт она всего 2–3 недели.

21.04. Богдан, на всяких глупцов обращать внимание не стоит. Я всегда ценил тебя как умного, порядочного человека, и вся эта пропаганда моего мнения не изменит. Кстати, недавно посмотрел по Интернету ваше ТВ и хочу сказать, от нашего ничем не отличается, даже ещё позаористей. Так что, думаю, истина лежит даже не в середине, а где-то в стороне. Конечно, всем пора успокоиться. Хоть ты со мной и не согласен, но я считаю, что мы один народ, пусть теперь и две разные страны.

21.04. Рад, что ты меня поддерживаешь, я не политик и не люблю ни её, ни тех, кто этим занимается. На бывшую работу захожу редко, горько видеть, как рушится то, что когда-то создавал. Особенно обидно за проектировщиков, которыми руководил 10 лет. Мы были лучшие в регионе.

Конечно, мы один народ, но в Кремле так не считают.

22.04. Богдан, дороги у нас в загоне. Просто нет денег в том объёме, в каком необходимо, чтобы содержать дороги даже по нашим скромным нормативам. Наш золотой век – это с 1993 по 2000 год, когда мы свои дороги привели в порядок. Что касается федеральных дорог, то их в России числится 50 тыс. км, а региональных дорог – 500 тыс. км. Однако на федеральные дороги выделяют 370 млрд руб., а на все остальные – 390 млрд руб. – так что почувствуй разницу.

23.04. Борис, мне московские друзья сказали, что есть проект построить нескольких скоростных магистралей вдоль и поперёк РФ. У нас тоже есть такие прожекты, но это не при нашей жизни. У нас сейчас республиканские, типа ваших федеральных дорог, финансируются из госбюджета, а областные и районные из местных бюджетов. Мы в одинаковых, вшивых условиях.

27.04. Богдан, я думаю, что и у тебя на участке уже всё расцвело, так что фотографируй и выкладывай, а то у тебя на сайте ни одной фотографии. Не знаю, как у вас, а у нас грядут большие выходные.

27.04. Борис, насчёт выходных у нас такая же фигня, сначала переносят, потом надо отрабатывать. Сейчас в Европе работает около четырёх миллионов украинцев, в основном с Западной Украины, и где-то миллион – в России, строят дачи и дома в Подмосковье. Добывают газ и нефть в Уренгое, Нефтеюганске и других местах. Я там бывал, проверял студентов на практике, буровые инженеры на скважинах – выпускники Ивано-Франковского института нефти и газа. Тогда они работали вахтовым методом, летали на самолётах. Сейчас постоянно там живут в бараках, зарабатывают стране валюту. Ты говорил, что смотрел украинское ТВ. Я могу смотреть и венгерское, и румынское, и словацкое, всё понимаю. Всё совсем не однозначно, но на фоне русского ТВ даже не знаю, что сказать. Вот позавчера вёл передачу румын, скажу честно, что в отличие от венгров и чехов румыны нас не любят. Во время войны они воевали на стороне немцев. Этот румын был в Донбассе, со стороны российской границы, и на всю Европу возмущался ТВ России.

Да, насчёт военных инструкторов. Приехали не только американцы, но канадцы и немцы. Занимаются на Яворовском полигоне, это подо Львовом. Янукович развалил украинскую армию, нет нормальных офицеров, зато генералов пруд пруди. Их на тысячу солдат больше, чем в Алжире. У всех многомиллионные дачи, дома, солдаты там работали, как рабы, а сами пузатые, на турнике не подтянутся. Если эти инструкторы обучают наших солдат-пацанов, то ничего в этом плохого. В Донбассе они не воюют.

28.04. Богдан, что касается пропаганды, то я уже тебе говорил, что истина лежит даже не по середине, а в стороне. Читаю Монтеня и Лао Цзы, вот истины, проверенные временем, и, как ни странно, очень злободневны.

28.04. Борис, я рад, что ты меня понимаешь. В 1972 году я с помощью проф. Н. Н. Иванова напечатал статью в немецком технологическом журнале и получил 50 марок гонорара. А потом меня чуть не привлекли за валюту, когда пошёл в «Берёзку», были такие магазины в Москве.

Насчёт пропаганды, не знаю, где она и в какой стороне, но правда – она победит. На днях смотрел ТВ, так там красивая блондинка, дикторша, серьёзно говорит, что украинцы выкопали Чёрное море, чтобы купаться, считай это анекдотом.

Да, кстати, я только что поздравил Володю К. с избранием Назарбаева президентом Казахстана.

29.04. Доброе утро, Богдан. Про ополчение: «Когда американские военные случайно посмотрели ТВ с Киселёвым, то трое тут же вступили в ополчение Донбасса». Что касается Чёрного моря, это забавно, вообще у вас там историки – люди весёлые, поэтому вся история Украины похожа на анекдот. Ты уж не обижайся.

07.05. Завтра еду в Словакию, там встреча ветеранов на Дуклинском перевале, где воевал мой отец. После приезда напишу.

21.05. Жду от тебя подробный отчёт о поездке в Словакию. Небольшой философский анекдот: «Всё будет хорошо, но не сейчас, и не сразу, и не факт, что у тебя».

21.05. Извини, долго не писал, так сложилось. 9 мая я был на Дукле, это в Татрах. Нас из Закарпатья приехал один автобус. Было три ветерана, им уже по 85 лет, остальные – это родственники. Потом встретился с двоюродным братом. Он полковник словацких МВД, историк по образованию, сейчас начальник архива словацких ВС. Мне пришлось поехать с ним в Братиславу, у него сын женился. У брата из окна виден погранпереход с Австрией, но там сейчас нет ни пограничников, ни таможни. У меня шенгенская виза, мы с братом на полдня съездили в Вену. Ты не представляешь, какая там красота, – и в Вене, и Братиславе. Чистота невероятная. Помнишь старый анекдот: «Это как же надо загадить тротуары, чтобы их мыть каждый день». Студенты в белых брюках сидят на бордюрах. Нам до этого далеко.

Немного политики. В Братиславе и в Вене, когда узнавали, что я из Украины, отношение было удивительное – и подарки, и соболезнования, и уважение. Вот приехал домой. Первому пишу тебе. Честно говоря, после Европы тяжело. Чем же так мы перед Богом провинились, чтобы жить в этом сраме, лжи и борделе?

22.05. Богдан, могу тебе только позавидовать и порадоваться за тебя. Что уж говорить про нас, если тебе после Ужгорода, который я считаю европейским городом, Братислава и Вена показались так удивительны. В общем, рад за тебя, что ты можешь так свободно ездить в Европу, и родственники тебя не забывают.

22.05. Да, ты прав, Ужгород почти европейский город, но больше в Европу не поеду, потому что после этих поездок возникает чувство неполноценности, а ведь мы победители.

Ещё немного о своей семье. Я, кажется, писал, что дядя Николай окончил в Праге военное училище, потом академию и остался в Чехословакии. Уже после событий 1968 года стал генералом. Его дети – мой двоюродный брат Петя и сестра Эмма. Она доктор-кардиолог. Хорошо или плохо, но знают украинский язык, кроме этого, ещё пару языков.

25.05. Добрый день, Богдан. Как жаль, что наши предки не оставили нам своих подробных записок о своей жизни, о быте. Вот и наше поколение уходит, и многие детали бытия исчезнут вместе с нами. Говорю внуку – веди дневник. Не обязательно записывать каждый день, ты не Николай II. Так интересно потом через сорок лет прочитать, как ты прожил этот день. Мы с тобой переписываемся и как бы немного сохраняем время своей жизни. Это славно, что у тебя столько родственников и они разбросаны по миру, и хорошо, что они тебя не забывают. Я этим похвастаться не могу.

25.05. Борис, какой ты умник. Я в школе вёл дневник, а потом забросил и на чердаке как-то его нашел. И ты прав, было интересно читать. Спасибо тебе, что внимательно читаешь мою писанину. Если используешь что-то из моих рассказов, даю тебе на них авторское право.

Насчёт евреев. У нас в школе учились в классе пятеро: Ханна, Песия и три пацана Айзик, Мойша и Лёва, все уехали в Штаты и неплохо живут. Говорят, что существует в мире еврейская масонская ложа, которая контролирует почти все страны. У нас даже председатель Верховной Рады Гройсман Бора. Я против них ничего не имею, они дружны, и, кроме того, с ними можно иметь деловые отношения. Еще ни один еврей меня не обманул, чего нельзя сказать о наших братьях славянах. В Рахове был целый еврейский район, но в 80-х годах все выехали, сейчас там заселились цыгане, срам, извини, ужасный. Я поездил по Европе, но в Израиле не был. Там много знакомых и окончивших ТИСИ.

26.05. Богдан, у нас с тобой, оказывается, много общего. С 1948 года я жил на Алтае, в городе, где во время войны выпускали танки. И все заводы там были построены на базе эвакуированных предприятий из Харькова и Одессы. Евреев там было очень много. В основном это была интеллигенция. Мы общались и во дворе, и в школе, и даже на заводе, где я работал после школы. Мы все дружили, и не было

никаких проблем. Кухня у них своеобразная и никогда мне не нравилась. В начале 1960-х годов многие уехали обратно на Украину, а потом в Израиль. С кем-то я до сих пор общаюсь через Интернет. Так что моё детство прошло среди евреев и ничего плохого о них сказать не могу. Вообще, в городе после войны было много разных национальностей, и на это никогда не обращали внимания. Да, собственно, и в ТИСИ так было. Это сейчас стали раздувать национальный вопрос, после развала Союза. Не помню, кто из классиков сказал, что есть только две национальности – хорошие и плохие люди.

05.06. Только мы с тобой обсудили еврейский вопрос, как связь прервалась, не иначе как масоны нас подслушали. Надеюсь, что у тебя все в порядке.

05.06. Борис, не писал, у меня пропал Интернет на пять дней, неужели действительно масоны? Ну чёрт с ними. Расскажу тебе немного об истории Закарпатья. Вообще-то наш край более тысячи лет назад заселили белые хорваты, хотя многие историки, в основном наши, не верят в это. В XIX веке мы были в составе Австро-Венгерской империи, после Первой мировой перешли в состав Чехословацкой республики, причём на правах автономии. Как говорят старики, да и фактически видно, это был расцвет и в культуре, и в архитектуре. Ужгород сейчас выглядит как европейский город благодаря тому, что было построено в те годы.

08.06. Прочитал твою историческую новеллу. Честно, про белых хорватов я никогда не слышал. А куда они потом делись? И ещё один момент, я считал, что швабы это немцы. Вообще ваш край – это край смешения народов и культур, и замкнутое географическое положение делает его особенным.

08.06. Белые хорваты и сейчас живут на Балканах, мой дед один из них. Я тебе писал. В мае был у брата Пети. Я очень удивился, какой скачок совершила Словакия за последние 10 лет. Понимаешь, Словакия в составе ЧССР была в основном аграрным придатком Чехии. Когда разъединились, им пришлось строить свою экономику. Они начали производить автомобили, станки и даже экскаваторы. Сейчас это европейская страна, входит в Евросоюз. Правда, кроны уже нет, там евро.

09.06. Словакия по территории в два раза меньше Кемеровской области, а населения там в два раза больше. Молодцы, что с 1993 года они смогли обустроить своё государство, но, я думаю, не на пустом месте. Кстати, никто не кричал, что они аннексировали территорию у Чехии, не объявляли санкции.

09.06. Белые хорваты – это православные, а другие хорваты – мусульмане. Сербы и черногорцы тоже православные, это и стало причиной войны на Балканах. Я был в Югославии ещё при Броз Тито. Его боготворили, но культа личности я не заметил. После его смерти умерла и Югославия. Два года назад был проездом в Сербии, там ещё есть следы войны, но республика процветает. Словакия и Чехия разделилась полюбовно и сейчас сотрудничают, хотя в своё время начальниками в Словакии были чехи.

10.06. Как изменился мир только при нашей жизни. То, что казалось вечным, рухнуло в одночасье, и невозможное стало возможным. Техника, электроника – всё развивается стремительно. Но вот стало ли нам от этого лучше? Добавило ли всё это счастья и душевного равновесия? Не знаю. Вот и Югославия развалилась.

10.06. Привет, Борис. Югославия распалась, но возникшие государства хорошо развиваются, особенно Сербия и Македония.

17.06. Вчера в «Комсомольской правде» прочитал о Мукачево. Интересный город. Пишет корреспондент, который путешествует по Украине: Харьков, Одесса, Львов, Ивано-Франковск, вот доехал до Мукачево. Как живут простые люди, из этих заметок узнать сложно. В Мукачево описывает массовое переименование улиц: Рылеева, Чернышевского, Донского и т. д. Это как большевики после 1917 года всё переименовывали. У нас тоже в 90-х годах всё хотели переименовать, но потом одумались. Так что в Кемерово остались пр. Ленина и ул. Ворошилова. В этом отношении мне нравятся европейцы. Как стоял памятник маршалу Нею на пл. Контрэскарп, так и стоит, независимо от власти. А у нас с вами, как только власть сменилась, так начинают историю переписывать, и смех и грех. А вообще, положа руку на сердце, как изменилась ваша жизнь или не изменилась? Из Интернета ничего толком не узнаешь. Вот о том, что из зоопарка в Тбилиси волки сбежали, это пожалуйста.

17.06. Да, Мукачево прекрасный город. Там больше промышленности, чем в Ужгороде. Есть лыжная фабрика «Фишер», выпускает лыжи и клюшки всех видов не хуже, а то и лучше, чем европейские. Как ты говоришь, «положа руку на сердце», сколько горя принесла в наш край советская власть, ведь она пришла в октябре 1944-го. У вас уже давно прошла коллективизация и прочее, а у нас только началось. И моя семья пострадала. Был расстрелян муж маминой сестры профессор университета Грыцак. Всех грекокатолических священников отправили в лагеря, а епископа просто на дороге расстреляли.

Жизнь у нас нормальная, по крайней мере, в моей семье. Не шикуем, конечно, но хорошо, что я ещё работаю и Мария. Дочь в Киеве имеет хорошую работу. Конечно, людям трудно, после обвала грив-

ны осенью подскочили цены. Когда я реконструировал свой дом, за доллар давали 5 гривен, потом 8, а сейчас 20–21.

18.06. Ты написал о лыжах, и я вспомнил, откуда этот город мне знаком, у меня были лыжи из Мукачево.

Живу я тоже скромно, внук всё возмущается: «Как так, у специалиста с сорокалетним стажем зарплата ниже средней?». Молодые, которых я учил и натаскивал, уезжают в Москву и получают в три-четыре раза больше. Как ни странно, но вот это меня совсем не волнует. Кризис сменяется кризисом, и особого просвета не видно. Много ошибок допущено за эти 25 лет из-за тщеславия, жажды власти и нечистоплотности.

Ты пишешь, что у тебя на участке растёт грецкий орех. Это замечательно.

18.06. Орех у меня на даче 12-летний, уже большой. И орех у меня не просто грецкий, а так называемый волошский, с крупными орехами и довольно тонкой скорлупой. Её можно без молотка руками раздавить.

22.06. Богдан, славный у вас край. Прочитал об Ужгороде в «Комсомольской правде». Так вот, корреспондент о вас пишет с большим уважением, в отличие от Ивано-Франковска и так далее. Отмечает здравомыслие закарпатцев, смесь национальностей, упоминает фестиваль вина. Приводит пример, как один дед, не выходя из дома, жил в пяти государствах. Ещё упоминает закарпатский язык – смесь языков, но главная особенность в произношении.

22.06. Да, край у нас оригинальный. В горах и около Рахова живут гуцулы. У них свой язык, диалект. Украинцы из Полтавы или других центральных областей ничего не понимают. В школе с нами боролись и учили правильному украинскому языку. Кстати, скрипка у нас – национальный инструмент, и ещё цимбалы. Я тоже ходил в музыкальную школу на скрипку, но закончил только один класс. Там нужен абсолютный слух, а мне это не дано.

23.06. Ты, оказывается, ещё и на скрипке играл? Ну молодец. А я даже на гитаре играть не научился. Играть на разных инструментах, а уж тем более сочинять музыку – для меня великое таинство. Прочитал, что у вас в Ужгороде всем заправляет местный олигарх Виктор Балога. Ты случайно с ним не знаком? Ты ведь тоже там человек непоследний.

23.06. Да, с Витей Балогой я знаком. Он в 1980-х был заведующим мебельного склада. Первую стенку, когда получил квартиру, достал у него. Тогда это был дефицит и все не покупали, а доставали. Потом он заочно окончил Львовский торговый институт и в крутые 90-е выплыл. Его тогда поддерживал первый секретарь обкома. Потом он влез в доверие Ющенко и стал министром МЧС – самого коррумпированного министерства. Сейчас – в Верховной Раде, и не один, а с братом. Его вотчина – Мукачево, в Ужгород его пока не пускают, есть другие подонки. О нём лично я не могу сказать ничего плохого. В своём округе капитально отремонтировал три школы, реконструировал мукачевский стадион по европейским меркам, да и при личных встречах общаться с ним довольно приятно, хотя большим интеллектом не блещет. Да таких депутатов у нас и у вас хватает.

Проституток у нас практически нет, о притонах не слышал, возможно, есть подпольные. А вот наркоманов хватает. Когда-то в каждом дворе росла конопля, из неё ткали рушники и одежду все горцы. Рос мак, какие пироги без мака. Сейчас всё запретили. Я покупаю мак в Словакии.

Через час еду в Хуст проверять практику студентов. Очень интересный городишко, после приезда расскажу.

24.06. Да, ты напомнил наши давние времена, когда всякую ерунду: мебель, холодильники, посуду, ковры – можно было купить только по блату. Самое хорошее в тех временах было только то, что мы были молодые. Правда, и нынешние времена нас не балуют, как говорится, у каждого времени свои недостатки. Наркоманов и у нас хватает, часто в подъезде валяются шприцы. Хотя я вспоминаю, в ТИСИ ребята из Андижана анашой баловались. Мак и коноплю у нас тоже всю извели. Жду от тебя описание г. Хуста.

24.06. В Хусте встретил вчера много старых друзей и просто хороших знакомых. Мэр города когда-то был моим подчинённым. Пришлось немного погулять. Как говорят поляки, что занадто, то не здраво. Думаю, понял. Хуст находится в центре области на берегу Тисы.

29.06. Борис, сейчас у меня возник неожиданный вариант, через два часа еду в Словакию, в город Кошице. Там Ужгородское музучилище будет заключать договор о сотрудничестве, а у шофёра нет визы, так что я два дня буду шофёром. Приеду, напишу. Вот за мной уже приехали.

02.07. Состоялась последняя защита, было 23 человека, и, как ты понимаешь, все «сливки». Принимали шесть часов подряд. Слава богу, всё в этом году закончилось, а на следующий год постараюсь от этого дела избавиться. Вся эта тупость и малограмотность стала меня утомлять.

07.07. В Кошице ездили на машине директрисы музучилища. Была моя жена, она председатель профкома, и муж директрисы. Приехали в Кошице, это 100 км от Ужгорода, руководители подписали

договор о сотрудничестве. Далее ужин, как принято. Утром встали, Федя, это муж директрисы и хозяин машины, говорит, а зачем мы поедем домой, мы все в отпусках, давайте махнём на Ширавские озера. Прекрасное место, не хуже, а сейчас, наверное, лучше хвалёного Балатона. Озеро чистейшее, песок белый, обслуживание на высшем уровне, цены приемлемые. Если захочешь, в воду принесут даже бутылку пива. В общем, прекрасно неделю отдохнули. Но главная хохма была, когда приехали в Ужгород. За то, что я их всех возил на казённом бензине, мне выдают 500 евро за труды, я заработал за неделю больше, чем профессор.

08.07. Насчёт словаков, может, они и правы, как у нас говорят, на халяву и уксус сладкий.

Помню, в 1970 году я впервые выехал в составе группы молодых учёных из Томска в Прагу. Походили, погуляли, я говорю руководителю (им был секретарь комитета комсомола ТИСИ Генка Волокитин): «Отпусти на пару дней в Братиславу, там дядя родной, брат, сестра, пока вы здесь развлекаетесь, я съезжу». Он чуть в штаны не наложил. Но у нас была экскурсоводом милая девочка Эмма. Она мне говорит: «Позвоните в ваше посольство», дала телефон. А что, меня убудет? Я позвонил, взял трубку какой-то третий секретарь, наверно кагэбэшник. Он сказал, что это невозможно, но случайно разговор услышал сам посол Червоненко, видимо, оказался рядом. Он потом был послом в Париже.

Он мне говорит:

– В чём вопрос, поезжай, а деньги есть?

– Деньги есть, дядя дал.

– Тогда дайте трубку вашему руководителю.

А он стоял рядом около будки. О чём они говорили, не знаю, только тот сказал: «Иди на все четыре стороны». Так я впервые попал в Братиславу и увидел своих родственников. Но приключения не закончились. У меня с собой было три бутылки «Столичной», мы там выпили за неделю одну бутылку, и ту не до конца, жмоты они всё-таки. Однако надо же возвращаться, где группа, звоню в отель, а там говорят: «Уехали на Ширавские озёра». Я поехал, это всё довольно близко, не как в Союзе. Нашёл свою группу. А они все уже считали, что я сбежал на Запад. У меня с собой был блок «Мальборо» и более тысячи крон, а народ уже два дня не курил. А когда я их всех ещё повёл пиво пить… Ну, сам понимаешь, что было…

Немного о дорогах – и тогда, и сейчас дороги там прекрасные. Может, и нам надо стать жмотами и заняться дорогами.

16.07. Богдан, не получаю от тебя ответа и начинаю беспокоиться. Не отправили ли тебя как запасного майора в Мукачево на разборки или ты просто уехал в свой санаторий и забыл ноутбук?

20.07. Да, наше Мукачево прославилось. Не знаю, какая у вас информация, но на первый взгляд это передел рынка контрабанды. Ясно одно, что всю кашу заварил тебе известный Витька Балога, но он выйдет сухим из воды, а жаль. Причина в том, что после 1991 года закрылась куча крупных предприятий, новых никто не открыл, и людям работать негде. А рядом с Закарпатьем четыре страны, вот люди и занялись контрабандой, так, по мелочи, в основном сигареты и водка. А вот такие, как Балога и его братья да ещё один хрен Леньо, вывозили контрабанду вагонами. Хорошо жили таможня, погранцы да и службы в соседних странах – все в доле. Но вот что-то не поделили, и начался бардак. Жаль, пострадают простые парни. Сейчас заменили почти всю таможню и милицию, но этих не жалею. Представляешь, у нас пачка сигарет около 30 центов, а в Венгрии, Румынии – уже 1,5 евро, в Италии – 5, а в Лондоне – уже 7,5 евро. Это навар на миллионы ежемесячно.

21.07. Про Мукачево информация примерно такая же, только без фамилий. Кивают на «правый сектор». Ну да бог с ними. Там, где большие деньги, всегда и разборки, но, слава богу, мы с тобой от этого далеки. Сейчас собираюсь в дорогу на приёмку. У меня ремонт первой категории, надо в этом месяце запроцентовать миллионов 40, и можно идти в отпуск. Жаль, что ты так далеко живёшь, а то бы заглянул на денёк.

21.07. Настоящий «правый сектор» тут ни при чём, их подставили. Это просто наёмники работали под «правый сектор». Вот и за последние два дня, когда всё успокоилось, в каких-то ангарах нашли шесть фур, забитых сигаретами. Даже не представляю, какие это деньги. Да чёрт с ними. Ты понимаешь, у нас три КПП с Румынией, пять – с Венгрией, три – со Словакией и один – с Польшей. Кроме того, действует договор со всеми странами о пятидесятикилометровой зоне. Жители этой зоны могут переходить границу без загранпаспорта, по пропуску пограничников, хоть несколько раз в день. Вот простые люди и шастают туда-сюда. Хоть и ходят с одной сумкой, но пару сотен заработают за день.

22.07. Вышла статья П. Шеремета по поводу Мукачево, довольно подробная, с фамилиями и персоналиями. Всё совпадает с тем, что ты пишешь. Я так понимаю, у вас теперь новый-старый губернатор. У нас тоже 13 сентября выборы. Только выбирать нечего, административный ресурс крепчает. Наехала налоговая с проверкой по стройке. Требуют документы по объекту, причём копии, а этих документов, исполнительной документации, ППР, актов и т. д. за три года скопилось уже три солидных шкафа, десятки тысяч листов. Хоть типографию открывай. В общем, маразм полный.

22.07. Да, у нас, как правильно ты говоришь, новый-старый губернатор. Я с ним хорошо знаком и сотрудничал, и даже бывали вместе на разных банкетах. Очень порядочный и честный человек, главное, справедливый. Надеюсь, что наведёт порядок.

23.07. У нас по-прежнему жарко, вот только виноград не растёт. Да и влажность, вот утром по радио сказали, 92 процента. Не удивляйся, я по-прежнему слушаю радио. Хотя молодёжь уже и не знает, что это такое. Как-то пошёл в магазин, хотел купить новый репродуктор, так мальчишки-продавцы никак не могли понять, что мне нужно. Повели меня к радиоприёмникам, еле-еле объяснил.

23.07. У нас ещё новость. На наши таможни придут английские таможенники. Состав будет 50 на 50 процентов. Может, англичан не подкупят, но если им дадут нашу зарплату, то вряд ли. У меня тоже есть радио на кухне. У нас вчера был рекорд за всё время наблюдений – плюс 36, для нас это слишком. И для моего пекинеса тоже, он целые дни лежит на плитке в ванной. Ты говоришь, что замучили проверки, у нас тоже это было, но сейчас наполовину сократили эти органы и установили мораторий на проверки. Даже проверку продуктов отменили, что, с другой стороны, уже перегиб и дурость.

24.07. Да, жизнь у вас разнообразная. Грузинские губернаторы, английские таможенники, литовские министры. У нас выборы старого губернатора. Я думаю, что уж в таком случае нужно сразу выбирать пожизненно, чтобы деньги на выборы не тратить и людей не морочить.

27.07. Утром в субботу позвонил ректор и попросил съездить в Мукачево. Приехал домой, включил русское ТВ. То, что я услышал о Мукачево, меня повергло в шок. Ведь я только что приехал оттуда. Каких-то детей эвакуировали и прочие бредни. Ну почему русское ТВ начинает с Украины? А что, в Омске или Хакасии мало своих проблем? Когда я сам вижу одно, а на весь мир говорят что попало, это чести вам не делает.

27.07. Богдан, что тебя так волнует наше ТВ? Мы с тобой уже пожилые, мудрые люди– и что нам эта суета! Ты – человек верующий и можешь думать о какой-то перспективе, а моя жизнь просто подходит к концу. Так что по вечерам в тишине я смотрю на огонь и ни о чём не думаю, как говорят буддисты, это высшая мудрость – постичь пустоту. В этом году стал в выходные ночевать на даче. Участок у меня с краю, соседи далеко; впереди, сколько хватает глаз, поле, берёзовые околки, справа тайга. Тишина, аж в ушах звенит.

27.07. Когда был на выходных в Мукачево, встретился с Геннадием Ивановичем, нашим губернатором. Я говорил, что мы давние знакомые. Он сам меня позвал через охранника. Поговорили пять минут, предложил пост советника. Я говорю, какой я советник, пенсионер, а вот на общественных началах – пожалуйста. Сказал: «Разберитесь с дорожной службой и университетом». Ты можешь плохо обо мне подумать. Но если не я, то кто, все боятся или повязаны. Главное, не сдаваться, будем жить.

29.07. Вчера не смог тебе ответить, так как с утра надо было написать «светлые мысли» для начальства. Приезжает глава Росавтодора, и они хотят знать, о чём с ним говорить. Потом поехал на дорогу, участок за Белово. Это 150 км туда и 150 обратно. Итого 300, наверное, ваш край можно поперёк проехать из конца в конец. Тебя приглашает в советники губернатор, это интересно. Я всегда знал, что ты у нас прекрасный инженер и уважаемый человек. Советовать тут ничего не могу, так как не знаю обстановку.

30.07. Насчёт советника губернатора, зачем мне это надо.

07.09. Добрый день, Богдан. Я думаю, тебе стоит отметить вино этого года и сохранить его для своих внуков. У вас ещё лето, а у нас уже начинается осень. Стало прохладно, полетели жёлтые листья. Вышла моя книга, называется «По росстаням дорог», вот она у меня на столе. Ежели ты сообщишь свой почтовый адрес, постараюсь тебе её выслать.

07.09. У меня новость: не знаю только, радоваться или наоборот. Дочке предложили работать в администрации президента. Она возглавила отдел социальной рекламы президента. На презентации Порошенко вручил ей букет, всё это показывали по нашему ТВ. Жду твою книгу, только с автографом.

08.09. Конечно, за детей всегда нужно радоваться, хотя я понимаю твою тревогу. Политика – сфера далеко не стерильная, но ты человек мудрый, подскажешь, ежели что, и укроешь за своими горами. День дорожника у нас в третье воскресенье октября, но материалы для администрации пишем заранее, там они все пережуют и изложат потом балалаечным языком.

08.09. Дочка у меня самостоятельная, я никогда ей ни в чём не помогал, имею в виду учёбу и устройство на работу. Она всё делает сама. Её взяли в администрацию президента как специалиста по рекламе. Скажу честно, в зарплате она проиграла, но отказаться не могла, посмотрим, что будет дальше. День дорожника у нас, как у вас, но в этот день у нас будут ещё и выборы в местные советы, чёрт бы их побрал.

14.09. Извини, что сразу не ответил. Меня месяц не было, а мои коллеги всё ждали, когда я выйду. Вот сейчас пытаюсь составить предложения для новой редакции нашего дорожного СНиПа. Кстати, вы на Украине какими СНиПами пользуетесь? У нас тут вышли СП, но в них 80 процентов всё переписано из старых СНиПов.

14.09. Конечно, нас, старых умных дураков, молодые тупые используют. Мой друг, главный дорожник области, говорит: «Вот ты ушёл, а если я уволю пенсионеров, кто работать будет». Не знаю, куда катимся. Насчёт СНиПов, у нас та же история, переписывают и выдают за украинские.

Да, я в выходные попал на венгерскую программу. Кроме проблемы с беженцами, у них было сообщение, что Россия контролирует, то есть ФСБ, весь Интернет, особенно переписку со странами ЕС и Украиной. Смотри, чтобы я тебе не навредил, хотя мы о политике не говорим.

15.09. Доброе утро, Богдан. Как там у вас дела с беженцами? К вам арабы ещё не добрались или, наоборот, ваши едут в Европу? У нас тут прошли выборы губернатора, нарисовали явку 98 процентов и «за» 96 процентов, хотя с кем ни поговоришь, никто на выборы не ходил, даже пенсионеры и те уже разочаровались. Что касается большого брата, который за всем следит, то и бог с ним, нам с тобой нечего терять.

15.09. У нас сейчас тоже предвыборная кампания. Лезет всякая вшивота, я даже не вникаю в эту возню.

Извини, упустил твой вопрос об эмигрантах, беженцах и прочее. Раньше у нас это был просто бизнес. Закарпатье – это коридор в Европу, в основном в Польшу и Словакию. Туда шли афганцы, пакистанцы и всякий сброд. Есть проводники, которые в горах проводят через границу, конечно, за доллары и не без участия погранцов. С приходом нового-старого губернатора Москаля им хвост прижали, как и с контрабандой. Заменили всё большое и даже небольшое начальство на таможне и у пограничников. Вроде какой-то намечается порядок. С работой у нас туго, и очень много наших людей работает за границей. В Италии – в основном женщины. В Португалии и Испании – строители. Раньше много ездили в Россию, точнее в Подмосковье, но их там дико кидали и грабили по пути домой. Сейчас туда не ездят. У моей жены подруга, с консерваторским образованием, подтирает задницы старикам в Неаполе. Получает за это в четыре раза больше, чем в музучилище. На её деньги здесь Миша, её муж, построил двухэтажный дом. Недавно приезжала, такая дама, не скажешь, что служанка. Вот такие у нас дела, кажется, ответил на твои вопросы.

17.09. Доброе утро, Богдан. Ты угадал, был на дороге. Ребята фрезернули нижний слой, а начальство перепугалось, что верхний слой укладываем на выравнивающий. Вот съездил, разобрался, всех успокоил, сделал запись в журнале производства работ.

Университет, конечно, у вас интересный, сколько ему лет? Я пытался найти сайт твоей дочери, но пока безуспешно.

17.09. Университету нашему в прошлом году было 255 лет, он образован ещё при Австро-Венгрии. В то время был ещё и богословский факультет, он потом выделился в отдельную академию, которую при Союзе закрыли. Сейчас снова действует грекокатолическая академия. У нас есть и православная академия Московского патриархата.

Вот с 1-го начнутся занятия, тогда всё будет ДОБРЕ.

18.09. Сейчас зашёл и, как ты советовал, посмотрел сайты твоей дочери. Ну что сказать, могу только порадоваться, что у тебя такой талантливый ребёнок. Посмотрел графику. Жёстко, почти мужской стиль. Да, в «Гугле» обнаружил и свою последнюю статью «Путники и дорожники». А вот книгу пока не могу тебе отправить, возникли чисто технические проблемы, но я их преодолею.

18.09. Да, дочка моя – график, в своё время занималась батиком. Когда она получила Гран-при в Японии, ей не было 18 лет и визу не дали. Приз получила по почте. Сейчас пишет только в своё удовольствие и иногда для выставки. Я говорил с дочкой, и она рада, что тебе понравились её работы.

21.09. Я посмотрел разные сайты твоей дочери и понял, что ваша молодёжь уже живёт в другую эпоху, а мы с тобой застряли в СССР, во всяком случае я.

21.09. Насчёт вина. А ты неплохо в этом деле разбираешься. Ты прав, высохший виноград даёт намного меньше сока, а сахар сохраняется. Но у нас совсем другие сорта и для этого не годятся.

22.09. Погода у нас отвратительная. А у меня, как назло, подрядчик не успел уложить асфальт. Протянул одну полосу на 700 м, и на заводе дробилка сломалась, смесь не выпускают, нет материала, а тут и лето кончилось.

Сижу в кабинете и сочиняю интервью зам. губернатора для журнала «Строительный Кузбасс» ко Дню дорожника. Пока написал мелким шрифтом четыре страницы. Кстати, сколько лет твоё вино может храниться?

22.09. Вино у меня больше года-двух не задерживается. У нас в предгорье встречается дикий ви-

ноград, очень кислый, и гуцулы из этого винограда гонят самогонку. В Грузии сказали бы «чача», но это не совсем то. Самая лучшая закарпатская самогонка – это СЛИВОВИЦА. Сейчас её уже производят на заводах и продают в магазинах и даже в Киеве. Сливовица не может быть меньше 70 , ну минимум 65 градусов. В умеренных дозах она имеет положительный эффект для тех, у кого плохо работает желудок или есть диарея. Моя бабушка каждое утро пила штамперлик, это уменьшенный гранёный стакан 25–30 грамов. Это при Советах наших людей приучили пить из гранёных стаканов. Вот мы с тобой и до самогонки дошли.

23.09. Добрый день, Богдан. За окном дождь, и штамперлик сливовицы был бы очень кстати. То, что ты в Ужгороде великий человек, я уже понял, раз тебе на год 300 литров вина хватает еле-еле. Шучу, Богдан. Я просто хотел узнать, не пробовал ли ты для эксперимента заложить несколько бутылок вина и посмотреть, как долго оно будет жить? Сейчас случайно в «Одноклассниках» наткнулся на старое видео, 1995 года. Открытие моста через р. Кию в Макараке. Увидел там себя. Прямо молодой человек.

23.09. На мосту я тебя видел, правда, не знаю, на каком. Насчёт штамперлика, сейчас их почти нет, но у меня от бабушки ещё осталось два, я из них лекарства пью. У нас снова реорганизуют дорожную службу. Никто толком ничего не знает, даже коллеги в Киеве. Хотя, честно скажу, старое забытое – лучше нового дурного. Когда вернулся в 1980-м на Украину, был Минавтодор УССР. Министром был хороший мужик. Тогда решалось всё, было снабжение, качество, классные специалисты. Потом всё раздербанили, создали Укравтодор, Укрдориспекцию, Укрглавки. Раздробили головной проектный институт. Был один министр и два зама, а потом стало столько начальников, что я сам мало кого знал, тем более что они менялись каждый год. Вот сейчас главный дорожник Украины – 1979 года рождения, конечно, не дорожник, экономист-менеджер, где их только готовят? Хорошо, что на старость лет я вернулся туда, с чего начинал. А производственную школу я прошёл крутую. Что может дать преподаватель, который ни дня не был на производстве?

24.09. Богдан, ты, как всегда, прав. У нас тоже Росавтодор в последнее время возглавляют милиционеры, электронщики, экономисты и т. д. Причём в интервью, когда их спрашивают, как вы сюда попали, не стесняются признаваться: «Я человек команды, вот позвали свои ребята». Одно время там были профессионалы, наши выпускники – Серёгин, Урманов, но их быстро выжили. Слава богу, у нас директор – нормальный мужик, дорожник, да и остальное начальство – все дорожники. Мостов я проектировал немного, но первый мост, который запроектировал в 1970 году, стоит, и иногда я по нему проезжаю. А вот строил довольно много, во всяком случае больше дюжины. Можно сказать, мы с тобой жизнь прожили не зря, мосты строили, а не сжигали. В общем, «раньше мы жили хорошо, а потом стали жить ещё лучше. Но иногда так хочется ещё пожить хорошо».

24.09. В Дирекции строящихся дорог до 1991 года у нас работало 14 человек. Директором был мой хороший друг, а я в то время был замначальника облавтодора. Закарпатью он отдал почти 40 лет. Он чистый русский, но выучил здесь не только украинский язык, но и диалекты разных районов, знал их лучше меня. Мы даже соревнования устраивали. На примере моего директора хочу отметить, как важно знать язык того места, где ты живёшь. В Париже, Праге, Будапеште все уважают свой язык. Если приехал жить, будь добр, выучи. Я, честно говоря, уже не смотрю ваши каналы, такое враньё. Вчера ездил в университет узнать расписание и встретил моих студентов из Донбасса, они ездили на каникулы. Поездку им оплатил университет. Мы проговорили вечером в кафе часа два. Они рассказали правду, не буду писать, всё равно Киселёв у вас всегда прав. Не обижайся, это крик души.

25.09. Согласен, язык нужно знать. Однако я не понял, что тебя так заедает, что весь мир говорит по-английски, а не по-украински. Я понимаю, что последние двадцать лет вы усиленно решаете проблему национальной идентификации и в связи с этим решили, что Россия – враг номер один, и как только вы всех в этом убедите, то все проблемы решатся сами собой – и все будут говорить по-украински. Но уверяю тебя, что это совсем не так. Ты пишешь о беженцах из Донбасса, но и у нас их 1,1 миллиона, и дай им бог здоровья и счастья и в России, и на Украине, и в Ужгороде. Я родился в СССР и жалею, что этой страны нет. Не скажу, что там было лучше жить. Проблему с колбасой решили, но стали ли все от этого счастливы, очень сомневаюсь. В связи с этим вспоминаю Ильфа и Петрова: «Фантасты писали. Вот будет радио, и все будут счастливы. Теперь радио есть, а счастья нет». Я смотрю, тебя очень волнует Киселёв, надо будет как-нибудь посмотреть. Всего тебе доброго, Богдан, и не обижайся, если что, я просто всегда пишу искренне то, что думаю, и тебе доверяю.

25.09. Борис, ты человек образованный, тактичный, прирождённый ДИПЛОМАТ. Ты очень красиво обходишь некоторые вопросы, которые я задаю. Понимаешь, при чём здесь английский? Европа, кстати, говорит в основном на немецком. И у нас, и у вас в школах словно сошли с ума, учат только английский. Не всё так однозначно в нашем мире.

26.09. На Киселёва мне чихать, он как телеведущий начинал на Киевском ТВ, как говорят, не плюй в колодец и т. д. Я состоялся только благодаря России, русским людям, таким, например, как ты, но не могу принять политику прежнего президента-алкаша и теперешнюю политику Кремля.

01.10. Богдан, наконец-то удалось отправить тебе книгу. Оказалось, что это всё не так просто. Вы теперь заграница. У тебя начался учебный год, с чем и поздравляю.

У нас выпал первый снег, сейчас написал письмо о запрещении укладывать асфальтобетон.

08.10. Борис, не был дома больше недели. По просьбе губернатора был включён в состав делегации для поездки в Венгрию. Мне даже пришлось перенести лекции. Конечно, меня взяли, скорее всего, как переводчика.

Когда вернулся в Закарпатье, мне пришлось заниматься реконструкцией моста через Тису на КПП в Чопе. Чоп тогда был главным погранпереходом из Союза в Венгрию. Когда открыли границу, начались страшные заторы. Пришла команда из Москвы начать реконструкцию моста, открыли финансирование. Половина моста наша, половина венгерская. Я был назначен руководителем проекта. Сказали, ты знаешь язык, тебе и карты в руки. За кофе мы с венграми понимали друг друга, но как переходили на профессиональные вопросы, тут тупик. Начал вечерами брать уроки венгерского у проф. Балагури, жаль, ныне покойного. Выучил я в совершенстве не просто венгерский, но и технический язык. Мост мы реконструировали, испытали. Сейчас мост – красавец, четыре полосы движения, и в Венгрию еду без очереди. Вот такая история.

Сейчас у нас ещё открываются два КПП в Венгрию. Я ездил туда по просьбе венгерских специалистов, там меня знают. Хороший переводчик с венгерского в Киеве стоит в два раза дороже, чем с английского. Да, ещё хочу добавить, я раньше ездил по Европе, но никогда не афишировал, что я из Украины. Сейчас бармен, узнав, что я украинец, предложил бесплатно и кофе, и выпивку.

09.10. Богдан, горжусь, что у меня есть такой умный, образованный друг. Это замечательно, что ты в совершенстве знаешь венгерский. Получишь книгу, сообщи. Она состоит из трёх частей, так что, мне кажется, и Марии есть что почитать. Ваше мнение мне небезразлично.

09.10. Спасибо, Борис за добрые слова. Я ещё хотел тебе сказать, что страну Венгрию так называют только на русском. У нас и в Европе говорят Мадьярщина или Угорщина. Помнишь песню «Вышла мадьярка на берег Дуная»? Говорят, хотя я сомневаюсь, это скорее легенда, что угры пришли на Дунай с Урала, и даже языковую группу назвали угро-финской. Я был дважды в Финляндии, зная венгерский, ничего понять не мог, ничего общего с финским.

Поздравляю с первым снегом, а у нас длится бабье лето, просто чудо.

Ты мне недавно писал про выборы вашего губернатора. Ты неправ, я посмотрел, он набрал 98,96 процента, по своему пребыванию на должности переплюнул Л. И. Брежнева.

12.10. Добрый день, Богдан. Ты же знаешь, я родился в Ханты-Мансийске. Как мне дядя рассказывал, туда приезжали венгры и с местными хантами и мансями находили общий язык. Не знаю, насколько это правда.

14.10. Сегодня Покров, и, как положено, с утра пошёл снег. Вчера сподобился быть на губернаторском приёме. Большой зал, человек сто за длинными столами, которые стоят буквой П. Человек сорок награждаемых, остальные просто массовка. Целый час челядь нас рассаживала и инструктировала, наконец появился губернатор. Прочитал речь по бумажке. Дорожников было человек пять, включая твоего покорного слугу. Повесили и мне на шею очередной орден. Потом мальчишка-журналист уговорил меня ехать на дорогу и там давать интервью. Замёрз как собака.

18.10. Не знаю, писал ли ты мне в пятницу, у меня не работал Интернет. Тут я услышал, что какую-то женщину у вас привлекли, потому что в Интернете выражала проукраинские взгляды. Смотри, чтобы и у тебя не было проблем из-за общения со мной.

19.10. Богдан, в пятницу не писал, так как пришлось с утра уехать на дорогу. День был предпраздничный, и работали только до 12 часов. Накануне отмечали День дорожника в загородном ресторане. Там были начальники со всей области, ну и я сподобился. Замгубернатора прочитал мой доклад в изложении его референтов, потом было награждение и танцы девиц в перьях. На столах – море водки и вина. Но как-то эти торжественные посиделки меня быстро утомили, поэтому уехал рано, при первой оказии.

19.10. Вы уже отпраздновали, а мы только начнём с пятницы. В этот день у нас ещё выборы мэра и в местные советы. Ты не ответил на вопрос, не будет ли у тебя осложнений из-за общения со мной? Из России пишешь только ты.

Не думал, что с книгой будут такие проблемы. Да, создали политики между нашими народами такой дурдом, даже слов нет.

20.10. Не волнуйся, дорогой друг, всё спокойно. Да и кому мы с тобой нужны, два наивных мудреца, бредущие по обочине.

21.10. При Союзе в венгерских школах учили только русский язык. Сейчас учат украинский, но венгерская молодёжь говорит на нём очень плохо, а в селах вообще не говорит. Никто их не притесняет. У них есть своя венгерско-карпатская партия, и от неё депутаты в Верховном Совете. У многих из них двойное гражданство. Нужно только иметь родственников в Венгрии, но это устроить не проблема. Мой бывший шеф, начальник Облавтодора, уже и живёт в Венгрии. Очень толковый мужик, он лучший, с кем я работал. Венгерский и закарпатский языки знал бесподобно. Вот такая история. У нас очень много смешанных браков, живут прекрасно, и дети получаются красивые.

22.10. Богдан, читаю твои заметки о родном крае и всё больше им очаровываюсь. Жаль только, что пишешь ты мне об этом не в 1985 году, а в 2015-м. Непременно посетил бы Закарпатье. Но что теперь говорить.

22.10. Добрый день, Борис. Да, в 1985 году Интернета не было и адреса я твоего не знал, жаль. Да, наш край интересен. Ещё одна национальная история. В моём Раховском районе есть три села, чисто румынские. Там такая ситуация: они в основном женились только между собой. И дошло до родственных браков. И дети, особенно девушки, стали какие-то мыршавые. И вот одна девушка, румынка, повстречала на дороге русского шофёра. Он «поломался» и попросился переночевать, через полгода сыграли свадьбу. Я в курсе, так как отец её работал в дорожной бригаде. Сейчас у них две дочери-красавицы, что значит свежая кровь.

23.10. Словечки проскальзывают у тебя интересные: «девушки мыршавые». Поздравляю тебя с Днём дорожника. Всех благ, а главное здоровья и твёрдой походки, чтобы ходить по горам. Мы раньше тоже праздновали в этот день, но в 2000 году Ельцин подписал указ, и День дорожника стали отмечать на неделю раньше, а в эти выходные у нас День автомобилиста.

25.10. Я уже проголосовал, дали четыре простыни, не читая, отметил своих хороших знакомых. Мой кандидат в мэры Ужгорода – что надо, настоящий хозяйственник, но слишком порядочный, такие не проходят. Но зато совесть у меня чиста. Заколебали эти выборы, а что толку. Вот приезжает иностранец в Украину и спрашивает встречного: «Ну как у вас дела?» А тот отвечает: «Нормально, выборы».

26.10. У вас бабье лето, а у нас выпал снег. Согласен с тобой: порядочные люди во власть не проходят, это, наверное, везде так.

28.10. Я тебе писал, что в мэры Ужгорода избирается мой хороший друг, и вот диво – прошёл во второй тур. Будем надеяться. Мэром или сельским головой должен быть хозяйственник, а не политик и вор. Сергей не политик, боюсь, он не пройдёт.

29.10. Конечно, я желаю твоему другу удачи на выборах в мэры. Хорошо, что нас с тобой эта болезнь не затронула – жажда власти, а это, говорят, как наркотик, нас не мучает.

29.10. Боря, книгу так пока и не получил.

30.10. Богдан, у нас 4 ноября – праздничный день, зовут на митинг, обещают два отгула. Как там у тебя дочь, трудится на административной работе?

01.11. Хотя вчера была суббота, но я провёл консультацию, так как вычитал цикл лекций для курсового проекта. Пришли простые, и ни одного мажора из Ужгорода и Мукачева, ну я им устрою.

02.11. Я смотрю, ты не только лекции читаешь, но и ведёшь курсовые. То есть весь семестр занят.

04.11. Я курсовые не веду, только консультирую. У меня есть ассистенты, почти все физики, и я их тоже заставляю ходить на мои лекции. У меня озеленение читает кандидат биологических наук. Это Диана, моя племянница, её отец Иван – родной брат моей жены, работает на кафедре физики твёрдого тела, профессор.

05.11. Я смотрю, у вас там целый профессорско-преподавательский клан. Я так понимаю, что моя книга безвозвратно пропала на просторах Украины, очень жаль, и не книгу, а то, что ты её не прочитаешь.

05.11. Насчёт книги, думаю, найдётся, сегодня же схожу на почту. У нас погода пока прекрасная, бабье лето ещё не кончилось, горы все стали золотыми. Борюсь во дворе с опавшей листвой.

06.11. У вас золотая осень, а у нас непонятно что. Сейчас был на дороге, проехал 150 км с севера на юг. Выехал, мела позёмка и было -3. За Белово шёл дождь и был +1. Сейчас вернулся, +3 и светит солнце. Снег растаял. Поздравляю тебя с днём Великой Октябрьской революции. Что бы там ни говорили, но это было великое событие, пусть и страшное. Просто потом всё сложилось не так идеально, как виделось в теории. Я думаю, история без этого была бы другой.

08.11. Борис, спасибо за поздравление. Жена говорит, в городе праздновали у памятника Шевченко. Кучка коммунистов-пенсионеров без красных флагов, что-то пели и через час разошлись. Помню, это было в 1970 году, я работал ассистентом и, как принято, был куратором в группе. Пошли на демонстрацию, погода солнечная, но минус 20,

было весело и холодно, дошли до пл. Революции. Потом вернулись на кафедру и крепко отметили, согрелись. Вот по таким моментам я, честно, ностальгирую. Жили небогато, но дружно и весело, о бандитизме и коррупции почти ничего не знали.

09.11. Богдан, поздравляю со сбором урожая. Надо тебе привлекать студентов на практику в свой подвал. Шучу, конечно. Седьмого ноября у нас на площади у памятника Ленину тоже собирались энтузиасты, человек десять с красным флагом. Но с каждым годом их становится всё меньше и меньше.

09.11. Дорогой друг! Знаешь, ни здесь, ни в Интернете я так тесно ни с кем не общаюсь. Здесь другие интересы, и мои заботы никого не волнуют, да и мои рассуждения, мысли и взгляды на действительность не всегда совпадают со взглядами моего окружения. Ты правильно сказал в шутку, что мог бы привлечь студентов, но, наверно, только для сбора винограда. А так мы с женой справляемся. А к технологии производства я никого не допускаю, у меня есть свои секреты.

10.11. Новые корпуса университета находятся на возвышенности, откуда виден весь город, и как ни смешно, но эту местность называют БАМ. Корпуса строились, когда строился БАМ, и народ так назвал. От моего дома до главного корпуса, где читаю лекции, 6 км по спидометру. Ты много ездишь, а как у вас с бензином, я имею в виду стоимость? Я заправляюсь 92-м по 90 центов за литр. Специально говорю в долларах, а то за нашими валютами не уследить. Сейчас, кроме работы, довольно много читаю, в основном новых авторов, но пока шедевров не нашёл.

Я, наверное, допускаю какие-то речевые неточности и ошибки, ты уж извини. Знаешь, когда дома говоришь на украинском, точнее, на закарпатском наречии, лекции читаешь на русском, а в городе и на рынке говоришь то на венгерском, то на чешском, это не мудрено. Вот иногда и проскакивают слова с других языков. Студенты мне прощают.

Только что пришла записка: «Зайдите за бандеролью». Я на почте устроил шухер, и вот нашлась книга.

11.11. Бензин у нас тоже дорогой, теперь почти 50 центов, но меня это мало волнует. На работе есть машина, а так езжу на общественном транспорте бесплатно как ветеран труда, у меня и по области бесплатный проезд, но ещё ни разу этим не воспользовался.

15.11. Я только вернулся с выборов мэра Ужгорода. Это был второй тур. Думаю, пройдёт мой хороший знакомый Сергей Ратушняк. Он миллионер, имеет водочный завод, свою областную газету. Сказать, что он «облика морали», не скажу, но хороший хозяйственник. Человек богатый и воровать из городского бюджета не будет. Второй претендент приехал из Львова, скупил все маршрутки в городе. Во время выборов подкупал избирателей. Если откровенно, то в нашей области не очень любят галичан.

У нас в Ужгороде три художественных музея и две постоянно действующие художественные выставки. Художественная жизнь у нас очень продвинута. Ценится старая плеяда мастеров, очень известная, по крайней мере, в Западной Европе. Мне кажется, они есть в Интернете. Очень развито гончарное искусство. Растёт новое поколение, часть из них – друзья дочери. Их много, за всеми я не могу уследить, но есть хорошие.

17.11. День начинаю с того, что общаюсь с тобой. А дальше чередой идут совещания, обсуждения, технические советы и планёрки на дороге, хотя сезон уже практически закончили, да и денег нет. Правда, зарплату ещё платят вовремя. Лекции сейчас не читаю, так как мою тему перенесли на второй семестр.

18.11. Вчера встретил своего хорошего товарища, он вернулся с заработков из Чехии. С Василием я познакомился в 1984 году, когда заболел мой отец. Лекарства были в страшном дефиците, а он был заведующим аптекой. Так вот, Василий после реорганизации нашей аптечной системы, он был против её приватизации, уехал в Чехию. Там заработал неплохие деньги и вчера приехал на отдых. Не знаю, как сейчас у вас в аптеках, но у нас – кошмар, цены заоблачные, зато лекарства любые. Аптек по городу больше, чем пивных баров, значит, бизнес выгодный, причём в двух рядом стоящих аптеках цены могут различаться вдвое.

19.11. Что касается аптек, у нас их тоже тьма тьмущая и открываются всё новые и новые. Лекарства отечественные ещё не очень дорогие, а вот импортные – цены зашкаливают.

22.11. Борис, вот хорошая новость: я получил, наконец, твою книгу, БОЛЬШОЕ СПАСИБО. Особенно за автограф, сразу узнал твой почерк. Пока я её только мельком просмотрел. На конверте куча таможенных печатей, какой-то дурдом. Первое название книги интересное, но для меня не совсем понятное. Полный анализ попозже. Что касается последней части – поэтической, я её уже прочитал. Это круто, здорово, я тобой восхищён. Рад за тебя и желаю ещё больших успехов!

23.11. Богдан, вот ты меня обрадовал, наконец-то получил книгу. Я очень хотел чтобы ты её прочи-

тал и оценил как человек, который меня понимает, как никто другой. Я думаю, что тебе там всё близко и понятно. Название я выбирал долго. У меня было вариантов 20, но остановился на этом. Росстани – это перепутья, перекрёстки. То есть – по перепутьям дорог. Вся наша жизнь – это перепутья, перекрёстки. С кем-то мы сталкиваемся на мгновение, а с кем-то поддерживаем отношения всю жизнь. Всего хорошего, Богдан, ещё раз спасибо тебе за твои добрые слова, честное слово, это помогает жить дальше.

23.11. Здравствуй, Борис. У нас не зима, а, наоборот, наводнение в горных районах, в моём родном Рахове. Сегодня снова дождь и плюс 12. Кстати, знаешь, почему называется Рахово? Сейчас расскажу. Есть легенда, что 200 лет тому назад высоко в горах хозяйничал Олеся Довбуш – карпатский Робин Гуд. Был такой фильм. Он отбирал всё у богатых и отдавал бедным, а вот в этом месте считал деньги, по-украински – рахуваты, так и возник Рахов.

Ещё раз прочитал твои стихи. Знаешь, Боря, так мне всё близко, и эта светлая грусть, и ностальгия. Вот даже это с эпиграфом Тютчева, к примеру. Ты прав, нас жизнь многому научила. Много всякого было, но я считаю, хорошего больше, главное нас минула война.

24.11. Богдан, надо сказать, что, когда я пишу, то всегда зрительно представляю всё это. Вот и эти стихи, на которые ты обратил внимание, я написал на следующий день после корпоратива, когда все собрались на работе с «тяжёлыми» головами. О какой-то работе и речи не было. И, глядя на коллег, написал стихи. То, что стихи у меня грустные, ты прав, просто я сам человек невесёлый, да и жизнь как-то оптимизма не прибавила.

24.11. Насчёт Закарпатья, ты прав, край прекрасный и люди добрые и трудолюбивые. По сравнению с Кузбассом, Сибирью у нас совсем другие расстояния. От границы со Львовской областью до Чопа около 300 км, это вдоль, а поперёк от Ивано-Франковской области до румынской границы, около Хуста, – где-то 75 км. Так что, видишь, область маленькая, но самобытная. Долина плотно заселена, бывает, что село в село переходит. В горах – другое дело, но и жизнь там потяжелее.

Я дочитал «Записки инженера путей сообщения». Мне всё близко и понятно.

25.11. Добрый день, Богдан. Я писал целый год, и, конечно, пока издал книгу, прошло ещё полгода, кое-какие данные, наверное, устарели. В связи с последними событиями ситуация с дорогами, надо прямо сказать, хреновая, и света в конце тоннеля не видно.

Пошла чёрная полоса. Турки сбили наш самолёт, у нас на работе погиб куратор на дороге, завтра похороны.

26.11. Насчёт твоей книги, я не буду обсуждать первую часть, тут как будто всё моё, только фамилии другие. И ООО «Асфальт» у нас есть, и Укравтодор, как у вас Росавтодор. Все они одним миром мазаны. Не хочу больше об этом говорить. А вот о второй части твоей книги будем говорить и, наверно, спорить. Перечитаю второй раз и скажу своё мнение.

30.11. Богдан, в пятницу тебе не ответил, так как утром уехал в Томск. Прокатился по нашему родному городу. Он, конечно, меняется, но всё равно волнует по-прежнему. Был в ТИСИ, разговаривал с В. Н. Ефименко. Он очень тепло о тебе вспоминал, как вы с ним жили в Москве. Так что тебе от него большой привет.

07.12. Неделю назад написал тебе, но ответа нет. Это на тебя не похоже. Надеюсь, что это просто неполадки с техникой или очередной вояж в Братиславу.

07.12. Ты угадал, опять неполадки с техникой. Десять дней перерыва связи с тобой были для меня огорчительны. Приезжала советник президента, то есть моя дочь. Тоже очень восхитилась твоими стихами и не поверила, что ты просто дорожник. Насчёт эпиграмм – это особый разговор. То, что обо мне, СПАСИБО, и другие в точку, особенно про Сибера. Ещё хочу отметить последнее – о юбилее ТИСИ, здорово, молодец. Ещё раз спасибо за книгу.

15.12. Богдан, как у вас там жизнь? Ходят слухи, что экономика налаживается и валюта стабилизировалась. У нас всё идёт ни шатко ни валко. Про Украину забыли, теперь на слуху Турция и Сирия. Второго декабря умерла Таня Азбукина, она оканчивала в 1968 году и была женой Пети Желнина, которого убили несколько лет назад.

15.12. Конечно, помню и Желнина, и Таню, царство им небесное. У нас всё более или менее нормально, особенно в Закарпатье. Погода хорошая, плюс 10–15.

19.12. У нас суббота, праздник, день св. Николая, с чем тебя тоже поздравляю. Это праздник у нас детский, и св. Николай приносит подарки, я, кстати, тоже получил. Сегодня у нас День милиции, но параллельно создаётся полиция, куда половина бывших ментов не попадает. Будучи замначальника облавтодора по эксплуатации 10 лет, хорошо их знаю, всю их подноготную. Думаю, там не половина гнилая, а все 90 процентов. Конечно, я знал и исключения, но они далеко не пошли, посмотрим, что

сейчас получится. Думаю, у вас те же проблемы. У вас уже давно полиция, но какой от этого толк, не знаю. Я много поездил сам за рулём по Европе и могу сравнить. В Венгрии, ЧССР, Югославии, Польше, где я ездил, если правила не нарушаешь, тебя никогда просто так не остановят. Меня останавливали за много лет раза два. А вот при попытке дать взятку их полицейскому можешь загреметь в тюрьму и лишиться машины, но, правда, у них и зарплаты не чета нашим, бесплатное лечение, включая членов семьи.

Дочь улетела в командировку в Тель-Авив, что-то там снимать для администрации президента.

21.12. Борис, хочу тебя обрадовать, твою книгу прочитали и ваши таможенники. Случайно обнаружил на последней обложке невзрачный штампик. Через лупу разглядел – вроде то ли «Прочитано», то ли «Пропускается». Так что ты популярен стаешь благодаря дружбе со мной.

21.12. Богдан, хочу спросить, ты писал, что твой товарищ баллотировался в мэры. Так прошёл он или нет? У нас Медведев – непонятно, с какого перепугу, переименовал милицию в полицию, но ничего не изменилось, кроме формы. Да и вообще, жизнь, вернее ее формы, всё больше напоминают СССР. Вы смотрите на Европу, а мы назад, в СССР. Нам не привыкать, но маразм крепчает, судя по многочисленным законам и постановлениям. Мы жаловались, что при социализме у нас была бюрократия, как наивны мы были.

22.12. У нас в новую полицию конкурс четырепять человек на место. Новые кандидаты и старые менты проходят тестирование, которое подготовили канадцы и спецы из Евросоюза. Кроме этого, каждый должен объяснить, откуда дом и шикарная машина? Так что, думаю, действительно будет новая полиция.

Да, я ещё познакомился недавно с бывшим хакером, работает у нас на кафедре кибернетики. Так вот, он сказал, что все «Одноклассники» на контроле у вашего ФСБ, да и нашего СБУ, наверно, тоже.

23.12. У вас, я смотрю, сплошные иностранные специалисты. Скоро научат вас жить по-европейски. А у нас всё по старинке, хотя вот книги теперь читаем электронные. Правда, ручкой почти не пишу, уже привык всё печатать. Теперь странно вспоминать, что в проектном институте был целый отдел машинисток и корректоров, а ещё были копировщицы, которые тушью копировали чертежи на кальку. Однажды, когда работал начальником архитектурной мастерской, выдавали большой объект, и мне пришлось тушью подписать 600 листов чертежей. И всё это произошло при нашей жизни. А что ещё будет?

23.12. Жаль, но моего друга в мэры не выбрали, победил этот хрен со Львовщины. Деньги у нас выигрывают выборы.

В Сирии непростая обстановка, а у меня там хороший друг. Жили в Москве в общаге, звали его Сати Бадави, он был аспирантом на кафедре мостов. Я ему помогал редактировать диссертацию. Очень приятный парень, защитился и уехал. Не знаю, что сейчас с ним.

В Москве я жил на Соколе и в МАДИ ходил пешком через дворы, 5 минут ходу. Общага хорошая, старой постройки, и там жили на втором и третьем этажах аспиранты, в основном иностранцы, наших было где-то 4–5 комнат. Там я познакомился со многими иностранцами.

2016 ГОД

22.01. У нас праздник Соборности Украины – ты вряд ли в курсе, да и я сам не знал. Ведь я учил историю КПСС, научный коммунизм, а историки просто, извини, проститутки, работающие на власть. Насчёт Соборности Украины, это было в 1919 году, когда объединились Восточная Украина, которая была под русским царём, и Западная Украина, которая была под Польшей, но такая Украина просуществовала где-то полгода. Потом пришла Красная армия, а дальше Белая гвардия, и всё кончилось.

25.01. Не писал в пятницу, потому что день начался с неприятных новостей. Пришёл замдиректора и сообщил, что к нам в отдел принимают очередного «сынка», ты понимаешь, о чём я. Даже начальнику отдела ничего не сказали. Мне, собственно, всё равно, но как объяснить внуку, что в этой стране, для того чтобы чего-то добиться, надо быть чьим-то сынком? Вот что меня печалит.

Ты пишешь, что принимал экзамены по изысканию и проектированию, а у наших дорожников в КузПИ даже нет такого курса, вот маразм. Неудивительно, что в проектах пишут «круглый щебень», у меня проект на экспертизе, вот, читаю.

25.01. Ох, Борис, как я тебя понимаю. Прошёл через это, особенно одного сынка запомнил. Это был сын зама обладминистрации, потом сам ушёл. Я ему давал простые задания, и он немного имел совесть, стало стыдно перед коллегами. Но папа его мне это припомнил. Устроил проверки нашего проектного института налоговой службой и пожарными. Да, я читаю курс изыскания и проектирования, читал и в ТИСИ. В университете всё хорошо: коллеги уважают и студенты не утомляют. Но насчёт следующего года ещё подумаю. Знаешь, что удивило, почему КузПИ, ведь сейчас все уже университеты.

26.01. Спасибо за письмо, мы с тобой точно однодумцы. Ты верно заметил мою описку, КузПИ те-

перь тоже университет. Меня это всегда смешит, хорошо помню Томский университет, и все эти пединституты и политехи – в одночасье ставшие университетами – просто нелепость. Да, наше время – это не быть, а казаться.

26.01. Знаешь, у нас пословица: хоть горшком назови, только в печку не ставь. Как можно ТИСИ назвать университетом? Ведь институт – это целенаправленное обучение, да и переход в университеты денег бюджетных не добавил. Но стало платное обучение. Попасть на бюджет очень трудно – если ты не уникум или чей-то сынок.

28.01. Вчера вызвал директор, дал задание написать письмо руководителю Росавтодора. Изложил всё очень невнятно. Вечером даже ничего не мог придумать. Но подсознание работает, сегодня пришёл на работу и написал две страницы. Только отпечатал, даже прочитать не успел, звонит директор. Пошёл показывать текст, всё нормально.

28.01. Ты вот пишешь в Росавтодор, а толк будет? В нашем Укравтодоре, как и в вашем, дорожников нет. Сейчас там начальник – менеджер 28 лет, ещё один сынок. Да ладно, пусть существуют. Вчера мне сообщили, что умер Михаил Бабий. Он был моим другом, работал на кафедре графики.

29.01. О докладах – это всё повод для иронии и сарказма. Что касается Росавтодора, то о нём я уже написал в книге. Сидят случайные люди, озабоченные своим благом и престижем и тем, как бы не проштрафиться перед высоким начальством. Фамилия Бабий мне знакома. Что говорить, наше поколение начинает уходить. Мне вот исполнилось 70, и я словно потерял какую-то опору. Мечтать уже не о чем, плакать о том, что ничего не добился и не сделал, просто глупо. Читать философские трактаты и размышлять о вечности – скучно. Будем просто жить дальше.

29.01. Борис, не прибедняйся. Ты – прекрасный, талантливый человек, а что мы не миллионеры, так мы с тобой просто честные люди. Сейчас предлагают за экзамен 50 баксов, но не на такого нарвались.

01.02. Я не прибедняюсь, просто всегда помню, что «не стоит сетовать на судьбу, может быть, и ей с вами не сладко». Конечно, моей судьбе со мною не сладко. Это всё поиски смысла. Да, собственно, и смысл жизни в поисках смысла. Это было бы ужасно, если бы жизнь априори имела какой-то заданный смысл и ты был не в силах это изменить.

23.02. Сегодня 23-е, а я офицер Советской армии, так что 50 граммов выпью, и тебя поздравляю. Я – майор, и меня из запаса в отставку отправили в 65 лет, а то бы и на фронт попал.

24.02. Будем жить дальше и радоваться трём секундам бытия. То, что в мире творится, это всё большевизм. Нет терпимости. Все хотят заставить другого быть таким же, как он, и думать так же. Только мы с тобой спокойно относимся к любым высказываниям, религиям и течениям. А все вожди живут по принципу «я уважаю чужое мнение, если оно не отличается от моего». Ну да бог с ними.

24.02. Ты прав о вождях. В истории были большие империи, Византийская и Римская, чем закончилось, ты знаешь. Всё идёт по спирали, и последнюю империю ждёт та же судьба. Может, через трипять лет, если будем живы, вспомнишь мои слова. А большевизм тут ни при чём. Думаю, ты не веришь в крики Киселёва об украинской хунте и фашизме.

25.02. Богдан, я твоё мнение уважаю, хоть ты и предрекаешь скорый распад России, но позволь и мне иметь своё мнение. Я думаю, что всё будет наоборот, пусть и не при нашей жизни. Ведь я не считаю тебя чужим человеком, и мы с тобой находим общий язык и одинаково понимаем анекдоты. Вообще, строить политику и идеологию на ненависти к другим народам и приписывать себе какую-то исключительность – глупо. Конечно, нам с тобой трудно понять какого-нибудь зулуса, но я не буду говорить, что он глупее нас. Сейчас, в век Интернета, земля оказалась очень маленькой, а мы один народ, и когда-нибудь всё вернётся на круги своя. Ты уж извини меня, если что, друг мой.

25.02. Борис, не предрекаю я распад России, упаси Бог, да и не империя она никакая. Из всех моих друзей и знакомых сейчас я могу только с тобой пообщаться так откровенно. Возможно, и есть у нас разные взгляды на какие-то вещи, но это естественно, тем более, живём мы в разных концах бывшей необъятной страны.

26.02. Недавно прочитал эссе Андре Моруа «Шаг за черту теней» о старости. Как сказал мне один знакомый, к пенсии надо подготовиться финансово и морально, тогда всё будет хорошо. У нас с тобой время ещё есть.

26.02. Моруа ещё в молодости был моим любимым писателем. Особенно мне нравились не романы, а именно рассказы. Насчёт подготовки к пенсии. Морально – довольно сложно, но можно, а материально простому человеку, и даже средне обеспеченному, тяжело. Не будем о грустном.

28.02. Сегодня воскресенье, свозил жену и тёщу в собор. После службы все, в основном пожилые мужчины, идут в кафе под названием «Над Ужем», выпивают по полдеци, это где-то 30 граммов, и независимо от конфессий идут обедать. По 100 грам-

мов у нас пьют только алкаши. Вот я тебя немного посвятил в нашу воскресную жизнь. В Ужгороде да и в Закарпатье проживает много национальностей, и никогда при разных властях не было, повторюсь, никогда не было национальных дрязг.

29.02. Красивую картину ты нарисовал. Ещё мусульман вам для коллекции не хватает. Дай бог, чтобы везде так было. Всегда мечтал пожить в небольшом старинном городе. Узкие кривые улицы с брусчаткой. Старинные здания. Каменные заборы и свисающие ветви сирени. Купола церквей. На горизонте горы, поросшие лесом, и большая река или море. Однажды ехал на поезде в Кишинёв, и в вечернем свете вдруг в отдалении привиделся город на берегу Днестра. Вот такой, с белым храмом и весь в зелени. Промелькнул и пропал, как видение, словно сон. Я так и не знаю, что это был за городок.

01.03. Поздравляю с первым днем ВЕСНЫ. Завтра иду читать лекцию на 4-м курсе о вертикальной планировке, помнишь, как нас мучили в ТИСИ.

04.03. Отмечаете ли вы 8 Марта или в новой жизни у вас теперь другие праздники? А мне приходится опять сочинять поздравления, ибо молодёжь в отделе, увы, ни на что не способна, даже водку пить. Поздравляю Марию и твою тёщу, не знаю её имя-отчество, с 8 Марта, желаю им здоровья и благоденствия.

06.03. Твои поздравления я своим передал, спасибо. Да, мы празднуем женский праздник, и даже очень широко. Хотя должен тебе сказать, что некоторые наши политики, в основном деятели западных областей, против. Мы в честь праздника не работаем до 9-го.

09.03. Мы тут отдыхали четыре дня. Несмотря на санкции, цветов в магазинах было много. Тюльпаны, мимоза и так далее. У вас, наверное, уже весна и всё начинает зеленеть. Что касается режимов, которые мы пережили. Я никогда не был в восторге от коммунистического, правда, в нём прошла наша молодость, за что ему спасибо, но и от нынешнего я, мягко говоря, не в восторге. Помнишь, как мы говорили, – идеальных систем не существует.

09.03. Насчёт правительств, ну их в баню, и ваше, и наше. Меня обижает другое. Какая ложь идет с вашего 24-го канала, а уж об «Рашен Тудей» не хочу и говорить. Ну, НЕТ В УКРАИНЕ НИКАКОГО НАЦИОНАЛИЗМА, никто русских не притесняет да и цыган тоже. Я ведь читаю лекции на русском в чисто украинском вузе. Я бы и не смог на старости лет все технические термины выучить на украинском. Сегодня у нас празднуют день рождения Тараса Шевченко. Не знаю, насколько ты знаком с его творчеством, но это большой поэт и человек трудной судьбы. Его переводы на русский, венгерский, словацкий языки, которые знаю и читал, ерунда. Шевченко перевести нельзя. Хотя, говорят, в подлиннике и Шекспир совсем другой.

Хочу ещё сказать о государственных языках. Я много ездил по Европе. Так вот, в 1997 году был с делегацией Украводора в Нидерландах. Там я тогда увидел, что такое коммунизм. Может быть, о таком говорил Хрущёв. Не буду говорить о дорогах и мостах, их там тысячи, и все не типовые, а уникальные, все ухоженные. Нам до этого далеко. Там тоже много наций – и мусульмане, и цыгане. Но в учреждениях и на ТВ говорят только на государственном языке, без знания языка даже продавцом не возьмут. Потом были три дня в Норвегии, суть та же. А у нас 60 процентов прессы и ТВ – все на русском. Кто кого притесняет? Ладно, история рассудит, но, наверно, уже без нас.

11.03. Добрый день, друг мой. Вот пришёл с экзаменов. Последний выпуск инженеров, 5-й курс. Мрак какой-то, неужели и мы такие были? А что дальше будет, когда начнём выпускать бакалавров? Как с ними работать? А если они пойдут в проектировщики? Или все пойдут в контролёры? Будут сверять реальность с инструкцией. У нынешних проверяющих самый главный вопрос – состоишь ли ты членом СРО или нет.

13.04. Насчёт нашего правительства, сегодня его пока нет. Когда я смотрю по спутнику ваше ТВ и комментарии Киселёва, становится противно. Искажает всё, вот и оффшорный скандал только у нас, а в Москве, оказывается, его нет. Ты говоришь о Сирии, а на кой она вам нужна? Жаль, что у меня нет сейчас связи с моим другом из Сирии.

14.04. Вот принесли расписание на защиту и список дипломников, чтобы выбрать, кому писать рецензию. Стараюсь молодёжь привлекать к этому делу, но они какие-то вялые, некреативные, ничего им не интересно. Как говорится, ни украсть, ни покараулить. Когда-то и на нас старшее поколение ворчало. Так что не будем. Говорят, у вас в Ужгороде появилась улица Джона Леннона, это забавно.

14.04. Да, какую-то улочку назвали в честь Леннона, это ерунда, но как ты об этом узнал? Российское ТВ работает здорово. Я очень люблю смотреть, когда выступает ваш Жириновский, Ю. Никулин отдыхает. Правда, и у нас есть такие клоуны, например, Ляшко. Да чёрт с ними, наконец появилось новое правительство, и во главе снова еврей, правда, у нас говорят жид. Да ты не подумай, я не антисемит, у меня много было и есть друзей-евреев. Насчёт нового правительства, там вице-премье-

ром по интеграции стала моя двоюродная племянница Иванка Климпуш. Её отец был министром транспорта, она училась в Кембридже – не как мы – в ТИСИ. Хорошая родственница, общается с нами, не брезгует, дружит в Киеве с моей дочкой. Замужем за грузином и имеет сейчас двойную фамилию, так что не удивлюсь, если ваш Киселёв что-то придумает. Сейчас пойду читать пропущенные лекции.

15.04. Я смотрю, ты уже плотно внедрился во властные структуры, вернее, имеешь там многочисленные связи и знакомства. Шучу, хотя в жизни это может и пригодиться если не тебе, то твоим детям и внукам.

20.04. Здравствуй, уважаемый друг. Насчёт нашего правительства и других драных чиновников. Мы должны тут сами разобраться, раз уже такие самостийные. И ни при чём здесь Штаты, Евросоюз и тем более Кремль. Я здесь намедни просмотрел кое-какие факты из истории. Так вот, оказывается, с 1918 почти по 1924 год многие хотели создать свои республики. Уральские татары, Дальневосточная республика и так далее.

21.04. Ты пишешь о республиках, которые были до 1921 года. Это всё широко обсуждается, и никаких секретов нет. Вчера только смотрел передачу по каналу «Культура», там два доктора наук обсуждали эту тему довольно подробно. То, что Россию хотят растарбанить, это тоже не новость. Помню, М. Олбрайт заявляла, что это несправедливо, что богатства Сибири принадлежат России. Я думаю, что на нашу жизнь уже хватило разных перемен. Правда, все они не в лучшую сторону. Видимо, в комфорте нам жить не придётся. Всё как-то на грани.

21.04. Да, ты прав, у нас тоже капиталистический бардак. Я вспоминаю нашу студенческую жизнь, да и после, до 1990-го года. Мы хоть и не жировали, но были счастливы. А то, что жизнь заканчивается, ты неправ, откуда пессимизм? Мой дед говорил, чтобы умереть, надо ещё попотеть. Насчёт комфорта, то нам не привыкать, главное, пока работаем, а ведь уже семьдесят.

22.04. Знаешь, как говорят, пессимист – это хорошо информированный оптимист. Будем жить дальше, радоваться погоде и письмам друзей. Когда-то Экзюпери заметил, что самая большая роскошь – это роскошь человеческого общения. С возрастом круг наш становится всё уже и уже. Мы это понимаем, а молодёжь, по-моему, уже разучилась разговаривать, только тычут пальцами в свои гаджеты.

23.04. Завтра Вербное воскресенье, и у меня забот по горло будет. Я тоже верующий, но не до идиотизма. Я, кажется, тебе писал, что никогда ни в какой партии не состоял, а в нынешних – тем более. Меня тогда постоянно спрашивали, а как вы, беспартийный, занимаете руководящую должность в области? Нужно вступить. Я им говорил – я инженер. А вот тёща была членом партии и почти 30 лет проработала в Раховском райкоме. А сейчас стала религиозной фанатичкой. Знаешь, мне кажется, ей религия заменила партию, ведь это тоже своего рода была религия. Я помню, по ТВ показывали, как Ельцин трясущимися руками в храме ставил свечку.

Ты вспомнил Экзюпери, это и мой любимый писатель. Так вот, на последней лекции выдал студентам твою цитату из Экзюпери. Потом спрашиваю студентов, а у меня их на потоке 65 человек: «Кто это?». Никто не знал. Правда, один выдал: «Раз вы говорите об этом, значит какой-то известный дорожник». Вот она, действительность.

25.04. Крохоборство наших властей на дорогах обходится потом на порядок дороже. Вот себе бонусы выписать по 20 млн руб. – это пожалуйста. Ты абсолютно прав, все эти коммунисты со свечками производят жалкое впечатление. В церковь я не хожу и коммунистом никогда не был, хотя, когда был председателем профкома, меня тоже прессовали. А то, что молодёжь не читает и не знает Антуана Экзюпери, это ужасно. Я «Войну и мир» перечитывал раза четыре, да и сейчас время от времени читаю с любого места. Мне кажется, общение с таким культурным и образованным человеком, как ты, должно всё-таки подвигнуть твоих студентов к самообразованию.

27.04. У тебя много вопросов, постараюсь ответить на все. Насчёт диссертации, первым руководителем был проф. Н. А. Пузаков, но на втором году моей учёбы он умер. Мне назначили проф. А. Я. Тулаева, а диссертация была «Водно-тепловой режим дорожных одежд». Профессор А. Я. Тулаев такой же учёный, как я – Папа Римский, но делец ещё тот. Тут и всплыл проф. Сиденко из ХАДИ, его назначили мне оппонентом. Я по глупости зачем-то в Ленинке прочитал его докторскую и обнаружил там плагиат. Стал докапываться и нашёл, что академик Лыков давным-давно написал монографию про водно-тепловой режим в древесине, а Сиденко взял все его формулы. Я, дурак, сказал про это на заседании кафедры, вышел скандал. Сиденко стал меня считать своим врагом, а потом, конечно, зарубил на защите, хотя меня поддерживал Петер Золотарёв, профессор из Ленинграда, полковник Академии транспорта и тыла. Прекрасный специалист, но он был только вторым оппонентом. В общем, много было грязи, не хочу вспоминать.

Вчера было 30 лет после Чернобыля. Это, конечно, большая беда. Я там тоже был. Ездил туда два

раза, возил спецодежду, респираторы и прочее. Но тогда не отметил командировку и сейчас не имею никаких льгот.

20.06. Богдан, про Черновола что-то слышал, но сейчас уже не помню. Да, элиты у нас трухлявые, в случае чего сбегут, а народ останется, нам бежать некуда. За рецензии платят шесть долларов, так что на этом деле у нас не разбогатеешь… Пиши, кроме тебя, никто не пишет.

22.06. Богдан, что касается бакалавров, может быть, со временем и отладится, но пока непонятно, куда их применить. С другой стороны, у нас дорожная отрасль валится со страшной силой. Денег нет, но зато налоговая дерёт с подрядчиков миллионные штрафы под абсолютно надуманным предлогам. Все думают, что у дорожников золотые горы. Бред сплошной.

То, что ты начал составлять родословную, это замечательно. Конечно, задача непростая и требует больших усилий, но, я думаю, ты справишься.

23.06. Насчёт дорожного хозяйства, у нас аналогично, если не хуже. Задолженность государства страшная, а местного бюджета – и того хуже. Самое страшное, что пропадают дорожные проектные организации. Без проектов в нашем горном районе ремонтировать, тем более строить, это чревато. Когда едешь из-за границы с шофёром, спишь, пересёк границу, просыпаешься от тряски и знаешь, что ты уже дома. Хороших тебе бакалавров.

23.06. Вчера бакалавры порадовали. Было 11 человек, поставили только три четвёрки. Отвечали хорошо. Спрашиваю: «Что такое урез воды?» Отвечают. Что такое румб – знают. В общем, молодцы. Что касается мэра Киева, то его перлы расходятся почти как анекдоты, слушать интересно. А как он говорит по-украински? Вчера разговаривал с Сашей М. Тоже сидит в ГЭКе в ТИСИ. В очередной раз собирается бросать работу.

23.06. Добрый день, Боря. В Одессе 12 лет тому открылся рынок, так называемый 7-й км, это бывшая барахолка, сейчас вещевой рынок. В основном там контрабанда, ворованное и даже конфискат с таможни, пользуется страшной популярностью. Но за него взялся губернатор Саакашвили. По мнению вашего ТВ, он большой негодяй, а мои одесские знакомые говорят наоборот. Он многих прижал, в первую очередь таможню. Поверь мне, человеку, который пересекал границу сотни раз, это самые коррумпированные работники. Управы на них нет. Вот на венгерско-украинской границе в Чопе поменяли всех с обеих сторон, повысили оклады до уровня европейских, это пока как эксперимент. А в результате этот КПП начали объезжать.

Завтра у меня последний экзамен на четвёртом курсе. По итогам предыдущих экзаменов на осень оставил три человека. Сегодня позвонил мой друг, ассистент кафедры, что, может, у них примет экзамен заведующий кафедрой доктор физики. Да флаг им в руки, мне и так уже угрожали, один в поле не воин. Все боятся за свои места. Знакомый доцент говорит: «Знаешь, я – за тебя, но ты пенсионер, а я куда пойду, если что?» Сейчас у нас открыли антикоррупционное управление, в прокуратуре новый генеральный прокурор. Открыто много дел, но после суда всех отпускают под баснословные залоги, а потом всё тихо сходит в никуда.

24.06. В Одессе я бывал. Как-то с дочерью гостили в Кишинёве и, конечно, съездили в Одессу. Побродили по всем знаменитым местам: Дерибасовскрой, Привозу и так далее. Об Одессе хорошо пишет Паустовский в своих мемуарах и рассказах. Да, наше поколение потихоньку уходит, и, вот оказывается, жизнь – такая короткая штука. Богдан, с мафией не связывайся, береги себя.

24.06. Паустовского, конечно, читал, но нет у него одесского колорита. Я знаю несколько языков, но такой симбиоз русского, украинского, еврейского – это что-то. У тебя последняя защита, а у меня завтра последний экзамен. Хотя, тьфу-тьфу, никогда не будем говорить последний. Давай жить. Я с мафией не связываюсь, это они со мной связываются, но я их не боюсь. Раскрою секрет, когда я работал замом по эксплуатации, то по должности тесно сотрудничал с ГАИ. А в то время начальником обл. ГАИ был Гена Москаль. Сейчас он наш губернатор, и я с ним поддерживаю связь. Мафия это знает и со мной не связывается. Москаль многим в области прижал хвост. Во-первых, таможенникам, во-вторых, клану Балоги. Ты в курсе, кто такой непотопляемый Балога, но, думаю, скоро утонет.

25.06. Борис, у меня какой-то удивительный день. Закончил утром экзамен, пришли декан и заведующий кафедрой, предложили продлить контракт. Сказали, что двоечников, кроме меня, осенью никто принимать не будет. Видимость борьбы с коррупцией или они действительно меня боятся?

В полдень посмотрел ваши каналы, потом венгерские, чешские, принципиально не смотрел украинское ТВ. Так вот, объясни мне, наконец, дураку, что такое НАЦИОНАЛИЗМ. Мы в ТИСИ жили все вместе: армяне, русские, евреи, украинцы… И что, был национализм между нами? Зачем Киселёв с Жириновским это раздувают? В Ужгороде говори ты хоть на китайском, только будь человеком. Да никогда ни у нас, ни в Киеве русскоязычных не преследовали, откуда у украинцев национализм? Да, мы, как любой народ, любим свою историю, культуру, делимся с другими, но зачем эта ненависть

к Украине, которая процветает на ваших каналах? Тебе неприятно, не буду больше, но пойми, надоело. Сегодня принимал экзамен у студентов с Донецкого политеха, и сдавали на русском. Всем пятёрки поставил. Да, наверно, в СССР было лучше или я уже ничего не понимаю. Ну кому надо нас ссорить, выяснять, кто старший брат, кто младший?

27.06. Согласен с тобой, мы жили все в СССР и были одним народом, да я и сейчас не разделяю людей на нации. У нас в школе, где я учился, было много детей, эвакуированных из Одессы, Харькова, Москвы. Были и греки, и украинцы, и евреи. Многие потом вернулись на родину и в Израиль. А болтунов этих не слушай. Во всяком случае они нам с тобой не указ. Богдан, у тебя больше информации, пошукай по эфиру, что там говорят про арест губернатора Никиты Белых. Какая-то мутная история. У нас ничего толком не узнаешь.

20.07. Я, конечно, так часто за границу не ездил, как ты, но был однажды в Финляндии. Принимали в министерстве транспорта и парламенте. Обратил внимание, как у них всё просто. У нас самый маленький чиновник сразу дерёт нос и воображает себя недосягаемым, что говорить о власть предержащих, а там всё очень демократично, всё заточено на потребности человека, оттого они и смогли так обустроить свою жизнь. У нас всё – глобальные планы, а люди только средство.

20.07. Ты прав, у нас с вами до сих пор к людям относятся как при крепостничестве. Я, наверно, повторюсь, но румыны, венгры, словаки, поляки вырвались вперёд потому, что, выйдя из соцлагеря, выбрали своих правителей из совершенно новой среды, а мы что выбрали? Тех же коммунистов. И сейчас там же, где и были. Если и пришли новые, так это бандиты и ворюги. У нас сейчас новый генеральный прокурор начал задерживать по 2–3 высокопоставленных вора в неделю, но пока до суда ни одно дело не дошло. Помнишь, Жеглов говорил: «Вор должен сидеть в тюрьме». Многие бегут в Россию. Не знаю, на кой они вам нужны. Думаешь, они поделятся наворованными деньгами? Фига с два.

21.07. Во многом ты прав. То, что Россию все не любят, так это уже давно не новость, тому сотня лет. Конечно, я понимаю какую-нибудь Эстонию, которая по площади и по населению в два раза меньше Кемеровской области и теперь под крылом НАТО пыжится. Ну да бог с ними.

21.07. Да брось ты говорить, что Россию не любят, тем более русский народ. Я поездил по Европе и ничего такого не слышал, а мы говорили всегда на русском языке. Возможно, есть ошибки вашего правительства в последнее время, хотя, если послушать Киселёва, то ты прав. Не хочу об этом.

22.07. Богдан, несмотря на капитализм, у нас появилась огромная масса проверяющих. Проверяют и нас, и подрядчиков. А поскольку проверяют не специалисты-дорожники, а, как правило, дилетанты при должности, то доходит до смешного. «Вот покажите, где земляное полотно отсыпано за федеральные деньги, а где за областные». А уж закон о торгах – это вообще маразм.

22.07. Борис, в общем, хотелось бы, как это ни банально, поставить некоторые точки над i. У меня идут три канала вашего телевидения, но в последнее время перестал смотреть, особенно «Канал 24». Сплошное передёргивание фактов. Мы всегда были дружественны, зачем этот антагонизм. В Киеве 80 процентов киевлян говорит на русском языке, у нас меньше, около 15 процентов. Газеты в Украине на 60 процентов русскоязычные, правда, у нас ещё есть венгерские, словацкие и румынские, но это областные. Так скажи на милость, кто, где и когда унижал или притеснял русскоязычных людей? Закарпатские венгры не знают украинский, но говорят на ломаном русском, никто их не притесняет. Ты сам сказал, что у вас страна огромная и есть чем заниматься.

Вот только посмотрел словацкое телевидение, где выступала министр Канады, по происхождению украинка. Она сказала интересную мысль. Нет никакого конфликта между русским и украинским народами, есть конфликт между их режимами. Это дословно её слова.

25.07. Доброе утро. Конечно, у тебя передо мной большое преимущество, ты живёшь в многонациональном крае, где много языков и культур. Абсолютно с тобой согласен, что нет конфликта между народами, а есть амбиции власть предержащих. Недавно читал статью одного учёного, который занимается этногенетикой, так он доказал, что русские и украинцы в своей массе – это один народ, но разные нации. Что касается имперских амбиций России, то я их как-то не замечаю. И в чём они проявляются, мне непонятно, хотя об этом на Западе поговорить любят. Неужели они думают, что нам нужна какая-то Литва или Эстония? Чушь всё это. А вот от тебя, конечно, жду московские мемуары. Видимо, и правда, наступает время воспоминаний.

10.08. Добрый день, Богдан. Всё, что ты пишешь о работе в облдоруправлении, мне очень знакомо и пережито. Конечно, должность зама по эксплуатации, если к этому подходить как положено, – ноша нелёгкая, но то, что ты выдержал 10 лет, – это почти подвиг. Я уже 20 лет работаю замом в строительном отделе, но это, конечно, не идёт ни в какое сравнение. Конечно, сейчас нет партийных начальников, но мне кажется, нынешняя бюрократия даст коммунистам 100 очков вперёд. Статью, о которой я говорил, написал, но тут, оказывается, всё нужно

согласовывать с обладминистрацией. У меня там знакомый референт, сбрасываю ему статью. Он мне звонит: «А ты не хочешь написать про губернатора, что он всё направляет и возглавляет?» Я ему отвечаю: «Пиши сам, у меня рука не поднимается». В общем, статья моя там где-то на согласовании.

10.08. Недавно моя дочь выступала по нашему центральному ТВ как эксперт-художник. Дело всё в том, что у нас идёт так называемая декоммунизация. Переименовывают всё, что связано с коммунизмом. Кировоград стал Кропоткинском, и ещё более тысячи населённых пунктов переименовали. В нашей области был Комсомольск, стало село Немецкая Мокрая – там когда-то жили выселенные немцы. Но, думаю, хрен редьки не слаще. Олеся на ТВ участвовала в дискуссии о переименовании главного украинского аэропорта Борисполь в аэропорт им. Малевича. Он украинец, то есть родился на Украине, а так, конечно, еврей. Ты, как и другие образованные люди, знаешь его как автора «Чёрного квадрата». Для меня – это чушь собачья. А вот дочь рассказала, что у него есть много других, хороших картин. Вообще смотрелась неплохо на экране, главное, умно и с достоинством, особенно на фоне ещё трёх спецов, которые там были. С одной стороны, радует её карьера. Она стала действительно профессионалом, хорошо зарабатывает, добилась уважения в столичной тусовке.

11.08. Что касается вашей декоммунизации, это всё чушь, если у власти все те же бывшие коммунисты, сначала надо было их выгнать. У нас тоже начались разговоры на эту тему, всё это азиатчина, никак мы не научимся терпимости европейцев.

11.08. Вот мы и подошли к вопросу, в котором я тебя поддерживаю. У нас с самого начала всё пошло наперекосяк. Первым нашим президентом стал второй секретарь ЦК КПСС по идеологии тов. Кравчук. Сразу превратившись в пана. И мы ещё чего-то хотим. Я не буду обсуждать Ельцина, его весь мир знает. Положительный пример – Чехословакия. В Ужгород приезжал первый и последний руководитель компартии ЧССР Дубчек. Но они выбрали настоящего президента – ГАВЕЛА. Я им восхищаюсь. По этому пути пошли и другие страны Восточной Европы, в том числе прибалты. Я думаю, при нашей с тобой жизни вряд ли что произойдёт хорошего, слишком уж эти наши нувориши цепляются за власть.

12.08. Доброе утро, Богдан. Конец 80-х и начало 90-х – это были годы надежд и разочарований. Это были времена перемен. И то, что ты там не потерялся и прожил их достойно, заслуживает уважения. То, о чём ты пишешь, мне очень близко и понятно. Хочу спросить, что стало с твоим кооперативом? Я в то время был председателем совета трудового коллектива института, помнишь, была такая эпопея – выбирать директоров и создавать советы, которые вроде всё решали. Институт у нас был немаленький, больше 500 человек, и тоже начали создаваться кооперативы. Появились деньги, но всё это быстро кончилось, и в 1992 году всё просто стало рассыпаться. Мы пытались превратить институт в АО, но не получилось. А в 1993 году меня пригласили в только что созданный дорожный фонд. Я ушёл туда в строительный отдел, простым инженером. Какой тогда был бардак у всех в головах, можешь себе представить, но деньги были. Не было системы. Тогда и начал писать разные СТО (стандарты организации), чтобы можно было нормально работать. А нынче уже на государственном уровне вышло столько инструкций и законов, не продохнуть. Да ещё косяком идут разные малограмотные проверяющие и контролёры. Ты прав, юмор и работа спасает нас от маразма.

12.08. Нет, с 1991 по 1995-й у меня как раз был расцвет и института, и кооператива. Появился ещё один вид занятий – разработка проектов отвода земли. Это был бум. Началась приватизация земли, бывшей колхозной, да и свои участки люди должны были узаконить. Землеустроители начали требовать проект отвода, и мы первые заняли эту нишу. Мы изготовляли проекты отвода за 2–3 дня, максимум за 10 дней. У нас была хорошая оргтехника, а главное люди. Всё вроде шло хорошо, я следил, чтобы всё было по закону. Конечно, был соблазн урвать больше, но этого я не допускал, да и так все получали прилично.

13.08. Ты извини за ошибки, но мне приходится в течение дня говорить на разных языках. Хочу закончить эпопею о проектной деятельности. Скважины, отвод земли, лесные дороги – всё шло через кооператив, и всё было, ещё раз подчеркну, в рамках закона, что подтвердили неоднократные проверки. Так вот, после мостов в Словакии моя фирма получила заказ от Укравтодора на противооползневые мероприятия в Крыму. Через месяц представили четыре варианта проекта на техсовет в Укравтодор. Их особенно удивила стоимость работ, у нас выходило в два-три раза дешевле, чем Укравтодор планировал. Меня поддержал председатель техсовета, зам. начальника Укравтодора Климпуш. Хотя уже Крым не украинский, но я держу связь с Фурманом, и он пишет, что наши стенки стоят отлично.

Развал у нас начался позже, чем у вас. Где-то в конце 1994-го в Укравтодор пришёл ставленник Януковича, тоже бывший зек, Демишкан из Донецка. И мы получили по дорожным службам, так сказать, оброк. Надо было везти в Киев деньги, да и в области стало туго. Всё начало валиться, заказов было мало. Тут ещё вышел указ, что Облавтодор

может выполнять капремонты по упрощёнке, так что мы остались почти на нуле, какой уж там кооператив. Везде бардак, и, главное, к руководству пришли тупые непрофессионалы. В общем, кооператив начал загнивать, а главное – замучили проверки налоговой и Укравтодора. А о крахе моей фирмы тяжело вспоминать.

15.08. Дело к вечеру, сбросил в администрацию все тексты, я это иначе не называю, теперь могу ответить тебе, хоть и кратко. Во-первых, твои записки я читаю внимательно, и не только читаю, но и сохраняю. Может быть, настанет время и займусь ими всерьёз. Всё, о чём ты пишешь, мне хорошо знакомо. И проблемы с геологией, которую мы постигали с тобой на практике и которая у проектировщиков хромает. Мы с тобой дорожники, а по трассе, когда строишь, что только не бывает. Сколько раз я переносил дренажи и ливнёвку, устраивал сбросы и лотки, исправлял проектный продольный профиль.

15.08. В школе я по украинскому имел четыре, по русскому и немецкому – пятёрки. Хотя немецкий так толком и не выучил. Не знаю, какой язык ты учил, но обучение в школе и институте иностранному языку – полный блеф и трата времени. Так иностранный нигде не учат. Как сказал один дед, прошедший войну и плен, «если бы не дер, ди, дас, то были б немцы у нас». Мне пришлось сдавать немецкий при поступлении в аспирантуру. Но здесь повезло, я сдал на пять, а вот с философией было сложнее. Может, помнишь, был там Галкин, зав. кафедрой, и Мария Яковлева, они мне поставили условие вступить в КПСС. Я удивился, сказал: «Подумаю». Проректором тогда был Сибер, он помог. А по специальности экзамен уже сдавал в МАДИ. Ты правильно заметил, что на каком языке думаешь, на таком и пишешь. Сейчас я в основном думаю на украинском, вернее на закарпатском наречии, а это далеко не украинский язык. Тут много из венгерской, румынской, чешской речи.

16.08. Доброе утро, Богдан. То, что ты пишешь про изучение иностранных языков, абсолютная правда. Я тоже учил немецкий и, кроме «гутен таг», практически ничего не знаю. Как ты умудрился сдать кандидатский минимум на пять, просто не представляю.

Сейчас позвонили, кажется, мою статью в администрации зарубили, но я сказал, что верноподданнических экзерсисов им от меня не будет, пусть пишут сами.

16.08. Дорогой друг, тебе открою тайну, как сдавал кандидатский минимум. Так случилось, что зав. кафедрой Шварцман или Шницер, уже не помню, был занят, и сдавал я минимум Римме Ивановне одной. На экзамене она вежливо спрашивает: «Сколько языков вы знаете?» Я отвечаю: «Славянские почти все плюс венгерский». Она говорит: «Что вы мне голову морочите, зачем вам немецкий?» Я отвечаю, что не знаю. Она: «Ставлю вам «отлично», только не говорите никому на кафедре». Вот я и открыл тебе секрет моей пятёрки. Вечером я повёл её в ресторан «Север», помнишь такой? А философию я сдал честно. Экзамен по специальности, а это был 1971 год, я сдавал непосредственно в МАДИ. Я просто был в шоке. Вот сидят перед тобой корифеи, по учебникам которых мы учились. Председатель комиссии проф. Н. Н. Иванов, ударение в фамилии на первом слоге. Это он дал нам расчёт дорожной одежды, ему на то время было 82 года. Светлый человек, умница. Рядом сидит какой-то маленький дедок, в зачуханном костюме с остатками мела на рукавах, видимо, пришёл после лекции, это был сам В. Ф. БАБКОВ. Третий член комиссии – профессор В. К. Некрасов. Четвёртый – профессор Н. А. Пузаков. Я оказался перед этими корифеями и даже не мог представить, что будут спрашивать. Конкретной программы не было. Я теперь уже не помню, о чём спрашивали, но чётко помню – не о дорогах. О жизни, о том, как попал из Закарпатья в Томск. Всё было как в тумане. Но на другой день меня зачислили, дали место в общаге и, главное, стипендию 110 рублей.

17.08. Доброе утро, Богдан. Нет, конечно, я никогда не думал, что сдать кандидатский минимум так просто, но всегда знал, что ты мальчик умный и не зря с красным дипломом окончил ТИСИ. Кстати, в МАДИ я был в 1999 году, но корифеев не видел, тогда зав. кафедрой был В. Быстров, потом он был замом в Росавтодоре. Тебе повезло, видел всех корифеев.

17.08. Борис, да, мне повезло: с одной стороны, знал почти всех наших дорожных корифеев, но жалко, что потом хоронил их. И самое главное, на их места приходили ничтожества, карьеристы, «сынки». Первого похоронили декана дорожного факультета Е. Гибшмана. Это был прекрасный, светлый человек, интеллигент с большой буквы. На это место взяли его сынка. Но что-то он не удался в папу, хотя уже был доктор наук. Потом начались сплошные похороны. Умер профессор Н. Н. ИВАНОВ, я специально написал большими буквами, действительно был большой человек. Потом умер мой шеф профессор Н. А. Пузаков, следом В. Ф. Бабков. Потом зав. кафедрой геологии профессор Маслов, мы учились по его учебникам.

22.08. Добрый день, Богдан. Тут недавно была передача, посвящённая ГКЧП (1991 год), и там прозвучала такая информация, что, когда разделились, на Украине был самый высокий уровень жизни, даже выше, чем среднеевропейский. То, что у нас

жизнь идёт в перманентном кризисе, это понятно, но почему у вас жизнь не налаживается по-европейски? Да, кстати, ты не написал: Дукла – это Словакия или Чехия? Да, твой отец прекрасный человек и тебе есть чем гордиться.

22.08. Начну по порядку. Дукла по вашим расстояниям почти рядом: от моего дома до границы – 8 км и ещё 42 км по территории Словакии.

Да, на Украине в те годы, возможно, жили лучше, но процветало кумовство, взяточничество, блат и просто воровство. Ты подумай, зачем я поехал поступать в Томск, за шесть тысяч километров от дома? Мой отец говорил, что такой же факультет есть во Львовском политехе, зачем тебе Сибирь? Но когда по своим каналам он узнал, сколько стоит поступление, сказал: «Езжай».

23.08. У нас сплошные праздники, сегодня День украинского флага, завтра День независимости. Вспомнил, когда был, кажется, в восьмом классе, моя бабушка, а ей уже было за 80, сказала: «Вот пришли Советы, принесли освобождение и независимость, а от чего? От земли. И все довольны, и работать не надо». У бабушки было девять детей, стадо овец, двенадцать коров и несколько га земли, что для горного района достаточно много. Она считалась уважаемой пани. Но дети пахали как проклятые, а в октябре 1944-го их от всего освободили. Коров, овец, землю забрали в колхоз, но дети были довольные, пошли учиться.

03.11. Добрый день, друг мой. У нас на работе – короткий день, завтра праздник – День народного единства. Все пытаются заместить воспоминания о советской власти и Октябрьской революции. Уже выросло целое поколение, которое этих праздников не знает.

03.11. Я не знал, что у вас появился новый праздник, с праздником. У нас 1 ноября был День памяти, все шли на могилы близких. Я тоже ездил на могилы родителей. Говорят, это католический праздник, но он у нас на Украине давно прижился, это очень хорошо. Все убирают могилы, вспоминают близких. Приезжают даже очень издалека.

08.11. Доброе утро, Богдан. Пришлось срочно сделать смету и править статью одной журналистки. Как их учат в университетах, ума не приложу. Вчера был день Октябрьской социалистической революции, но никто об этом даже не вспомнил, а ведь это всё равно голубая мечта человечества – построить справедливое общество для всех, жаль, что не получилось. Видно, это противоречит самой природе человека.

17.11. У нас тут события разнообразные. Арестован министр экономики. В Кузбассе арестовали двух замгубернаторов и начальника следственного комитета. Про министра ничего не скажу, видимо, просто подставили, а наши ребята давно занимаются рейдерством, и это ни для кого не секрет.

22.11. Я, возможно, неправильно где-то политически выразился в письме к тебе или кому-то вообще не понравилось, что мы общаемся. В общем, у меня не просто пропала последняя переписка с тобой, но и на сообщениях появился красный восклицательный знак. Я разберусь и сообщу.

23.11. Доброе утро, Богдан. Ты, я смотрю, совсем в разобранных чувствах. Я тебя понимаю, приятного мало, когда кто-то копается в твоих вещах. Прочитал нашу переписку за последнее время и ничего криминального там не обнаружил, ты во всём лоялен, а уж самое страшное у вас слово «сепаратизм» так совсем не употреблял. Всё будет хорошо, друг мой. В связи с просадкой на новой дороге я тебе писал, что засветили даже по центральному ТВ, теперь нашу контору шерстят прокуратура и ФСБ.

13.12. Доброе утро, Богдан. Сейчас у нас в прессе обсуждают 25-летие развала СССР. Как это было и насколько это законно с правовой точки зрения. Собрались три алкаша и не смогли договориться ни о чём, кроме как развалить страну. И все сразу признали, что так и надо. А теперь ностальгируют. Я ценю это время, потому что это – время нашей молодости, а соотношение плохого и хорошего там было примерно такое же, как и сейчас. Да, наверное, и всегда так будет.

13.12. Борис, здравствуй! Да, развал Союза заслуга не только трёх алкашей, но и горбачёвской перестройки. Что случилось, не вернуть. Все империи когда-то разваливаются, жаль, что нашим народам от этого не стало лучше.

Хочу спросить, как у вас с ёлками, ставишь ли ты её дома и где берёшь? Меня заставляет ёлку каждый год ставить дочка, она всегда приезжает на Новый год. А ёлку приносят жене студенты. Можно купить на базарах. А вот за саморуб в лесу можно схлопотать большой штраф, и это правильно. Продают ещё серебристые карпатские с чипами, метр стоит где то 1–1,5 доллара.

15.12. Добрый день, Богдан. Губернатор объявил Год экологии, и ёлок нигде не продают. Ты же знаешь, заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибёт. Раньше ёлки (чаще пихты, они лучше пахнут) продавались на каждом углу.

15.12. Здравствуй, Борис! Конечно, у нас есть и искусственные ёлки, но я противник этой мишуры. Наша серебристая ёлка, как и ваша пихта, пахнет

очень здорово. У меня для неё есть подставка с водой, и потому она может стоять до 8 Марта. Шучу.

16.12. Доброе утро, Богдан. Действительно, общение с тобой меня успокаивает. Вот есть друг, пусть и очень далеко, который меня понимает и с которым можно обо всём поговорить. Тут опять покатили бочку на наших спортсменов. Ну да бог с ними. Вот, говорят, и Трампа выбрали, потому что Россия вмешалась.

16.12. Здравствуй, Борис! Насчёт спорта добавлю, он давно превратился не в битву спортсменов, а в соревнование врачей. Всё новые стимуляторы придумывают, но не пойман – не вор, а ваши попались, и бобслей в Сочи отменили.

20.12. Доброе утро, Богдан. Год кончается, надо сводить концы с концами. Вчера целый день занимался исполнительной документацией. Там только актов на скрытые работы 80 штук. Позавчера был на объекте, проверка Стройнадзора. Маразм полный. Проверяют бумажки, чтобы одна с другой сходилась и по какой инструкции графы заполнены. Сплошная бухгалтерия, а что там, на стройке, – никого не интересует. Что тебе рассказывать, сам всё прекрасно знаешь.

20.12. Здравствуй, Борис! Вчера, в понедельник, был день св. Николая. У нас подарки дарят в этот день.

Я шокирован убийством русского посла в Турции, чёрт знает что творится в нашем веке. Всего доброго!

Это было последнее письмо Богдана. Я ответил, потом поздравил его с Новым годом. Мне ещё не верилось, что может случиться что-то плохое. Барахлит комп или мой друг опять отправился в путешествие, но когда он не ответил на поздравление со старым Новым годом, я понял, что потерял своего друга. Стало горько и обидно. Потом я узнал от дочери, как это случилось.

И сейчас, спустя ровно два года, когда я пишу эти строки, я чувствую, как комок подкатывает к горлу.

*Как это верно – **«…не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по тебе»**.*

г. Кемерово

Шукшинские чтения

С. Чупрунов, Б. Бурмистров

Эдуард АНАШКИН

СОДЕРЖАТЬ СЕБЯ В НРАВСТВЕННОЙ ЧИСТОТЕ И ПРАВДЕ

I

Два года назад в память о выдающемся русском писателе, публицисте, общественном деятеле была учреждена Национальная литературная премия имени Валентина Григорьевича Распутина.

Учредители премии – Российский книжный союз и правительство Иркутской области. Соучредители – Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям и Госкорпорация «Ростех».

Премия учреждена с целью поиска и поощрения талантливых авторов, способных создавать литературно-художественные произведения высокого качества в традициях российской классической прозы и внести существенный вклад в сохранение и развитие российской и мировой художественной литературы, продолжая традиции творчества В. Г. Распутина. Основными требованиями, которые предъявляются к работам номинантов, являются неоспоримые художественные достоинства текста и общечеловеческие нравственно-патриотические ценности.

«Мне показалось очевидным, Распутин – один из лучших русских прозаиков современности, человек с удивительно цельной и зрелой гражданской позицией, воплощение совести просвещённого человека, – пояснил Сергей Вадимович Степашин, президент Российского книжного союза. – Я нашёл полную поддержку среди иркутян, нас безоговорочно поддержали в Министерстве культуры РФ, администрации президента, разных общественных организациях. И всего за год без лишних споров и согласований мы сумели провести колоссальную организационную работу, собрать заявки и выбрать лауреатов».

На премию выдвинулось сто четыре соискателя из 38 регионов России и шести зарубежных стран: Германии, США, Израиля, Украины и Эстонии. В шорт-лист попало двенадцать авторов. Из них выбрали шесть лауреатов.

Победителей Национальной литературной премии имени Валентина Григорьевича Распутина объявили в Иркутске 15 марта – в день его рождения. Первым лауреатом премии признан иркутский писатель Анатолий Байбородин за создание сборника повестей и рассказов «Деревенский бунт».

Познакомился я с Анатолием Григорьевичем, когда был приглашён лично Распутиным в 2013 году на фестиваль «Дни русской духовности и культуры «Сияние России». С его творчеством уже был знаком. Что можно сказать? Только одно – сильный писатель. К слову, только что закончил читать его новую книгу «Сокровища Сибири». Издана она в прошлом году в Москве издательством «Вече». В книгу вошли художественно-публицистические, фольклорно-этнографические очерки и статьи о русской народной культуре, литературе, изобразительном искусстве Сибири. Лауреатами премии также стали Александр Донских с книгой «Солнце всегда взойдёт», Михаил Попов с романом «На креслах всходних», Александр Семёнов со сборником повестей и рассказов, Валерий Хайрюзов со сборником повестей и рассказов «Отцовский штурвал», Михаил Щукин с романом «Каторжная воля».

Торжественная церемония вручения премии в Иркутском академическом драматическом театре имени Николая Охлопкова собрала большое количество не только иркутян, но и любителей творчества В. Г. Распутина из соседней Бурятии и других регионов.

Открывая праздничное мероприятие, губернатор Иркутской области Сергей Георгиевич Левченко сказал:

– Сегодня знаменательный день для всех любителей литературы, для всех жителей Прибайкалья. Сегодня день рождения нашего знаменитого земляка Валентина Григорьевича Распутина. Идея об учреждении премии была высказана год назад. Нас поддержали мгновенно, на всех уровнях, начиная с правительства и администрации президента России. Разные общественные организации сразу откликнулись для наполнения премии, чтобы у нас была гарантия, что премия будет постоянной. Благодарен всем, кто принимал в этом участие.

Сергей Вадимович Степашин выразил огромное уважение Валентину Распутину и поделился мнением о его творчестве:

– Валентин Григорьевич Распутин представлял собой русскую совесть, просвещённого и православного человека. Когда он писал о деревне, он

писал не о населённых пунктах, а о потерянных корнях нашего народа, о людях без памяти, не любящих свою землю. Такой силы произведения я встречал только у Достоевского. Я очень рад, что нам удалось воплотить в жизнь идею о присуждении национальной литературной премии имени вашего великого земляка.

Слово взял и митрополит Иркутский и Ангарский Вадим:

– Валентина Григорьевича нет с нами три года. Это время, наполненное глубокими воспоминаниями и переживаниями. Сегодня присутствуем при удивительно радостном событии. Вручается премия, носящая такое название, которое Валентин Григорьевич бы сам одобрил, – национальная литературная. Для него это было весьма важно – национальная. Он был человеком, который любил наш народ.

А в заключение праздничного мероприятия заслуженный артист России Николай Нестеров исполнил песню «Мой Иркутск», которую очень любил Распутин.

II

Однажды зимним вечером мы с Валентином Григорьевичем, взяв по пластиковой бутылке, пошли к святому источнику за водой. Дело было в Переделкино.

Шли, разговаривали, прошли дачу Бориса Пастернака, и я задал Распутину вопрос:

– Валентин Григорьевич, в вашем рассказе «Уроки французского» есть фраза, которую я запомнил наизусть: «Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своём деле он вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом».

– Эдуард, это же зависть. Она всегда была и есть. Хотелось бы, чтобы этого не было. Но это невозможно. Вроде росли, учились в одной школе, а потом кто-то выбивается вперёд. И со мной такое было, тем более что в школе я ничем не отличался от других. А потом что-то получаться стало…

Прошли ещё немного. Слышно было, как проносились электрички и поезда.

– А почему ты мне задал такой вопрос? – спросил Валентин Григорьевич.

Я что-то замялся.

– Рассказывай честно… Что-то гложет? Наболело?..

– Сирого да бедного обидеть проще простого, Валентин Григорьевич. Имей лишь маленькую власть да большую деньгу. И ни на копейку – совести.

Какой-то прохвост взял и передал уже опубликованный мой рассказ «Фашист» в еженедельнике «Литературная Россия» в журнал «Сенатор» Совета Федерации, якобы на конкурс. А я не знал о существовании такого журнала, ни сном ни духом о конкурсе.

Скорее, это всё было ради галочки чиновнику, даже от культуры! Очень важно показать горячий интерес масс к его задумке (ныне это называется проектом). Рассказ не только напечатали – компетентное жюри признало лучшим. И наверняка кто-то из экспертов-формалистов подумал: «Как хорошо, что отмечаем писателя из российской глубинки».

И вот уж на всю Вселенную (на сайте в интернете) громко-громко объявлено о лауреатах конкурса. В их числе и писатель Анашкин. Дома переполох: кто штанишки подыскивает, кто – рубашку, всё-таки в Москву поедет, в Совет Федерации пригласят.

Затем начались телефонные звонки от редактора журнала Фреда Александровича Искандерова. Сначала поздравления, затем последовали вопросы, на которые я должен ответить. Всё подготовил.

Но проходит немного времени – и прибегает внучек Архип.

– Дедуля, на сайте все победители есть, а твоей фотографии нет, убрали.

У меня компьютера никогда не было и нет. В сотовом телефоне знаю только три кнопки, которые необходимы. Пишу от руки. Пошли к внуку, он включил компьютер – и правда, моя фотография с надписью испарилась. В чём дело? Звоню редактору журнала.

Оказывается, премию мне присудили неправильно. Кто-то из бдительных и ретивых организаторов (не исключено, тот же, кто передал рассказ в журнал!) доложил, что произведение было уже опубликовано. А это нарушает условия конкурса.

Тогда я задал редактору один-единственный вопрос: «Как рассказ попал на конкурс?»

«В редакции он не зарегистрирован, пришёл не почтой, лежал в редакционной папке», – Фред Александрович начал повышать голос, обвинять меня.

Не попрощавшись, положил трубку на рычаг и больше звонить не стал. Обиделся, сел за стол и написал в Совет Федерации самому председателю.

Звонки прекратились. Больше о конкурсе от редактора журнала сообщений не получал.

Однако, Валентин Григорьевич, я работаю у нас в местной котельной кочегаром. Думаю, и там, на небесах, буду около котла греть воду. Вот и подготовлю дровишек побольше да пожарче. Подброшу, не пожалею.

Распутин рассмеялся до слёз. Таким я его ещё не видел.

– Эдуард, конечно, обидно, что так получилось. Это сделал кто-то из пишущих коллег. Забудь это. Прости их, грешных. А дровишки ещё здесь тебе, на земле, пригодятся. Главное что в нашем деле? Работать – писать. А читатель разберётся, что к чему. Ты делаешь доброе дело – молодых ставишь на крыло, а опытным что-то подсказываешь.

Так я и делаю до сих пор.

III

Когда мы пили чай у Распутина в Иркутске, Валентин Григорьевич сказал мне:

– О себе я всё сказал в моих книгах. А как только уйду из жизни, так столько шустрых напишут всего и вся, что читателям только придётся удивляться обилию моих «друзей». Тебе, Эдуард, я верю, наша настоящая дружба, которой скоро пятьдесят лет, даст возможность написать достойную чистую книгу.

Такая книга состоялась. Она называется: «В. Г. Распутин. Документальная повесть о дружбе с писателем». Вышла в издательстве «Российский писатель» (Москва) в 2017 году.

Говорить о Валентине Распутине (а тем более писать) мне одновременно было легко и сложно. Легко потому, что творчество этого писателя стало частью моей потаённой духовной жизни ещё с юности. Но именно поэтому же и сложно, как сложно всегда говорить о самом потаённом. Легко потому, что у меня много писем, книг с автографами Распутина, много материалов о нём. Но сложно именно по этой же причине – трудно отделить главное от второстепенного. И если говорить о писателе такого уровня, как Распутин, кто может знать – что главное, а что второстепенное? А потому я написал субъективный материал о том, как Распутин вошёл в мою жизнь, как помогал мне своими произведениями отвечать на мучительные вопросы, которые не может не задавать себе любой русский человек в такое непростое для России время. Хотя, казалось бы, встретил я впервые будущего классика нашего ещё тогда, когда время в стране было относительно благополучным, советским. Когда он был молод и начинал свой путь в большую литературу. Мы были тогда без имени и отчества.

Хорошо сказал о Распутине журналист Глеб Чашин: «…подобные люди, как комета Галлея, появляются крайне редко, а когда приходит их время, уходят и оставляют после себя великое наследие и столь же великую скорбь…»

Каждый день стараюсь прожить так, как жил и завещал нам в своей статье «Тридцать лет спустя» (Сибирь. 2004. № 1) Валентин Григорьевич Распутин:

а) жить не по лжи;

б) содержать себя в нравственной чистоте и правде;

в) не поддаваться унынию и робости перед сгущающимся злом;

г) на виду у транжирства, бесстыдства и окаянства обходиться малым в материальных и физических потребностях, а духовные обращать к спасательному ложу матери нашей России.

Желаю каждому молодому писателю не только держать на рабочем столе этот отрывок из статьи В. Г. Распутина, но и жить так же, как великий писатель.

А я продолжаю работать над книгой. Она пополняется новыми фактами, документами, фотографиями и воспоминаниями.

У меня на рабочем столе стопка присланных книг, журналов со всей страны, где авторы делятся воспоминаниями о Валентине Григорьевиче Распутине. Здесь же и книги Распутина, изданные после его смерти.

Беру первую из стопки. Это воспоминания сибирского писателя Альберта Гурулёва «Остановиться... и оглянуться», изданные издательским центром «Сибирь» города Иркутска. В книге автограф: «Эдуарду Константиновичу мои житейские воспоминания о дорогом для нас человеке. Сердечно... А. Гурулёв».

Отрывки из неё уже печатались в журнале «Сибирь». Но я знал, что Гурулёв работает над книгой воспоминаний и ждал её. Вместо предисловия Альберт Семёнович делится с читателем: «Я никогда не думал, что буду писать о Валентине. Не чувствовал такой потребности: чего писать, если вот он, живой и свойский, рядом, на худой конец – в телефонной доступности. Писать о Валентине Григорьевиче Распутине, о его творчестве – удел высоколобых литературоведов и критиков, к коим себя не причисляю, а житейские дела интересны вроде бы лишь обывателю. У нас была возрастная разница чуть ли не в два с половиной года в мою пользу, и по житейской логике не я должен был о нём писать. Но произошло то, что произошло, и теперь чувствую, что надо рассказать и о бытовых мелочах, среди которых выпестовывалась суть большого писателя. Вспомнить, если удастся, и мысленно пройти шестидесятилетний путь дружбы от встречи в пятьдесят четвёртом году прошлого века в студенческом общежитии Иркутского университета до расстава-

ния – и, как оказалось, навсегда – перед его отъездом в Москву на зимовку и лечение в первых числах октября четырнадцатого года века нынешнего…»

А вот что пишет Василий Козлов, предваряя книгу: «Воспоминания Альберта Гурулёва посвящены обыденной, бытовой стороне: каким был Распутин в близком кругу, в товариществе, а если быть более точным, каким видел его Альберт Семёнович. И это личное наиболее ценно ещё и потому, что Альберт Гурулёв, может быть, последний и единственный близкий друг Валентина Распутина. Они дружили со студенческой юности, и если эта дружба длилась многие десятилетия, значит, ей сопутствовало обоюдное тяготение».

Замечу, что книга вышла в год восьмидесятилетия со дня рождения Василия Григорьевича Распутина. Она была представлена на VIII Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь». Альберт Семёнович получил за неё «Серебряного Витязя» в номинации «Публицистика», а также губернаторскую премию. От всей души поздравляю своего старшего товарища – коллегу, с которым нам в 2016 году в Дни русской духовности и культуры в городе Иркутске довелось вместе выступать перед читателями Центральной городской библиотеки города Усолье-Сибирское, с заслуженной наградой.

А вот книга воспоминаний и интервью «Тулунские встречи Валентина Распутина», выпущенная издательским центром «Сибирь» в 2017 году. Автором проекта и составителем является известный иркутский поэт Василий Козлов. Василий Васильевич был другом Распутина, в течение 16 лет (с 1986 по 2012 год) возглавлял редакцию журнала «Сибирь».

Добрых слов заслуживает и предприниматель из Тулунского района Николай Васильевич Терещенко, который был последним, кто навестил Валентина Григорьевича Распутина в Иркутской областной больнице перед его отъездом в Москву. Именно благодаря ему книга дошла до читателя.

В Иркутске также издана замечательная книга «Живём и помним. Воспоминания о Валентине Распутине» с предисловием Владимира Скифа. Выпущена в типографии «Ретроцентр» в 2017 году. Её собрали близкие родственники Валентина Григорьевича: поэт Владимир Скиф и Евгения Ивановна Молчанова – родная сестра Светланы Ивановны, жены Распутина.

Я, как писатель, вижу, что главным редактором и составителями была проведена многогранная, кропотливая, серьёзная и очень долгая работа, которая длилась полтора года – с июля 2016-го по декабрь 2017-го.

Всё это время собирался материал для книги: личные переговоры, звонки писателям и артистам, критикам и журналистам, близким родственникам и друзьям, кто знал Распутина и дружил с ним, кто с радостью откликнулся и написал воспоминания. Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим. Писатель-иркутянин, ныне живущий в Москве, Валерий Хайрюзов. Художественный руководитель Иркутского театра народной драмы, заслуженный деятель искусств России Михаил Корнев. Сибирский классик и друг Валентина Григорьевича Альберт Гурулёв. Народная артистка России, исполнительница роли старухи Анны в спектакле по повести Распутина «Последний срок» Наталия Королёва. Председатель Аксаковского фонда, прекрасный русский писатель из Уфы Михаил Чванов. Журналист из Красноярска Владимир Зыков, работавший с Валентином Распутиным в газете «Красноярский комсомолец». Писатели Игорь Шумейко (Москва) и Александр Щербаков (Красноярск), иркутский журналист Владимир Ходий, предприниматель и путешественник из Тулуна Николай Васильевич Терешенко. Писатель Николай Зарубин, известные московские литераторы Александр Проханов, Владимир Лигутин, критик Валентин Курбатов. Друг и соратник Валентина Григорьевича Виктор Стефанович Кожемяко, спецкор газеты «Правда», издавший три книги своих бесед с Распутиным: «Диалоги о России», «Боль души» и «Эти двадцать убийственных лет». Иркутские прозаики Анатолий Байбородин, Ким Балков, поэт Тимур Зульфикаров и многие другие.

Кого-то уже не было в живых, выручали родные подвижников земли русской и интернет. Оставил свои воспоминания большой русский писатель Виктор Астафьев, народный артист СССР Михаил Ульянов, выдающийся русский писатель Владимир Солоухин, критик Надежда Тендитник, фотожурналист

Эдгар Брюханенко, поэты Глеб Пакулов, Сергей Иоффе, Татьяна Суровцева, Михаил Вишняков, Анатолий Горбунов, Юрий Аксаментов, Георгий Замаратский.

Со многими авторами стихов и воспоминаний встречался или созванивался руководитель проекта и главный редактор книги Владимир Скиф, убеждал о необходимости данного издания и находил среди всех авторов сердечное понимание.

Впервые в книгу воспоминаний были включены стихи, посвящённые Валентину Распутину при жизни, а также в память о нём. Здесь представлены самые разные поэты России, география стихов настолько обширна, что приходится удивляться, как создатели этого мощного тома могли собрать их всех вместе: Станислав Куняев, Владимир Костров, Мария Аввакумова, Марина Кудимова, Геннадий Иванов, Людмила Барыкина (Москва), Николай Зиновьев (Краснодар), Валентина Коростелева (Москва), Николай Рачков (Санкт-Петербург), Игорь Тюленев и Анатолий Гребнев (Пермь), Нина Волченкова (Брянск), Людмила Владимирова (Одесса), Екатерина Пионт (Тюмень), Евгений Семичев (Новокуйбышевск), Надежда Мирошниченко (Сыктывкар), Любовь Ладейщикова (Екатеринбург), Станислав Минаков (Белгород), Михаил Вишняков (Чита), Валерий Алексеев (Ангарск), Василий Забелло (Байкальск), Анатолий Зилевский, Сергей Иоффе, Василий Козлов, Нина Мелихова и многие другие поэты.

Эта удивительная книга стала первой ласточкой в серии воспоминаний о Распутине, которые, конечно же, будут издаваться и в Москве, и в Иркутске. К сожалению, не написали своих воспоминаний Станислав Куняев и Владимир Костров, недавно ушедшие Валерий Ганичев и Николай Коняев, великие русские певицы Татьяна Петрова и Евгения Смольянинова, актёры Василий Лановой и Александр Михайлов, которые приглашались Валентином Распутиным на знаменитый иркутский праздник «Сияние России».

А то, что представлено в вышедших в свет воспоминаниях, написанных душевно и бережно, с великой любовью к Валентину Распутину, радует и печалит, очищает и просветляет русскую душу, заставляет задуматься над нелёгкой, порой трагической жизнью выдающегося нашего современника, с которым мы рядом жили и работали, встречались в Москве и Иркутске, общались и соразмеряли свои поступки с его поступками, с его совестью и нравственными устоями, где он никогда не мог солгать или поступить несправедливо. Валентин Распутин – это великое средоточие ума и таланта. Неизменных принципов добра и твёрдого стояния за русский народ, за Русь великую.

Его Слово и Дело так хорошо впитались в русскую действительность, что теперь, после его ухода в мир иной, мы не можем жить иначе. Его жизнь, его поступки, его светоносное служение русской вере и правде, его кристальное поведение в обществе – нам всем достойный пример жить и работать, как жил и работал он.

Все эти стороны его жизни подспудно и явно прослеживаются во многих стихах и воспоминаниях авторов замечательного тома, изданного в Иркутске.

А вот у меня в руках книга Николая Зарубина «Сибирская глубина и Валентин Распутин. Заметки провинциала» (М.: Вече, 2018).

Приезд Валентина Распутина в мае 2003 года в один из районов земли Иркутской, а именно в Тулунский, стал памятным событием для всех жителей района. Оно послужило поводом для написания прозаиком Николаем Капитоновичем Зарубиным этой книги. Через творчество великого земляка автор старается осмыслить исторические, бытовые, человеческие аспекты происшедших событий конца XX и начала XXI века на примере сибирской глубинки. В книгу включены и другие очерки Николая Капитоновича, посвящённые истории и выдающимся людям Тулунской земли.

Конкурс региональной и краеведческой литературы «Малая Родина» проводится ежегодно под эгидой Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям уже много лет и завоевал признание российских издателей. В этом году участвовало около 250 изданий из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Курска, Рязани, Якутска, Казани, Ижевска, Нижнего Новгорода.

По итогам XIV Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина – 2018» в номинации «Люди нашего края» первое место и диплом лауреата получил Николай Зарубин за свою книгу о Распутине.

А чуть позже в Кирове вышла книга Николая Пересторонина «Путешествие в судьбу. Иордан. Байкал. Великая». Она и в самом деле о путешествии в судьбу выдающегося русского писателя Валентина Распутина, с которым довелось пообщаться автору.

Судьбоносная встреча в селе Великорецком, где в ноябре 1997 года Распутин побывал с группой российских писателей, предопределила сюжет этой книги. И позвала в дорогу на Байкал и в Иркутск, где жил и работал Валентин Григорьевич. Не сразу позвала, а через пару десятилетий, но тем глубже осмысление бесед и событий, вместивших так много…

За годы, что прошли со дня смерти Валентина Распутина, в центральной прессе, региональных журналах появилось много статей и воспоминаний о великом писателе. Я очень благодарен журналу «Сибирь» (2018. № 2) за воспоминания кандидата филологических наук, доцента Иркутского государственного университета Натальи Дуловой «Молчановы и Распутины в моей жизни», в которых она очень тепло отзывается о Светлане Ивановне – жене Валентина Григорьевича.

Мою библиотеку пополнила ещё одна книга Распутина «На родине». Выпущена в издательстве «Алгоритм» и состоит из рассказов, очерков и статей. Эта единственная книга Валентина Григорьевича без автографа, но она дорога мне тем, что составлена самим автором, без какого-либо вмешательства. Книга «На родине» посвящена любви всей жизни Распутина – родному сибирскому краю, воспетым им Байкалу и Ангаре. Она повествует о неразрывной связи человека со своей малой родиной, о том, как важно сохранять эту связь в современном мире, какой надёжной защитой она может стать от его жестокости и равнодушия.

IV

Достаю ценную для меня папку с фотографиями: Валентин Григорьевич Распутин с родными и близкими, обложки его многочисленных книг, автографы, праздники «Сияние России» в Иркутске... Одних только фотографий прототипа героини рассказа «Уроки французского» Лидии Михайловны Даниловой (Молоковой) больше десятка, начиная с учёбы в школе и до старости лет.

Перебираю фотографии, нахожу нужную. На ней место захоронения самых близких для Распутина людей – дочери Марии и горячо любимой жены Светланы, с которой они прожили более 50 лет. Боюсь перевести взгляд влево, где пустое место...

В последний день работы Всероссийского фестиваля «Дни русской духовности и культуры «Сияние России» в Иркутске в 2013 году удалось побывать в святая святых для Распутина – на Смоленском кладбище, на высоком лесном песчаном холме, откуда открывается вид на долину Иркута, где похоронены его любимая жена и дочь. А побывал я там благодаря Анатолию Заболоцкому – кинооператору-постановщику, фотохудожнику, писателю, общественному деятелю, заслуженному деятелю искусств России и Белоруссии. Услышал случайно, как Анатолий Дмитриевич попросил художественного руководителя Иркутского театра русской драмы Михаила Георгиевича Корнева свозить его на кладбище, где похоронены Мария Валентиновна и Светлана Ивановна Распутины. Я попросил взять меня с собой, мне давно уже хотелось поклониться могилам этих женщин.

Когда мы уже тронулись в путь, выяснилось, что никто не знает, где находятся могилы. И я рискнул позвонить Валентину Григорьевичу. Он помолчал в трубку. Потом спросил: «А где вы сейчас находитесь?» Мы были ещё в пределах Иркутска. Валентин Григорьевич велел подъехать к нему. Вышел с пакетом в руке. Как назло, у нас не получилось купить цветов: цветочный магазин, на который мы рассчитывали, оказался уже не цветочным!.. Так вот и явились мы на кладбище.

Когда стояли около могил Марии и Светланы, Валентин Григорьевич вынул из пакета бутылку марочного итальянского вина. И снова накладка: в машине не оказалось ни штопора, ни стаканчиков. Михаил Корнев как-то чудом проткнул пробку вглубь бутылки. И мы прямо из горла пригубили по глотку. Я себя в душе ругал, что не подготовился к поездке. Грустно стало, что судьба порой посылает нам возможность, а мы оказываемся не готовы... Я видел, что и у моих спутников погрустнели и помрачнели лица. Только Распутин стоял, как всегда, отрешённо. Да ещё Анатолию Заболоцкому некогда было предаваться мрачным думам, он снимал на камеру для будущего фильма кладбище, лес... И вдруг – с дерева белочка! – прыг к нам. И вертится возле нас! И не боится человеков! Смотрю на белочку – и както полегчало на душе. А Валентин Григорьевич говорит: «А ведь это добрый знак, это души усопших дают нам о себе знать...» Анатолий Заболоцкий эту белочку как только не снимал, с каких ракурсов! А она и кинокамеры не боялась.

Когда уходили с кладбища, Валентин Григорьевич сначала замедлил шаг, а потом остановился: «Эдуард, а вот здесь, рядом со Светланой Ивановной, и будет моя могила. Мы были вместе всю земную жизнь, будем и там, на небесах...».

А вечером накануне отъезда Распутин подарил мне красочный фотоальбом, изданный в Иркутске в 2012 году, который называется «Валентин Распутин. Дорога домой», с таким автографом: «Дорогому Эдуарду – не ахти какая книга, но всё-таки. С надеждой на новую встречу в Иркутске. В. Распутин. 04.10.2013».

Встреча наша состоялась через три года, когда я приехал на очередной фестиваль «Дни русской духовности и культуры «Сияние России» в Иркутске. Первым делом я отправился в Знаменский монастырь, в некрополе которого похоронен Валентин Григорьевич.

Однако попасть на могилу Распутина и возложить цветы не получилось. Могила была огорожена, там шли какие-то работы. Походил по некрополю. Рядом с Валентином Григорьевичем – могила княгини Екатерины Ивановны Трубецкой, жены декабриста Трубецкого. Поодаль нашли свой приют декабристы Муханов, Попов, Бечасный.

Только назавтра, когда нас повезли в Знаменский монастырь и мы участвовали в открытии памятника выдающемуся писателю земли русской Распутину, я возложил букет алых роз.

Памятник открыл митрополит Ангарский и Иркутский Вадим. Было много народу. И когда спало покрывало с памятника, я изумился. Передо мной стоял серый, похожий на масонский, огромный крест. Мне передали фотографию стоящего полтора года на могиле Валентина Григорьевича деревянного православного креста.

Побывал я и на Смоленском кладбище. Могилы Светланы Ивановны и Марии Валентиновны в одной оградке, ухожены. Рядом со Светланой Ивановной есть место, на которое Распутин показывал во время нашей прошлой встречи и говорил: «Вот здесь будет и моя могила...»

Возложил цветы, задумался. Вот ведь как бывает – последняя воля известного писателя почему-то не была исполнена.

Получил из Москвы увесистую бандероль: друзья-коллеги прислали новые книги, журналы, газеты.

Сразу же открыл прохановскую газету «Завтра», начал просматривать. Вот статья известного ещё в советское время критика фронтовика Владимира Бушина «Отверзлись вещие зеницы» (материал о пленуме Союза писателей России). В глаза бросились такие строчки: «Солженицын прямо писал: “Отмываться всегда труднее, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым...”».

Добавлю, что плевак у нас и сейчас хватает.

с. Майское Самарской обл.

Людмила ЧИДИЛЯН

ВСТРЕЧИ В ХОСПИСЕ

1

В храм при городском хосписе меня позвал Александр Ибрагимов – друг нашей семьи, поэт. Хотя, конечно, «поэт» надо было поставить на первое место, потому что Саша по жизни сначала поэт, а потом всё остальное: муж, друг, отец, дедушка…

– Я в Знаменском стал реже бывать. В хосписе маленькую церковь сделали, в честь иконы «Всецарица», мы там теперь причащаемся. Народу мало, все свои. Ты же рядом живёшь, приходи! Батюшка молодой, но в силе! Алексей. После службы чай пьём все вместе, беседуем. Каждый друг дружке рад! Приходи!

Через полгода он опять заговорил об этой церкви и взял с меня слово, что в ближайший вторник появлюсь обязательно.

Хоспис находился на улице Чкалова, в Соцгороде, как бы сказали кемеровские старожилы, в районе первых благоустроенных домов довоенной постройки. В юности я часто бывала в этих местах (моя студенческая подруга жила напротив хосписа, тогда ещё просто одной из городских больниц), любила да и сейчас люблю тихие здешние улочки, высоченные тополя (теперь их, правда, вырубают), рябины, разросшиеся клёны, черёмухи в старых двориках.

Шла я в хоспис (до него от моего дома короткой дорогой минут семь) и не могла представить, где в этом небольшом двухэтажном здании (там и для больных мест не так много) нашлось помещение для церкви?!

– Вы к кому? – спросила серьёзная охранница.

– Я в храм.

– Тогда – вот бахилы. Это женщины из храма сшили. Для тех, кто в церковь вашу ходит.

– А как пройти?

– В первый раз? По коридору до лестницы, на второй этаж, направо, через переход, опять направо и сами увидите.

Пошла. Тихо. На первом этаже запах из столовой – не противный, а вкусный, котлетный. На втором – запах уже другой, смесь больничного с тем, что всегда сопутствует тяжело хворающему человеку. Прохожу мимо палат. В одной дверь открыта, в глаза бросается измождённое мужское лицо на подушке. Дальше по переходу: линолеум обшарпанный, с заплатами, поворачиваю направо и захожу в открытую дверь.

И правда – церковь! В маленькой комнате – алтарь и распятие из дерева, стены расписаны, на аналое икона «Всецарица» (такая же была у меня дома), перекрестилась, поцеловала, огляделась по сторонам: Саши пока нет, знакомых тоже. Подошла молодая красивая женщина в форме сестры милосердия – косынка с крестиком, длинный передник на лямочках. Очень похожа на медсестёр с фотографий времён Крымской войны. Высокая, худенькая, взгляд приветливый.

– Проходите, здесь можно раздеться.

Она проводила в смежную комнатку. (Вешалка для одежды, шкаф, большой раскладной стол, маленький кухонный стол, на нём продукты в пакетах.)

Повесила мой плащ.

– Вас Александр Гумирович позвал?

– Да.

– Он скоро придёт. Меня Светой зовут.

– А я – Людмила.

– Хотите мне помочь?

– Да, если смогу.

– Сможете, мойте руки.

Так я познакомилась с сестрой милосердия Светланой. Уже тогда в недолгом нашем разговоре я обратила внимание на её открытость, внимательность, искренний интерес (именно интерес, а не любопытство) ко мне. Как позднее выяснилось, и ко всем другим, с кем Светлана общалась.

– Вот вам пряники, их нужно разложить по пакетам. У нас в хосписе есть палата, где бездомные лежат. К ним никто не приходит. Мы их после литургии чаем угощаем: когда с пряниками, когда с печеньем, когда и с тем и с другим, короче, с чем Бог послал. Сегодня, например, Лида яблочки принесла. Сейчас нарежем – и по пакетам!

Из разговора выяснилось, что почти все приходящие в этот маленький храм (кроме лежащих в хосписе) приносят с собой продукты к чаепитию для себя и бездомных больных.

Раскладывая еду, я не сразу заметила, что в комнате один за другим собралось уже человек шесть. Светлана сортировала принесённые продукты, одновременно интересовалась о новостях у только

что пришедших, давала им работу и рассказывала о событиях в хосписе.

– А Матрона-то, – говорила она, – вчера меня попросила опять к причастию её подготовить.

– Правда?! – удивлялись женщины. – Она же на прошлой неделе только причащалась!

Я прислушивалась к разговорам, приглядывалась к окружающим, не особо вникая в происходящее. Это потом, почти через год, я лично познакомлюсь с Матроной, одинокой, парализованной, годами лежащей в хосписе женщиной, крещённой в этом храме и воодушевляющей смирением и терпением своим наших сестёр милосердия.

Саша появился одновременно с батюшкой. Оба зашли с улицы румяные, оба с бородой и весёлым взглядом.

В этот день литургии не было. Пели акафист Богородице «Всецарице». Пели все, кто был в храме: пришедшие из города и больные, кто смог дойти до храма со своих кроватей, всего человек десять. Пение наше транслировалось по радио в палаты.

После акафиста стали накрывать на стол, а отец Алексей со Светой и Марией, второй сестрой милосердия, пошли по хоспису причащать лежащих больных и помазывать освящённым маслицем всех желающих.

Я расставляла бокалы для чая и одновременно знакомилась с женщинами. Были они в отличие от меня немногословны, но на вопросы отвечали доброжелательно. Я узнала, что приходят в храм кто через неделю, кто – через две. Приносят с собой, что могут: фрукты, печенье, булочки, овощи, пироги, торты, салаты, сыр, яйца варёные. Бездомным больным отдают только разрешённые врачами продукты.

Пришёл батюшка, и, помолившись, сели за стол. Отец Алексей рассказывал о храме, который он строил в Полысаево, и о том, что нового прибавилось там за неделю. Говорил с улыбкой и азартом, так что я живо вообразила и высоту, и «широту» церкви, и красоту царских врат.

– Вот приедете и сами увидите! – закончил он рассказ.

«Да уж, вряд ли, – подумала я. – Даже и не представляю, где это Полысаево!»

Батюшка искренне интересовался делами собравшихся за столом, ему с радостью отвечали, советовались.

– А вы, я слышал, тоже стихи пишете, – обратился он ко мне после того, как Саша прочитал по просьбе Светы своё стихотворение из книги «Крест русского четверостишья».

– Пишу, но не так, как Саша. Он поэт настоящий, а я...

– Не прибедняйся, Люся, у тебя стихи хорошие, иначе я бы их к печати не рекомендовал! – тут же возразил Александр.

– А чем вы занимаетесь? – поинтересовался отец Алексей.

– Риторику веду в лицее и формальную логику.

Все заинтересовались столь необычными для нашей школы предметами.

– А давно Вы там работаете? – спросил батюшка.

– Да с самого основания лицея, уже четырнадцать лет. Сначала там замдиректора по воспитательной работе была, но устала, решила передохнуть. Теперь подруга вместо меня надрывается.

– Значит, у вас теперь времени свободного побольше?! И живёте здесь близко, я слышал. А нам, сами видите, помощь нужна! Приходите! Работы много! – весело, как бы шутя сказал батюшка и вопросительно посмотрел на меня.

– Да, я, конечно, буду сюда приходить. Может, не каждую неделю, но обязательно приду.

Слово я сдержала и действительно два раза в месяц приносила продукты, готовила гостинцы для бездомных, пела со всеми вместе акафист. Голос у меня громкий, слух есть (правда, в школе музыкальной училась всего год). Но папа был хормейстером, и я с раннего детства пела вместе с родителями: мама первый голос, я – второй, папа – третий. Здесь мне это пригодилось.

Как и другие, я покупала что-нибудь поесть, помогала организовывать чаепитие для бездомных больных, но сама в палаты не ходила, этим занимались сёстры Светлана и Мария.

Мария – студентка филологического факультета университета. Молчаливая, внимательная, с плавной походкой и мягким обращением. Хорошенькая и с чувством юмора. Она ненамного была старше моей младшей дочери, но иногда мне казалось, что Маша и меня взрослее.

Саша оказался прав – в этой церкви все были рады друг другу, на дружеские отношения никто не претендовал, а просто молились и помогали чем могли, в основном продуктами, иногда уборкой храма.

Вскоре появился новый священник – отец Анатолий из храма в честь Рождества Христова, а отец Алексей стал приезжать редко – строящаяся церковь требовала его постоянного присутствия. Но всякая наша встреча сопровождалась его интересом к моим делам.

Однажды отец Алексей спросил:

– Не хотите попробовать себя в качестве сестры?

– Я??? Да что вы!!! Батюшка, я, наверное, произвожу ложное впечатление человека воцерковлённого, но на самом деле это не так! Я и ругаюсь, иногда со словечками всякими! И винца красного выпить люблю! Не думаю, что я заслуживаю вашего доверия! И в службах мало что понимаю, курсов, как Света и Маша, не заканчивала да и причащаться стала не так давно...

– Это не те причины, которые могут помешать... Но смотрите сами. Думаю, мы ещё вернёмся к этому разговору.

После я в смущении шла домой, перебирая эпизоды из своей жизни, связанные с церковью. Когда это началось?

В детстве нас с братом в храм не водили. Возможно, бабушка с собой брала, но я этого не помню. Я даже не представляла, где он находился в Белово (город, в котором родилась и жила до девяти лет). Но о Боге знала от бабушки Нюры. В углу её комнаты висела икона и иногда горела лампадка. Часто я слышала бабушкин тихий шёпот. Она молилась Богу.

Ещё с раннего детства помню Пасху. Перед её наступлением вся квартира заполнялась ароматами шанежек с творогом и булочек. В отваре из луковой шелухи красили яйца. Но есть это никому не разрешалось. Только после всенощной, когда из храма приходили баба Нюра со своей сестрой, нас с братом будили и садили со взрослыми за стол разговляться.

Когда наша семья переехала в Кемерово, о вере в Бога иногда (в основном навеселе) разговаривал со мной папа. Мама была истовой коммунисткой-атеисткой.

С седьмого по десятый класс я носила крестик и каждый вечер молилась, чтобы Господь помог мне поступить в московский театральный вуз. Не поступила, разочаровалась, но крест не сняла.

Поступила в Кемеровский институт культуры и в первые студенческие каникулы поехала в Белово по просьбе двоюродной сестры покрестить её дочь.

– Только ты ничего никому не говори! Мало ли злых людей! Ты ведь комсомолка, выгонят ещё, если узнают, – переживала сестра.

Я приехала и впервые вошла в храм. Крещение прошло спокойно и, как мне показалось, быстро. Никаких особенных эмоций это пребывание в храме у меня не вызвало. Ничто не встрепенулось в душе, но ничего и не противилось в ней, ничего не напугало, не удивило.

Через некоторое время мне удалось (тогда этот роман было сложно достать) прочитать «Мастера и Маргариту» Михаила Булгакова. И сразу возник интерес к Богу и безусловное приятие Христа. У подруги от бабушки осталось Евангелие. Я читала и понимала и умом, и сердцем, что это – необыкновенная книга! Такую специально не сочинишь! Но всё же знаний моих было недостаточно для полного осмысления написанного в ней.

Прочтение Евангелия не привело меня в церковь. Я даже не знала точного места её нахождения в городе, слышала, что она где-то на правом берегу.

Вскоре начался тяжёлый период в моей жизни: один за другим умерли бабушка Нюра, моя любимая тётя Полина, папина сестра, и, скоропостижно, папа. Знаю, что их отпевали в церкви, но за горем об этом в памяти ничего не осталось.

Потом в перестроечные времена меня направили (работала уже в лицее) на краткий курс повышения квалификации. На одной из лекций новый оратор неожиданно стал рассказывать о том, что смерти нет, а человек вечен. Оказался он из Рериховского общества. После коммунистической идеологии странно было услышать подобное с официальной трибуны, но... перестройка же.

«Ну если о вечной жизни говорят уже на курсах повышения квалификации, то, значит, она точно есть», – с некоторой иронией подумала я.

Лектор тем временем «сортировал» все виды религий, признавал за ними истину, но неполную, потому что последняя её инстанция – это учение какой-то супердамы по фамилии Блаватская. Постулаты этой теории были явно чуждыми мне. Но мысль о реинкарнации соблазняла. В голове моей как-то примирились и представления о Христе, любовь к Нему, и мысли о возможности родиться много раз, совершенствуясь с каждой новой жизнью.

Однажды на вечеринке с друзьями мы стали обсуждать эту тему. И выяснилось, что Андрей, один из наших приятелей, – умный, талантливый, успешный предприниматель – непоколебимо стоит на позиции православия. Посты соблюдает, в храм ходит. Разубеждать меня он ни в чём не стал, но логика его ответов заставила на некоторое время задуматься о хаосе моего религиозного мира.

Потом в эти же перестроечные времена я случайно зашла в один из многочисленных открывшихся тогда антикварных магазинов на Арбате и решила купить икону. Денег было немного. Продавец, молодой, но знающий своё дело парень, посоветовал:

– Купите святителя Николая.

Я вспомнила, что часто слышала это имя и от бабушки, и от других людей.

– Чудотворца? – уточнила.

– Да.

Дома мы с мужем повесили икону, но молитвы перед ней я не читала. Раза два в месяц ходила на службы в Знаменский храм, просто стояла, молилась, но не причащалась. В церкви иногда чувствовала испытывающе-придирчивые взгляды старушек и истовых прихожан, наверное, когда невольно, по незнанию нарушала какое-нибудь правило поведения в храме.

По примеру Андрея старалась держать Великий пост. (Ох, не сразу мне это удалось! Не сразу!) На Светлое Христово Воскресение стряпала пироги, делала творожную пасху, всей семьёй ходили на крестный ход, но на всенощную не оставались. Наутро был полный дом гостей: «Христос воскрес!».

Однажды летом всей семьёй поехали на четыре дня в Белокуриху. Добираться муж решил на крутой дорогой машине (Lexus-400), которую ему предлагали купить, а в этой поездке испытать её. Я была против, просила не изменять проверенной нашей «девятке», но муж настоял.

– «Лексус» – просторный, надёжный, со встроенной противоугонной системой!

В Белокурихе нас ожидал шикарный губернаторский номер. Мы с дочерьми взяли с собой самые лучшие наряды, муж накупил дорогого спиртного.

По дороге на ночь остановились у знакомых в Барнауле. Утром двинулись дальше. Едем, а в голове у меня вертится одна мысль: «Жаль, что Татьяне ничего не сообщила о приезде. Может, встретились бы». Это моя приятельница, раньше мы вместе в институте работали, а теперь она жила в Барнауле.

И дальше я живо представила, как подъезжаю в шикарной машине, одетая по последней моде... Короче, гордыня взыграла! Вдруг из окна увидела красивый храм.

– Давай зайдём, – говорю мужу.

– Давай!

Вышли и с дочками прошли в церковь. Народу почти никого.

– А в честь кого храм? – спрашиваю служительницу.

– В честь Николая Угодника, – отвечает.

И правда, на алтаре вижу его образ. И вдруг чувствую необъяснимое желание помолиться. Встаю на колени перед этой иконой и мысленно искренне прошу:

– Святитель Николае, пусть все мои близкие будут живы и здоровы, и приведи нас – меня, мужа, детей – к вере, пожалуйста! – повторяла так несколько раз.

Потом мы поставили свечи и вышли. Двинулись в путь, из любопытства остановились у магазина, хотя могли ехать дальше, и так всё было куплено. Через пятнадцать минут вернулись – а машины нет. Угнали. Со всеми вещами. Хорошо, что сумку с документами и деньгами муж взял с собой.

Когда чувство растерянности сменилось осознанием суммы повисшего на нас долга, я в первую очередь подумала о муже. Было видно, что он потрясён.

– Папа, не расстраивайся, – ободряла старшая дочь. – Мы живы. Вместе.

Но он уже звонил знакомым, и вскоре нам помогли выйти из этой ситуации: дали на время какую-то одежду, довезли до Белокурихи, а через несколько дней и до дома.

«И правда, – думала я, – ничего страшного не случилось!»

Но слёзы лились сами собой. Представлялось, сколько возможностей для семьи упущено вместе с суммой, которую мы должны были теперь отдать за чужую машину.

По приезде в Кемерово я с тяжёлым сердцем пошла в церковь и не заметила, как во время службы отпустила тревога, пришли примирение с ситуацией и уверенность, что проблема обязательно решится.

И действительно, вскоре машину нам обещали вернуть за выкуп. За своим «Лексусом» мы снова ехали в столицу Алтайского края, но мой душевный настрой уже отличался от состояния, в котором я находилась, когда добирались до Барнаула в первый раз. За время между поездками я сходила на исповедь и причастилась. Правда, особых грехов за собой не обнаружила – три или четыре, не больше. Но на сердце стало как-то легче, спокойнее.

Периодически в мои руки попадали книжки, статьи о поведении в храме, о житиях святых... Но системы в знаниях не было. По совету Андрея я прочитала (быстро и с большим интересом) «Закон Божий». И сразу в голове наступила ясность.

В храм стала ходить регулярно, раз в месяц, и однажды на дверях Знаменской церкви увидела объявление о паломнической поездке в женский монастырь в Могочино (север Томской области). Почему я вдруг решила поехать?! Вроде в семье проблем не было... И всё же дочки мои находились в подростковом возрасте, в последнее время стала появляться какая-то отчуждённость, недосказанность в наших отношениях.

Добирались до монастыря на автобусе десять часов, а должны были доехать за четыре, максимум пять. (В дороге лопнуло колесо, запасное оказалось диаметром меньше остальных. Монтажные

мастерские были закрыты.) Медленно, «прихрамывая», прикатили всё-таки на запаске.

Поселили меня у монахини Зои, лет пятидесяти семи на вид (она жила в домике за территорией монастыря). С дороги я так устала, что, отдав привезённые гостинцы (зимние вещи, что-то из посуды), тут же собиралась лечь спать, время было уже к ночи.

– Нет, – сказала монахиня, – сейчас пойдём в храм, а потом к исповеди готовиться будем.

Пришли. Монахини и паломники собрались на монастырском дворе, и начался крестный ход вокруг храма с чтением молитвы «Богородице Дево, радуйся!».

Молитву я наизусть не знала и, когда подошла моя очередь читать, призналась в этом. Через годы поняла, что незнание этой одной из основных и к тому же короткой молитвы для окружающих было равносильно признанию, что в монастырь я приехала случайно.

Когда вернулись обратно в домик, монахиня Зоя заварила чай, а я достала привезённые пироги. За столом разговорились.

– У нас на престольный праздник всегда народу много.

– А что такое престольный праздник?

– Ох, да ты в церкви, видно, совсем недавно?

– Да.

– Храм наш в честь святителя Николая освящён. Завтра его праздник. Никола летний.

После чая монахиня дала мне тетрадь, в которой были написаны возможные прегрешения. Они убористым почерком помещались листах на двадцати.

– Вот, посмотри! Это для монахинь, но и для себя, может, чего найдёшь там.

Я стала пролистывать. Обнаружилось, что в этой тетради перечислено было большинство моих поступков. Например, грешно танцевать. Подумала: «Ну уж нет! Слишком строгий подход!».

Потом дочитала до греха убийства, собиралась пролистнуть страничку с возможными его вариантами, ведь не убивала никого, но наткнулась на слово «аборт»!

Почти никогда не вспоминала я об этом своём поступке. Всегда оправдывала себя силой обстоятельств и мыслью, что это делают большинство женщин, что это норма современной жизни. Но сейчас вдруг поняла, что действительно совершила грех, смертный грех!

Ранним утром мы пришли в храм. Ещё вчера в этой церкви на чтении вечернего молитвенного правила я почувствовала спокойную отрешённость от обычных своих тревог, смирение, что вообще мне мало свойственно. Сегодня это состояние вернулось, я вслушивалась в слова священника, всматривалась в лики икон, откликалась душой на пение монахинь. Подошла моя очередь исповедоваться. Развернула свой листок и неожиданно для самой себя не смогла прочитать ни слова. Сначала слёзный ком, а потом и сами слёзы – обильные, с рыданием, как в детстве, стали началом моей исповеди. А потом наступило облегчение, тоже как в детстве, когда мама тебя простила и пожалела.

После службы, уже перед отъездом, решила купить икону Богородицы.

– Вы возьмите «Всецарицу»! Она у нас одна, – советовала монахиня за прилавком. – Сама такую хочу, но дорогая, денег столько нет. Смотрите, красота-то какая! У нас такая в первый раз продаётся. Её с Афонской чудотворной списали. Ей молятся об избавлении от болезней, от рака особенно.

Так в нашей квартире появилась икона «Всецарица». А потом увидела её в храме хосписа.

«Да! Совпадения!» – думала я.

А через полтора года в хосписной церкви некому стало работать: Светлане пришлось срочно уехать, а у Марии начались ГОСы. Отец Алексей опять попросил меня помочь, и я согласилась.

2

Многие люди в хоспис даже заходить боятся. Действительно, большинство пациентов здесь лежат с четвёртой стадией онкологии или после перенесённого инсульта. В других больницах им уже провели курс лечения, но безрезультатно, человек не выздоровел, и, возможно, это уже не произойдёт никогда.

Наверное, поэтому хоспис у многих вызывает страх: попал туда, значит жить тебе недолго. Но никто, кроме Бога, не знает, во сколько дней, месяцев, лет обернётся это «недолго». И только сам болеющий человек может оценить то облегчение, которое он получает от квалифицированной помощи врачей, медсестёр, санитаров этой больницы. А для отчаявшихся родственников хоспис – это иногда единственная возможность хоть чем-то улучшить самочувствие близкого человека.

Когда от рака умирала моя мама, таких больниц не было. Я, конечно, научилась делать уколы и клизмы, но, например, о капельницах, снимающих токсикацию и таким образом хотя бы на время убирающих тошноту, не знала ничего. Состояние полной беспомощности перед болью родного человека до сих пор, а прошло уже больше тридцати лет, мучительно вспоминается мне. Я знала, что мама не бо-

ялась смерти, она ждала её как избавления от беспрерывных страданий. А я мало чем могла утешить, у меня самой не было душевных сил ни переносить это испытание, ни, тем более, смириться с ним. Мысль о Боге выражалась только в восклицаниях: «За что, Господи?! И почему это – моей маме?!». Вот бы мне тогда со священником поговорить!

А в хосписе такая возможность есть. Каждый вторник в храм приходит батюшка: ведёт службу, исповедует, причащает, проводит таинство крещения, беседует с родственниками и медперсоналом. Священники, с которыми я общалась в хосписе, возрастом были младше меня. Но я всегда чувствовала непоколебимую силу их веры, во мне вызывали уважение исходящие от них спокойствие и уверенность в безусловной правоте своего дела.

Когда я стала сестрой милосердия, в храм хосписа чаще других священников приезжал настоятель церкви Рождества Христова отец Анатолий Штефан. Улыбчивый, с добродушно-сияющим взглядом, внимательный и скромный человек. Тогда ему было немного за тридцать лет. Зайдёт он в храм, благословит, и усталость моя как рукой снимется. Обстоятельный, день у него по минутам расписан, но никуда не спешит и успевает везде: к нам в больницу, к верующим в колонии, на курсы богословские. А ещё надо дочек из музыкальной школы забрать, жену с работы и уже всем вместе поехать домой за двадцать километров от города, в посёлок Промышлёнка.

Никогда не видела, чтобы отец Анатолий кого-то поучал, мнение своё навязывал. Собеседника слушает внимательно и доверчиво. Лукавство сразу замечает, но не сердится, не осаждает, а так повернёт разговор, что самому человеку неловко станет. Всё у батюшки просто получается, как бы само собой.

Вот однажды в храм зашла Ольга Петровна – врач, а с ней женщина, по виду сразу скажешь: устала и настрадалась.

– Отец Анатолий! Мы вот с чем пришли… – начала Ольга Петровна. – У нас лежит муж этой женщины. Привезли его без сознания, за три недели так в себя и не пришёл. Мы уже ничего сделать не можем.

– Пять лет болеет. Батюшка, помогите! – тихо просит женщина. – Может, молитва какая есть? Мучается он! Стонет, мечется! Больше месяца так лежит. Жалко его, сил уже нет!

Отец Анатолий взял требник, и они пошли в палату. Через минут пятнадцать батюшка вернулся.

Говорю:

– Я с таким первый раз встречаюсь. Действительно есть такая молитва?

– Да. Чин на разлучение души от тела. Когда человек долго страждет, – ответил отец Анатолий и стал надевать пальто – пора было уходить.

Когда уже был в дверях, вернулась Ольга Петровна.

Смотрит на него, глаза широко раскрыты:

– Батюшка! Умер он. Только что скончался!

– По воле Божией. Царствие небесное рабу Игорю, – спокойно сказал батюшка. Для него это было нормой, а для нас с Ольгой Петровной – чудо.

Рядом с отцом Анатолием вообще много необычного происходит. Например, приходишь на службу в его маленький храм, построенный в бывшем магазинчике в посёлке Промышлёнка, и удивляешься количеству прихожан, которых он вместил. Многие приезжают из города. С каждым годом желающих побывать на службе у отца Анатолия становится больше. И никому не тесно.

Не тесно и в доме, в котором живёт семья батюшки. Дом достался ему от деда. Всего-то тридцать пять квадратных метров: три комнатки и кухня. А десять лет назад на этом пространстве размещались отец Анатолий с матушкой Жанной и шесть их детей – мальчик и девочки, причём две старшие уже в возрасте невест.

Сначала я не могла понять, как это возможно: взрослые дочери у молодого человека, но потом узнала, что пятеро детей – приёмные. В самом начале их история усыновления похожа на многие подобные, описанные в газетах и журналах. Отец Анатолий с матушкой Жанной очень хотели детей. По мнению врачей, появлению ребёнка ничего не мешало, пять лет ждали радостного события, но… не случалось. Тогда решили взять под опеку шестилетнюю девочку из детского дома – Кристину. У неё даже внешнее сходство было с приёмными родителями. Пока оформляли документы, матушка сообщила, что Господь услышал их молитвы. Говорят, похожие истории случаются со многими парами. Но в семье отца Анатолия было необычное продолжение.

В их маленьком посёлке почти все друг друга знают, общаются. Случилось, что в одной семье произошло несчастье: родителей за пьянство лишили родительских прав, осталось четверо детей – сын и дочери. Их отправили в детский дом. Но им, конечно, хотелось жить, как и прежде, среди привычного окружения, учиться в своей школе, общаться с прежними друзьями. Они приезжали в посёлок, их часто забирала тётя, прихожанка храма, к себе домой погостить. Иногда дети оставались с ночёвкой. Но случилось так, что тётя в нескольких местах сломала ногу и надолго оказалась прикована к по-

стели. А у батюшки с матушкой были готовы документы, чтобы взять приёмных детей.

Как раз в это же время администрация города разрабатывала программу поддержки приёмной семьи. Программа не предполагала усыновления, но давала возможность стать опекунами детей и жить одной семьёй.

Однажды батюшка пришёл со службы и спокойно и просто сказал: «Видно, судьба такая, будем детей к себе забирать на выходные, а там – посмотрим». Так у отца Анатолия с матушкой Жанной появились ещё три дочери и один сын. Документы оформляли постепенно, но уже не расставались.

За словами «удочерение», «усыновление» знающий жизнь человек может представить не только радость общения в семье, но и те препоны и трения, которые сопровождают сложный процесс возникновения душевного и тем более духовного родства между чужими людьми. Не обошли проблемы и семью отца Анатолия. Но Бог давал терпение, силы, а главное – любовь. И всё налаживалось и превозмогалось: пусть в тесноте, но не в обиде, а в радости и заботе выросли приёмные дети. Образование получили. Теперь живут самостоятельно, воспитывают своих детей. А у батюшки с матушкой родилась ещё одна дочь. Они и счастливые родители, и бабушка с дедушкой десяти внуков и внучек.

Мне всегда хотелось узнать, почему молодые люди становятся священниками? Когда к ним приходит эта мысль? Растут простыми (или нет?) мальчиками, в школу ходят, как все. А потом – раз… и священник?! Почему они делают такой выбор? Через два года нашего знакомства, когда мы общались уже семьями, отец Анатолий рассказал о том, как пришёл в церковь.

«Мой папа – немец, мама – русская. Я родился в Томске. До сих пор люблю этот город. Родители преподавали высшую математику в университете. Добрые, интеллигентные люди. От религии они были далеко, нас с братом не крестили, но к верующим относились с уважением. Особенно к семье Фаста Вильгельма Генриховича. Когда-то он был их наставником в профессии. Мы ходили к ним в гости, брат и я играли с детьми Вильгельма Генриховича – дочерью Аней, моей ровесницей, и старшим сыном Михаилом.

В девять лет наша семья переехала в Кемерово, в район Шалготарьяна. Родители стали работать в кемеровских вузах, а мы с братом пошли в 92-ю школу. Учился нормально, без троек. В шестом классе увлёкся фотографией, тогда же ещё цифровой техники не было, снимал, проявлял, закреплял, потом, в трудные времена, мне это пригодилось для заработка. С девочками не гулял. Знаете, я стеснительный был да полноватый к тому же. Вечерами сидел за книжкой или у телевизора.

Однажды на каникулах в доме у бабушки с дедушкой (они жили в Промышлёнке) на чердаке среди старых книг нашёл «Закон Божий», прочитал, многое понял. Позднее в руки попал роман «Мастер и Маргарита» Булгакова. Взволновал меня, но к церкви не приблизил. Я вообще о ней тогда мало знал. Помню, что про Пасху слышал от бабушки с дедушкой, они говорили, что грех работать в этот день. А мы то огород копали, то ремонтом занимались.

Когда окончил школу, поехал обратно в Томск, поступать в университет на радиофизический факультет. Сдавал экзамены, а между ними возобновлял старые знакомства. Это был период, когда во мне появилась гордость за то, что я – немец. Очень мне хотелось как-то утвердить в себе это. Думал, может, католиком стать? Вспомнил о семье Фастов. Они были немцы, и я считал их католиками. Пошли с мамой к ним в гости. Встретили нас сердечно. Посмотрел на Аню и… совсем другая она стала, взрослая и очень симпатичная. Брат её Михаил к этому времени оканчивал политех, уже отслужив в армии. Разговорились.

– А ты, Анатолий, крещёный? – спрашивает Аня.

– Нет. Вот хочу католичество принять, как вы.

– А мы-то все православные, – вступил в разговор Михаил. (Кстати, он потом тоже священником стал.)

– Давай и тебя покрестим?! – воскликнула Аня.

Несмотря на юный возраст, она оказалась глубоко верующей девушкой. Серьёзная, с твёрдым характером. Короче, понравилась мне. Стал я часто в гости к ним наведываться. И, конечно, крестился. Произошло это в крестильном храме при Петропавловском соборе города Томска. Сначала священник огласил меня, дал задание Символ веры выучить и пост продержать три дня.

Молитву выучил, а пост немного нарушил. Крестили меня полным погружением в потайной купели. Сделали её в период советских гонений на церковь. В полу храма – скрытая дверца, открываешь её, а там – зацементированное довольно большое углубление. Наливают воду и во время крещения погружают. Так что в шестнадцать лет стал христианином.

Продолжал ходить к Фастам, из-за Ани, конечно, а вместе с ней и церковь посещал. Потом понял, что наши отношения только дружеские и такими останутся.

Через год примерно на свадьбе двоюродной сестры встретился со своей будущей женой Жанной. Она тоже училась в университете, но на другом, филологическом, факультете.

Жанна – это отдельная тема!!! Я тогда даже не представлял, с каким цельным, целеустремлённым человеком познакомился! Не поверите, она ещё в детстве поняла, что хочет стать учительницей, а в юности в своём дневнике писала: «Хочу быть верной женой и родить много детей». Жанна, когда я познакомил её с Фастами, стала подругой Ани. У нас тогда при церкви образовалось что-то вроде молодёжного православного братства. Мы ходили в детский дом, водили детей в храм. Меня попросили быть крёстным отцом трём девочкам, объяснял детям как мог Символ веры. Жанна стала крёстной матерью и всегда была рядом со мной.

Но поженились мы с ней только через три года. За это время жизнь моя изменилась. Я как-то разочаровался в профессии, запустил учёбу, а может, сначала запустил учёбу, а потом разочаровался?.. Уехал к родителям в Кемерово, устроился на «Азот», на третий «Аммиак», кипповцем. Знаете, с радостью вспоминаю это время. У нас подобрался коллектив в основном из молодёжи. Мы в отличие от старшего поколения спиртное редко употребляли, дни рождения с тортами отмечали. А «старики» так после каждой смены водочкой баловались. Я уже через год стал бригадиром. Любил ходить в ночную смену: агрегат светится огоньками, как ёлка, никого нет – романтика.

На выходные приезжал в Томск, с Жанной встречался. Она, пока меня не было, крестников моих не оставляла, ездила за ними в детский дом, а это другой край города, и везла в храм и обратно.

Свадьбу играли в Томске, а жить стали в Кемерове – сначала у родителей, а когда умер мой дедушка, переехали к бабушке в Промышлёнку. Знакомых верующих в городе не было, и мы в церковь стали ходить редко, только по праздникам.

Через два года после свадьбы родился сын Иван. Это, конечно, было счастье! Но выяснилось, что у него порок сердца. Жанну с ребёнком из роддома перевели в многопрофильную больницу. Каждый день я ездил к ним и молился истово, горячо! Через полтора месяца Ване стало лучше, их выписали, мы приехали домой. Ваня стал набирать вес, мало чем отличался от своих ровесников. Я успокоился, молиться перестал. Прошло два месяца, и сыну внезапно стало хуже. Увезли в больницу, и… умер он. Потом врачи сказали, что с таким недоразвитым сердцем Ваня вообще не должен был жить.

Да, тяжко было! В голову приходили всякие мысли. В том числе и о том, что Богу надо молиться не только когда плохо, но и… всегда. Пересмотрел, проанализировал свою прежнюю жизнь, поступки свои, все грехи вспомнились. Мы с Жанной стали часто ходить в Георгиевский храм, а потом открылся Троицкий. Там нас приметил настоятель, отец Пётр, позвал Жанну на клирос петь, а меня пономарём сделал.

В те времена множество людей стало приходить в православие. Храмы строились, а священнослужителей не хватало.

Однажды отец Пётр предложил мне стать дьяконом, а через год – иереем. Его предложение вызвало изумление: я же совершенно не готов, не соответствую! Но со временем отец Пётр убедил меня, я стал постоянно присутствовать на службах, запоминать, помогать. Потом меня «на стажировку» в Знаменский храм отправили… Короче, через год стал дьяконом, а спустя восемь месяцев – иереем.

А потом в посёлке Промышлёнка, где мы жили, сами прихожане добились, чтобы руководство шахты Волкова выделило им маленький дом под церковь, женщины убрали храм, принесли личные иконы, и стало возможным проводить там службы. Но постоянного священника не было, поэтому сразу после моего рукоположения я стал настоятелем этого маленького храма в честь Рождества Христова. В выходные дни служил там, а в будни – в Троицкой церкви.

Думаю, что это наш Ваня привёл меня в священники».

3

Думаю, что мало кто из горожан представляет, чем действительно занимаются сёстры милосердия в хосписе. Многие мои знакомые сначала предполагали, что мы ухаживаем за больными: занимаемся их гигиеной, меняем постельное бельё, выносим судна…

Нет. Это входит в обязанности санитарок, специально обученных, делающих всё с профессиональной сноровкой.

Хотя, конечно, иногда сёстры помогают увести или привести больного, накормить его, уложить или посадить. Но по инструкции люди без специальной подготовки к уходу за пациентами не допускаются.

А чем же тогда занимаются сёстры милосердия? Они организуют работу в храме так, чтобы священник, не затрачивая дополнительное время и силы, мог выполнять свою главную миссию: духовно окормлять прихожан, большинство из которых уже неходящие.

В больнице два корпуса, семьдесят никогда не пустующих коек для больных. С каждым пациентом сёстры знакомятся, рассказывают о возможности покреститься, приобщиться к таинствам исповеди, причастия. Часто встречаются больные, которые впервые слышат подобные слова, и тогда сестры объясняют их значение, смысл, отвечают на вопросы.

Во время обхода палат нужно выяснить, сколько человек желает причаститься, а позднее каждому из них рассказать о правилах исповеди, прочитать молитвы, необходимые для таинства, записать, если сам больной не может, прегрешения.

Многие никакого греха за собой не видят.

– В чём каяться? Я же не убивал, не воровал!

– Не сквернословил?

– Так разве это грех?! Все матерятся! Сейчас так разговаривают!

– Так, значит, сквернословие не писать?

– Ну почему, пишите.

– Выпивали?

– А кто не пьёт?

– Не писать?

– Пишите.

– Осуждали кого-нибудь? Обижались?

– А разве и это грех? Меня обидели, и я же согрешил, что обиделся!

Рассказываю о грехе гордыни, а потом и о многих других: чревоугодии, детоубийстве (напоминаю об абортах), зависти, обмане, честолюбии…

В день, когда приходит батюшка и поётся акафист в честь иконы Божией Матери «Всецарица», сёстры после причащения больных раскладывают по пакетам разрешённые продукты (их покупают и сами сёстры, и прихожане), а потом разносят в палаты к бездомным.

Бездомные. Люди без определённого места жительства. Бомжи. В хосписе для них отведено 15 коек. Бездомных можно отличить по загрубелой, покрасневшей коже лица, по пальцам с отсутствующими фалангами, по неровной, часто прихрамывающей походке, но главное, по взгляду – настороженному и одновременно оценивающему. Наверное, опыт выживания в условиях не совсем человеческих выработал у них интуицию или даже чутьё, по которым они почти безошибочно определяют, что за человек перед ними? Опасен ли? И что с него можно взять?

В хоспис бездомные попадают по разным причинам: кто-то продолжает лечение после обследования в других больницах, кто-то проходит комиссию для установления инвалидности, кого-то привозят полуживым с улицы.

В день, когда я первый раз осталась в храме за старшую сестру, как раз поступил такой больной. Его поместили в отдельную маленькую палату. Посмотрела из коридора через открытую дверь: худой, будто под одеялом нет человека, нос заострился, но взгляд ясный, внимательный.

У врача узнала, что у него рак уже с метастазами. Вошла в палату.

– Здравствуйте! Как вас зовут?

– Николай, – ответил тихо, но внятно.

– Николай, вы крещёный?

– Да.

– У нас здесь можно причаститься.

– Как это?

– Никогда не причащались?

– Нет.

– И на исповеди не были?

– Это про грехи надо рассказывать?

– Да.

– Не был.

– Хотите?

Он кивнул:

– Хочу.

– Завтра утром батюшка придёт. Сегодня можете записать прегрешения, я ручку и бумагу принесу.

– Не надо, так расскажу.

К вечеру Николаю стало хуже. Дыхание участилось, губы запеклись. Я заходила, давала воды.

– А он рано придёт? – вдруг спросил Николай.

– Кто? Батюшка?

– Да.

– К десяти должен. Едет издалека. Может, всё-таки запишете? Я помогу вам.

Покрутил головой. Глаза закрыл.

Перед уходом из храма ещё раз увидела Николая, он спал. Дома всё время думала о нём, очень хотела, чтобы дождался отца Анатолия. Утром сразу же зашла в палату. Николай был в забытьи, но иногда приходил в себя, говорить уже не мог, но меня узнавал и вопрошающе смотрел.

– Едет батюшка, уже скоро будет, – успокаивала я, а потом в который раз пыталась дозвониться отцу Анатолию. Телефон опять был недоступен.

Батюшка позвонил сам и предупредил, что задерживается: колесо по дороге пришлось менять.

Николай умер за десять минут до прихода отца Анатолия. Без исповеди.

Я плакала, чувствовала себя виноватой, что не смогла убедить его записать прегрешения. Светлана утешала меня, а батюшка сказал:

– Людмила, молитесь об упокоении его души. И не забывайте, что всё происходит по Божией воле.

Прошло тринадцать лет. Теперь начинаю понимать, что переживания мои были, наверное, от маловерия. Имя Николая стоит первым в моём поминальном списке усопших в хосписе. До сих пор вижу его вопрошающий взгляд.

Среди бездомных часто встречались желающие покреститься. Мы готовили их, объясняли молитву Символ веры, рассказывали о том, что крещение открывает возможность начать новую жизнь. И, честно говоря, хотелось узнать, хватит ли у покрестившихся духовных сил действительно начать жить по-новому? Смогут ли они измениться? Ответа на эти вопросы получить мы не могли, но иногда были свидетелями перемен, которые происходили с покрестившимся, даже за небольшой срок их лечения в хосписе.

Андрея привезли в больницу почти бездыханного. Высокий, жилистый, светловолосый. Никто не знал, откуда он и есть ли у него родственники. Измождённый, весь в синяках и ссадинах. На вид молодой, лет тридцать, но взгляд, как у старика: потухший и безразличный.

– Живого места нет! Кто и где его так?! – сокрушалась врач. – Анализы плохие!

– Выкарабкается? – спрашиваю.

– Бог его знает! У него ещё и части ступни нет, наверное, после обморожения ампутировали. Посмотрим... Организм молодой, может, и возьмёт своё.

Андрея положили в ту же палату, в которой когда-то лежал Николай. Когда зашла к нему, он на меня даже не посмотрел. Спросила, крещёный ли.

– Нет, – ответил, не глядя.

– В больнице есть храм, можно покреститься.

– А зачем? Всё равно умирать уже.

– Все умрём. Это правда. Но у Бога мёртвых нет. Душа вечная. Только Он знает, когда её призовёт к себе. А душе с Богом всегда легче.

Молчит. Когда стала выходить, спросил:

– А когда креститься надо?

– Когда священник придёт в храм, дня через четыре.

– Ну доживём – увидим.

За день до приезда батюшки от врача узнала, что у Андрея полно болячек, но тяжёлых заболеваний нет, хотя нет и желания жить, депрессия. Зашла к нему в палату. Он лежал, глядя в потолок, на мой приход не отреагировал. Присела на стул рядом с кроватью.

– Не против, если я вам молитву небольшую почитаю? Одну из моих любимых?

– Читайте, мне всё равно.

Тихо начала читать молитву Оптинских старцев:

– Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить всё, что даст мне сей день. Господи, дай мне вполне предаться воле Твоей Святой. Господи, на всякий час сего дня во всём наставь и поддержи меня. Господи, открой мне волю Твою для меня и окружающих меня. Господи, какие бы я ни получил известия в течение дня, дай мне принять их со спокойной душой и твёрдым убеждением, что на всё Святая воля Твоя. Господи, Великий, Милосердный, во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами, во всех непредвиденных обстоятельствах не дай мне забыть, что всё ниспослано Тобой. Господи, дай мне разумно действовать с каждым из ближних моих, никого не огорчая и никого не смущая. Господи, дай мне силу перенести утомления сего дня и все события в течение его. Руководи моею волею и научи молиться и любить всех нелицемерно. Аминь.

Андрей молчал.

– Завтра придёт отец Анатолий. Если хотите покреститься, я подготовлю вас.

– А что делать надо?

Рассказала, прочитала Символ веры, объяснила.

На следующий день батюшка в палате покрестил Андрея и предупредил, что нужно подготовиться к исповеди.

– Хотя грехи все по крещении прощаются, но когда это таинство принимает человек взрослый, желательно, чтобы он всё же назвал их.

Андрей согласился, я принесла книжку о правилах покаяния, ручку и небольшой листок.

К следующему приходу отца Анатолия Андрея перевели в общую палату к остальным бездомным. Он уже вставал и даже пытался ходить с костылями. Я его даже сначала не узнала: ссадины на лице зажили, волосы чистые, смотреть стал по-другому – с интересом к происходящему.

Увидев меня, сразу оживился и спросил:

– А ещё бумагу можете мне принести?

Оказалось, что не вошли все его прегрешения на небольшой оставленный мной листок.

– Принесу конечно!

– Сестра, скажи, – обратился один из больных, – вот зачем каяться? Бог же и так грехи наши знает, раз он Всевидящий?

Обычно в палате всегда найдётся человек, который хочет своими вопросами завязать беседу о вере в Бога без посещения храмов, без исповедей и общения со священниками. «У меня Бог в душе, и этого достаточно». Говорят, например: «Попы, они ведь люди, значит, тоже грешники. Так что я им каяться буду?!»

Сложно найти такой ответ, чтобы и правда была, и не обидеть при этом, и самой не запутаться.

– Ну каяться будете не ему, а Богу, – отвечаю, – а священник вместе с саном получил разрешение просто отпускать грехи. Или у вас грехи особенные? Для них особый священник нужен? Только святому покаетесь?

Меняют ли они свои мнения? Не знаю. Времени на подготовку ответа нет. Говоришь, что знаешь и в чём уверен.

Вот и в тот раз на вопрос «зачем каяться» попыталась объяснить:

– Родители, когда мы детьми были, тоже знали о наших шалостях, но ждали, пока мы сами поймём ошибки, поплачем и прощения попросим. Тогда толк будет. Душа просветится.

Исповедуются в основном перед причастием. А причастие – это когда сам Иисус Христос через принятие освящённых даров входит в нас.

Вот мы живём и грешить-то специально не хотим, но всё равно грешим, думаем: с Нового года или с понедельника начну жизнь новую. А не получается. Потому что без Бога хотим. А чтобы получилось, нужно с Богом. Нужно причаститься. Принять Бога в себя! А как он в нас войдёт? Мы же не наливаем лекарство в стакан, наполненный грязью? Вот и тело наше, как сосуд, без покаяния весь загрязнён. Как Господь войдёт, чтобы помочь? Ему места нет. А покаемся – место, глядишь, и освободится. Потом причастишься, и с Божией помощью жить легче станет…

Понятно ли я объяснила? Не знаю. Но слушали внимательно, особенно Андрей, других вопросов не задали.

Исповедался и причащался Андрей уже в храме, сам захотел прийти, хотя дошёл с большим трудом, весь вспотел от напряжения и слабости.

Пока Андрей лежал в хосписе, он причащался, как только приходил батюшка. За это время читал книжки, которые по его просьбе я приносила из храма. Иногда подолгу беседовал с отцом Анатолием.

Перед выпиской пришёл в храм, свечку поставил и нам спасибо сказал. Смотрели мы ему вслед и радовались, что идёт, хоть и с костылями, но на своих ногах.

– Вот бы ему женщину, чтобы полюбила его! Поняла! И работу бы! Да где сейчас найдёшь в нашей стране!

– Людмила! Не его ли месяц назад на носилках принесли? На все воля Божия!

4

С Александрой Владимировной мы вместе работали в лицее. Красивая, с пытливым умом, с умением слушать и слышать собеседника, с чувством юмора и редко встречающейся способностью к самоиронии. Она была младше меня на десять лет. Александра Владимировна вела математику. Мы не дружили, но, когда виделись, всегда радовались друг другу. Нас объединяла любовь к лицею и совместное обучение пению на клиросе. О работе сестёр в хосписе я рассказала Александре Владимировне в момент, когда в её личной жизни проблем стало больше, чем возможности их разрешения.

– Вроде ничего особенного не происходит, но ощущение семьи пропало. Муж до ночи на работе, у дочки свои интересы. Уроки сделает – и к друзьям! Как чужие друг другу стали, – жаловалась она. – Дома одна со своими мыслями. Вам, вы говорите, помощь в храме нужна. Давайте я попробую, если отец Анатолий благословит.

В первый день работы Александры Владимировны в хоспис привезли изможденную болезнью женщину, на вид лет шестидесяти. Она была в забытьи, но, когда пришла в себя, тут же согласилась причаститься. Звали её Татьяна. Её лицо мне показалось знакомым, но я не могла вспомнить, кого оно мне напоминало. Я узнала, что раньше Татьяна никогда не исповедовалась, предложила помочь записать прегрешения. Она стала рассказывать. Отрывисто, чуть сумбурно, с речевыми оборотами, какие часто встречаются в классических романах: «Да, да! Я понимаю, что не наделена опытом раскаяния, но он важен! Безусловно важен!».

Молитвы из Последования ко Святому причащению я предложила для неё прочитать Александре Владимировне.

Через некоторое время она вернулась взволнованная:

– Мне кажется, что Татьяна не всегда меня слышала, иногда, наверное, сознание теряла. А потом пыталась говорить, но как-то сбивчиво, металась, я не поняла, что она хотела.

Я успокоила Александру Владимировну. Она и сама понимала, что для тяжелобольного человека это обычное поведение, и изменить ничего нельзя, но было видно, что ей всё равно хочется сделать ещё что-нибудь, чтобы Татьяне стало легче.

Когда отец Анатолий пошёл к больным совершать таинства, Александра Владимировна его сопровождала и помогала. Последней батюшка причастил Татьяну.

– Знаете, – рассказывала Александра Владимировна, – она после этого больше не металась, как-то стихла, успокоилась.

Через несколько часов Татьяна умерла.

В последующие два дня я в хоспис не ходила, а в лицее узнала, что скончалась Татьяна Андреевна,

одна из преподавательниц университета, которая когда-то вела английский язык у наших десятиклассников в спецгруппе. Для меня известие о её смерти было неожиданным. Я сразу вспомнила высокую статную женщину с хорошо поставленным голосом. Вспомнила её живой, внимательный взгляд, вежливо-тактичную отстранённость в общении. Моя старшая дочь училась в университете, и Татьяна Андреевна вела в их группе готский язык.

– Предмет сложный, – рассказывала дочь, – язык древний, уже мёртвый, но Татьяна Андреевна думает, что если не знаешь готского, то ничего в английской филологии не поймёшь. И грузит нас по полной!

И студенты, и лицеисты, и коллеги по университету признавали в ней специалиста высочайшего класса. Она работала много и успевала везде. Но была слегка рассеянной. Иногда казалось, что из реальности она берёт только основные черты, а потом в своём воображении дорисовывает к ним детали, получает желаемую картину и живет по её законам. При этом была материалисткой и к сфере мистического относилась недоверчиво.

Когда я узнала, что Татьяна Андреевна умерла в хосписе, то поняла, что Александра Владимировна и отец Анатолий были последними людьми, с которыми она общалась.

В лицее на большой перемене я рассказала об этом Александре Владимировне.

– Татьяна Андреевна?! Это была Татьяна Андреевна?!! – с большим волнением воскликнула она и продолжила: – Точно! Мне ещё тогда показалось, что я её где-то видела! Надо же, не узнала!

– И мне показалось, и я не узнала. Да... болезнь эта... что и говорить. И ещё виделись-то мы нечасто, а в последнее время и вообще не встречались.

Я говорила, но Александра Владимировна всё ещё находилась под впечатлением от известия и почти не слушала. Это удивило меня. «Она же с Татьяной Андреевной общалась реже, чем я. Почему такая реакция?»

– Это невероятно! – произнесла Александра Владимировна. – В кино бы показали, сказала бы – индийский фильм, в жизни так не бывает! Я ведь училась у неё! Вернее, она была у нас деканом.

– Как? Ведь вы математику преподаёте, а она английский.

– Я заочно училась на романо-германском, второе образование получала, – она немного помолчала. – Нет! Как всё-таки поразительно!

– Что поразительно? Что не узнали?

– Нет, не только это... У нас с Татьяной Андреевной произошёл или произошло... даже не знаю, как определить... не то конфликт, не то недоразумение... В тот день я сдала экзамен по английскому на четвёрку, а вы ведь знаете, у меня комплекс отличницы, привыкла к пятёркам. Переживала, но успокаивала себя, что это всё-таки не моя специальность, достаточно и четвёрки.

Прихожу в деканат, там Татьяна Андреевна. Я ей говорю, что сдала на «хорошо», она попросила ведомость или зачётку, а я как раз в этот день зачётку забыла, а ведомость ещё не принесли. «Вы уверены, что у вас четвёрка? А не «удовлетворительно»?» – «Да, – говорю, – конечно!» – «Когда подтверждение появится, тогда и поставим».

Через день я принесла секретарю зачётку и ушла со спокойной совестью.

И вот нам вручают дипломы, я открываю, а там стоит тройка! У меня в глазах помутилось! Бегу в деканат, спрашиваю: «Как? Почему?». Секретарь смотрит в приложение, говорит: «Ничего не понимаю! Мы когда с Татьяной Андреевной выставляли, я ей сказала, что у вас «четыре», а она возразила: «Нет, не может быть! По-моему, у неё «удовлетворительно»! Да, я точно помню, что «три». Спрашиваю: «Где Татьяна Андреевна?» «В командировке, – отвечает. – Но не волнуйтесь, я документы подниму и исправлю». Исправили, конечно, но я тогда так расстроилась! Всё понять пыталась, почему она так сделала? Предположила, что я дура посредственная? Больше тройки не заслуживаю?

– Да, может, она просто ошиблась? Вы ведь знаете, что студентов много. Спутала с кем-нибудь.

– Мне кажется, не могла она спутать, хотя... короче, осталась у меня обида. Вроде осадка какого-то. Я когда об этом случае вспоминала, на душе не очень хорошо было. Потом мы с Татьяной Андреевной не виделись, но даже если бы и встретились, то всё равно разбираться же не будешь... Я была уверена, что уже никогда этот узел не развяжется... И вот как он развязался! Гениальным образом! Ведь это прям чудо какое-то! Прям урок мне! Да!..

5

Старики попадают в хоспис чаще. Хотя, возможно, надо было написать не «старики», а «пожилые люди», но вот думаю: с какого возраста человек становится пожилым или старым?

Недавно в лицее на лекции по этикету девятикласснику предложили представить себя на месте пятидесятилетнего человека. Он сразу же сгорбился, руки затряслись.

Спрашиваю:

– Что с вами?

– Как что? Он же старый!

Как хорошо понимаю я этого лицеиста! Когда-то на последнем курсе института мы отмечали Новый год и представляли, какими старыми будем в двухтысячном году! Целых сорок четыре года!

Мне шестьдесят три. Значит, пожилая? Конечно, со стороны виднее, но как раз сейчас и понимаешь, что выражение «душа не стареет» – это не банальность, как думалось раньше, а реальность.

Но очень сложно сохранять душевную молодость, когда к телу подступает серьёзный недуг…

Здесь, в хосписе, условия для всех больных одинаковые. Но люди, особенно пожилые, реагируют на них совсем по-разному!

Престарелые мужчины, вырванные из привычного домашнего окружения, в больнице теряются, становятся послушно-тихими, неуверенными. Некоторые из них раньше никогда в стационаре не лечились и своё пребывание в хосписе воспринимают как начало ухода из жизни.

Предложения сестёр милосердия причаститься вежливо выслушивают, но соглашаются редко.

У многих больных отсутствие привычки покаяния вызывает страх перед исповедью, думают, что о грехах говорят только в конце жизни.

Больше всех боятся пожилые.

– А что? Мне уже помирать пора? – спрашивают.

Объясняю, что желательно в каждый пост исповедоваться и причащаться.

Переубедить удаётся далеко не всегда, особенно старичков.

А вот старушки чаще откликаются на предложенную возможность.

Они, если не совсем тяжёлые, легче адаптируются к условиям в хосписе. Некоторые даже рады, что теперь не одни, среди людей. Можно и поговорить, и послушать, а иногда и пожаловаться, и покапризничать, и характер показать.

Я заметила, что если женщина после пятидесяти лет не верит в Бога, не обращается к нему хотя бы в душе, то к старости становится чёрствой, раздражительной, даже злой. Внешне она может старуху не напоминать, но общаясь, сразу видишь, что душа усыхает.

Хотя не все старушки, посещающие церковь, могут согреть взглядом или поддержать словом.

Однажды (тогда я ещё только начала ходить в храм при хосписе) отец Алексей попросил меня посетить одну больную бабушку.

– Вы, я знаю, пишете. А с ней в детстве случай произошёл. Очень необычный. Хорошо бы зафиксировать да в «Золотые купола» отправить.

Пришла. В кровати лежит женщина лет под семьдесят. На меня почти не смотрит. Кажется, её звали Клавдия (прошло уже лет восемнадцать, имена забывать стала, к сожалению). Она рассказала мне свою историю, которую потом я оформила в статью. Хотела привести её здесь, но ни газеты, ни рукописи найти не смогла.

Смысл заключался в том, что, когда Клавдии было лет семь, по оговору арестовали её мать. Тогда Клава жила в далёком от райцентра колхозе с тремя старшими сёстрами и матерью – единственной кормилицей. После ареста мамы Клава, оставаясь одна дома, каждый день на коленях истово, слёзно молилась перед иконой Божией Матери, просила, чтобы маму отпустили.

Через несколько дней к ним в избу (а жили они на отшибе) зашла незнакомая бедно одетая женщина скорбного вида. Попросила поесть.

Клава женщины не испугалась, но стушевалась, сказала:

– А кушать-то у нас нечего.

– А как же картошка варёная? – спрашивает женщина.

– Точно! Забыла я про неё. Вот, берите, – и дала в руки две картофелины в мундирах. Всё, что было.

Взяла женщина и говорит:

– Ты не бойся и больше не плачь! Скоро мама твоя домой придёт.

И ушла. Клава за ней, хотела ещё расспросить, но женщины уже нигде не увидела.

Вечером рассказала Клава сёстрам об этом случае.

– Так что скоро мама вернётся! – успокаивала она их.

Те поругали её, велели больше не открывать дверь чужим.

А мама на второй день пешком из райцентра пришла. Отпустили.

– Видно, чудо какое-то! Сама не пойму! Разобрались, поняли, что не виновата.

Описывала Клавдия этот случай подробно, без эмоций. Я поблагодарила, стала прощаться, но она начала новый рассказ, теперь уже о своей настоящей жизни.

Овдовела лет десять назад. Детей не было. «Да и зачем они, когда из них убийцы да наркоманы вырастают!» Из сестёр общается только со средней. «Остальные-то рвань да пьянь!» Да и у средней сестры дети только и ждут, когда тётка (Клавдия) помрёт, чтобы дом продать да деньги поделить. «А сами-то ничем никогда не помогут! Вот попала сюда, а за домом никто не следит, последнее вынесут. А здесь так лечат, что неизвестно, сколько пролежу. Приду потом на пустое место…»

Моя попытка как-то успокоить была прервана очередным потоком обвинений и жалоб на родственников, соседей, врачей, санитарок...

Во время разговора она периодически осеняла себя крестным знамением.

Я не стала спрашивать у Клавдии, ходит ли она в церковь, ищет ли помощи у Бога. Наверное, боялась узнать, что храм посещает, но в душе уже нет той веры, по которой когда-то девочке Клаве было дано чудо возвращения матери.

...Василису привезли в хоспис из Топкинского района для оформления документов в дом инвалидов. Маленькая, худенькая, скрюченная старушка. Передвигается, только когда поддерживают. Слепая, с двумя зубами. Своим беспомощно-хрупким видом она напоминала мою восьмидесятилетнюю свекровь. Но Василиса была старше на шестнадцать лет. Девяносто шесть. Почти сто. Но голос молодой, чуть высокий, с вопросительно-задорными нотками.

– А ты молитву знаешь «Отче наш»? – это первое, что она спросила у врача. – Без этой молитвы жизни нет.

– Бабушка, у вас болит что-нибудь? – встречный вопрос задала врач.

– Что? Говори громче, слышу плоховато!

– Болит где-нибудь?

– Что про это говорить?! Болит, так пройдёт. Это пройдёт, другое придёт. Ты лучше ответь: молитву-то знаешь? – и стала тихо читать её.

Вообще Василиса молча только спала, в остальное время, если не разговаривала с кем-нибудь, то шёпотом молилась.

О себе рассказывала мало, без вздохов сожаления, как бы подсмеиваясь.

– Зажилась! Эх! Пережила всех. Нету никого родных! Одна теперь. А всё живу!

На второй день после её поступления о Василисе стали ходить слухи, и некоторые сотрудники хосписа под разными предлогами заглядывали к ней в палату.

– Чудна́я бабулька! За каждым словом всё «спасибо» да «спасибо»! Не жалуется, не ноет. Ещё и нас жалеет! – переговаривались между собой санитарки.

И правда, Василиса благодарила даже за малейшую помощь: подушку ли поправишь, стул ли подвинешь поудобней. Делала это искренне, от сердца.

Во время первой нашей встречи Василиса сразу же согласилась причаститься.

– Вот только мне бы голову чем-нибудь накрыть, – она запустила пальцы в свои седые, густые, всклокоченные волосы, приподняла их. – Простоволосой-то нельзя. Потерялась косынка.

Я принесла ей платок из тех, что жертвуют прихожане. Выбрала лёгкий шерстяной, с птицами и цветами. Знала, что не увидит она рисунок, но всё равно хотелось подарить ей понарядней.

Василиса взяла его в руки, ощупала:

– Господи! Платок-то какой! Это мне?!! Зачем?! Мне бы тряпку каку, да и ладно было бы!

Но платок на голову повязала и сидела радостная, довольная. И, конечно, благодарила потом всякий раз, когда я приходила в палату.

В еде у Василисы была своя норма: кусочек, не больше, хлеба – с кашей, супом, с любой пищей, которую давали в больнице. Когда хлеб кончался, она есть прекращала.

Однажды я услышала, как Василиса постанывала во время сна, спросила у Ольги Петровны, лечащего врача, от чего боли.

– От всего. От старости. Суставы деформированы, на позвоночнике грыжи. Но держится-то как! Всё меня молитве учит! – она улыбнулась. – Скоро уж и правда запомню!

В свои девяносто шесть Василиса была немощной, но не старой. Не унывала никогда. Всякое простое дело, умыться, например, или лекарство принять, совершалось ею с радостью, с удовольствием.

– Смиренная она, – сказал как-то отец Анатолий. – Оттого с ней всем легко.

Я тут же подумала о том, как хорошо бы и мне быть такой, как Василиса! Как бы обрадовались родные и друзья, если бы я научилась сдерживать свой нрав! Но честно себе призналась, что поведением я скорее похожа не на Василису, а на Клавдию. И пожалела, что мысленно осуждала её. Выходит, от Василисиного смирения и мне полегчало.

В хосписе Василиса пролежала всего неделю. Сейчас понимаю, что мало времени ей уделила. Надо было тогда и о жизни подробней расспросить, и волосы ей причесать...

6

С Еленой Николаевной Косиновой мы в один год пришли на работу в городской классический лицей. Тогда ещё он, правда, назывался экспериментальной площадкой, но уже придумывались новые программы, вводились непривычные для школ предметы (например, мой – риторика), объединялись педагоги, мечтающие об изменениях в школе. Лена была моим другом.

Девяностые годы... Перестройка, перестрелки, забастовки, митинги. А в нашей школе – дух пьянящей свободы! Всем хотелось создать особый мир братства, о котором мы ещё в детстве прочитали в мемуарах лицейских друзей Пушкина.

Елена Николаевна как историк к мемуарам была ближе. Любила свой предмет. Я вообще не могу вспомнить, что она делала без любви. Может быть, составляла многочисленные отчёты, когда позднее стала заместителем директора по воспитательной работе? В Лене удивительно сочетались ответственность и ребячливость, серьёзность и озорство. Она была младше меня на четыре года, но иногда мне казалось, что разница больше.

Лена была настоящей звездой лицея. Высокая, зеленоглазая, черноволосая, красивая, с внимательно-добрым взглядом, с заразительной улыбкой. Она пела, играла на гитаре и фортепиано, была актрисой лицейского театра «Свеча». В её кабинете истории стояло пианино, которое Елена Николаевна привезла из дома. На переменах да и на уроках, если это было по теме, звучала живая музыка.

И вообще всё живое тянулось к Лене: льнули собаки и кошки, зеленели цветы, быстрее, чем у других, созревали овощи на даче.

– Это потому, что я дочь биолога, – шутила она. Её мама действительно преподавала биологию в нашем лицее.

И, конечно, её любили дети: племянники, лицеисты, сыновья и дочери друзей. Мои девочки относились к ней как к члену семьи.

Однажды в шутку она попросила моего мужа:

– Георгий, какой ты добрый! О таком папе можно только мечтать! Удочери меня, пожалуйста?!

Папы у Лены в это время уже не было.

– Точно, Лена. Теперь ты наша дочка!

Мы дружили семьями. Ленин муж, Володя, был ей под стать: высокий, сильный, добрый, смешливый. Лена часто называла его Вовочкой, как героя анекдотов, и рассказывала о реакции своей мамы, когда та узнала, кто Ленин жених.

– Это что, тот самый мой Вовочка?!

– Мама! Но он же теперь взрослый! Уже не тот мальчик, который у тебя в классе шалил.

Своих детей у Лены и Володи не было. Безрезультатно испробовав все доступные способы решения проблемы бездетности, друзья наши с этим смирились.

С Леной я встречалась шесть, а иногда и семь дней в неделю. Конечно, в первую очередь в лицее, там творилась такая жизнь, что мы сами себе завидовали. А дети вообще не хотели уходить домой и мечтали, чтобы построили новый корпус, где бы они могли ночевать.

Но какой там новый! Нам бы дали хоть старый, но свой! Правда, к этому времени лицею выделили два этажа в городском Доме пионеров, и мы переехали.

– Я и раньше к работе близко жила, а теперь она прям во дворе, – смеялась Лена.

Конечно, у неё часто собирались коллеги.

– Давайте ко мне! Ко мне же ближе!

Многие рабочие моменты легко решались у Лены в квартире. Потом, конечно, пили чай, иногда и что покрепче.

Это был гостеприимный дом. Вова любил готовить, сочинял новые блюда и звал друзей. Он был ровесником моего мужа, старше Лены на шесть лет. После политехнического института Володя работал в шахте, а когда началась перестройка, занялся строительным бизнесом.

К тому времени образовалась компания из наших с мужем друзей и друзей Лены и Володи. Все вместе мы выезжали на дачи друг к другу, ходили в театры и филармонию, отмечали праздники с песнями на три голоса, с играми в фанты, импровизациями и инсценировками.

Господи! Неужели это и правда когда-то было?! А ещё наши поездки по стране и за её пределы! Лена была настоящей путешественницей. Каждый год она показывала достопримечательности Родины лицеистам. Они побывали в Санкт-Петербурге, городах Золотого кольца, Краснодарского края и соседних сибирских областей.

– Старость меня дома не застанет, я в дороге, я в пути! – часто, смеясь, напевала Лена.

Она легко, чуть ли не за несколько часов, могла собраться в дальнюю дорогу. Однажды нам случайно достались горящие путёвки в Эмираты, и уже через три дня Лена и я с Алей, дочерью-девятиклассницей, жили в небольшом отеле в Шардже. А ещё через три дня Лену пригласил в рыбный ресторан хозяин отеля по имени Обед.

– Я на своём школьном английском объяснила ему, что могу пойти только со своими друзьями. «Конечно, приглашайте и своих друзей», – сказал он.

И вот мы едем в шикарной, с отделкой из красного дерева машине. За рулём Обед, с куфией на голове, прижатой чёрным шерстяным ободом, в национальном белом мужском платье. Потом в ресторане (а находился он на берегу залива на корабле) мы едим вкусную неизвестную рыбу, кругом, кроме официанта, никого нет (как позднее выяснилось, ресторан специально закрыли, чтобы мы отобедали там), и я, пользуясь возможностью, стараюсь как можно больше узнать о жизни простого арабского миллионера. Аля выступает в качестве переводчика.

Обед отвечает на мои вопросы, сам смотрит на Лену. А потом говорит:

– Лена такая красивая, – поворачивается ко мне и добавляет: – И такая молчаливая!

Вспоминая этот случай, мы смеялись всякий раз. И вообще жили весело, счастливое было время!

А потом грянул дефолт и сильно ударил по Володиному бизнесу. Да и мы тоже едва расплатились с долгами, даже пришлось машину продать. Володя сник, но продолжал искать новые возможности. Лена не унывала и старалась поддерживать его.

К тому времени я уже съездила в Могочинский монастырь, чаще стала ходить в церковь. Звала с собой Лену, но у неё всё как-то не получалось. В душе она в Бога верила, водила лицеистов на экскурсии в храмы, ставила свечи, но не причащалась.

Потом внезапно умер Володя. Инфаркт. Это горе сразу изменило нашу жизнь и ещё больше сблизило с Леной. Мы вместе стали ходить в церковь, её мама, в прошлом атеистка, присоединялась к нам. Но через некоторое время как-то незаметно мы с Леной стали встречаться реже. Она и до этого много работала, а тут чуть ли не поселилась в лицее, а у меня, наоборот, учебная нагрузка уменьшилась, и я согласилась с предложением отца Алексея помогать сёстрам в храме хосписа.

Я скучала по Лене, мне её не хватало, предлагала вместе учиться пению на клиросе, но она ссылалась на усталость, а позднее стала жаловаться на боль внизу живота. Я встревожилась:

– Надо обязательно сделать УЗИ!

– Успею, вот полугодие закончится…

– Не надо тянуть! Иди сейчас.

– Когда мне идти?! У меня сплошные уроки!

– Иди после! Давай я договорюсь, у меня узист очень хороший!

И всё-таки к врачу Лена пошла только в конце учебного года.

– У меня опухоль нашли. Говорят, большая.

– Ты только не паникуй! Сейчас женские болезни лечатся легко!

– Я и не паникую, вот отвезу детей по Золотому кольцу – и избавлюсь от неё.

– Не надо никого никуда везти! Надо срочно искать врачей и делать операцию!

– Ну и кто из нас паникует?!

И она уехала. Когда вернулась, ей сделали операцию, вернее, только разрезали и тут же зашили: опухоль уже невозможно было удалить. Рак третьей стадии. Сразу вернулось ощущение ужаса и безысходности, которое раньше я испытала во время маминой болезни. Лене ничего сначала не сказали. Наревевшись дома, шла с котлетками в больницу и убедительно, как когда-то маме, врала, что всё образуется.

Потом из другого города приехала младшая сестра Лены, по профессии врач. Она подняла все свои связи в медицинском мире нашей области, но специалисты утверждали, что опухоль неоперабельная.

С комом в горле, скованная страхом и отчаянием так, что дышать было трудно, я бежала на исповедь. Становилось легче, но потом состояние горя возвращалось снова.

В это же время я продолжала ходить в хоспис и, сколько было душевных сил, молилась перед иконой Божией Матери о выздоровлении. Молились о здоровье Лены и её родные, и учителя, и ученики лицея, и друзья – почти каждый, кто был с ней знаком.

И наконец появилась надежда: в Москве нашёлся врач, который согласился помочь. Лена с сестрой уехали в столицу.

Операцию сделали, опухоль полностью убрать не удалось, но на время исчезла боль и угроза скорой смерти. После возвращения Лена переехала жить к маме, это было ближе к моему дому, и мы часто встречались.

Закончился курс химиотерапии, Лене назначили поддерживающие препараты, и она стала приходить на капельницы в хоспис. Захожу в палату, а там моя Лена на кровати сидит: худенькая, одни глаза остались, в вязаной ажурной шапочке… Тихая такая. Ещё совсем недавно я рассказывала ей, цветущей и здоровой, о храме в хосписе, о сёстрах милосердия, о прихожанах, звала с собой петь акафист…

После химии Лене стало легче, мы даже несколько раз прогулялись по набережной и Весенней. Она уже планировала празднование своего дня рождения, составляла список гостей. Мы вместе сходили на исповедь, и Лена стала регулярно причащаться, но в то же время втайне, чтобы я не узнала, обращалась к женщине-экстрасенсу, шарлатанке, как выяснилось потом. Сейчас я понимаю, что Лене хотелось выжить любым путём, но тогда это вызвало у меня досаду.

Потом стало известно, что опухоль дала метастазы. Горе и отчаяние перешли в полное отсутствие чувств. Я пыталась примириться с мыслью о смерти, думала: «Все умрём, кто-то внезапно, а кто-то успеет ещё в грехах покаяться». Решила, что, пока есть время, нужно исправлять свои недостатки. Стала сдерживать эмоции, старалась не допускать импульсивных реакций, следила за речью. В то же время смотрела на окружающих и думала: «Как много праздных людей! На что они тратят драгоценное время!» Меня раздражали досужие разговоры, игра мужа в бильярд, праздничные застолья. Казалось, что я наконец обретаю какую-то особую мудрость, смирение и страх исчезает.

Но в день смерти Лены, когда увидела, как санитары понесли её в простыне по лестнице к катафал-

ку, а потом, чтобы открыть машину, положили на холодную мокрую землю, меня прошиб такой ужас, что захотелось бежать куда глаза глядят и забиться в какой-нибудь угол, чтоб никто не нашёл.

После похорон Лены я в хоспис в качестве сестры милосердия не вернулась: сначала потому, что мы переехали за город, а потом обострилось хроническое заболевание и пришлось лечь в больницу. Но это были формальные причины. Настоящие назвал отец Иоанн. На шестой день после операции я кое-как дошла к нему на исповедь, рассказала о Лене, о том, что растерялась и не знаю, как жить дальше, призналась, что трясёт меня от страха вместо радости и спокойствия. А я ведь и молюсь, и в хоспис хожу, и бездомным помогаю, о больных забочусь, перестала ненормативную лексику употреблять и не выпиваю совсем.

– Давно причащались?

– Да. Очень давно. Сначала дела были неотложные, а потом заболела. Хотя это, конечно, не причины.

– Не причины… А вообще как часто вы причащаетесь?

– В каждый пост. Иногда между постами.

– Людмила… Общение с тяжелобольными связано с большими искушениями, поэтому надо исповедоваться регулярно – и причащаться, конечно, хотя бы раз в месяц. А иначе… Вы же понимаете, что в уныние впали и гордыню.

– Да, теперь вот только поняла.

Всю неделю каждый день я ходила к причастию. Вспоминала свою жизнь, и открывались грехи, которые раньше за собой не замечала. Шла в церковь, и меня пошатывало от слабости, но на душе становилось легче. Я чувствовала любую фальшь в своём поведении и даже в мыслях. Малейшая попытка осудить кого-то отзывалась болью. Я всех понимала, всех любила и жалела. И радовалась всему: например, чаю горячему с сухарём, проталинам на сугробах, неожиданной песне Челентано по радио, ворчанию соседа…

Во время последней исповеди отец Иоанн сказал:

– Вам, наверное, сейчас не нужно быть сестрой милосердия в хосписе. У вас пока нет христианского отношения к смерти.

– А когда?

– Когда появится. Может, лет через двадцать.

После окончательного выздоровления я вернулась на работу в лицей. В храм при хосписе приходила редко, но всякий раз меня встречали как родную, да и моё сердце сжималось от воспоминаний. Я познакомилась с новой старшей сестрой милосердия – тоже Светланой, милой, скромной, спокойно-молчаливой женщиной лет сорока. А позднее, когда пришла петь в Трифоновский храм, – он недалёко от моего дома – среди прихожан узнала её. Клирос наш под самым куполом, сверху всех видно, и я наблюдаю оттуда, как каждую неделю Светлана идёт к причастию. Возможно, кто-то задаёт себе вопрос: зачем так часто?! Думаю, что знаю ответ, и помню, как нелегко он мне дался.

Из беседы с заведующей отделением хосписа Еленой Владимировной Скочиловой

– Как давно Вы работаете в хосписе?

– С первого апреля 1994 года. Друзья смеялись: первоапрельская шутка. Тридцать два года мне было. Я к тому времени окончила вечернее отделение мединститута, а ещё раньше, в 1982-м, медучилище. Родила второго ребёнка, девочку.

– А сколько у вас детей?

– Трое. Два сына и дочь. Внуков пока нет, но уже хочется. Когда пришло время идти на работу, поняла, что найти что-то сложно. Тогда распределения в вузах уже не было. Я вообще хирургом хотела стать, о хосписе уж точно никогда не думала. Знаете, в то время к ним такое отношение было, как будто там не больница, а свалка, куда отдают на смерть! Но, кроме хосписа, ничего не нашлось.

Сначала трудно было. Никто в городе не знал, что это за направление такое в медицине. Нас как учили: если полезет онкологический пациент от боли на стенку, коли промедол! Вот и вся помощь! Ни с больными, ни с их родственниками системно никто не работал. И мы сначала методом проб и ошибок шли.

Пока к нам не приехали специалисты из Питера – ведь первые хосписы в нашей стране не в Москве, а в Питере появились. Прошли у них обучение. Цели и задачи стали яснее. А питерские врачи, в свою очередь, учились по методике Роберта Твайткросса. Мы многое тогда узнали о принципах, на которых основана паллиативная помощь.

– Елена Владимировна, получается, что хоспис – это ваше первое место работы в качестве врача?

– Да. Первое и, наверное, последнее. Уже двадцать пять лет здесь.

– Многое изменилось?

– Да, безусловно! Особенно в последнее время! Мы же учреждение государственное, платные услуги онкологическим больным не имеем права оказывать, живём только с бюджета. Раньше лекарств не хватало, оборудования никакого! А сейчас… У нас появилось множество препаратов и в инъекциях, и в таблетках, и пластыри есть! Оборудование обновляется. Приобрели шестьдесят функциональных коек. У них поднимаются и опускаются ручки, спин-

ки, и вообще можно менять форму, чтобы больному было удобней.

Но главное, отношение в обществе изменилось! Сейчас уже стали понемногу понимать, что хоспис – это не место, куда умирать идут, а место, где помогут, качество жизни поднимут, утешат.

Знаете, мы с родственниками иногда больше работаем, чем с больными. Наши онкологические пациенты каким-то необъяснимым знанием наделены, как будто что-то главное поняли, редко в утешении нуждаются. А вот их родственники страдают психологически гораздо тяжелее. Мы с ними беседуем, объясняем, утешаем как можем.

В этом, пожалуй, главное отличие работы в хосписе от работы в простых стационарах. Там диагноз поставил, назначения расписал – процесс пошёл. Главное – контролировать до выздоровления. А здесь – другое.

– А в чём вы видите главные трудности?

– Да многое, честно говоря, трудно. Работа ведь и с кровью, и с грязью связана! Иногда, извините, кал из попы приходится выковыривать. Но самое тяжёлое, что умирают. Как бы ни старались мы, умирают. Миша, мой муж, заметил, что в последнее время реже плакать стала, а раньше в месяц по несколько раз дома ревела. Хотя по статистике в третьей городской от травм в автокатастрофах больше умирают, но когда говорят о смерти, то сразу вспоминают хоспис.

– То, что в хосписе есть храм, помогает как-то вашей работе?

– Безусловно! Мне кажется, что значение храма для хосписа даже и обсуждать не нужно! Оно очевидно! Я даже не могу себе представить, что когда-то церкви в хосписе не было! Знаю, что девочки, которые там работают, многих утешают, это придаёт силы больным.

– А что даёт силы вам?

– Семья. Семья даёт мне силы. Ещё молюсь каждое утро, как проснусь. И, наверное, силы даёт надежда. Всё понимаешь, но всё равно ждёшь чуда. И, знаете, иногда случается. У нас лечился Игорь, тогда ему лет тридцать было, с диагнозом «лимфогранулематоз». Его из онкологии выписали к нам фактически умирать. Игорь в нашей больнице периодически лежал, своим стал. К нему девушка часто приходила. Решили они пожениться прям здесь, в хосписе. Он же почти неходячий был. Мы всё приготовили, украсили шарами помещение, цветы принесли. Вечером перед регистрацией у Игоря открылась сильная рвота. Сам жёлтый, худой, животик выпирает. Но наутро как-то встал, расписались. После регистрации захожу к ним в палату – Игорь помидор ест! Даже вроде щёки порозовели. Короче, с этого дня стало лучше ему. Я опять в онкологию обратилась, чтобы попробовали ещё что-нибудь сделать. Провели химиотерапию. Живёт до сих пор! Это заболевание в стадии ремиссии может быть долго. Недавно второй ребёнок родился, дочь, но уже от второй жены, с первой развелись, не говорит почему. Так что Игорь для меня как талисман, надежда на просвет! Но, к сожалению, таких случаев мало.

– Елена Владимировна, а что могут сделать желающие оказать помощь хоспису?

– Уход за больными волонтёрам мы, конечно, доверить не можем. Но с удовольствием принимаем от всех желающих помочь памперсы, постельное бельё. Постельное бельё – это особенно актуально! И чтобы простыни большого размера были, их удобно заправлять, не сбиваются. Только приносить вещи нужно будет уже по другому адресу: Базовая, 12. Нам дают новое здание, и скоро мы переезжаем.

– Вы рады этому событию?

– Конечно! Что говорить, здание-то нынешнее уж очень старое. А там гораздо новей, и лаборатория своя. Так что жизнь хосписа теперь в других стенах будет продолжаться.

Муниципальное учреждение здравоохранения «Городская клиническая больница № 4»

1992 год – открытие хосписа на базе МЧС-13.

1996 год – хоспис переведён в новое здание по адресу: ул. Чкалова, 1.

1999 год – хоспис переименован в МУЗ «ГКБ № 4».

2001 год – в хосписе открыт православный храм в честь иконы Божией Матери «Всецарица».

В больнице функционируют 45 больничных коек для инкурабельных онкологических больных, 15 коек для оказания медицинской помощи лицам без определённого места жительства, 15 коек для больных, поступающих на платной основе с целью ухода и медицинского наблюдения.

Ежегодно в стационаре пролечиваются 1 300 человек, госпитализируются инкурабельные онкологические больные для проведения паллиативного лечения в ситуации, когда возможности противоопухолевого лечения ограничены или полностью исчерпаны.

Паллиативная помощь включает в себя как медицинские мероприятия (симптоматическая терапия), так и помощь в решении психологических, социальных и духовных проблем, что достигается при условии слаженной ритмичной работы многопрофильной бригады подготовленных специалистов.

Целью работы является повышение качества жизни пациента.

г. Кемерово

Елена ТРУХАН

ИСКРЕННЕ, НИЧИК…

– Давай договоримся так: я никогда ничего про тебя не напишу...

– Почему? – удивлённо вздёрнул он густые брови и буквально впился в меня умными глазами. – Потому что не достоин? Считаешь меня третьесортным писателем?

– Нет! Просто всегда буду не объективна, – отнекивалась я. – Не может один публицист писать про творчество другого. Это же масло масляное! Или... Тут нужен текст совершенно другого качества, вовсе не публицистический.

– Может, мемуарный? Литературный портрет? Как у Астафьева, в «Зрячем посохе»? Читала? Нет?! Я тебе обязательно подарю. И ты обо мне напишешь, как Астафьев о своём друге. Не сейчас, конечно, а после моей смерти. Обязательно напишешь! Знаю: у тебя получится!..

Я ошарашенно смотрела на него. А он, словно подбадривая, по-доброму улыбнулся, приобнял, и смешинки спрятались в три складочки возле правого глаза.

Разве могла я тогда подумать, что он окажется прав? Как всегда, прав! И я действительно напишу о нём.

Только сначала… некролог, скупой и горький. О писателе и журналисте, наставнике и друге, непримиримом борце с несправедливостью и графоманией, вечном правдоискателе и «неудобном» для многих человеке – Николае Николаевиче Ничике. Буду строчить быстро и пунктирно, захлёбываясь от слёз и обиды на судьбу, не давшую ему ни единого шанса…

А писать о нём скороговоркой нельзя. Себе не простишь.

* * *

…Рано или поздно на пути таких, как я, забывчивых и «заплутавших», обязательно должен встретиться Человек, наставляющий на путь истинный. Тот, кто заставит вспомнить себя настоящую, встрепенёт самолюбие и здоровые амбиции, не поленится провести ревизию детских мечтаний и стряхнуть пыль с недописанных долгодумов-рукописей. Кто напомнит об истинном предназначении человеческом. Словом, «зрячий посох» в делах писательских и житейских. Таким и стал для меня Николай Ничик.

Он явился не принцем на белом коне и даже не ангелом с огненными крыльями. Вышел лёгкой походочкой прямо из забоя, как его автобиографический персонаж Михаил Николенко, чумазый от угольной пыли, в шахтёрской робе, «изрядно потрудившийся», с ручной лебёдкой на плече и душою нараспашку, с беспородной лохматой собакой рядом…

Вышел и по-горняцки, искренне… дал, наконец, мне основательного творческого пинка!..

* * *

В литературу, как и я, он попал из журналистики. Скорее, родился для неё: с упрямым несгибаемым характером, пристальным взглядом и умением из стремительного потока реальности «выловить» нужный сюжет. С острым обличающим словом и твёрдым желанием отстаивать свою позицию до конца. Многим это не нравилось, судачили: «сор из избы выносит», «скандальный журналист». А он не мог жить и писать иначе, потому что знал: по-другому проблемы не решить!

Своё призвание Николай почувствовал очень рано. Будучи второклассником сельской школы на далёкой Сумщине впервые решил написать в районную газету: до глубины души потряс случай расточительства и обмана. В магазин завезли дефицитный товар – муку, но продавали её «в нагрузку» с тухлой рыбой, которую, за ненадобностью, колхозники тут же выбрасывали в мусор. Мальчишку настолько потрясло увиденное, что сразу сел за письменный стол. Он свято верил в могучую силу «четвёртой власти», в справедливость и правду, которые она олицетворяла, в то, что Слово способно изменить жизнь к лучшему. Заметку напечатали, только посоветовали автору всерьёз «подтянуть» орфографию с пунктуацией. Кто же знал, что бичевателю недостатков, вскрывавшему гнойники советской действительности, было всего-навсего восемь лет?!

А он и прислушался к рекомендациям: для улучшения грамотности стал переписывать в общую тетрадь доклады руководителей партии и правительства на Пленумах ЦК и сессиях Верховного Совета. Он всегда умел слушать.

Потом из-под пера Н. Ничика вышли размышления о давно не функционирующей общественной бане, о трудностях колхозного труда… Так и пошёл Николай, окрылённый первыми творческими успе-

хами, по жизни с ручкой и журналистским блокнотом. А если блокнота вдруг не оказывалось под рукой, не терялся: продолжал писать на каких-то обрывках и «оборотках», на газетной и упаковочной бумаге, магазинных чеках, обёртках от шоколада, внутренней части картонных упаковок, старых конвертах, рекламных флаерах... В этом был весь Ничик! Творческий процесс никогда не мог застать его врасплох. Он всегда и везде был готов трудиться, и неважно, «из какого сора» произрастали сюжеты и темы, и на каком соре, «не ведая стыда», они разворачивались. Ведь в конце концов какая разница, где, на дорогой ли бумаге или замасленном газетном обрывке, будет записана самая главная, самая заветная мысль всей писательской жизни?..

* * *

Наверно, это покажется странным, но он никогда не стремился занять место штатного журналиста в какой-нибудь газете. Не потому, что чувствовал себя ущербным (ему так и не удалось окончить полный курс факультета журналистики в Киевском университете). Нет! Просто стабильной работе в редакции сознательно предпочёл физически тяжёлый труд на машиностроительных заводах и металлургических предприятиях, в шахтах и управляющих компаниях ЖКХ. «Никогда не любил сачковать», – скажет Николай о своём «писаке», а на самом деле – о себе.

Именно здесь, во вредных и опасных условиях производства, по его мнению, и кипела настоящая жизнь, мимо которой он пройти не мог. Каждодневно до седьмого поту плечом к плечу трудились, добывая хлеб насущный, выковывая свои характеры, умельцы с мозолистыми руками. А рядом с ними всегда оказывались лентяи и приспособленцы, бюрократы и «эффективные менеджеры», подхалимы и вездесущие насмешники. Словом, будущие литературные персонажи, наблюдать за которыми, писать о которых было для него сплошным удовольствием...

«Герой его произведений – «человек работающий», – отмечала известная кузбасская поэтесса Любовь Никонова, рекомендуя Н. Н. Ничика в члены Союза писателей России. – Не обязательно рабочий, но непременно работающий, созидающий, что-то умеющий, мастер своего дела, человек с психологией и мировоззрением труженика».

И этот человек, как правило, вступает в производственный конфликт, на путь борьбы с несправедливостью, бюрократией, воровством, малодушием, бесхозяйственностью. Вступает... и оказывается одинок. Он не находит понимания в коллективе, остаётся один на один в борьбе с системой. Но уйти от этого конфликта герой не может. И даже если логически один конфликт завершается, тут же назревает и открывается новый, либо морально-этический, либо родственный первому. Потому что натура такая у главного персонажа, потому что жить по-другому не в силах!

Таким, бесспорно, был и сам автор. Бывало, когда движение какого-либо интересного ему «сюжета» замирало, сам начинал «подливать масла в огонь»...

– Зачем тебе это? Не связывайся! К чему лишний раз нервы мотать! Ведь давно всё улеглось-устаканилось? – спрашивала я.

– А мне интересно! Хочу знать, что дальше будет, как они поступать начнут! – с азартом игрока, распалившись, откровенничал он.

И продолжал «тормошить» залежавшийся сюжет: выступать в газетах с открытыми письмами, писать и звонить в разные инстанции, встречаться с руководителями администрации, депутатами...

* * *

Его всегда волновала морально-этическая сторона в исходе дела. И в борьбе за Правду был готов идти на конфликт, писать жёстко, жгуче, в какой-то мере – зло. Он не боялся отправлять в печать проблемные, дискуссионные материалы и вовсе не собирался «быть для всех хорошеньким». Не даром эпиграфом к «Осенней борозде» выбрал слова Льва Кассиля: «Писатель, который всем нравится, вызывает у меня подозрение». И «расшифровал» это так: «Пытаюсь отстаивать честность, верность, благородство». На эти ничиковские качества в своё время указал новокузнецкий прозаик Анатолий Ябров: «В наше жесточайшее время насаждения рыночных отношений Николай Ничик для меня – открытие: человеческой доброты, чуткости, порядочности, бескорыстия, общественной неуёмности, поистине человеческой заботы обо всём живом, неподдельной любви к отечественной литературе, к культуре, к её представителям. И думается: слава Тебе, Господи, что не всё, особенно духовное, можно купить или убить рублём»...

* * *

Долгие годы Ничик терпеливо и упорно тянул сразу две «упряжки»: рабочую и писательскую. Его публицистическое поле деятельности изумляло: «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Роман-газета» (спецвыпуски), «Наш современник»,

«Ромен», «Женщина», «Литературная Россия», «Московский вестник», «Литературная Украина», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Кузнецкий рабочий», «Всё для дачи», «Кузнецкий край», «Кузбасс», Агентство социально-трудовой информации (АСТИ), «Франт», «Новокузнецкий литературный альманах». И это без учёта коллективных сборников и авторских книг! Впечатлило оно и членов Союза писателей России, принявших Николая Ничика в свои ряды без обязательной для официального вступления книги.

Видя неуёмную энергию, гражданскую активность и публицистическую плодовитость Ничика коллеги недоумевали: откуда он, только что «отпахавший смену», черпает силы для литературной работы? Ответ был прост: в хороших книгах, дружеском общении и творчестве. Они помогали держаться на пути нескончаемого преодоления собственных страхов и неуверенности, боли, обид, даже сна. Но об этой стороне своей жизни писатель не распространялся.

После смерти Николая на сайте pravda.info литератор Дмитрий Чёрный разместил небольшое слово о «товарище Ничике» – личности «потрясающей, советской отзывчивости и оптимизма», «радушности, боевитости и, главное, безграничной веры в прогрессивное начало в любом человеке». Таких уже «не делают», таких «не воспитывает Постэпоха», заключил он.

* * *

Быть востребованным в публицистике ему помогало врождённое чутьё: с лёгкостью находил и «разворачивал» темы, интересные для региональной и столичной аудитории, держал руку на пульсе современных публикаций и имел на этот счёт собственное мнение, при катастрофическом дефиците времени умудрялся знакомиться с книжными новинками, вести переписку со многими украинскими и русскими писателями: Олексой Ющенко, Дмитрием Белоусом, Русланой Ляшевой, Гарием Немченко, Натальей Околитенко, Михаилом Кулиняком и др.

За годы творчества Н. Н. Ничик создал целую галерею литературных портретов и зарисовок. В неё вошли как его земляки, так и сибирские литераторы: Николай Николаевский, Эдуард Гольцман, Любовь Никонова, Геннадий Емельянов, Сергей Донбай, Виктор Бокин, Тайана Тудегешева, Олесь Гончар, Зиновий Биленко, Павло Ключина, Олекса Ющенко, Дмитрий Белоус...

Не зря председатель Кемеровского отделения Союза писателей России Борис Бурмистров, провожая своего собрата по творческому союзу в последний путь, назвал его «настоящем русским и одновременно настоящим украинцем». Ведь ни для кого не секрет, что, перебравшись в 80-е годы XX века в Кузбасс, Николай никогда не порывал связи с Родиной. Напротив, отправлял туда книги, создавал рассказы и очерки о своих земляках, искренне интересовался их жизнью, финансировал чтения, посвящённые поэту и педагогу Иосифу Дудке. И на кузбасской земле тоже спешил творить добро: благодаря его усилиям и содействию увидели свет «Дух черемши» Гария Немченко, сборники стихотворений Владимира Матвеева и Геннадия Иванова, «Духовные мятежи» Станислава Зотова, «На бегу» и «По запсибовским часам» Русланы Ляшевой, «Первенец» Елены Тулушевой. И мои «Зёрна», конечно. Что это ему стоило – знал только сам Николай да Господь Бог, в существование которого он не верил.

* * *

Образ Н. Н. Ничика в моём восприятии неотделим от постоянной спешки, «годами выработанной в шахте привычки куда-то торопиться», от вечного круговорота писательских посылок-сумок-пакетов-конвертов, курсирующих между близлежащими и далёкими городами. Он то и дело покупал, собирал, читал, передавал, отправлял почтой книги, выписывал в большом количестве периодику. А когда получал свежие номера журналов и газет, сразу делал вырезки и раскладывал по папкам.

Папки, папки, годовые наслоения газетных вырезок! Словно мощные угольные пласты, залегли они в архиве писателя. Самые старые – ещё со времён приезда Ничика на Кузнецкую землю. Самые многочисленные – по шахтёрской тематике. Без преувеличения, он собирал о горняках всё. Это был какой-то невообразимый по проделанным объёмам, временным границам и тематической широте сбор, точнее, тотальная зачистка газетно-журнальных публикаций! Работал как шахтный экскаватор, настроенный ежедневно и бесперебойно выдавать на-гора «тонны» информации об угольной отрасли! Ничто не могло ускользнуть от его внимания: ни шахтёрские забастовки, ни зарплата, ни безработица в горняцкой среде, ни свежая отраслевая статистика, ни роскошная жизнь олигархов – угольных магнатов, ни безопасность труда, ни взрывы метана...

Незадолго до смерти, Николай, обеспокоенный нахальным наступлением разрезов на жилые территории, написал «Беспредел угольщиков на землях селян». Узнай он сейчас о выстрелах на «Апана-

совском» (или «Бунгурском-Северном»?) разрезе, о «партизанщине», уверена, бросился бы туда разбираться, не взирая на расстояния, не откладывая проблему в долгий ящик!

И немудрено: опасной отрасли Николай Ничик посвятил 20 лет своей жизни! Не понаслышке знал, что такое шахтовая сырость и сильные, пробирающие до костей струи холодного воздуха, боли в ногах и спине, инертная пыль, затрудняющая дыхание, потери друзей, погребённых под угольными завалами. Знал и делился этим со своими читателями эмоционально, правдиво, волнительно, искренне.

Да, он всё делал искренне и с полной самоотдачей. Искренне писал. Искренне верил в торжество Справедливости. Искренне считал свою точку зрения правильной. Искренне любил природу, чтение, труд и саму жизнь. Об этой его черте – проникновенной искренности – напомнило письмо кандидата филологических наук из Кемерово Г. И. Карповой. Прочитав последнюю книгу Н. Н. Ничика «Незабудки», она резюмировала: «Написано душой». Не «с душой», а именно «душой». Так всегда и творил Николай.

* * *

...Диагноз прозвучал внезапно, как выстрел в спину, как приговор, окончательный и обжалованию не подлежащий: глиобластома. «Как гром среди ясного неба...» – сказал бы Ничик.

Московский критик Руслана Ляшева, с которой в последние годы он особенно плотно сотрудничал, помогал в издании книг и всячески стимулировал к интенсивной литературной работе, шокированная известием о его неизлечимой болезни, отмечала, что долгие телефонные разговоры с ним ничего подобного не предвещали. Он находился в отличной писательской форме, на пике публицистической активности, переживал особый творческий подъём, которому всякий мог позавидовать. Николай совершенно не собирался ставить никакие точки: ни в литературе, ни в собственной жизни...

Тем не менее некоторые его поступки и привычки, психологические изломы, резкость и порывистость, ранимость и гипертрофированная, почти детская, обидчивость, мягко говоря, удивляли и указывали на болезненное состояние давно. Дружить с ним, особенно в последнее время, было совсем не просто: мог с пол-оборота завестись, обвинить неизвестно в чем, бросить трубку и... устроить недельный телефонный бойкот... Эти тягостные и мучительные периоды беспричинной ссоры, казалось, длились вечность в бесплодных попытках дозвониться, залатать трещины внутреннего разлада или попросту выкинуть всё из головы, уйти в сторону, загрузив себя ворохом повседневных забот. К счастью, время всё расставляло по местам...

* * *

Верил ли он в положительный исход предстоящего лечения? Трудно сказать. Как любой смертный, надеялся на лучшее, но готовился к худшему. Прекрасно понимал, что болезнь неизлечима, вопрос только в сроке, поэтому лишний раз не хотел тревожить близких. Да и говорить об этом ни с кем полноценно уже не мог: началась афазия. При этом максимально старался завершить уже начатые дела, выполнить обещания. Сильно торопил с подготовкой к печати первой моей книги «Зёрна». Волновался не менее меня, звонил несколько раз на дню, подстёгивал, срывался на крик, видимо, чувствовал, как с каждым днём потихоньку утекают жизненные силы, «отключается» правая часть тела.

Почти на любое предложение он теперь отвечал: «После операции»...

Да, на «после операции» было отложено многое: и чтение исторического романа Юрия Могутина «Сокровища Аба-Туры», изданием которого он обещал заняться коллегам-москвичам, и разбор моей лирической прозы о косаре для создания собственного эссе, и написание литературного портрета Бориса Антоненко-Давидовича, и создание цикла рассказов о детстве в родной Пустовойтовке, и миниатюры о животных, особенно собаках, и «Книга профессий» – сборник впечатлений и любопытных случаев из производственной жизни, и повествование про плачущую корову, чудесным образом спасённую шахтёром со скотобойни, и пьеса об ушедших новокузнецких литераторах, вновь встретившихся в загробном мире, и рассказы «Голоса из шахты», «Не вернулись из забоя»... И много чего ещё!

Но вопрос, сможет ли высокотехнологичная помощь вновь вернуть его в строй, оставался открытым и бесконечно тревожащим. Об этом уже искорёженным болезнью почерком он робко намекнул мне на титуле «Осенней борозды»: «...Вместе намечен не один проект. Были бы силы и время...». И, как обычно, подписался: «Искренне, Ничик»...

* * *

Его писательскую и человеческую трагедию раскрыл в стихотворении «Смерть поэта» Василий Фёдоров. Это – не высказанное до конца Слово. Найденное, но не произнесённое, застывшее на мёртвых губах. Эх, ещё бы совсем немного времени да-

ровала ему судьба! Сколько замыслов, в особенности – прозаических и драматургических, не было доведено до конца! Сколько интересных героев, сюжетов оказались лишь тезисно и эскизно обозначенными!

...Но у настоящих писателей всегда бывает так: что не написано на бумаге, будет дописано самой жизнью. В черновиках Николая, на выцветшем магазинном чеке, сохранился наспех записанный конспект будущего рассказа или даже небольшой повести, без названия. Главный герой истории – шахтёр Семён Ковалёв, попав в жизненный переплёт, теряет здоровье и оказывается в инвалидной коляске. Многие моменты рассказа настолько автобиографичны, что заставляют содрогнуться. Автор, обладавший сильно развитой интуицией, будто заглянул на последние страницы собственной Книги Жизни, прочитал иероглифы своей судьбы...

* * *

Закончив в свой 65-й юбилейный год работу над сборником публицистики «Осенняя борозда» (2018), в которую в основном включил публицистические размышления, отмеченные лауреатством в «Литературной России», Николай сразу же, без передышки, приступил к новой книге «Незабудки». Она была навеяна «Бессмертниками» знаменитого украинского писателя Олексы Ющенко, с которым он был хорошо знаком, дружен и имел продолжительную переписку. В неё должны были войти литературные портреты украинских и русских писателей, воспоминания, эссе, очерки и этюды о запомнившихся встречах с творческими людьми, впечатления о прочитанных книгах, размышления о наболевшем. Но, так случилось, что в полном объёме воплотить этот замысел прозаик уже не смог: смертельная болезнь подступала, а долгожданная операция, на которую возлагалось столько надежд, лишь усугубила и без того тяжёлое положение.

Отправлять в печать «Незабудки», точнее, то, во что вылилось их написание к концу 2018 года, пришлось мне. Выпуск книги должен был стать сюрпризом для автора, вернувшегося из больницы, моей благодарностью за всё, что он когда-то для меня сделал. Не знаю, в спешке ли, в нервной лихорадке, по мистическому ли наваждению, но «по дороге» в издательство потерялись две его приоритетные статьи о негативных явлениях кузбасской литературной жизни. Прости меня, Николай...

«Незабудки» вышли небольшим тиражом и прозвучали как прощальное Слово писателя. Слово, которое из-за болезни он фактически не мог произнести с декабря 2018-го. Но всё-таки литератор увидел свою четвёртую книгу, подержал её в руках. И был растроган до слёз.

* * *

...Уже несколько месяцев понуро и громко молчит телефон...

Как принять и уложить в сознании мысль, что никогда не услышишь воркующе-окающее «доброго здоровьичка!» или дежурное «привет!»?! Как унять боль и преодолеть собственное бессилие? Где найти средство против подступающей безысходности?..

Помнится, завершая очерк «Уроки доброты», Николай говорил о животворящем женьшене, который без промедления пошёл бы искать в тайгу, чтобы воскресить своего Учителя.

Эх, «чорнії брови, карії очі!»... Если б знать, где растёт тот волшебный цветок!..

г. Новокузнецк

Светлана СТАРОВОЙТОВА

«НИ СЛОВА БЕЗ ДУШИ…»

К 85-летию Виктора Баянова

«Главная черта бяновского таланта – это, на мой взгляд, задушевность. Я не знаю у него ни одного стихотворения, которое бы родилось из какой-нибудь невыстраданной, но эффектной мысли, ради искусственного образа или соблазнительного поэтического приёма. Лучшие стихи Баянова – это свидетельства его личного опыта. Именно поэтому его поэзия так лирична, так привлекательна своей неподдельностью, подлинностью мыслей и чувств», – писал о творчестве кузбасского поэта Михаил Небогатов, тоже кузбасский поэт, природный талант которого позволяет отнестись к данной оценке с полным доверием. Они жили в одну эпоху и пришли к своему читателю по зову души, щедро делясь стихами, как летнее солнце – лучами, а сибирская зима – снегами.

Герой стихов Виктора Баянова сродни героям Шукшина: открыт, добр, немного чудаковат с точки зрения бытового здравого смысла. Голос его легко затеряется в речи шукшинской массовки в алтайской деревушке Сростки: так чисто, без литературной обработки звучит в стихах Виктора Михайловича наполненная народной языковой культурой речь крестьянина – мужика от земли. А ещё о нём, о герое Баянова, говорят «святая простота». И непонятно, то ли усмехаются при этом, то ли произносят слова с благоговением…

Талант Виктора Михайловича Баянова сродни чистому лесному роднику – истоку живительной силы земли, неиссякаемому, верному, тихо говорливому. Так и Баянов: громких слов не любил, на создание имиджа поэта души не тратил, а ту самую простоту в себе берёг как главное качество личности. Родник этот уникален, потому что навсегда сохранил поэт преданность родной земле – ***малой родине***, прекраснее которой ничего для него не было. Скажут, что такая приверженность одной теме делает творческий мир поэта ограниченным, суженным. Это суждение поверхностно, ведь в душевных чувствах важно не разнообразие, а глубина. Как точно об этом скажет сам поэт в стихотворении «Река и озеро». Возникают в нём вовсе не пейзажные наблюдения, а в обобщённом философском содержании – два типа человеческих личностей, а применительно к поэзии – два типа творца. Первой наше внимание привлекает бурная река с её непростым характером:

Издалека казалась сложной,
Глубоководною рекой.
Была сварливой, неудобной,
Разбрасывала пену зло.

Она вся в движении, которое притягивает к себе: поток бежит, свивается, свергается, пробивается. Динамичное это движение так напоминает современного городского жителя, стремительно проживающего свои дни в движении, в скорости, в суете по мелким и крупным поводам. И она же воплощает образ поэта – любимца публики, играющего в талант, бросающего все силы души на внешние эффекты, на самолюбование. Действительно, кажется, что в этой динамике, в реализации амбиций творца и есть смысл жизни, и сама такая жизнь в непритязательном зрителе вызывает желание наблюдать за ней с восхищением:

И все лишь ею любовались.
А тихим озером – никто.

Тихое озеро не похоже на реку: оно покойно лежит, отражая красоту природы, храня «стовековые тайны» не одного человеческого рода, а судьбы самой страны. Не так ли и исконное крестьянство на Руси, воплощённое в образах «чудиков» в рассказах В. М. Шукшина и «старух» в повестях В. Г. Распутина, является самобытной «кромешной глубиной» народной стихии, её истории. Баяновская лирика – часть этих озёрных вод, которые «недосягаемы извне», ещё «не открыты, не оттаяны»…

Эти глубины народной мудрости, опыта, практического знания русской жизни, родного языка, глубины исконной культуры и восприятия красоты природы потрясают только внимательного читателя. Да, есть такие творцы, чьи строчки наполнены не внешним эффектом созвучий, а внутренней тишиной раздумий. И тогда разворачивается душа и звучит песня. Читая стихи Баянова, незаметно для себя произносишь вслух напевные, как песня, строчки, повторяешь их, улавливая музыку народной жизни:

Гаснет день. Дымятся трубы.
Дым плывёт, качается,
У колодезного сруба
Песенка кончается.
И, как в песне той поётся,
На траву примятую
Из колодца вода льётся,
Вода волноватая.

Так оканчивается стихотворение о судьбе землячки, о судьбе родины, о судьбе России… Сколько красивых душой и статью русских женщин согнула война, заставила «свянуть тоньше веточки», оставила на всю жизнь в одиночестве – будто «тонкую кедёрку на таёжной просеке»! Но поёт русская душа, стучит в ожидании чуда сердце – и ничто не сможет разуверить женщину в её любви! От этой горестно-протяжной русской песни застывает виновато невольный слушатель, разделивший душою и боль крестьянки, и её надежду.

Трудно жить на земле, трудно крестьянствовать! Но ещё труднее сказать об этом честно и с любовью. Так, как умел Виктор Михайлович Баянов. Он родился 10 июля 1934 года в завораживающе красивых местах – в деревне Дедюево Топкинского района. От станции до деревни полем шагать, лесом шагать, ручей перейти, на взгорок подняться... Этой дорогой не раз возвращался в деревню сам Виктор Михайлович, эту дорогу помнит его герой – деревенский мальчишка послевоенного лихолетья, помнит до подробностей, не попавших на сделанные в районе «на память» фотографии. А вот память настоящая сохранила и образ дороги, где на возу ни одного мужика – их забрала война, и слёзы матери, поднимавшей кормилицу-лошадь, упавшую в согре от голодного бессилия. И не раз вернётся в свою деревню Баянов, с благодарностью говоря в своих стихах о людях, которые, вспомним Есенина, «оттого и дороги, что живут со мною на земле».

Молодость, романтика скорости и новых дорог привели Виктора Михайловича к профессии машиниста, с которой расставаться Баянов не хотел до последнего. Вот такой феномен: действующий поэт-машинист, и обе работы для души! За творчество и преданность профессии любили его на родном предприятии (Ново-Кемеровский химкомбинат, теперь – «Азот»), любили и уважали в писательской среде. В 1965 году Баянов стал членом Союза писателей СССР, в 1969 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького в Москве, был членом редколлегии и главным редактором журнала «Огни Кузбасса», опубликовал 10 поэтических сборников. В своём отношении к делу был настоящим сибиряком: трудился основательно (легковесности не любил ни в человеке, ни в строчке), не стремился к наградам, искал в людях прежде всего хорошее, доброе, потому как сам был очень добр к живущим рядом, воплощал в слове неповторимые черты малой родины, дорогой сердцу каждого сибиряка.

Есть ли в поэзии Виктора Баянова место философским размышлениям? Есть, ведь глядя на просторы природы, невольно задумываешься о том, что такое жизнь? Как распорядиться ею, такой быстротечной и ускользающей безвозвратно? Да и может ли человек чем-то распоряжаться? Чувство неподвластно («То ли вьюга будет месть...»), судьба неподвластна («Из колодца вода льётся...»), будущее неподвластно («Богата согра в эту осень...»). Чем же жив человек на земле? Поэт считает, что человек живёт возможностью любить. Например, любить образ летящей птицы и разделять с ней радость и гордость полёта, потому что «любая птица – красивая, когда летит». Любить то место, где впервые и на всю жизнь открылся тебе мир, любить с полной отдачей:

Стоит лишь откуда-то вернуться,
Как готово сердце захлебнуться.
Весь мой век такое с ним случается.
Пробовал унять – не получается.

И от этой любви к «стороне любимой, приметной» наполняться силой. Как, например, в знойный день мы рады родниковой воде. Да родник-то этот непростой – это ключ жизни, отражающий всё, что успеваем мы пережить:

И все года под ярко-алой зорькой
На гладь воды, что, как слеза, чиста,
Всё падают – то плод рябины горький,
То сладкий плод с малинова куста.

Череда наших дней, событий, чувств… То светлый день и приятный, как летом вкус душистой малины, то рябинно-тяжёлый и горький, как день, когда ушёл из жизни поэт Виктор Баянов (17 марта 2011 года). Ушёл в неведомое, оставив нам лучшее: память о себе, добром человеке, и свои стихи, напевные, открытые, честные. Читайте, люди, и светлейте сердцем, ведь в мире баяновской поэзии нет «ни слова без души».

г. Кемерово

Владимир ШУМИЛОВ

МЕЧТА ВСЕЙ ЖИЗНИ – ЖИТЬ СРЕДИ ЖИВЫХ

Призадумаешься о жизненном бытие и утвердительно скажешь: «А ведь наш народ действительно прав. «Вся наша жизнь – борьба», а мы в нашей жизни – «подранки». Вы поймёте, почему можно так говорить, всматриваясь в годы жизни замечательного человека, мужика от сохи, поэта и прозаика от слова Виталия Артемьевича Крёкова. Виталий покинул нас совсем недавно, хотя смотря как и чем измерять.

Продолжая наш разговор, хочу привести строки своего стихотворения, в какой-то степени характеризующие душевную боль нашего поэта-прозаика, которую, по его рассказам и автобиографии, он вынашивал всю свою жизнь.

...В щетине бурьяна дымятся бураны.
Туман пригашает лучи.
В щетине бурьяна пернатый подранок
Бессильно крыло волочит.

В щетине бурьяна – тяжёлая драма,
Легавых собак перемёт...
Подранок в воздушном парил океане,
А пуля ударила влёт.

Восторг вознесенья сменил крик печали.
Качнулись волной небеса.
Ударил злой выстрел, и крылья сломались,
И горе застлало глаза.

Чьи плачи и стоны слышны спозаранку?
Чья кровь по восходу течёт?

Шагаю по жизни подбитым подранком,
И горе никто не уймёт.

Виталий Артемьевич родился в августе 1946 года на Алтае. Весной 1949 года, когда Виталию не исполнилось и три года, мать переехала на жительство в Кемерово.

Для малого самым первым ощущением и осмыслением окружающего мира было стёганое одеяло, цвета свёклы, со множеством протёртых и просвечиваемых мест. Он ещё не знал, что есть царство божие, спасение души, познав один лишь свет – голубое небо, кроны деревьев. Но и этого могло не быть, как не стало существовать в последние годы, когда тяжёлая болезнь медленно, но точечно, убивала его зрение.

Окончив строительную школу в Кемерове, работал кровельщиком, а впоследствии всю сознательную жизнь – каменщиком в строительных организациях. И насколько себя помнил Виталий Артемьевич, помимо кладки каминов и печей, он занимался литературой.

Автором при жизни было издано пять сборников стихотворений, написанных в лучших традициях литературы нашего времени. Они незаёмны и в то же время самобытны и поучительны. В 1993 году принят в члены Союза писателей России. В 2011 году Виталий Крёков издаёт книгу прозы (повести и рассказы) с оригинальным названием – «Воспитание кривых брёвен», написанную своим, крёковским языком, не стесняясь юмора, перемешанного с истиной нашей жизни, с доверительной надеждой, что читатель его поймёт. И читатель его понял. Сколько восторженных откликов мы слышим в адрес автора при обсуждении журнала «Огни Кузбасса», на страницах которого печатались главы его повести и рассказы.

В 1952 году на присланные дедом Романом деньги мать прикупила в совхозе «Октябрьский» Кемеровского района, как говорил Виталий, саманную холупку с плоской крышей, на которой рос бурьян, торчала труба с дырявым ведром – оголовьем. В 1955 году мать устроилась на работу дояркой на ферму совхоза «Октябрьский».

Уже в пятом классе он начинает писать стихи, наподобие «На смерть Лумумбы»:

Прощай, наш товарищ Лумумба.
Прощай, наш отец дорогой.
Вражины тебя растерзали,
Но в наших сердцах ты живой.

Уже в зрелом возрасте, оставаясь преданным славным традициям наших предков, отцов и матерей, автор скажет строкой стиха:

Но не бросим мы промысел давний,
Не пора, не пора ли, мой друг,
Доходить до молитвы на камне,
До кормленья медведя из рук...

С Виталием мы знакомы с начала 1990-х годов. Он по-тёплому относился к творчеству друзей поэ-

тов и прозаиков. Его постоянное присутствие в Союзе писателей было привычным и добрым.

В один из июньских дней он приезжал вместе с товарищами к нам в деревню Смолино Кемеровского района, вспоминал, что, будучи мальчишкой, жил по соседству, в Октябрьском. Мы в то время строились, поэтому Виталий не мог не предложить свои услуги в кладке печи или камина. После этой встречи, я подарил ему одно из своих стихотворений – «Печник»:

Перстами глину мнёт печник,
Лиха беда, знакомо дело.
Любовью в дело он проник
И дело делает умело.

Хранит особый свой секрет,
Кирпич в кирпич, легла заслонка.
Вот-вот его любви в ответ
Вновь запоёт печурка звонко.

Но не торопится печник.
То там, то здесь её погладит.
Рукою тронет колосник,
Прищурит глаз чего-то ради.

И так глядит, и так, и так.
Глаз зоркий бросит в поддувало.
Ещё чуток, один пустяк –
На корточки присел устало.

Поленья в топке разложив,
Газету мнёт в перстах, как глину.
И, чиркнув спичкой, вновь спешит
К трубе на крышу, ближе к дыму.

Хлопок – и печка ожила.
Хозяин рад, игриво шутит.
Душа хозяйки весела –
Тепло зимою деткам будет...

Виталий Артемьевич не остался в долгу. Когда в Волгограде проводился Всероссийский литературный конкурс имени В. И. Политова, а у меня была издана книга прозы «И жить хорошо, и помирать не скучно», он настоял на том, чтобы я направил её на этот конкурс. Хотя, казалось бы, зачем это ему надо? А нет, не таков это человек, чтобы не подсобить товарищу, если чувствовать в этом толк. Виталий оказался прав. Книга получила хороший отзыв от жюри и стала обладательницей премии, а в 2010 году это было 15 тысяч рублей. Мы, конечно, отметили с ним.

Его нет, а он рядом. До последнего его дыхания литература оставалась для Виталия Крёкова той единственной трудной дорогой в царство небесное к Богу. И он его позвал...

г. Кемерово

Шукшинские чтения

В. Арнаутов, С. Донбай, Д. Мурзин

И. Фёдорова, В. Каплунов

Игорь МАНГАЗЕЕВ

РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

Владимир Матвеев на пути от Волги до Томи

В Кузбассе вновь чествуют поэта-сатирика Владимира Матвеева. 11 апреля 2019 года в Прокопьевской городской библиотеке прошли III областные Матвеевские чтения.

Поэт писал: «Я родился 24 июля 1932 года в деревеньке Лещихино Калининской (теперь Тверской) области в большой крестьянской семье. Название Лещихино произошло, по-моему, от слова «лещина» – орешник. Рядом был лесок, где росла лещина, а в речке водились лещи».

Уточним. Деревня в 1932 году относилась к Ошурковскому сельсовету Западной области, а в наши дни входит в Дорожаевское сельское поселение Зубцовского района Тверской области. Между Лещихино и Дорожаево расположена усадьба Степановское-Волосово, родовое гнездо Куракиных – прототипов Курагиных (персонажей «Войны и мира» Л. Н Толстого). Ещё в XVIII веке Дорожаево с окрестными селениями перешло по наследству князю Степану Борисовичу Куракину. Тот был знаком с Крыловым и Фонвизиным, а один из его знакомых – И. И. Дмитриев – даже способствовал поступлению Пушкина в Царскосельский лицей.

Сама атмосфера той местности пробуждала любовь к изящной словесности. Великий Пушкин не раз наведывался в усадьбу Вульфов Берново в Старицком уезде, граничащем с Зубцовским и Ржевским. Служа в Твери, М. Е. Салтыков-Щедрин выезжал в уездные города для ревизии, и в ряде его произведений встречаются упоминания Ржева и Зубцова. Так, в «Господах ташкентцах» Щедрин рисует образ Миши, сына статского советника. Миша с какой-то восторженностью зубрил: «Города, стоящие на Волге, суть: Ржев, Зубцов, Тверь, Корчева...». В 1856 году Зубцов посетил и А. Н. Островский.

Усадебная библиотека Куракиных насчитывала не менее 10 тысяч томов. Бывший директор местной школы Ольга Мурашова, ныне – сотрудница музея усадьбы, 29 апреля 2019 года поведала пишущему эти строки, как разорялась библиотека Куракиных в начале 1920-х. Помещения с книгами не охранялись, и крестьянские детки начали их таскать. В совхозной бане валялись книги для растопки. Годились они и на самокрутки. А с фолиантов обдирали кожаные с золотым тиснением и сафьяновые переплёты. Что не вывезли в Калинин, то погибло в огне войны. Ольга Васильевна установила местонахождение лишь 121 тома.

Кстати сказать, 20 тысяч томов насчитывала первая библиотека библиофила и краеведа Георгия Яковлевича Ходакова, инициатора маршрута «Пушкинское кольцо Верхневолжья» (с усадьбой Берново на нём). По воспоминаниям Ходакова, написанным им в 1977 году, первые сотни книг ещё в середине XIX века собрали Ивановские, родители его матери. Учась в Московском университете в 1921–1925 годах, Ходаков посещал лекции наркома Луначарского, не раз слушал выступления Маяковского и Есенина, встречался со знаменитыми выходцами из Тверской губернии – замечательным крестьянским поэтом Спиридоном Дрожжиным и писателями Александром Фадеевым и Борисом Полевым. Ходаков приумножал фамильную библиотеку, сильно стесняя себя в средствах к существованию. Бывал в Степурино, в Первитино и Зубцовском уезде. Возможно, Ходаков сумел спасти толику книжного богатства Куракиных. Увы, библиотека Ходакова, имевшая охранную грамоту Ржевского горсовета, тоже погибла в войну.

В 1938 году в посёлке Завидово (вёрст за восемьдесят от Лещихино) открылся дом-музей Спиридона Дрожжина.

В такой неспокойной среде и рос Володя Матвеев – младший сын вступившего в колхоз крестьянина-бедняка Фёдора Ивановича Матвеева и его жены Евдокии Ивановны Матвеевой. Детские воспоминания живучи, как цветы бессмертника. Рождённый в деревне, с младых ногтей – в колхозной гуще, Володя Матвеев замечал, над чем и почему смеются взрослые и сверстники, приобщался к устному народному творчеству.

Вкупе все эти факторы впоследствии пробудили у Володи Матвеева интерес к литературе.

В списке избирателей деревни Лещихино в октябре 1934-го значатся 17 Матвеевых. Список неточный, неполный; в Лещихино в 1934 году проживало не менее 23 взрослых Матвеевых. Ошурковской школой заведовал член президиума сельсовета Михаил Иванович Некрасов, 1905 г. р. Он окончил рабфак, а его жена Анфиса Степановна, 1917 г. р., – педагогические курсы.

Сегодня в Лещихино от силы десяток жилых домов. Какой-то москвич, чёрный археолог, купил себе домик под дачу и открыто раскапывает фундаменты исчезнувших домов в поисках «сувениров».

В 1940 году семья Матвеевых «по собственному желанию» переехала в Карело-Финскую ССР, двенадцатую союзную республику, образованную вес-

ной того же года. Надо сказать, что не менее 1,6 тыс. карел проживало в Зубцовском уезде, упразднённом в мае 1922-го. В уезде даже существовал дёржанский говор карельского языка. Неясно, что подтолкнуло Матвеевых к переезду, но Карельский национальный округ в Калининской области был ликвидирован 7 февраля 1939 года. С началом Отечественной войны семья эвакуировалась в Тихвин, однако 8 ноября 1941-го Тихвин пал. Матвеевы перебрались в глубокий тыл и оказались в Прокопьевске – городе шахт и лагерей.

Суровый таёжный край с трескучими морозами!.. До сих пор не определён маршрут, которым Ф. М. Достоевский через прокопьевскую округу ездил в Кузнецк к Марии Дмитриевне Исаевой (урождённой Констант). Обвенчавшись с ней в кузнецком Одигитриевском храме, Достоевский в 1859 году привёз жену с пасынком в Тверь...

В 1941-м девятилетний Володя пошёл в первый класс. Позже абитуриент В. Ф. Матвеев указал в автобиографии, что сначала учился в 18-й школе. Его, левшу, обучали писать крючки и целые буквы правой рукой: «У меня это долго не получалось. Желая отучить меня от «дурной привычки», учительница била меня линейкой по левой руке. Но я до сих пор пишу левой рукой, к тому же – справа налево».

Детство военного лихолетья! Оно было несладким и для сибирских школьников. Директор зенковской школы № 18 Владимир Александрович Коток любезно познакомил автора этих строк с воспоминаниями учителей, пионервожатых и учеников военной поры. А. В. Пронюшкина-Конушкина пишет: «Из Ленинграда нас эвакуировали 8 июня 1942 года. До Новосибирска мы ехали 20 суток в телячьих вагонах. Дорогой от истощения умирало немало людей. Много было вшей. <...> Дети, эвакуированные из Ленинграда, были разного возраста, большие и маленькие. И сотрудники, и местные жители относились к детям с сочувствием». В школе холодно, занимались в пальто, фуфайках. Писали на книгах, газетах между строк. Рядом со школой стояло одноэтажное здание детдома. «Но ученикам давали целых 50 грамм чёрного хлеба, а рядом дети, эвакуированные из блокадного Ленинграда, и вот полуголодные ученики отдавали свой хлеб этим детям» (из воспоминаний Руфины Зенковой). В летние месяцы ученики работали в колхозе «15 лет Октября». С утра до вечера пололи и поливали овощи, сдавали государству. Собирали колоски. Зимой помогали ухаживать за лошадьми, более 40 лошадей колхоз отправил на фронт.

Рядом, в большом парке, находился Зенковский санаторий, преобразованный в эвакогоспиталь. Из воспоминаний Анны Григорьевны Молчановой, записанных ею в феврале 2005 г. стихами:

На полустанках искалеченных солдат встречали.
Боль. Скорбь. Зубы стиснув, молчали.
Из вагонов в сани на руках переносили,
В госпиталь Зенковский их перевозили.
Смахивая слёзы, им помогали и молились.
Солдаты от слёз держались, крепились.
Но плакал один без рук и ног,
Что стрелять больше не мог.
Одеялом его женщина укрывала
И слёзы его и свои вытирала.

Осенью 1944-го Володя перешёл в мужскую среднюю школу № 1. Когда его на склоне лет спрашивали, почему у него нет стихов о любви, Владимир Фёдорович отшучивался: «Потому что рядом не было девочек». Тем не менее раздельное обучение обернулось благом для МСШ № 1 – это время её расцвета. Лучшая в городе, она находилась на пике популярности. В мужской школе действовал неписаный закон – дорожить её честью. Когда во время праздничных парадов под звон медных труб и ритмичные удары барабана школьного оркестра строй старшеклассников чеканил шаг по улицам города – зрители пребывали в восторге! Ребята носили стрижку бокс и форму: пиджаки в виде френча с белым подворотничком. Опоздавшие зрители интересовались: «Не проходила ли первая школа?». Волновались, что пропустят один из самых зрелищных моментов праздника. Горожане старшего возраста ещё помнят те парады.

В МСШ № 1 работал отличный кружок художественного чтения, инсценировки которого привлекали прокопчан.

В сравнении с другими школами требования к ученикам в МСШ № 1 были серьёзнее, мощным был и педагогический коллектив. Директором МСШ № 1 с 1948 года работал физик и математик Владимир Никитович Усанов, участник войны и кумир ребят. В ноябре 1951-го его назначили заведующим Прокопьевского гороно, а через два года – заведующим облоно. В 1967-м заслуженного учителя школы РСФСР Усанова перевели в Минпрос СССР, где он был назначен членом коллегии, начальником планово-финансового управления, созданного впервые при Министерстве. Он сосредоточился на разработке оптимальных планово-экономических нормативов для системы просвещения. Более 20 лет являлся членом редколлегии журнала «Народное образование».

В МСШ № 1 в 1949-м начал работать учитель истории Михаил Георгиевич Елькин. Незаурядный эрудит и прекрасный методист, Елькин в 1953-м организовал школьный музей краеведения, экспонаты которого удивляли даже учителей и родителей. Через три года этот музей переехал во Дворец пионеров, а со временем вырос в городской краеведческий му-

зей. Усилиями педагога А. В. Екимова музей этой школы и сейчас остаётся одним из лучших в городе.

В числе выпускников 1940–1950-х годов были люди, ставшие известными в стране, например: Михаил Бугаев – замминистра гражданской авиации; Валентин Месяц – министр сельского хозяйства СССР; Алексей Конторович – лауреат премии «Глобальная энергия», учёный с мировым именем.

Конторович и Матвеев окончили десятилетку в 1951 году, урожайном на медали. Золотые медалисты – А. Э. Конторович и В. И. Кузнецов, серебряные – А. А. Лебедев, Е. В. Марчук, Г. С. Пушкарь и В. И. Хлопотов. Владимир, родители которого к тому времени получили вторую группу инвалидности, имел отличные оценки только по литературе, немецкому языку и естествознанию.

На следующий год МСШ № 1 окончил будущий космонавт дважды Герой Советского Союза Борис Волынов. Занятно, что в комсомол Волынова рекомендовал Конторович. Спустя годы Волынов сказал: «Алексей на год меня старше и, конечно, был примером для подражания».

На дату получения аттестата зрелости Владимир Матвеев жил неподалёку – в 9-й квартире дома № 12 на Горной улице. Семья состояла из четырёх человек. Старший брат Пётр, 1924 года рождения, работал слесарем на механическом заводе (в десяти минутах ходьбы), а инвалиды-родители получали пенсию.

Летом 1951-го Владимир поступает в Сталинский государственный учительский институт (ныне Новокузнецкий филиал-институт КемГУ). Первую педагогическую практику он провёл в школе № 25 с оценкой «хорошо», а так как родители жили в Прокопьевске, то практику Владимир Матвеев проходил, по-видимому, в посёлке шахты «Красногорская». Вторая педпрактика – в школе № 11, тоже на «хорошо». Пионерскую практику он с 7 июня по 2 июля 1954-го проходил вожатым в Ашмаринском пионерлагере города Осинники; из характеристики: «Мальчики его отряда были чистые, дисциплинированные. <…> К детям он относился чутко».

Домашний адрес в учётной карточке студента уже другой, в частном секторе: Прокопьевск, Ясная Поляна, Ленинградская улица, 64.

Первой его газетной публикацией в Сталинске стала басня «Куриная слепота», напечатанная в 1953 году в газете «Сталинское знамя». А однажды на лекции Владимир сочинил экспромт, высмеяв лектора:

Он «так сказать»
на «так сказать»
скороговоркой множит.
Он, так сказать,
без «так сказать»
двух слов связать
не может.

Эпиграмма дошла до декана!..

В июне 1956-го Матвеев сдаёт госэкзамены. Первый – русский язык, за него Владимир получил «удовлетворительно». Случайно ли? Ведь абитуриент Матвеев обнаружил отличное знание языка на устном вступительном экзамене (и хорошее – на письменном). Возможно, некоторые экзаменаторы затаили обиду. Остальные три госа (русская литература, основы марксизма-ленинизма, педагогика и методика) сданы на «хорошо». А всего в вузе Матвеев сдал 72 предмета: из них четыре – на «отлично», 24 – на «хорошо», девять – посредственно, остальное – зачёты.

Лыко в строку. Известному советскому поэту Василию Фёдорову, чьё имя носит Кемеровская областная библиотека, вообще отказали в дипломе: «Правда, вскоре без моей просьбы поставили мне тройку за творчество и диплом выдали, не столь торжественно, как другим, но выдали». Фёдоров, кстати, окончил очное отделение Литературного института.

Два обязательных года Владимир Матвеев учительствует, затем работает в главных газетах Кемеровской области: «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». Теперь он не педагог, а журналист.

К сожалению, в Тверском областном центре детского и семейного чтения имени Пушкина не нашлось ни одной книги В. Ф. Матвеева. Зато в Тверской областной библиотеке имени Горького в фонде книг-малюток – целых три матвеевских раритета: «Озорная перемена», «Секрет летающих тарелок», «Весёлая минутка».

Звезда Владимира Матвеева вот-вот разгорится на карте литературного краеведения Тверской области. Лично мне будет вдвойне приятно, потому что Владимир Фёдорович – и старший коллега по газетному ремеслу, и дважды земляк.

г. Прокопьевск

В ПОИСКАХ ВЫСШЕЙ ИСТИНЫ

Тамара Ильинична Рубцова (урождённая Старосветова) родилась 11 января 1954 года (по документам – 15 июня) в посёлке ссыльных переселенцев Смежном Ижморского района Кемеровской области. Её отец, Илья Андреевич Старосветов, фронтовик, танкист, воевал в Румынии, Венгрии, был ранен и контужен. Мужественный человек, сумел выйти из окружения, демобилизованный, он отказался за кем-то следить, доносить и за это был арестован и отправлен на шесть лет в Сиблаг, рядом с посёлком Смежным. Мама Таисия Ивановна Старосветова работала телефонисткой, телеграфисткой. Возможно, что их дочь Тамара родилась в бараке Сиблага, ведь жена поехала в ссылку вслед за мужем. С 1957 года Тамара с родителями и двумя сёстрами Галей и Верой жила в городе Юрге Кемеровской области. Автор пяти поэтических книг, десятков рассказов. Член Союза писателей с 2000 года.

Первый стих Тамары, написанный в восемь лет, про то, что «нет войны, кругом всё тихо, // В ручейке шумит вода. // Воробей и воробьиха // Копошатся у пруда» получил бесспорное папино одобрение. Отец любил поэзию, читал наизусть много стихов Есенина, Лермонтова, Пушкина: «Мы читали стихи каждый день, таким образом, поэзия становилась неотъемлемой частью нашей жизни». Первая публикация 12-летней ученицы средней школы № 1 Тамары Старосветовой появилась в юргинской городской газете «Свет Ильича» в 1966 году, а в 1974 году второй номер журнала «Огни Кузбасса» представил кузбасским читателям стихотворение двадцатилетней поэтессы «А я сама к тебе пришла...». После окончания 10-го класса поступила на заочное отделение филологического факультета Кемеровского государственного университета, который окончила в 1978 году.

В 1970-е годы Тамара Рубцова вместе с Евгением Винокуровым, Петром Бугаевым и другими участвовала в работе литературного объединения «Зелёная лампа». Молодые юргинские поэты слушали стихи М. Цветаевой, О. Мандельштама, Г. Иванова. Со своими стихами они выступали на вечерах поэзии в школах, редакции газеты, Доме культуры «Победа». В 1980-е годы Тамара была участником областной литературной студии «Притомье». Работала библиотекарем в школе № 1, районной библиотеке, художником на заводе, корреспондентом газеты «Призыв», педагогом и воспитателем в детском доме № 11 г. Юрги.

Главным для Тамары всегда были дети, и не только свои, но и ставшие своими дети-сироты. Она стала настоящей матерью и учителем для десятков юных сердец. Семья Георгия Николаевича и Тамары Ильиничны Рубцовых, вырастив сына Костю и дочь Таню, удочерила девочку из детского дома Катю Франк. С 1987 года Тамара Рубцова основала и двадцать лет руководила литературной студией «Свеча» в Юрге. При детской студии издавались сборники детской поэзии («Семиветрие», «Пожалей всех птиц влюблённых») и газета «Ниоткуда с любовью».

В первом номере журнала «Семья и школа» за 2005 год были опубликованы 12 рассказов-миниатюр Тамары Рубцовой из жизни сирот детского дома. Записки воспитателя детского дома Т. И. Рубцовой прочла и высоко оценила Людмила Петрушевская. В декабре 2005 года она прислала автору письмо-телеграмму и две тысячи рублей на издание газеты. Воспитанницы студии «Свеча» Н. Полянченкова и Н. Сенн стали членами Союза писателей России.

В 2002 году Тамара Рубцова окончила Кемеровский филиал Московского Православного Свято-Тихоновского богословского института, получила диплом бакалавра православной педагогики. Педагог-воспитатель и литературный наставник Т. И. Рубцова вместе с воспитанниками посетила многие христианские святыни России и литературные места Сибири: литературно-мемориальные музеи В. Д. Фёдорова (д. Марьевка Кемеровской области), В. М. Шукшина (с. Сростки Алтайского края). С детьми объездила не только Сибирь, в 2005 году они побывали даже в Швеции, Финляндии, выиграв всероссийский конкурс.

Тамара Ильинична Рубцова учила воспитанников чувствовать, как дышат звёзды, как плачет дерево, учила видеть мир сердцем: «Умей в молчанье мир услышать, // Лови прекрасное мгновенье». Давала мудрые советы: «Каждый приходит на землю не зря, // Живите, других теплотою даря». Поэт Тамара Рубцова так сформулировала свою концепцию педагогического воспитания детей в «педагогической поэме» «Аз есмь и я люблю» (2001):

Всех любить, как нам Христос
Вдохновенно завещал,
И прощать, как Он прощал.

Стихи стали главным делом её жизни. Написала их Тамара Рубцова не так уж и много, но в каждом чувствуется и мощь русского слова, и боль за утраченные традиции, и удивительно искренний диалог

с Богом. Автор пяти прижизненных книг: «Я знаю, что так не бывает» (Кемерово, 1990), «Плащаница» (Юрга, 1993), «Планета снов» (Кемерово, 1994), «Не бывает последней строки» (Юрга, 2004), «В золотой колыбели у Бога» (Кемерово, 2008). Стихи Т. И. Рубцовой публиковались в журналах «Смена», «Москва», «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс», коллективных сборниках кузбасских поэтов «Дороже серебра и злата», «На Родине моей повыпали снега», «Площадь Пушкина», «Мы – Притомье», «Собор стихов», «Русская сибирская поэзия. Антология XX век» и др.

Важнейшая тема творчества Тамары Рубцовой – духовно-нравственное воспитание детей. В стихотворении «Привокзалье» (1989) воспеты бабушки, кузбасские Арины Родионовны, которые «уму и добру // Учили без выбора всю детвору». Юргинские нравы 1970-х годов опоэтизированы в стихотворении «На окраине Юрги...» (1974). Сколько тёплых, благодарных слов у Рубцовой о своих родных! О бабушке Татьяне, что читать научила, о бабе Кате, что от сглаза лечила. От них – умение находить лечебные травы. «Научи меня молиться, чтоб, уйдя от суеты, // Я могла с природой слиться, как умела это ты». Вот откуда это стремление к познанию Бога. От родных корней, от православных бабушек. Поэтика Тамары Рубцовой отличается высокой духовностью, исповедальностью, искренностью. Ей трудно подражать, она очень индивидуальна и поистине «велению Божию» послушна, даже в тех стихах, где говорит о себе, своих родных, о войне и любви.

Высокий нравственный посыл звучит в стихотворениях Рубцовой советского времени («Накормлю щенка ничейного...») и духовных стихах рубежа XX–XXI веков: «Молясь утрами обо всех скорбящих...», «Вся Россия – как Спас на крови...», «Никто из нас не одинок...», «С любовью смотрит Бог на мироздание...» и др.

Брошюра «Плащаница», изданная в 1993 году на деньги автора, на дешёвенькой бумаге, – книжка необычная. Это стихопроза – рассказ о пути поэта к Богу. Стихи её – как молитва о России, о судьбе её народа, о детях-сиротах.

Особая тема в лирике Рубцовой – сострадание детям, попавшим в детский дом: «Сиротство» (1993), «В детском доме», «Бесприютно и бездонно...» (2000). Боль за современную Россию и надежда на выбор духовного пути народом звучит в стихотворении «Среди жаргона молодёжного...». Тамара Рубцова осмысливает страницы нашей истории: Чечня, Афганистан, сталинский ГУЛАГ. В её строчках – отрицание войны, милосердие к искалеченным и уважение к их подвигу. В стихотворении «Очередь» – равнодушие, эгоизм толпы к инвалиду афганской войны. А какие сильные строки созданы ею о Чечне:

Я знаю: это Божья воля,
Но нету сил не корчиться от боли
И знать, что слово горькое «Чечня»
И днём, и ночью целится в меня!

По воспоминаниям учительницы А. Н. Томышевой, Тамара Рубцова рассказала детям-сиротам о том, что трое юргинцев пропали без вести в чеченских горах... И дети согласились помолиться за них вместе со своей наставницей. Детская молитва совершила чудо: спасла солдат. Их, раненых, на другой день нашли в горах.

Поколение 30–50-х годов XX века поэт Тамара Рубцова назвала «поколением Каинов», тогда дети отказывались от своих отцов, тогда брат предавал брата, опасаясь статьи за недоносительство... Поэтесса, обращаясь ко Господу, просит спасти душу России, принять покаяние: «Я – дочь того, кто Каином был отдан на мучение». И хоть «заросла травой постель без вины расстрелянных», Тамара Рубцова просит Господа простить обидчиков её отца. В её строках слышен плач России соловецкой.

«Я обрела себя в страданьях», – рассказывает Рубцова о себе.

Земные люди ведают едва
О том, что небо светлое – живое,
И все произнесённые слова,
Как тьма и свет, летят над головою...

Почётный педагог общего образования РФ, заслуженный учитель России Т. И. Рубцова за большую общественную работу была награждена медалью «За веру и добро».

3 августа 2009 года Т. Рубцова приняла монашеский постриг, будучи наречённой матушкой Марией. Люди, близко знавшие Тамару, при жизни называли её праведником и ангелом. Из воспоминаний А. Н. Томышевой: «Пришли поздравить её с принятием пострига... Перед нами сидела монахиня с огромными сияющими глазами и смотрела на нас так, как смотрят младенцы – чисто и немного растерянно. Это было рождением монахини Марии, итог её долгих размышлений и поисков высшей Истины».

Скончалась 10 сентября 2009 года. Похоронена на Старом кладбище Юрги. Посмертно Тамаре Рубцовой присвоено звание «Почётный гражданин города Юрги» (2011). 16 мая 2012 года библиотеке семейного чтения в Юрге присвоено имя Т. И. Рубцовой, открыта мемориальная доска на доме поэта.

Хранитель и продолжатель классических традиций в литературе, Тамара Ильинична Рубцова трепетно и бережно относилась к Слову. Не считала для себя возможным унизить и оскорбить человека. Умела не ответить обидой на обиду, прощать. Оста-

лись её книги – мощные и самобытные, искренние и честные.

В 2009 году она написала текст гимна «Православный Кузбасс» (музыка Константина Туева). Это молитва Тамары Рубцовой о родном крае:

К Тебе летят прошенья наши, Боже.
Руки Твоей от нас не убирай,
Любовь, и мир, и здравие умножи,
Духовно окорми Кузнецкий край.

В 2001 году администрация Юрги и газета информационно-методического центра «Педсовет» объявили конкурс педагогических концепций учителей, педагогов дошкольных учреждений и учреждений дополнительного образования. Цель конкурса – «собрать свежие идеи нового поколения педагогов». В конкурсе приняла участие Тамара Ильинична Рубцова, педагог детского дома-школы № 11. Свою педагогическую концепцию и воспитательные советы учитель и поэт, член Союза писателей России, руководитель городской литературной студии «Свеча» представила в стихотворном виде. В своих поэтических книгах конкурсное произведение, своеобразную «педагогическую поэму», Тамара Рубцова не публиковала.

Тамара РУБЦОВА

АЗ ЕСМЬ И Я ЛЮБЛЮ

Педагогическая поэма

Слишком много на свете людей,
которым никто не помог
пробудиться.
Антуан де Сент-Экзюпери

Для концепции любой
Важно всем на свете
Знать, что
главное – любовь
И к большим, и к детям.
А потом – как благодать,
Словно дар от Бога,
И желание отдать
Знанье понемногу.
Чтобы другом
детям стать,
В творчество включиться,
Надо с каждым
возрастать,
Заново учиться.
Цель концепции моей –
Добрых вырастить детей.
А свершиться это может,
Коль Закон
усвоен Божий.
А потом –
сложней вопрос:
Всех любить,
как нам Христос
Вдохновенно завещал,
И прощать,
как Он прощал.
А ещё мне хочется,
Чтобы через творчество
Шло саморазвитие,
Личности открытие.

Мы учились, время шло.
И однажды
между строчек
Мы увидели росточек –
Это дерево взошло.
Чтоб оно скорей росло,
Плод хороший принесло,
Стали корни укреплять,
Опыт жизни прибавлять.
Корень горек –
сладок плод.
Сила из корней идёт.
Первый корень –
основной:
НАДО ЗНАТЬ
СВОЙ КРАЙ
РОДНОЙ
И его питаться соком.
Знать истории истоки,
Географии, культуры
И родной литературы.
И обычаи хранить,
как связующую нить.
Ведь в историю страны
Наши судьбы вплетены.
Этой ниточкой незримой,
Средь других
неповторимой,
Укреплялся той порой
Быстро корень
наш второй,
Разветвляясь
год от года –
КОРЕНЬ БЛИЗОСТИ
С ПРИРОДОЙ.
Чтобы травы различать
И Кузбасс свой изучать,
Вопреки любой погоде,
Мы с детьми
идём в походы.

А потом все впечатления
Мы вместим
в стихотворения,
Сказки, песни
и рассказы –
Отдаём в газету сразу.
Зная: каждый,
кто прочтёт,
В нашу студию придёт.
Нам свои не жалко ноги.
Лес студийцам
как родной.
Только слово «экология»
Пострашней,
чем волк лесной.
С плеч снимая рюкзаки,
Шли мы
чистить родники.
Мусор всякий жгли у речки –
След «культуры»
человечьей.
Банки, мусор и бутыли
Мы ловили из Томи:
Люди, видно, позабыли:
Эту воду пьём и мы…
Третий корень – это асы,
Литераторы Кузбасса.
Мы их книги изучаем,
мастерство перенимаем,
Восхищаемся стихами,
От восторга пишем сами.
От большой литературы
Корешок есть боковой,
Ответвление культуры:
ЭТО ДЕТСКИЙ
ГОЛОС, СВОЙ.
Объяснить хочу я здесь
Выражение «Аз есмь».
«Я есть» –
и всё исследуй сам,
Иди, куда душа зовёт.
Ведь мира дивная краса
Тебя, единственного, ждёт.
Когда увидишь
луг лиловый,
А все – «оранжевый» –
твердят,
Не повторяй
чужое слово,
Ищи свой
личный звукоряд.
Умей в молчанье
мир услышать –
Получишь многое взамен.
Услышишь –
ночью звёзды дышат
И плачет дерево у стен.

Замри на этой
полуфразе,
И листья ярко
вспыхнут в вазе,
И ветер книгой шелестит,
Ребёнок яблоком хрустит.
Лови прекрасное мгновенье,
Учись Христа
на помощь звать
И знай, что
только вдохновенье
Нам помогает создавать,
Увидеть сердцем
мир незримый,
В его просторах утонуть
И этот миг неповторимый
Пытаться строчками
вернуть.
Из букв и
строчек купола,
Хрустальный мир
воображенья,
Крыла незримого
скольженье –
И мысль
звучанье обрела…
Клубы нас зовут
на сцену,
Чтоб могли
мы постепенно
Отдавать свои таланты
Как поэты, музыканты,
Понимая, для страны
Потрудиться мы должны.
Ствол вмещает
очень много:
Здесь и личность
педагога,
И родителей участье,
И ещё –
большое счастье
Всех юргинцев пониманье,
Помощь добрая, вниманье.
От ствола
отходят ветви –
Это наша радость, дети.
Где-то вдруг
из детских строк
Первый выбился росток.
И под солнцем
этот крошка
Развернул свою ладошку,
Чтоб открыться
перед вами
Первых детских строк
словами.

Вот и жёлтых яблок ряд –
Значит, есть лауреат,
А порой – стипендиат
Фонда юных дарований.
Обратите-ка вниманье,
Приглядитесь: там и тут
Красны яблоки растут.
Это – лучшие из нас,
Те, кого уже Кузбасс
По газетным строчкам
знает
И в ТВ они мелькают.
Я забыла
про цветочки –
Это те ребячьи строчки,
Что в газете появились,
Чтобы люди удивились
И сказали бы на это:
«Да... Растут в
Юрге поэты!..».
В землю семя упадёт,
Личность новая взрастёт,
Вдохновением горя,
Гений свой стране даря.
Год от года крепнут узы
С поэтическою музой.
И сотрудничество это
Новый плод
даёт в газетах.
Объяснить словами
хочется,
Чтоб могли вы уловить,
Как взрастало
древо творчества
На планете из Любви.
На планете – место всем,
И для всех
других систем
Микрокосм «Свечи»
открыт,
Он любого приютит.
Средь обычаев иных
Есть и этот,
самый важный –
Всех встречаем как родных.
Это стало нормой нашей.
Космос студии открытой
Ждёт вас
с радостным волненьем:
Может,
буднями сокрытый,
В вас проснётся
добрый гений...
Мысль всем известную
мы повторим:
Каждый ребёнок
неповторим.

Каждый приходит
на землю не зря.
Мы можем помочь им,
любовью даря,
Чтоб дети раскрылись,
как утром цветы,
И все улыбались
от их красоты,
Чтоб эхом звучало
над жизнью-рекой:
«Ты добрый какой!
Ты способный какой!»
Тише! Прислушайтесь –
Муза летает...
Миг – и ребёнок
стих прочитает.
Светлой энергии
творческий шар –
Только бы кто-нибудь
не помешал.
Чтобы из детских
услышался строк
Шорох планет и
травы шепоток...
Каждый приходит
на землю не зря:
Живите, других
добротою даря.
Сквозь первый
свой лепет,
Как чистый исток,
Пусть каждый лелеет
чудесный цветок.
Ребёнок идёт
В путь счастливый и трудный.
И верю: придёт он
к гармонии чудной...
И будет дерево расти,
И укрепляться быстро,
И будет
к солнышку нести
Десятки новых листьев.
Это, верьте, не слова,
И концепция жива,
И любовь к родному краю
В ней звенит, не умирая,
В детских песнях
и рассказах,
В каждой строчке,
в каждой фразе.
И поёт душа живая,
Бога в помощь призывая.

Декабрь, 2001 год

Предисловие и публикацию поэмы подготовила **Галина КАРПОВА**, кандидат филологических наук, *г. Кемерово*

ДВЕ ВСТРЕЧИ

С Тамарой Рубцовой-Старосветовой были знакомы продолжительное время, а встречались крайне редко, о чём я жалею, потому что была она и умницей, и открытым добрым человеком – из тех, кому люди могут безоглядно довериться.

Всё-таки её приход к вере Божией поначалу меня удивил. «Не дань ли моде?» – подумалось.

Когда же однажды, спустившись со второго, «редакционного» этажа на первый, где была типография, увидел только что свежеоттиснутые экземпляры её «Плащаницы», понял, что это серьёзно.

Я атеист по воспитанию. Но иногда со мной происходят события, которым трудно дать объяснения. Словно кто-то меня ведёт... или направляет... или подсказывает...

Так, запомнились две необычные встречи с Тамарой. Одна, как мне помнится, летом, за считанные дни до её ухода в мир иной. Произошло это на улице Кирова, рядом с нашим домом. Она шла с незнакомым мне мужчиной, вероятно, мужем, и я не сразу узнал её. Это была тень той, бывшей ещё год назад на встрече с читателями в центральной городской библиотеке, Тамары!.. В длинном до пят чёрном балахоне (как я узнал позже, одежде монахини) и, как всегда, с приветливой улыбкой. Несколько минут постояли, поговорили. Не о болезни, хотя я знал, кажется, от коллеги по местной газете Тани Баженовой, что Тамара тяжело больна.

Я вспомнил, что недавно Тамару назвали победителем областного конкурса на лучший текст духовного гимна Кузбасса и поздравил её. Пожелал ей добра и – хоть я и атеист – участия Господа в её судьбе. Она извинилась, что её ждут, и мы расстались. Это была моя последняя встреча с живой Тамарой Рубцовой-Старосветовой в миру и монахиней Марией в постриге.

Вторая, словно продолжение той, первой, встреча с ней произошла ровно через год после её ухода из жизни: 10 сентября 2010 года.

Вдруг позвонила приятельница нашей семьи Таисия Александровна Нефёдова и сообщила, что, разбирая бумаги, наткнулась на газету «Юрга» (бывшая машзаводская), где моя фотография. Этот номер газеты я не видел и попросил её принести. Принесла в тот же вечер. Оказалось: номер газеты за 28 мая 2008 года, в котором целую полосу занимают воспоминания Тамары о семье юргинских поэтов, тоже уже ушедших из жизни, Натальи и Евгении Винокуровых, с которыми я был, конечно, знаком. Полосу иллюстрируют три фотографии, на одной из которых наша приятельница и увидела меня. Эта ещё одна встреча, уже с душой Тамары, была словно встречей-знамением. Тамара – уже оттуда, с небес – захотела помочь мне восполнить своевременно неосуществлённое: вспомнить то, что мы знали оба, и узнать то, чего я ещё не знал...

Виктор ЧУРИЛОВ,
г. Юрга

Вера САНДАКОВА,
МБУ ДО «Дом детского творчества»,
г. Салаир

УШЕДШИМ ПОЭТАМ

Вы – рождённые муками творчества
И простыми словами убитые –
Так хранили своё одиночество,
Что рискнули остаться забытыми.

Только вы даже мёртвыми выжили,
Оказались сильнее забвения.
Это ваши истории выжжены
На страницах ушедшего времени.

Окрылённые мысли, желания,
Заточённые вашими пальцами
Между строк в одиноких посланиях
И бесчисленных им вариациях.

Непокорные, сильные, смелые,
Они стали частицами вечного,
Отпечатались чёрным по белому
И в умах, и в сердцах человеческих.

* * *

А может, встретимся в конце календаря?
Сожжём дотла его последние страницы.
Попробуем на вкус остаток декабря
С морозной свежестью и пряностью корицы.

А может, встретимся в один из зимних дней?
Я так скучаю по теплу твоих объятий,
По цвету глаз твоих оттенка карамель.
Мне до предела никогда тебя не хватит.

А может, встретимся в последний день зимы?
Я буду ждать тебя, как судно ждёт причала.
И если к берегу вернутся корабли,
Пусть это будет наше новое начало.

* * *

Отпусти и скажи, что прощаешь,
Не ищи во мне образ врага.
Ты найдёшь ещё тех, с кем растаешь.
Мы должны быть прощёнными, знаешь,
Чтоб свободно уйти навсегда.

Мария ДОРОХОВА,
детское объединение «Рудничок»
Дома детского творчества,
г. Кемерово, 14 лет

АЛИСА

Алиса поправляет волосы, джинсы и майку, закидывает за спину рюкзак и выходит из тесной квартиры. В ней не хватает места для солнца, как сердцу Алисы не хватает места в груди. У Алисы в рюкзаке – маленький уютный мирок. При ходьбе в маленьком уютном мирке звенят монетки, бьются о тканевые стены и друг о друга. Звон в рюкзаке – как колокольчики у коров или барашков, но Алиса не корова или барашек. Алиса – девочка со своим мирком за спиной, и поэтому ей ничего не страшно. У Алисы в рюкзаке какая-то книга с автобусным билетом вместо закладки. Нормальные закладки Алиса теряет, а билетики не жалко. Только если они не были счастливыми, в противном случае – это повод расстроиться. Но такое случается редко – и счастливые билетики, и их пропажа. Алиса ответственно относится к таким вещам. Как и к книгам. Иногда книга касается монеток, и тогда получается такой странный глухой звук. Музыка маленького уютного мирка за спиной. Алиса любит эту музыку. Внутри рюкзака спутанные наушники, они легко поддаются чуть мозолистым от клавиатуры пальцам, расступаются и покорно выполняют свою роль. Музыка – неотъемлемая часть жизни Алисы. Алиса живёт в своём особенном мире. Она ходит по городу, потягивая газировку, которая не даёт ей засыпать в автобусе. Слушая музыку, Алиса что-то изучает в глубине своего сознания. Никто не знает, что именно, даже сама Алиса не в курсе, но ей всё равно. Она покупает дешёвые батончики со вкусом кофе вместо самого кофе, и ей это нравится. Вместо сердца в груди – солнце. Вместо рюкзака – особенный маленький уютный мир для одной лишь Алисы. Она счастлива.

НЕПОХОЖАЯ НА ВСЕХ. АННА ДРОНОВА

Аню Дронову судьба одарила необыкновенным поэтическим даром, но отобрала самое ценное – здоровье. С раннего детства ей поставили страшный диагноз – спинальная амиотрофия, генетическое заболевание, которое навсегда приковало её к инвалидному креслу. Но Аня обладала стальной силой воли, которая ей помогала не только жить с тяжёлым недугом, но и хорошо учиться и самое главное – писать стихи.

Родилась Аня 17 октября 1983 года в городе Кемерове. Уже в начальной школе ей пришлось перейти на домашнее обучение. Учителя приходили к ней домой заниматься по школьным предметам, и все отмечали её неординарные способности. Любимым предметом у Ани была литература. Её друзьями стали книги. Она обожала поэзию, особенно любила стихи М. Цветаевой, А. Ахматовой, В. Маяковского. Увлекалась философией. Даже кота назвала в честь своего любимого философа – Сократ.

С раннего детства начала писать стихи. В 12 лет написала философское стихотворение:

Все люди в этом непонятном мире
На грустном жизненном своём пути
В душе – беспрекословные Шекспиры,
Но как легко от этого уйти...

У Ани было много разных увлечений, она с удовольствием занималась макраме. Некоторые вещи в доме были сделаны её руками. Увлекалась музыкой, слушала диски любимых композиторов и певцов. Любила живопись. Особенно ей были близки импрессионисты.

В 2001 году Анна с отличием окончила школу, после чего училась на филологическом факультете университета. Но из-за резкого ухудшения здоровья продолжить учёбу не смогла.

Несмотря на то что болезнь прогрессировала (она уже не могла передвигаться даже на коляске), Анна не погружалась в отчаяние, а продолжала работать за компьютером, используя пальцы одной руки и виртуальную клавиатуру, выплёскивая в строчках стихов свой богатый внутренний мир.

Между ложью и чистой речью –
простирается бессердечье.
Между сердцем и между Богом –
проникает одна дорога.

Большую поддержку ей оказывали родители. Мама Анны всю свою жизнь посвятила дочери, ушла с работы, как только узнала её диагноз. Любовь Фёдоровна сделала всё, чтобы помочь ей найти своё призвание и реализоваться в творчестве. А отец трудился, обеспечивая семью.

Аня никогда не афишировала, что не может передвигаться, поэтому её постоянно приглашали на творческие мероприятия: поучаствовать в составе жюри на поэтическом конкурсе или приехать за наградами различных литературных премий. И только тогда узнавали о её болезни. Все поражались стихам Анны, в которых несмотря на замкнутость пространства, в котором находилась поэтесса, всегда присутствовали оптимизм, жизненная стойкость, ранняя мудрость и любовь.

Снова разбудит душа
Силу добра и любви,
Что затаилась внутри
И замерла, чуть дыша.

Произведения Анны Дроновой печатались в журналах: «Огни Кузбасса», «После 12»; в газетах: «Кузбасс», «Кузнецкий край», «С тобой», «Томь» и др.

Её стихи вошли в сборники: «Площадь Пушкина», «И меня переполняет нежность. 500 песен о любви», Собор стихов», «Русская сибирская поэзия. Антология. XX век» и др.

Она – автор сборников стихов: «Снова разбудит душа…», «Одна на свете», «Шкатулка», «Стихорастворения», «Огонь внутри огня», «Печать памяти», «Избранное».

В 2001 году Анна написала стихи для книги о малолетних узниках фашизма «Колыбельная песня Аннушки».

Осталось наше прошлое –
Надолго ли? – в гостях.
У смерти, в позаброшенных
Немецких лагерях.

На стихи Анны Дроновой написаны песни: «Ох, судьба ты моя судьба…», «В этой жизни непросто жить…», «Что мне знакомства и взгляды…», «Не тратить свои…» и др.

В 16 лет Анна Дронова была принята в Союз писателей Кузбасса, а в 19 лет – в Союз писателей России.

Поэтический талант Анны Дроновой отмечен многочисленными наградами. Она – лауреат конкурса «Свой голос» (1997); Гран-при конкурса «Свой голос» (2000); получила первое место в научно-практической конференции «Наука – Школа – Интеллект» (1999); лауреат сочинского Всероссийского форума «Россия. Пушкин. Новый век» (1999); лауреат конкурса «Преодоление» в номинации «За гранью возможного» (2004); победитель конкурса «Кемеровчанка года» (2004); лауреат конкурса-фестиваля «Сочи – Мост – 2004» и «Сочи – Мост – 2005». Награждена медалью «За веру и добро» и другими наградами.

По книгам Анны Дроновой видно, как проходило её развитие. Ее стихи рассказывают о взрослении души, науке преодоления, которую можно постигнуть только через тяжкие испытания.

На жизнь оглянуться без ропота,
Всё вынести, всё претерпеть,
Отринуть страдание шёпотом
И кличем его же воспеть.

Сама Аня так описала один из своих сборников «Стихорастворения»: «На удивление быстро был написан и на удивление скоро издан этот сборник. Незадолго до этого меня осматривала медицинская комиссия, и врачи обещали мне ещё пару лет жизни, так что я торопилась что-то договорить. Ощущение близкого конца и вынужденная спешка сделали этот сборник до странности светлым, чуть ли не самым лёгким и лиричным из моих сборников. Такое бывает только в молодости, когда ты знаешь, что скоро всё закончится (на самом деле ты ошибаешься, но этого ещё не знаешь), и тебе так легко на сердце».

С полувзгляда, с полуслова –
моментально обернуться.
Быть заведомо готовой –
на любое безрассудство.

В 2004 году Кемеровская областная юношеская библиотека совместно с муниципальными библиотеками городов и районов Кемеровской области и Союзом писателей Кузбасса провели областной литературный благотворительный марафон «Я брошу вызов своей судьбе…», посвящённый судьбе и творчеству поэтессы Анны Дроновой. В рамках марафона в городах Кузбасса прошли литературные вечера чтений и презентаций книг Анны Дроновой. Стойкость и мужество этой хрупкой девушки-поэта покорили многие сердца, люди проявили участие к её судьбе. Благодаря этому проекту ей была оказана моральная и финансовая поддержка, которая позволила издавать книги.

Ты родился жить. Это твой завет.
В этих трёх словах – ключевой ответ.
Ты родился жить – а не жизнь влачить.
И дары принять – и другим вручить.

С Аней всем было интересно общаться, а каково ей было жить, не знал никто. Сама же Анна каждый свой день проживала как целую жизнь, потому что знала, что неизлечимо больна и её жизнь может в любой миг оборваться. Она часто испытывала сильную боль, а может, это боль испытывала её. Но Аня стойко переносила свои невзгоды, не жаловалась на несправедливость судьбы, только иногда её боль выплескивалась строчками стихов.

Увы, мольбам безгласным не внимая,
Рок шлёт ему страдания опять.
В воронке бед жестоких утопая,
Страдалец хочет устремиться вспять.

Анна Дронова подарила миру чистые родниковые строки своих стихов, которые заставляют задуматься: «А так ли мы живём? Не растрачиваем ли жизнь по пустякам?». Её судьба – это постоянное преодоление себя, сотворение себя и движение вперёд. Всем своим читателям она желала, несмотря на любые трудности, всегда оставаться сильными, жить полноценной жизнью и бросать вызов судьбе, как это делала она:

Я брошу вызов своей судьбе,
Я брошу вызов самой себе,
Я брошу вызов в глаза лучу,
Я брошу вызов – Я так хочу!..

Анна Дронова ушла из жизни 4 июля 2017 года. Ей было 33 года.

Аня мечтала о собственном сайте и её мечта сбылась. Любой желающий может познакомиться с творчеством Анны Дроновой в Интернете: http://dronova.kembibl.ru/?p=2.

Екатерина ТЮШИНА, *г. Кемерово*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

16–23 июня в Иркутской области прошёл Международный фестиваль поэзии на Байкале имени Анатолия Кобенкова. Встречи с писателями состоялись в библиотеках и на открытых площадках Иркутска и Ангарска, литературном музее имени Анатолия Кобенкова, а также на турбазе на берегу Байкала. Гостями мероприятия стали поэты из Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Казани, Кемерово. Кузбасс на фестивале представляли поэты Д. и Н. Мурзины.

18 июня поэтический десант «Кузбасского центра искусств» побывал на разрезе «Кедровский» в Прокопьевском районе. Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Людмила Чидилян и Виктор Киселёв, совершив экскурсию на смотровую площадку, встретились с ребятами из соседних сёл и деревень. Прочли свои стихи и выслушали юных поэтов, подарив каждому на память юбилейный номер журнала «Огни Кузбасса».

24–27 июня в Кузбасском центре искусств прошла школа писательского мастерства молодых писателей Сибирского федерального округа России. Это совместный проект фонда ФСЭИП и журнала «Наш современник». Школа включает в себя два мастер-класса: по прозе – ведущий Александр Казинцев, по поэзии – ведущий Сергей Куняев. В рамках школы прошли творческие встречи с ведущими и главным редактором журнала «Огни Кузбасса». На занятия школы приехали авторы из Хакасии, Алтая, Новосибирской, Омской, Иркутской, Кемеровской областей. Кузбасс представляли М. Берестова, М. Калинин, А. Карелина, А. Рыжова, В. Сагдиева, М. Фёдорова. Путёвку на всероссийскую школу в Ульяновске получила А. Рыжова.

27 июня в Новокузнецке запущен электропоезд пригородного сообщения «Фёдор Достоевский». Этот поезд дал старт новому литературно-познавательному проекту, который реализовался благодаря инициативе Союза писателей Кузбасса, отделению Западно-Сибирской железной дороги и агентству по туризму Кемеровской области. В составе электропоезда шесть тематических вагонов: «Достоевский», «Достоевский – детям», «Писатели Кузбасса», «Театральный», «Музыкальный», «Писательский». Счастливого пути поезду на перроне пожелали глава департамента культуры и национальной политики М. А. Евса, идейный вдохновитель поезда, основатель проекта «Достоевский в Сибири» Э. Р. Вистерман. Сигнал к отправлению был подан М. А. Евсой в колокол на перроне. В рейсе-открытии участвовали члены Союза писателей России Б. Бурмистров, С. Донбай, А. Раевский, Т. Тудегешева, Е. Трухан, Д. Мурзин; участники литературной студии «Притомье» Ю. Дубатов, Е. Краснова, Н. Дубровская.

30 июня в музее истории крестьянского быта села Красное отмечали 15-летие литературного объединения «Проба пера». На празднике выступили гости из Кемерова – поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, В. Лаврина, руководитель народного проекта «Достоевский в Сибири» Э. Вистерман и участники литературного объединения.

На литературном празднике вниманию присутствующих были представлены книги, изданные литературным объединением «Проба пера», творческие отчёты и фотовыставки.

Особая благодарность ансамблю «Каприз» из села Подгорное за чудесное исполнение песен.

9 июля в Кузбасском центре искусств состоялась презентация книги «Железная Горная Шория» Александра Смышляева – писателя-геолога, краеведа, тележурналиста и режиссёра. Автор родился в посёлке Темиртау Горной Шории. Работал в геологических экспедициях в Сибири и на Камчатке, с 1989 года – в журналистике. В книге «Железная Горная Шория» рассказана история открытия, разведки и освоения железорудных месторождений в Таштагольском районе Кузнецкого края. Кроме обычных зрителей, на представлении присутствовали одноклассники автора, которые не видели Александра больше 40 лет.

12 июля в Кузбасском центре искусств прошло представление 3-го номера журнала «Огни Кузбасса». Свои стихи почитали молодые поэтессы Ю. Шкуратова и М. Берестова и зрелые поэты В. Гуляев и С. Донбай. Свою прозу представил автор из Киселёвска И. Назаров. О публицистике рассказали В. Чириков и В. Елатов. С приветственным словом выступила председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики Совета народных депутатов Кемеровской области Ирина Фёдорова. Вёл представление главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Сергей Донбай.

24 июля в Алтайском госуниверситете состоялась международная конференция «Алтайский фронтир: нравственность, витальность, языковой уклад», посвящённая 90-летию Василия Шукшина. С докладом «Жизнеустойчивый сибирский характер в лирике В. Фёдорова и М. Борисова, современников В. Шукшина» выступила кемеровский литературовед Галина Карпова.

25 июля Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Фёдорова в рамках Дней Шукшина в Кузбассе открылась комплексная выставка «В его душе всегда была Россия», посвящённая 90-летию со дня рождения В. М. Шукшина. В открытии выставки приняли участие председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики Совета народных депутатов Кемеровской

области Ирина Фёдорова, главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Сергей Донбай и журналист Юрий Светлаков. Вела мероприятие директор библиотеки В. Никулина.

25 июля в Кузбасском центре искусств состоялись «Шукшинские вечёрки», посвящённые 90-летию В. Шукшина. Своими воспоминаниями о поездках на Шукшинские чтения поделились Б. Бурмистров, С. Донбай, В. Арнаутов, С. Павлов. Вёл вечер С. Чупрунов.

28 июля в Кузбасском центре искусств состоялась встреча с художниками из Омска.

28 июля в Кемерово приехал журналист и писатель из Барнаула Сергей Тепляков. Он представил книгу «Василий Шукшин: «А надо любить!» (Барнаул, 2018), изданную к юбилею народного писателя.

ВЫШЛИ КНИГИ:

Тюшина Е. Венька – друг Лёшки, Лёшка – друг Веньки: приключенческая повесть. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. 143 с.

Светлаков Ю. Вот моя деревня... К 90-летию со дня рождения В. М. Шукшина. Кемерово, 2019. 100 с., 120 илл.

Светлаков Ю, Кухарев О. Сегодня мы играем так.. Кемерово, 2019. 130 с., 178 илл.

Смышляев Ю. Железная Горная Шория. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2019. 340 с., 16 илл.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

Альманах «Иркутское время» за 2019 год дал подборки кузбасских авторов **Д.** и **Н. Мурзиных**.

Журнал «Фантастическая среда» в № 12 за 2018 год напечатал две миниатюры **Н. Дубровской**.

Шукшинские чтения

Б. Бурмистров, Т. и А. Болотовы, О. Смольская

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург)
«Роман-газета. XXI век» (Москва)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru**.

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru.**

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис».

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор ***С. Л. Донбай***
№ 4. Дата выхода в свет: 24.09.2019
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 140. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.
Адрес издателя ГАУК КО «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.
Адрес типографии ООО «АИ Кузбассвузиздат»: 650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 60Б. Тел. 8 (3842) 36-36-00

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.
Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры Кемеровской области «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),
Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректура и компьютерная верстка выполнены ООО «АИ Кузбассвузиздат»
Корректор: ***Е. В. Фефелова***
Компьютерная верстка: ***П. Б. Исаков***

Возложение цветов к памятнику Ф. Достоевскому

Д. Мурзин, Б. Бурмистров, М. Цыпкайкина, С. Донбай, Ю. Дубатов

Поезду «Федор Достоевский» счастливого пути!

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37